

Эдуард Беспяткин

ПОДВАЛ

сказки
тёмной
стороны

18+

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
Б53

ISBN 978-5-90363-276-3

Беспяткин Э.В.

Подвал: сборник рассказов/Vespyatkin — 2019. 400 с. Сказки тёмной стороны.
Категория информационной продукции - 18+.

В сборник вошли самые популярные произведения короткой прозы от Эдуарда Беспяткина (Vespyatkin). Уникальный стиль изложения выделяет автора из числа мастеров современной прозы и делает его творчество неповторимым и легко узнаваемым. Сборник в целом покажет читателю забавный и нелепый путь маленького человека в большом и непредсказуемом мире капиталистического разложения.

Цветные картинки от Елены Невмывако (Smoloskyp).
Нецветные картинки от Сани Фарафонова (Opossum).
Оригинал-макет подготовлен Дмитрием Невмывако (Zbeer)

©Беспяткин Э.В. - 2019

Я несколько туг на правое ухо, поэтому посадите пожалуйста, справа от меня какого-нибудь скучного малого, в обществе которого никто не будет нуждаться. А по левую руку от меня, надеюсь, Вы посадите красавицу - я хочу сказать: наиболее красивую даму из Ваших гостей...

Вы должны быть готовы к тому, что мой костюм будет напоминать костюм Адама. Надеюсь, что приглашённые Вами гости женского пола будут одеты в таком же стиле...

Карл Маркс - Элеоноре Маркс (3 июля 1865 г. Лондон)

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ АВТОРА

Дорогой мой читатель! Я хочу предостеречь тебя на предмет прочтения текстов, которые там, ниже, поджидают незнакомца, словно потревоженные шершни.

В этих сказках перемешано всё. И грязная правда, и грубосплетённая ложь, и бестолковое веселье, и глубокомысленный депрессняк. Разной пережитой дряни полно там и ещё матерных слов всяких, крови и воскрешения, разврата и любопытства, безумия и звёздной пыли.

Кстати, о лютой брани. Так говорят мои герои и по другому они не могут. Не могут они вести себя правильно, ибо живут они в неправильное время, по неправильным дорогам ходят и чувствуют и любят неправильно.

Но есть в том и плюсы. Мои герои не лгут. Не станут они врать, даже если уже соврали. Правда всегда одна, как говорит марксист Костя Сёмин. Одна она, эта правда, и на всех её не хватит. Вот и тебе может не хватить. Потому и сказки всё это. А быльё и так за глаза нам, живущим в 21-м веке распиздяям.

Так вот что. Если кто-то из моих героев вдруг начнёт тебя, читатель, бесить или там водить за нос, то бросай эту книжку в мусоропровод, не раздумывая. Это мой тебе совет.

Тому же, кто стерпит и прочтёт всю эту тёмную сторону, тому... Я даже не знаю, что будет. Но подозреваю, что читатель не повторит ошибок, которых полно в нижеописанных историях. У меня не получилось не повторить. Но у вас сто пудов получится.

С искренней уважухой вас всех! Эдуард Беспяткин

INTRO

Мироздание - не пакет с чипсами. Это большая-пребольшая ёмкость, в которой плавают звёзды, туманности, мысли и первый закон Ньютона. Мы стремимся познать мир, но всё время покупаем неправильную водку.

Бог ли людей создал? Люди ль создали Бога? Это - самые дурацкие вопросы философии. Всё просто и доступно. Надо только не расплескать пойло, и пользоваться гранёными стаканами. Вообще пить алкогольную метафизику - это антинаучно и теоретически неверно. Но не пить - значит признать невозможность вечного двигателя. А ведь мой сосед уже 20 лет катается на «Москвиче» с таким двигателем. Так что граждане, не «заморачивайтесь» на тему жизни на Марсе. Жизни, как таковой нет и в помине. Есть только номерки в гардеробе, где висят наши души, и третий звонок, предвещающий начало первого акта...

ГРУШИ

Ну, вот пришёл я, допустим, на концерт знакомых музыкантов. Заглянул просто. Не пьяный, не трезвый, а так - любопытный что ли.

А там, в зале, люди различных размеров в одеждах чистых. На столах вино и водка, под столом бесы ждут, когда концерт начнётся. Много милых лиц вокруг и все улыбаются.

Только я любопытен. Только мне не концерта хочется, а желаю встретить какую-нибудь незнакомку, пусть даже не под вуалью. Томную такую кобылу в платье тёмно-синего цвета с поясом и колготки чтобы тёмными были.

Подойду я к ней и улыбнусь всеми зубами нараспашку. Глазами раздену до туфель и предложу вина в бокале. Ну, конечно же, было бы лучше предложить ей портвейна в баклажке, за остановкой, у драмтеатра, в час ночи. Несомненно, это лучше. И романтики в этом портвейне больше, чем в бокале с дурацким «Gallo» и в башку шибает предсказуемо.

Но, вот такие дела. И на концерте знакомых музыкантов всё как у людей теперь стало. Это ж не на «квартирнике» рядом с метро «Чеховская». Это там все через одного боги, а бабы в протёртых трусах по квартире шарятся.

Пора бы уж пристойно знакомиться с разведённой самкой в кругу опрятных и начитанных граждан. Пора бы, да не получается вроде.

Ну, вот концерт начался, а женщину я так и не увидел. То есть, женщины, конечно, были. Всякие были женщины. И в платьях, и в костюмах, и в свитерах с брошками. Но, все они курили, отставив пальцы в сторону, и губами чмокали, как бы предвкушая музыку.

А музыка была ну так себе, обычная замороченная эстрада с потугами на рок-н-ролл иль что там ещё. Гитары, барабаны и бас. Ну и на скрипке кто-то в тёмном углу извивался. Я люблю песни, которые не понимаю. Но вот те, которые понять можно, люблю не очень. Сегодня был второй вариант. Я снова оглянулся по сторонам.

Мне махали руками с разных сторон света, предлагая присесть за столик, но я точно знал, чем это закончится. А, видите ли, просыпаться под мостом, когда по нему гроыхает первый утренний трамвай называть романтикой в моём социальном статусе, простите, глупо. В итоге я встал у стойки бара и попросил водки без лимона. Сразу две стопки попросил. Выпил и заказал ещё. Потом повернулся к сцене и медленно моргнул.

Знакомый музыкант пел, надрывая душу и толкая микрофон. Слова и смыслы летели в публику густыми творческими клубами. Гармонии и ритмы качали зал, а зал качал головами и выпивал при этом. Это было красиво.

Я люблю время, когда песни ещё кажутся высокохудожественным прологом к творческому апофеозу. Ты как бы полон ожидания откровенных тайн, эмоций, нотных сюрпризов до той поры, пока слова и музыка не скукожатся до размеров бытового пиздострадания. Вот уж потом можно пить без посредников и неуклюже тыкаться в потные подмышки дам с плывущими глазами.

И всё-таки я увидел её. Да, я усмотрел как-то в тёмном проёме, возле бархатной шторы, женщину, нужную сегодня и взволновавшую сердце. Откуда она пришла, из какого вагона вышла? Почему одна и не за столиком? Ноги её стоили дорого для такого романтика как я, а глаза наоборот дешевели с каждым тактом пошлой песенки про какую-то мулатку. Приоткрытый рот и пухленькие пальчики с перстеньком. Платье чёрное, полусапожки со «змейкой» и всякие там линии экстерьера. Волосы как у Мирей Матье. Да чтоб меня! Это вот хорошо!

Но подойти я почему-то не решался. Во-первых - мне надо было пропиздячить через весь зал на глазах у знакомых музыкантов. А это согласитесь, неприятное занятие. Всем кивай, жми руки и можно просто проебать то, зачем шёл. А во-вторых, что я ей скажу, на фоне всей этой атмосферы. «Привет, я вот увидел вас и хотел...». Блядь, чего хотел, зачем хотел? Это вот вы понимаете, чего, она понимает, а я вот в дураках весь. Ну, где же та остановка и этот чёртов час ночи? Где портвейн или драмтеатр?

Я выпил ещё и тронулся в путь. Плевать на знакомых музыкантов — они поймут.

Но что творится? Она, женщина эта, тоже пошла навстречу мне, через гостей промеж столиков с вином и апельсинами. В этот момент я вспомнил, что с деньгами у меня плохо, я бы даже сказал совсем хуёво. Я ж не смогу показать даме мир в ладонях без денег, я ж не поведу её в чертоги с балдахинами и новой сантехникой за просто так. Как вообще без денег можно заниматься волшебством и презентациями? Да никак.

- Дай «птчк», Аркаша... - прошипел я знакомому режиссёру.

Схватив купюру на ходу, я прошествовал далее к мечте с волосами, как у Мирей Матье. И где-то у центра сцены мы встретились. Как в кино, как в «Унесенных ветром». Глазами встретились, телами и душами.

Знакомый музыкант поднял руки и последний аккорд рухнул с потолка, словно штукатурка. Все захлопали ладонями и закричали что-то. Цветные фонарики разбежались по стенам, словно собаки возле «мудиловского» кладбища.

Но мы этого не заметили. Мы просто стояли и трогали друг друга взглядами. Как инопланетные пришельцы трогали.

- Пойдём отсюда, - мягко сказала она.

— Уйдём отсюда, - ответил я потвёрже.

Мы, держась за руки, вышли в фойе к гардеробу. Я забрал свою куртку. Она - красный с поясом плащ и ещё шарф длинный.

Гардеробщик по фамилии Дранкин подмигнул мне и незаметно дал ключики, которые открывают дверь в известной камерке на Левом берегу. Я дал ему волшебную бумажку. Музыка в зале глухо билась о стены, словно в палате для душевнобольных.

Далее мы оказались на улице, пронзаемые подлым ветром и обрызганные шальным дождем. Осенний вечер просто не хотел нас видеть.

- Вон там остановка и троллейбусы ещё ходят на микрорайоны, - предложил я экскурсию в чёртову эту осень.

- Давай постоим у пруда, - попросила она.

- Давай постоим у пруда, - разрешил я, вспоминая расписание троллейбусов.

У пруда было темно. Чёрная вода шевелилась от ветра, словно плащ сатаны. По холодному парапету, шатаясь, брёл мокрый, полосатый кот с диким взглядом. Но он даже не взглянул на нас этим взглядом. Не до нас ему было, а жаль.

И тут я услышал неприятное. Шаги услышал я и чьё-то взбешённое дыхание. Мы повернулись на дыхание.

Перед нами неприятно проявился человек тёмной масти в модном сером пиджаке и обтягивающих ноги джинсах. Его лицо выражало всякую нехорошую думу и шевелилось - как та вода в пруду.

- Марина, перестань себя так вести, вернись, кому сказал, - произнесло это лицо.

- Хватит, Амир, неудачное знакомство вышло, иди к друзьям и напейся, - дерзко ответила женщина.

- Что ты сейчас сказала? — воскликнул по-птичьи Амир.

- Правду, - ответила моя незнакомка.

Вот, граждане! Когда мы ругаемся на стройке возле «поплывшего» фундамента, то подобные интонации пропитывают окружающую среду вдоль и поперёк. А когда мы начинаем бить друг друга досками и кулаками, природа на время забывает о своих законах и делает ставки. Вольные каменщики или подневольные кровельщики — кто защитит истину, кто набьёт ебало и кому?

Но то стройка. Там никаких душевных страданий и волнительных од. Только проёбанные труды и зарплаты без бонсов. А тут бытовая сцена не родившейся любви и обида горца на также банально проёбанное свидание.

Амир бросился к женщине с намерениями недобрыми и взглядом диким, как у того кота, что ушёл недавно в другое измерение. Нет, так бросаться нельзя. Так вести себя можно, но бросаться, уж увольте.

- Эй, не лезь, - попытался остановить я горца.

- Э-э-э... чо-о? - повернулся ко мне злой человек.

- Нич-о-о, иди музыку слушай! Марина на пруд смотреть хочет, — ответил я, машинально рукой ища доску.

Тогда он бросился на меня бессловесно и по-спортивному. Ну да, как обычно

эти вот в обтягивающих джинсах чем-нибудь восточным да занимаются. В секциях там или ещё где.

А это вот плохо, ибо я если и бил грушу, то лишь черенком от лопаты - чтоб раствор отвалился. А ещё, к примеру, бывало хуем эти груши околачивал, когда прораб стройматериалы не заказал вовремя.

В общем, кинулся он, Амир этот, ко мне за мезтью или психологической разгрузкой. С кулаками, правильно поставленными, кинулся и наносить удары начал.

Вот, скажу я вам, если вас бьют спортсмены - вы не бойтесь. У них есть техника и правила. У вас нет ни того, ни другого. Только сила в руках и голова крепкая (ну, это если вы демонтаж крыш без касок делаете). Главное, надо схватить бойца в охапку и бросать на твердые поверхности или в воду, пока он вас бить будет. Конечно, есть профи, которые вырубают на раз и без сожаления, но такие граждане редки в местах, где дождик стылый и листва на земле ковром мёртвым лежит.

Между тем, поймал я его за тело спортивное и бросил на плиты бетонные. Потом ещё раз поймал и уже бросил в воду. Там его приняли русалки и топить стали. А на плитах остался только нож, выпавший из горца.

Мы с Мариной бросили Амиру шарф во спасение и он вылез на сушу испуганный и грязный, словно его крестили в Иордане.

- Ты, тварь, - только и сказал он промеж нас, нащупывая в одежде холодное оружие.

- Я тварь, но ты простудишься, возвращайся в клуб, пожалуйста! - за всех ответила женщина.

И он пошёл. Нет, не так - он ушёл. Ушёл в обнимку с досадой и без добра в сердце. Возможно, он думал о ноже или же наоборот, не думал ни о чём.

- Смотри, троллейбус, - весело сказала Марина, пальцем указывая в сторону чёрной мэрии.

* * *

Мы сидели на грязных сиденьях и болтали о всякой ненужной дряни. О президентах болтали, о горловом пении и о каком-то Егоре Криде.

А ещё я узнал, что Марина работает маляром в большой строительной конторе и никакая она не интеллигентная блядь, а самая вот растакая рабочая лошадь в капиталистическом мире. Уж я то малярш знаю ого как! Я их обнимал и поил из алюминиевой кружки горькой «Стрелецкой» настойкой в 27 градусов по алкоголю. И они обнимали меня под разными градусами и даже без алюминиевых кружек. Малярши всегда лучше бухгалтерш, которым хоть розу, хоть гвоздику да подари. А цветы - это вообще зло в ночном блюде или дневном флирте. Впрочем,

забудем о прошлом.

- А ты правда в Бога не веришь? - спросила Марина.

- А чего в него верить, есть много полезных и героических вещей в жизни, в которые стоит верить. Или хотя бы следовать им, - ответил я добром на добро.

- А я вот молюсь в церкви.

- А меня туда не пускают.

- Да ладно.

- Мне отец Андрей тридцать косарей должен, ну я и пришёл за ними, а он там пел что-то тугим басом, - объяснил я причину отказа в допуске к Богу. - Не отдал он мне деньги, а его старухи с железными руками выкинули меня из храма, даже кагора на похмелку не дали.

- Ты поступил глупо, — серьёзно сказала мне женщина.

- Тебе виднее, но давать деньги в долг жрецам, согласен, глупо, - вздохнул я. - А как ты с этим горцем связалась, он же явно не со стройки.

- По Интернету переписывались; и он на концерт пригласил, - теперь уже вздохнула она.

- В отдельном-то кабинете концерт слушать?

- Да их там трое было, я потому и ушла.

- Они сейчас, поди, на «Приоре» круги нарезают по центру, известное дело, гордые, блядь. И ещё, этот, Интернет - зло, - пропел я ей в ухо.

Она замолчала. Безмолвствовал и я, глядя в мутное стекло, по которому с обратной стороны капли бились от дождя. Это вот хорошо так ехать в пустом троллейбусе в спальные районы. Поздним вечером и в окружении непогод всяких. Мы прижались друг к другу, словно котята в коробке из-под «Доширака». Плафоны в салоне общественного транспорта то гасли, то разгорались, словно на дискотеке. Из-под пола тянуло волшебной гарью.

Потом мы проехали «Кольцевую» и дождь в стекло барабанить перестал. Мы стукнулись лбами, как это принято в троллейбусах. Мы словно зарядились, как аккумуляторные батарейки и уж были готовы сказать друг другу что-то хорошее. Но транспорт остановился грубым способом и распахнул дверцы.

В эти дверцы дуло стылým ветром. А ещё в одну из них проник взъерошенный, высокий, нескладный человек. И мне был знаком этот гражданин. Давно, помнится, видел я его, представлявшим в каком-то самодеятельном театре пантомиму в черном трико.

Он узнал меня. И воскликнул торжественно на весь салон: - Беспяткин, вот ты где вечерами жизнь транжиришь!

- Да не транжирю я ничего, вот Марина рядом, маляр. И хорошо нам, - возразил я миму.

- Да я вижу, как вам хорошо, ты работаешь на стройке, да? - подсел к нам артист.

- Да работаю, а ты как, гастролируешь, творишь? - перевёл я тему.

- Нет, Беспяткин, я в пути, соединяю я, понимаешь? - ответил он, почесывая небритый подбородок.

- Нет, не понимаю, чего можно в наше время соединять. Пролетариев почти не осталось. Карлу Марксу работяги не верят. Тыфу, блядь!

- А ты вот всё о своем социализме бредишь, а дальше носа не видишь. Ведь мир испокон не меняется, только картинки разные мелькают, напоминая о времени. А его нет, времени этого, есть только вера и Господь, - мим указал пальцем на мутную лампочку в потолке.

- Ну, понеслось, - вздохнул я.

- Ничего не понеслось. Я вот свободен и когда соединю всех двенадцать этих, ну ты понял, мы к истине придём и добро как-бы победит тьму, - упёрся мим.

Апостолов, значит. Ну-ну, соединяй на здоровье. Нам скоро выходить, - обрезал я нить разговора.

- Зря ты так, Беспяткин. Вот вы сейчас как Адам и Ева в пустом мире мчитесь, незнамо куда, а Сатана уже вам яблоко приготовил. Но я его обману. Натёка возьмите эти две груши и делить вам нечего будет. Возьмите, Марина, ну же, — протянул нам бывший артист, а ныне мессия, две груши - твердые как скрижали.

Женщина взяла грушу. И я грушу взял. После этого мим нахально отвернулся от нас и пересел на другое сиденье. К тому же троллейбус снова тормознул на неизвестной остановке и мы с этими грушами по-быстрому вышли в открытый космос, где-то в районе улицы Будённого.

Там, по пустырям, носились мокрые ветры со звёздами и качались липы возле круглосуточного магазинчика «Манго». Туда, в это «Манго», мы и отправились. Троллейбус с пророком потащился в район хлебозавода № 4.

Уже на ступеньках магазинчика нас прорвало безудержным смехом, словно на концерте старого комика Петросяна. Мы смеялись так, что любой поп предал бы нас анафеме, не раздумывая. Тут у «Манго» закончились все религии и веры. Я вам точно говорю.

Потом я купил всяких вкусных гадостей и родной набодяженный портвейн в двух баклажках.

- Марина, ты не сильно торопишься, мы можем встретить ночь вином за остановкой, а потом я покажу тебе тайны городской тьмы, - предложил я, словно рыцарь.

- Показывай, чего уж там. Только не говори слово «свидание», от него тошнит, - ответила она, качнув ресницами.

- Тошнить не будет, у меня вот есть ведерко кислой капусты, - гордо заверил я.

Мы пили за остановкой два раза, закусывали сыром один раз и ни разу не поцеловались. Вот это я понимаю — общение двух потерянных душ в первоздан-

ном хаосе. Вот это я понимаю — не проси и не завидуй. И осенняя ночь улыбнулась нам мерзкой гримасой преступного элемента.

А нам всё нипочём. Марина отдала мне свою грушу, а я на всякий случай сунул её в карман. Остальные продукты были в пакете и мы вышли на дорогу.

Я достал «Нокию» и набрал номер.

- Аркаша, вы там наигрались уже? - спросил я.

- Давно уж бухаем в музее, где ты бродишь? - ответило в трубке.

По краю вселенной мы тут идём и видим, как драконы из яиц вылупляются, — ответил я искренне.

- С этой в чёрном платье, что ли шпилишься?

- Какая разница.

- Да так ничего, только тебя тут один из аула искал и ещё двое с ним, злые как черти, зачем ты его утопить хотел?

- Никто никого не топил, а с Амиром этим я договорюсь. Знаешь ведь, как я договариваться умею.

- Да знаю, но я-таки пробую, что это за крендель.

- Не помешает, бро.

- Ладно, если что звони, прикроем. Ключи от Рая забрал, не?

- Забрал, - вздохнул я и отключился.

Напротив меня стояла Марина с пакетами - как гном в красном плаще. Она смотрела в мои глаза серьезно и испуганно, что ли.

- Привет, солнце! - воскликнул я, не выдержав взгляда.

- У нас проблемы? - спросила она.

- У нас два пакета еды и портвейн, может ли это быть проблемой? - засмеялся я. - Нет, не может. Ибо я вижу, как приближается к нам бомбила.

И ведь подъехал ночной извозчик на белой «Ладе». И помчал нас на левый берег к парку Metallургов. А там...

А там мы поднялись на второй этаж недавно отремонтированной «сталинки» с колоннами и тяжёлыми балконами. Я достал ключики и открыл ворота Рая. А в Раю всегда, всегда тепло и диван с телевизором в наличии. А ещё санузел там отделан плиткой с дельфинами.

- Вот это хоромы, — удивилась Марина.

- Тут много путей сходится, знаковое место, — таинственно шепнул я.

На кухне урчал холодильник «ЗИЛ» с легендарной металлической ручкой. Да тут вся кухня была легендой. Гитарист Лёша Мязин не смог пропить эту квартиру благодаря чутким товарищам и собутыльникам вроде меня. Вот это называется - коллективизм. Вот на этом можно строить фундаменты бесклассовых обществ - хоть по Марксу, хоть по кому ещё.

В этой квартире даже рождались дети и умирали взрослые. Тут призраков было больше, чем в шекспировских замках. Если неправильно мешать напитки и

закусывать фастфудом, то эти фантомы будут преследовать вас даже в подъезде. Но я то знал толк в алкомиксах и давил бургеры подошвой при каждом удобном случае.

Я знал, где стояла посуда и как включить телевизор с помощью тапка. Короче, расселись мы с женщиной — маляром на широком диване, как в президентском дворце или, к примеру, в коридоре областного наркодиспансера.

Мы выпили по рюмке портвейна, побарабанили пальцами по столику на колесах и только потом я взял гитару.

От дождя никуда не денешься,
От него нам скрываться надо ли?
А в лесу все искрится, веришь ли?
То алмазы на ветви падали.

Песни про дожди всегда катят в компаниях или же тет-а-тет. У Шевчука тоже про дожди и осень есть много чего, у Цветаевой стихи. Да мало ли у кого! Главное, сейчас, в этой уютной квартире с коврами соединились лютая лирика, обороты спирта и непогода за окном. И, замечу, безо всяких там апостолов соединились.

Марина слушала песни и моргала длинными ресницами словно фея. И зрачки её были коричневы, а щеки розовы.

Вот интересно, на работе она колёр для водоэмульсионки как подбирает, шприцем или на глаз просто? А валик шерстяной или поролоновый? А спецодежду им в конторе выдают или сами покупают?

Я не жду от дождя спасения.
Я не жду от любви идиллии.
Просто есть эта жизнь осенняя,
Просто где-то уснули лилии.

Гитара молчала в углу, холодильник храпел в кухне, а мы горизонтально двигались друг по другу, сплетая руки в волнительные узлы. Целовались мы небрежно, но долго и счастливо. То, что влекло нас возле той, пустынной остановки на улице Буденного, взрывалось сейчас сладкими фейерверками на плюшевом диване.

Если вы думаете, что вот сейчас я начну описывать как ебутся люди, то вы ошибаетесь. Я ничего описывать не буду. На то есть серьёзные писатели с либеральными взглядами на гражданское общество. Пусть они и пишут, а я лучше телефон отключу, чтоб утро встретить без суеты...

Позже мы смотрели телевизор, в котором показывали старый фильм «Весна на Заречной улице». И есть нам не хотелось. И пить тоже не хотелось. Мы просто

ждали, когда на экране грянет первая весенняя гроза и люди попрячутся в беседку. Обнявшись, мы просто ждали сна и этот сон наконец пришёл, открыв квартиру собственным ключом.

* * *

Мы проснулись рано. Весь мир проснулся рано, включая коммунальные службы с трактором-убийцей и воробьев, орущих друг на друга. За окном ещё гуляла тьма.

Марина ушла в ванную, а я выпил вина, доел капусту и посмотрел в окно. За окном качались мёртвые ветки тополя и больше ничего не качалось. Сегодня выходной и бежать куда-то навстречу гражданскому строительству на хуй не упало. Всё логично шло к дневному безделью и возможному походу в кино вечером. Но вышло не так.

- Мне пора домой, - возвестила Марина, вытирая мокрые волосы.

- А портвейн, а прогулки в парке? Много чего можно сделать для настроения, не правда ли? - малодушно заныл я.

- Мы ещё погуляем, но сегодня мне надо домой, — спокойно сказала.

- Я провожу тебя, - вскочил я в трусах, на босу ногу.

- Лучше вызови такси. У меня ребёнок с бабушкой, проснётся скоро. Пора мне, — ответила она на мой порыв.

Ну, вот всегда так. Всё в этом мире не одиноко и связано всякими там узами. Я тоже связан, но всегда найду кусочек пустоты для крестовых походов. Женщинам походы вообще вредны. Им и трудней поэтому. Я не стал спорить и вызвал такси.

* * *

Всё-таки я проводил Марину до машины. Вернее, не так, до машины я её не довёл. На первом этаже её убили. Ножом убили. И меня убили, но не ножом, а трубой какой-то. Не насовсем грохнули, а так просто - свалили в беспмятство и боль.

На ступеньки с трещинами упал я, запомнив туфли с острыми носами в количестве трёх пар. Запомнить-то я запомнил, а встать не смог, пока врачи не приехали с ментами. Тогда я и мобильник включил и голосовую почту прослушал, ушами, в которых гудели плавающие басы.

Звонил мне ночью Аркаша с ненужной более информацией: «Съёбывайтесь с хаты! Гардеробщик, сука, слил вас арам, а те бухие и злые как бесы...»

Ничего я милиции не сказал, не ихнее это дело. Я даже самому себе ничего обещать не мог. Ведь тут и обещать нечего, кроме мести и всяких там ещё крова-

вых возмездий. Разберёмся, чего уж там. Да и мелочи всё это. Никому не нужны мелочи, как моя разбитая голова.

И только две груши, обнаруженные в кармане, куртки я оставил для будущей осени. Оставил потому, что вот это уже не мелочь какая-то, их никто делить не будет, я точно знаю.

(2017 г.)

ЛАРЁК

Купили мы этот ларёк аккурат 15-го декабря. За пятьсот долларов. Вместе с оборудованием для разлива пива купили.

Зима. Вьюга. Холод — аж пиздец! Какое тут, нахуй, пиво?

Да и сам киоск располагался на конечной остановке автобуса № 2. Тут только местные из частного сектора и дачники. А где взять дачников в это время года?

В общем - трагическая глупость и утопия. Пивной бизнес пшикнул и погас, как мокрая спичка.

Мы купили кегу с «Жигулевским» и, включив тэн на 1,5 кВт, сели в тягостном молчании.

Влад «насифонил» две кружки свежего напитка.

- Ну, и хуле, теперь? - спросил я в его сторону, прихлебнув пива.

- Пиво пить, - куртуазно ответил Влад.

- Какое блядь, пиво?

- «Жигулёвское», мы ж теперь бизнесмены, ну типа ИП.

- Мы идиоты — предприниматели, нам надо пиво продавать и гнаться за прибавочной стоимостью. Ты чего, Маркса не читал?

- Не, я больше фантастику и Бёрджеса. А пиво заебись.

- Пиво хорошее, а вот наше предприятие совсем не заебись!

- Всё устроится. Не ссать, клиенты будут.

Я приоткрыл окошко и ткнул пальцем в серую мглу. Вне уютного киоска носились ветры и снежные плевки. Проехал какой-то бедолага на «Ниве». Скоро Новый Год. Но это не принесло мне облегчения.

- Ты хоть смотрел на улицу, любитель фантастики? - продолжал я либерально ныть.

- Да зима там, вьюга и холод. Это разве не характерно для второй половины декабря? - бил меня Влад фактами, наливая вторую кружку.

- Конечно, зима и мороз с осадками. Чего делать будем?

- Пиво пить...

- Тьфу ты, блядь!

Влад обладал удивительным качеством — ему всегда и везде всё было похуй. Ну просто абсолютно. Я, граждане, никак не могу это понять.

Он втянул меня в эту дрянь с покупкой пивного ларька. Он убедил, что на пиве ещё никто не «прогорал». Это золотая жила, источник богатства и процветания. И я «повёлся».

Бросил я воровать органические удобрения из обанкротившейся «Сельхозхимии». Ведь всякие суперфосфаты и аммо-фосы, селитры и нитраты — реально приносили три «штуки» в день минус бензин. Жить можно.

И тут появился Влад с диском «Doors». Размахивая руками, развернул мне картину вселенской гармонии, если мы купим неожиданно подвернувшийся пивной ларёк.

И вот мы сидим тут, словно троцкисты какие-то и ждём мировую революцию, которую товарищ Сталин уже давно отменил раз и навсегда.

- Всё просто, Беспяткин, скоро должен прийти один человечек и наш бизнес покатит, - заговорщически прошептал он.

- Какой ещё, бля, человечек? Чего ты несёшь? - закипал я.

И тут в железную дверь киоска кто-то умеренно постучал. Влад вскочил, расплескав пиво.

- Это он! - воскликнул мой напарник по бизнесу.

И тут же он, звякнув металлическим засовом, распахнул дверь. В помещение ворвалась подлая зима и хорошо знакомый мне главред детского журнала «Золотой ключик» Зубов. В руках он держал увесистую, большую дорожную сумку. В сумке что-то звякало и угловато топорщилось.

- Бог в помощь! - сразу заорал он.

- Конечно в помощь, - вторил ему Влад.

- Ты чего такой кислый, Беспяткин, - обратился ко мне Зубов.

- Да так, ничего, присаживайся. Бога нет, если что, - ответил я, понимая, что сегодня мы будем пить не только пиво.

Но я жестоко ошибся. Когда Зубов проглотил полторы кружки нашего «жигулёвского», он полез раскрывать свою объёмную сумку.

Вместе с Владом они вытаскивали на свет знакомые всем российским гражданам части фантастического самогонного аппарата. Разложив все эти змеевики и крышки на полу, Зубов выпрямился и торжественно сказал:

- Сегодня менты придут, а аппарата нет. Но мы не привыкли отступать, самогон будем здесь гнать!

- Поэтище, блядь, поэтище! - воскликнул Влад и зашипел краном, наполняя очередную кружку.

- Вы ёбнулись, братцы, какой самогон! Это киоск для продажи пива и орешков.

Нас не просто закроют, нас административно выебут посредством штрафа! - праведно возмутился я.

- А до 31-го брага и не созреет, а в Новый Год всем всё похуй, - профессионально обломил меня Зубов.

- Ну что я говорил? Бизнес не умрёт! - подхватил зубовский позитив Влад.

- Ну да хуй бы с ним. А где клиенты? - не унимался я.

- Клиенты будут, - таинственно ответил Зубов.

- Ну, как угодно. Самогон так самогон, - сдался я и потянулся к крану.

В этот вечер мы собирали аппарат и допили все пиво. А его (пива) было много. Домой я вернулся посредством неизвестной мне телепортации и напроочь забыл обо всём.

* * *

Оставшееся время до Нового Года мы провели в трудах и заботах.

Я оборудовал ларёк дополнительными полками и завез всякую необходимую закуску. Зубов напечатал в типографии специальный выпуск детского журнала «Золотой ключик», где на обложке красовался бородатый Санта Клаус, и было написано: «Шутка от Деда Мороза - настоящий пшеничный самогон для настоящих россиян. Сказка только начинается!». Далее шли наши адрес и карта проезда. Всё это украшалось снежинками и колокольчиками.

- Взрослые часто читают детям наши сказки и рассказы, тираж большой, так что должно сработать, - уверял меня Зубов.

Влад разносил журнал по дворам и подъездам, проводя ещё и устную агитацию. Потом он бежал в подвал и проверял готовность браги. У него был свой рецепт с применением овса и какой-то ультрасовременной дрожжевой смеси.

В итоге гнать самогон мы начали за три дня до великого праздника Зимы. Это был процесс становления нас как личностей. Если ты не наркоман или там сектант какой, то должен уметь работать с самогонным аппаратом. Ну, может не с таким как у нас, но хотя бы самым простым из ведра и пластиковой пятилитровой баклажки в качестве охладителя.

У нас был настоящий полуавтомат. При достижении необходимой температуры 72 градуса он автоматически, посредством реле, регулировал нагревательный элемент. Вдобавок, вся перегнанная жидкость проходила через угольный фильтр и специальный сепаратор. В итоге мы на выходе получали идеальный самогон с легким амбре - как в книжках у французских классиков. Его мы разливали по стеклянным бутылкам и запечатывали, как редкий коньяк. Мы почти не пили и мало ели. Мы стремительно вращали планету навстречу Новому году. И вот, наконец, последняя бадья с брагой заряжена для любителей свежатинки и Влад сказал: «Пиздец, завтра произойдёт вселенское чудо и мне трудно сейчас гово-

рить...».

* * *

Для меня Новый Год начался с утра. Заорали дети под окнами и по-военному грохнула китайская петарда. Я вскочил с постели и ощупывая себя на ходу на предмет ранений, поспешил в сортир. Там уже сидел кто-то из родственников, приехавших в гости. Бля, почему всегда так? Сортиры, как доменные имена — постоянно кем-то заняты.

Я подошел к окну и увидел мир. Ослепительный снег, яркое солнце, редкие прохожие, торопливо снующие в преддверии праздника - обычная картина. Но сердце всё равно сжимается, как и много лет назад в детстве, когда веришь в домовых и Снежную королеву.

Потом я вспомнил про ларёк и к тому же невидимый родственник сыграл кавалерийский сбор на унитазах. Пора умываться и изменять среду. Ещё столько дел.

* * *

Мы развернули ларёк как рождественский подарок и он засиял гранями из профлиста (волна 10 мм). Влад периодически отбегал на специальное расстояние и чмокал губами. И было от чего.

Возле ларька мы установили трехметровую ёлку, а под неё поставили украденного из ДК громадного Деда Мороза с носом запойного олигарха. На ёлке красовались разные домашние вещи и какое-то бельё. Под ней стоял обрезок профлиста с батальоном стаканов из столовой с номером 40.

Вскоре пришел Зубов и сказал, что он умеренно доволен таким гламурным дизайном. Потом мы занялись аппаратом. Время летело незаметно. Наконец, стало темнеть.

Первым к ларьку подошёл участковый Паша.

- Ну и как это называется, а? - совсем не грозно спросил он.

- Всё для человека, всё для мира на Земле. Не угодно поймать волну, товарищ капитан? — расплылся в улыбке мой образ.

- Беспяткин, ты всегда такой наглый? - как бы успокаивая себя, гаркнул Паша.

- Заебал, ты бля, держи стакан, - разозлился я и сунул в твёрдую милицейскую руку волшебные грани.

Участковый выпил нашу самогонку антинаучно, но до дна. Его лицо покраснело, побелело и, наконец, восстановило истинный пергаментный цвет. Он улыбнулся зубами внутренних дел и сказал по-голливудски: «Я ещё зайду, и чтоб без всяких там...».

После него почти час никого не было.

И вот в оконце постучали скромно, но со вкусом. Влад открыл амбразуру и наклонился как мажордом.

- У вас бухлом торгуют? - раздался низкий, бандитский голос.

- Самогоночкой-с пшеничной по технологии бурятских шаманов, - тоном менеджера по продажам пиратского софта ответил он.

- Лей три стакана, если палево - пиздец всем! — раздалось в окошке.

Я на всякий случай достал ижевский обрез с патронами на кабана. Но это было лишним. На улице уже раздавались кряканья и втягивания носами. Последовали предложения повторить.

Влад заботливо укладывал выручку в коробку от чипсов. Клиенты долго стояли у ёлки и громко базарили о каком-то чушке по кличке Канадец. Потом они запели что-то из Круга и стали плясать возле Деда Мороза.

Одного из них я узнал. Местный заправила «бычьей» бригады Остап, которого я научил трем блатным аккордам ещё в школе. Он пошёл дальше и вместо аккордов сам стал блатным. Интересно, почему они сейчас не в сауне? Я высунулся из окошка и спросил его об этом.

- А, Беспяткин! Заебись, братва гуляет, - ответил он и, слепив снежок, запустил им прямо в меня.

Свежий снег остановился на моём лице и я вернулся в нутро торговой точки.

Пацаны шумели ещё очень долго. Потом один из них свернулся калачиком под ёлкой, а другой вместе с Остапом упиз-дил в сторону цыганских кварталов.

И тут как прорвало.

Проводив Новый Год в кругу семьи, к нашей ёлке стекались побитые жизнью мужчины и наказанные возрастом женщины. Вскоре подтянулись молодые и счастливые. Все совали в окошко мятые «сотки» и весело требовали радости и перца. Мы сбились с ног. Зубов не успевал откупоривать бутылки. Влад уже не рассыпался в многословных предисловиях. Он тупо, по Марксу, менял самогон на деньги.

Зато за пределами ларька царило римское гульбище. Подростки пуляли в небо салютами. Визжали самки разных возрастов и сословий. Мужики братались и тут же ебали друг друга по фотокарточкам. Кровь долетала даже через окошко.

Вскоре пришли два гармониста и вечеринка стала креативной. «Развернись душа! Эх, бля! Ну-ка, девки, посторонись!», - летело оттуда, из мира вне ларька и самогонного аппарата.

Влад достал вторую коробку из-под чипсов. Зубов героически гнал «свежак». Я капиталистически торговал закусками из сельди, хлеба, огурцов и лимонов. Голова кружилась от прибавочной стоимости и буржуазной стабильности.

Но вдруг я почувствовал, что мы теряем что-то очень важное и хорошее.

Блядь, ведь мы просрали Новый Год! Мы видели его только через окошко нашего ларька и то весь праздник заслоняли товар и деньги. Проклятый капитал!

А за окном играли в «слона» и какая-то шалава плакала у прилавка со стаканом в умелых руках.

- Вам плохо, гражданка? - спросил я у девы.

- Мне просто пиздец как плохо! - ответила она.

- Может вам не стоит пить крепкие напитки, иль сок хотите из под манго? - допытывался я, ежесекундно отстраняясь, пока Влад спаивал народы.

- Я хочу счастья и чёрные стринги, - хныкала люмпенша.

- Ну, стрингов мы не держим, а счастья сколь угодно, — радушно пел я.

Зубов ехидно ухмылялся, катая во рту вонючую сигарету. Влад толкнул меня и грубо рывкнул: — Открой дверь, Беспяткин. Впусти даму в чертоги!

- Действительно, вали к нам, милая, на халяву, - предложил я просто и буднично.

Она внесла в наш ларёк запах Зимы, Нового Года, неопределённых духов и жевательной резинки с ментолом.

- Раздевайся, здесь все свои, - крикнул я, подавая очередной бутерброд сталевару Шкрябову.

Потом я считал сдачу и резал огурец.

Когда я повернулся в сторону нашего быта, Прекрасная Незнакомка уже делала красиво Зубову. Сам главред с надеждой протянул мне последнюю емкость с самогоном и вернулся к разврату. Он даже успел выключить питание аппарата. Очень ответственный человек этот Зубов.

Влад лавировал между розовой, несчастной попкой и прилавком, всё чаще и чаще задерживаясь у этой самой попки.

Наконец я остался один на один с народом и Карлом Марксом.

Это серьёзная задача. Пока Влад делился счастьем с нашей снегурочкой, я вращал колесо праздника. Люди хотели совсем не много, но часто. А за моей спиной разворачивалась настоящая римская оргия.

Душевные звуки нашей гостии и сопение работника детского журнала заставляли меня скрипеть зубами. И ещё этот Влад со своими «Во-во, милая, хорошая девочка. Да вот так и не иначе...».

- Я заёбся тут, граждане. Последняя банка осталась, - не выдержал я.

- Всё кончено, милорд, - отрапортовал Влад. Застегнув ширинку, он надел фартук.

Мгновением позже, Зубов вынырнул из под проститутки и принялся упаковывать коробки с вырубкой.

Я, возбуждённый и освобождённый подошёл к объекту ебли. Объект спал самым наглым и счастливым сном источника жизни. Её, ещё не испорченное работой тело, покоилось на громадном, толстом овечьем тулупе Влада, как младенец в святой купели. Это было что-то из голландской, салонной живописи XIX века. Это был шедевр. И его писали маслом...

* * *

— По-моему, народ разошёлся, - буднично промолвил Влад, отпрянув от окошка с мятыми рублями.

- Да, похоже на то, - добавил Зубов.

- Сколько бабла, охуеть! — восторгался Влад, переставляя коробки из-под чипсов.

Потом мы вместе стали наводить порядок сначала внутри ларька, потом снаружи. Бля, чего там только не было! Баклажки, стаканы, мятые пачки от орешков и сухариков, хлебные корки, останки петард, блевотина, кровавые пятна и чья-то разорванная шапка. Елка стояла явно не под прямым углом, но стояла. Деда Мороза кто-то спиздил, как и положено на такого рода праздниках.

Неожиданно откуда-то слева из снежной завесы вынырнул участковый Паша.

- Ну что, всё в порядке? - сухими губами выдавил он.

- Всё просто о'кей - ответил я.

- Тогда наливай, а то мне в отделение идти, сдавать дежурство, — торопливо сказал он, перебирая ногами сложную головоломку.

Двести грамм нашего пойла восстановили его служебный статус и успокоили второе «я». Он побрел между фонарей в сторону цивилизации. Усталый ветер гонял по снегу пластиковый стаканчик.

Мы вернулись в киоск. Проститутка по-детски сопела в тулупе Влада.

- Хуй с ней, пусть спит, я в такси и без тулупа, - отмахнулся его хозяин.

- Сейчас вызову «тачку», - сказал Зубов, доставая мобильник.

- Стоп, стоп, а я тут что, за караульного? - возмутился я.

- Не кипятись, Беспяткин, всё под контролем, - попытался успокоить меня Влад.

- Ни хуя не под контролем, далеко не под контролем! - пытался я докричаться до небес.

- У тебя родственников полон дом, все деньги попиздят, - добил меня Зубов, успев так вызвать нужное такси.

- А у меня дом — крепость на вневедомственной охране, - бил дальше Влад.

- С утра мы за тобой, как коньки-горбунки перед травой, - нашёптывал в рифму Зубов.

- Кстати, чего там насчет «травы»? - уже тихо спросил я.

Обижаешь, - ухмыльнулся Зубов, положив мобильник в карман своих главредовских штанов.

Я захлопнул за ними дверь и постоял минуту, привыкая к пустоте. Раздался приглушённый шум мотора и невидимое такси умчало моих компаньонов в спальные районы с охраняемыми квартирами.

Я подошел к прилавку и приоткрыл окошко. Свежий воздух плеснул мне в лицо живительной силой. Я налил пива в кружку и сделал жадный глоток. Где-то рождался день. Здесь, у окошка маленького пивного ларька, засыпал я, чему-то улыбаясь и соответствуя.

- Новый Год должен быть необычным и запоминающимся, это же не день флага или там конституции, это волшебство, — думалось мне в проёме из профлиста.

Я понимал, что не было никакого волшебства, просто мы заработали хорошие деньги, пользуясь подходящим моментом, но все ж это как-то по-другому, иначе. Допив пиво, я старательно разделся и, откинув полог громадного Влодова тулупа, нырнул в гнездо, где трепетно спала счастливая снегурочка и ее кожа была тепла и неожиданна.

(2008 г.)

ЛАВОЧКА

Я проснулся на лавочке этой весной. На лавочке. Весна была рядом и хлестала меня по щекам мокрыми ладонями или какими-то тряпками. И подумал я, что это хорошо. Ну согласитесь же, что просыпаться на лавочке зимой в морозе, в снегу и в одиночестве — дрянь, по-моему. Летом ещё хуже, как впрочем и осенью. Какой дурак просыпается летом или осенью?

Иное дело весна. Вечер, дождик ленивый тренькает по асфальту водяными шариками и на остановке люди по-всякому автобусы ждут. А может и я жду свой автобус, следующий куда-нибудь в пункт «Б», где стол накрыт к ужину и в сортире ландышами пахнет? Ну, весна же.

Только вот одно неприятное чувство першило у меня в сердце, гаденькое такое подленькое чувство. Ведь присел я на эту лавочку аккурат после того как вышел из кафе «Ромашка».

Да, я знаю, что выпил там вермута три стакана и съел бутерброд с котлетой. Ну, вы наверняка тоже знаете, что ничего другого там в это время быть не может.

Дальше пошёл я вдоль улицы Ушинского в сторону ДК, где намечалась дискотека и всякое там антисоветское поведение. Долго шёл я вдоль этой самой улицы не потому, что ослаб там или совесть потерял. Нет, конечно же. Я шёл и думал о том времени, когда не будет войн и стяжательства, бессмысленного пьянства и продажной любви. Вот в моей стране этого нет, а в странах частного капитала есть. Надо придумать такой вот луч специального назначения и выжигать в иных мозгах тлетворные мысли, которые не ведут к полётам в космос.

Ещё я думал, что сегодня Лизка даст себя поцеловать, а может быть и ещё чего даст. Про комсомольское собрание думал, где меня «разбирать» будут - как антисоциальное явление. Коллективом бороться будут с личностью и, я считаю, правильно. Впрочем, я знал, чем это закончится. Но не подозревал, что дурак я.

Мне на эту лавочку садиться не стоило и всего делов-то. А я сел и даже глаза прикрыл, как в индийском кино. И не весна то была, а самая та, слякотная, серая осень.

Понятно, что проебал я многое, но обидно, что на дискотеку так и не попал. В милицию да, попадал, по парку бежал, стекло разбивал, яблоко в городском саду надкусывал.

Да я всю жизнь помню, полную подвигов и малодушия! Всю эту пламенную жизнь помню с падениями на ступеньки и пыльные лампочки в чужих подъездах. Женщин помню и поцелуи под ивой у речки. Тёплый живот и святые места пом-

ню. Только не жил я вроде, а тихо сидел на чёртовой лавочке с глазами, как в индийском кино. Я, наверное, спал.

И вот этой весной, сейчас вот, я проснулся и увидел, как две пьяненькие мадам тыкали друг другу в груди сумочками и хрипло говорили: «А ты вот, встань на моё место, послушай и пойми, что этого козла я видеть больше не могу...»

Чуть подальше, слева, усталый лысый гражданин пил пиво и шептал что-то тугое в окружающее пространство. Рядом с ним урчало такси, водитель которого играл на смартфоне в умную игру с какими-то кубиками.

Из вечерней пивнушки вышли трое в спортивных штанах, мятых толстовках и с пакетами в руках. Они потоптались у порога и, перейдя улицу, присели на лавочку супротив меня и тех двух гражданок. Мимо нас промчался призрачный байкер, словно внезапно обезумевший толстый шмель. А за киоском из тонированной «Приоры» заорали «Чёрные глаза-а-а». От этого стало ещё темней на улице моей. Те - трое с пакетами, уже глотали пойло и чавкали, словно собаки. Воняло рыбой и выхлопными газами.

Я всё-таки решил встать и продолжить начатую жизнь. Но в этот момент лысый гражданин с пивной бутылкой заорал на всю площадь: «Да пропади оно всё пропадом!»

С лавочек ему посоветовали заткнуться, а таксист отъехал метров на двадцать вниз по улице. Из «Приоры» захохотали кавказские пленники и мир снова вернулся в стойло.

А я подошел к женщинам и спросил:

- Кто из вас Наташа?

Наташ, к сожалению, не оказалось, даже Елизавет не было. Вот почему всегда так? Только подумаешь о любви, а выходит ерунда какая-то.

В это время к остановке подошёл автобус и распахнулся весь. Откуда-то справа подбежали растрепанные подростки и громко загрузились в салон. Автобус уехал в иные миры, а мы тут остались друг другу не интересные.

Вот хоть и проспал я долго, но в карманах у меня были деньги и деньги хорошие, для жизни после ухода автобуса.

- Э-э, пацаны! А сколько нынче стакан «самодельной» стоит? - спросил я у спортивных штанов.

- Пятьдесят рублей, — ответили штаны.

- А вон в том кабаке водка есть?

- Есть, но дорого.

Я пошёл туда, где дорого, где мигают цветные лампочки и пахнет винегретом. Там мне налили водки. И только тогда я понял, чего не хватает миру и весне. Да красок, смеха и необременительного мордобоя! Поцелуев не хватает и милицеских или полицейских голосов.

Я прикупил всякого достойного алкоголя, вкусных закусок и вернулся к лавоч-

кам, полный благодати и всепрощения. Я знал, что больше не присяду на лавочку никогда и ни по какому поводу.

- Люди, вот вам всё и выкиньте свое пиво в урны, — сказал я, преподнося дары.

И люди повернулись в нужную сторону и весна приказала дождю заткнуться, чтобы не мешать.

Ну, не мне вам рассказывать, как пьют незнакомые прежде люди. Наверняка, вы пили с посторонними и говорили о бабах. А если рядом были бабы, то вы пили за них в надежде подъебнуться за киоском «Роспечати» - с той весёлой блондинкой, например.

Скоро на лавочках заспорили о правительстве и об ОСАГО.

Люди прибывали из всевозможных щелей и тёмных сторон света. Там были и молодые красивые потаскушки, и грубые небритые работяги. Даже какой-то кавказец из соседней «Приоры». Он пришёл один, но с собой принес какие-то скрученные рулеты с бараниной.

- А вы там включите что-нибудь повеселей, Стаса Михайлова или Сердючку какую, — просил народ южного гостя.

Тот исчез и вскоре на остановке ревело: «Для тебя-а, рассветы и туманы, для тебя-а... моря... и океаны-ы-ы!».

Граждане свободной страны плясали вдоль и поперек себя. Светились мобильники, а на клумбе кто-то громко блевал шпротами. И были краски, и был смех. Не было только мордобоя, но для этого должны быть предпосылки. А до них ещё далеко.

Сразу за красками и смехом следует разврат. Это не я придумал и не мне оспаривать. Под грустную песню Макса Фадеева ночные люди создавали пары и шептали слова. Те, кому пар не хватило и шепот был противопоказан, спорили о предстоящих выборах и какой-то экономической жопе. А о чём ещё можно спорить весной 2018 года?

Я целовал худую, жилистую деву в джинсовом костюме. Её рыжие волосы, подобно страусиным перьям, щекотали мне шею, а трудовая грудь давила на сердце. Мы топтались у тумбы объявлений, словно сами что-то объявляли себе или миру.

Но это не было так волнительно и волшебно, как с Лизкой, которую я так и не встретил тогда у ДК. Это было просто «в мире животных». Уйдя на обратную сторону тумбы, мы торопливо приспустили то, что надо приспустить и так же, побыстрому, сделали то, что и следовало сделать в этот весенний вечер, когда автобусы ещё ходят по маршруту в эти чёртовы пункты «Б».

Вернулись мы порознь и забыли обо всём в компании пьяных граждан моей Родины.

А граждане уже держали друг друга за майки-куртки-толстовки и размашисто

наносили удары в сладком хмельном упоении. Кто-то визжал за киоском, а кто-то пел про коня.

Весна ласково вплетала в свои волосы все эти «ленточки» и «фенечки». И дело шло к ночи. Кто-то из соседних домов вызвал внутренние органы и праздник стал гаснуть.

Первой умчалась «Приора» с «Черными глазами», вторым таксист с парочкой клиентов, кого-то загрузили в «буханку», а остальные разбрелись по сторонам, словно парламентарии после выборов или пилигримы какие. А на пустынной остановке по асфальту каталась пластиковая посуда и на лавочках стояли бутылки, выпитые напрочь и без обид.

Шелестели пакеты и где-то в тёмном углу парка, чей-то умный голос говорил кому-то не особо умному: «Вот все говорят красота спасёт мир. Глупости. Зачем его, собственно, спасать? Кто просил? А если даже предположить, что его всё-таки спасать надо, то почему красивым это дано, а некрасивым — фигу? Может она не красива, но борщи варит и коней там на скаку... - ик... - приветлива и скромна. Ей что, мир доверять нельзя? Много всяких гадостей в мире есть и ещё спасай его... Ик...»

А я стоял у окна со стаканом чая и смотрел, как ночь посыпала Землю пеплом. Рядом лежал телефон, по которому я вызывал полицию.

Заебали эти «синие» мероприятия под окном, на остановке. Чуть ли не раз в неделю «гудит» народ, словно готовится к смертной казни или там потопу какому. Тьфу, блядь!

То ли дело раньше. Зайдешь в «Ромашку», «завалишь» пару-тройку вермута, закусишь котлеткой и на танцы под «Бони-М». Ну, там, конечно, и подраться случалось и по кустам побегать, но свободно как-то бегалось. Главное, на лавочку не присаживаться после вермута — сморить может. Я допил чай и пошёл в спальню, а то Лизка если проснётся, опять шипеть будет.

(2017 г.)

ГУСИ

Я пришёл на кладбище не просто так. В такие места вообще просто так не ходят. И не бегают. Я же прибежал извне, гонимый неприятным чувством навроде страха. Нет, я не шибко-то и боялся этих, с граблями и лопатами, но встреч всяких не желал, уж поверьте. И водосливную плиту, кило так на тридцать, было жалко, и достоинства тоже. А злые слова, вдогонку летевшие, противны были

мне, как человеку с паспортом и пропиской.

Да, я крал чермет с дач и гаражей. Да, я - не пример для поколений и опустившийся на дно патриот. Но разве вы - там, в правлениях и чёрных похабных лимузинах - лучше? Да ничуть не лучше, только чище там у вас, и кофе пахнет.

А от меня пахло всяко, тяжело и политически безграмотно. Но зато я вдыхал воздух с дымком, и дачников на дистанции объебал в разы.

И вот на кладбище я промеж могил кружил подобно ящеру, да на чужие мёртвые лица смотрел.

Вот если отправился какой гражданин по светлой дорожке в сырую землю, так и уравнилось в мире нечто материальное и духовное. Все мы тут на весах, словно гуси, лежим, а супротив торгаши гирьки перебирают. Насколько ты, к примеру, весомей, чем Бродский какой, иль Черчилль? Кто природе более полезен, и кого она примет с радостью, а кого - с омерзением? Вот о чём думал я, пока не присел на скамейку, синим цветом выкрашенную, в окружении венков от родных и близких.

Красивая женщина смотрела на меня со свежего лакированного креста. И лет ей всего-то - тридцать пять. Чёрные волнистые волосы, глаза-смешинки с длинными ресницами, ямочка. Померла, значит. Или погибла. Да какая, собственно, разница. Весы качнулись где-то там, у горизонта, и зацвела первая вишня.

- Привет, Юля! Вот ведь, какая хуйня творится, — обратился я к кресту.

Никто ничего мне не ответил, да и не ждал я как бы.

- Съебал отсюда! Хмырь драный! — громыхнуло вдруг враждебно у меня за правым плечом.

Я, конечно, обернулся, вспомнив про дачников с лопатами. Но нет, не садовод-огородник стоял возле березы с молодыми листьями. Крепкий, с залысинами, гражданин смотрел мне в душу, нервно дёргая молнию на спортивном костюме. В такой одежде не хоронят, значит - живой он. И почему-то полон злых аур.

- Родственник? - спросил я, привставая со скамейки.

- Хуёдственник! - честно ответил он мне.

- А чё ты тут в святом месте бранью кидаешься, хамло, блядь? - поинтересовался я аморально.

Я хоть и краду вещи тяжёлые и мне не принадлежащие, но в тихих кладбищенских приютах не терплю бытового непотребства и злых наветов.

Мой гость перестал дёргать молнию и пошёл в бой.

Мы катались меж оградок и венков, словно на корпоративе. Не было только песен Лепса и водки на столе. Да! В борьбе он был подобен Хабибу, но стоило мне выскользнуть из цепких захватов, уж я стал подобен Мак Грегору. Да и выдохся он как-то быстро. Я бил его дальними и успокоил на маленькой могилке неизвестной бабушки в белом платочке.

- Хорошо махать, дай отдышусь! — устало крикнул он

мне, взъерошив редкие волосы.

Я стоял молча, ожидая подлой хуйни. Но не дождался.

- Зла во мне много, жалко мне эту Юлю, но сама виновата, — сказал он, обращаясь к неизвестной бабушке.

- А что это она виновата? - стало мне любопытно.

Он посмотрел на меня мутными очами и махнул рукой. Этой же рукой он вытер кровь из носа и сопли.

Над нами пролетела кукушка, гонимая тучей воробьев (прямо, как я наемни). По кладбищу прошелестел вялый ветер, а через дорогу, в дачном посёлке, завывала грубая певица Лобода.

- А то и виновата! — вздохнул боец. — Смотреть надо, кто рядом готов луну с неба, кредит готов, любить готов...

Резанула меня эта готовность, но интересно мне стало, почему слёзы у мужчины вдруг по щекам поползли.

- Тут на могилках можно бухла пособирать, — предложил я.

- Да есть у меня, — сказал он, поднимаясь с гробнички. — Антон я.

Я пожал протянутую руку и представился самолично.

Антон тяжело переместился к той самой берёзе с молодыми листьями и поднял пыльный рюкзачок, в котором звякало. У этой же берёзы, в кустах боярышника, мы выпили водки по сто пятьдесят, закусили колбасой и повздыхали тоже там.

Потом, уже у могилы этой вот Юли, выпили ещё.

- Я могу всё стерпеть - в жизни всякого видел! Но вот с этой, — он ткнул пальцем в фотографию на кресте, — плохо вышло. Хуйня, короче.

- Знал её?

- Недолго. Час, два - не помню.

- О как!

- Да, Интернет ёбанный, - всё зло там! — злобно вскрикнул Антон, доставая водку.

- Согласен, там не просто зло, там блогеры и Роскомнадзор, — поддержал я его.

Мы выпили ещё чуть-чуть и не тронули колбасу. Юля смотрела на нас насмешливо и очень медленно моргала длинными ресницами. Шевелились ленты на венках, и сверху падали какие-то враждебные семена.

- Я жену потерял лет пять назад. Сбил один мажор на Ауди, на тротуаре. Отмазался на «условку», а мне три года, как с куста. Я ж за дело его отхуячил. Но суду похуй. Да всем похуй. Короче, жизнь по пизде, как у тех, кто мстью иль там гневом заполнен под крышку. Но отлегло вроде. Дома пусто,

правда, но работы много. Сварщик я, паспортист. Деньги есть. Купил компьютер. Интернет провёл. В «танки» играл по вечерам, в «Одноклассниках» зависал. На работе особо не пообщаешься, а тут, пожалуйста, всякого народу полно. Вир-

туальность, блядь... — неприятно вздохнул мой кладбищенский собеседник.

- Соцсети от сатаны, — согласился я, — как и Windows 10.

Он посмотрел на меня невыразительно, без удивления и интереса. Затем снова заговорил в сторону упокоенной Юлии.

- Ну вот там, в этой, сука, сети, я с ней и познакомился. Вечерами трепались в чате, я «танки» забыл. Да обо всём забыл. Она со своим мужиком разбежалась, в печали тоже. А со мной все мысли наружу, все чувства и там ещё чего. С неделю мы друг другу раны вскрывали, словами обнимались, жалели и прощали, ругались и мирились. Словно в реальной жизни, по-настоящему, что ли. А потом она фотку прислала. Я перед работой смотрел на неё, после тоже смотрел. На заставку поставил. Ей потом свою рожу послал. Она лайкнула. Ты представляешь? - взмахнул руками Антон, словно птица ворон.

- Да, но всё это цифры, нули-единицы, а на том конце провода, живые люди сидят, словно на игле, и забывают, как жасмин пахнет. Знаю я всё это, потому и чермет пизжу! — не удержался я.

- Ну да. Вот и решили мы встретиться в клубе каком-то. Не люблю я эти клубы, там музыка тупая, и мерцает всё, словно электроды сырые. Люди кругом мутные, с красными глазами, бродят друг за другом, как собаки и под хвостом нюхают, — продолжил он.

- Экстази и кислота какая-то. Там в этих мёртвых помещениях всегда такая хуйня. Там водку не пьют, там зависают, — сказал я, и посмотрел на пыльный рюкзачок.

Мы опустошили наконец-то бутылку и закусили луком. Это вот хорошо. Это всегда хорошо - когда лук есть, а войны нет. Антон продолжил свою историю.

- А мы вот встретились. Обнялись, словно после долгой разлуки. Поцеловались. Танцевать, правда, не танцевали. Там ритм какой-то поганый - туц-туц. Бормочут что-то про вино красное и наркоту. Говно, короче. Я её в бар повёл. Денег много, хуле жалеть. Там в баре коктейли вонючие, но с зонтиками, и названия какие-то странные. Выпили этих странных. Говорили, говорили, говорили... Ну, словно всю жизнь друг друга знали. Бывает же такое. Я-то особо трепаться не люблю, а вот с ней - как в кино. И слова сами подбирались. Только вдруг заметил я, что она молчит как бы, а я говорю в пустоту. Спросил - что не так? Говорит - всё нормально. Выйти ей надо в дамскую комнату. Да не вопрос! Я тут пока меню изучу. Салаты там и мидии какие-то... — Антон вдруг замолчал, думая о чём-то за пределами кладбища. Наверное, о мидиях.

В это время на соседнем секторе захохотала выпь. Откуда тут выпь? Тут и болот-то поблизости нет. А может, и не выпь это была, но кто-то захохотал - это уж точно. Сварщик очнулся и посмотрел на природную среду пьяным взором.

- Она не вернулась? - спросил я.

- Нет. Я пошёл искать.

- Нашёл?

- Да. С этим её бывшим у колонны справа. Почти у выхода. Они враскоряку там. Ещё чуть-чуть и начнут шпилиться, словно новобранцы. Ну я и подошёл. Спросил - чё вот тут за хуйня происходит? Этот в костюме ощерился, словно в лотерею выиграл, а меня гнев облепил словно вата. Плыл кругом эта жизнь, странная и глупая.

- А она?

- А она говорит мне о том, какой я исключительно хороший человек. Её жизнь перевернул, переосмыслил за неё эту, блядь, жизнь! Помог из депрессии выбраться. Николай её вернулся и тоже благодарен мне за всё. А хуле мне эта благодарность? Я ж не на поебки пришёл в притон какой, я любил эту тварь в синем платье с блёстками. Глаза её, ресницы, голос и руки. Да что тут объяснять? Получилось плохо. Ты понимаешь? — повернулся он ко мне, словно следователь из Правобережного РОВД.

- Понимаю, хуле. Ты там кого ёбнул, да?

- Нет. Тогда я ушёл. Потом я вернулся. В бардачке нож взял (сам делал по рецептам преступным). Ну и когда вышла она к машине... В общем. Тот Николай только еблом щёлкнуть успел, а я уже дворами до хаты шустрил. Собрал, что надо, и - в бега. По профилю в сетях этих меня найдут быстро. Да найдут, конечно, знаю. А пока не возьмут, я вот тут вшиваюсь. Бухаю, пока есть на что. На киче поскромнее будет. А тут я, как бы, с ней общаться продолжаю. Без Интернета. В живую, что ли. Иногда она отвечает, но всё больше - я. Ночами тут тихо. И теплеет воздух, чувствуешь? — указал он рукой куда-то в сторону мусорных контейнеров.

- Да! Весна победила. А ты сам спалишься или будешь шкериться до последнего? — ц спросил я, как гражданин и патриот.

- Я тут буду, пока не придут, хуле ещё делать? Будешь ещё пить?

- Нет, тебе долго кантоваться тут с Юлей, а мне домой пора, — ответил я безответственно.

Антон как-то по лошадиному мотнул головой и, обогнув оградку, сел на скамейку синюю. Впрочем, уже и не синяя она была, а тёмно-серая в сумерках, которые вот тут опустились рядом. И не видел я, моргает ли романтическая женщина Юля на фотографии или плачет.

Тени. Тени упали на Землю, словно сажа, и в небе зажглись фонарики далёкие-далёкие, как мечты наши. Как любовь там, или жизнь без прибавочной стоимости.

Я покинул убийцу без слов и сожалений. Не нужны ему слова, и сожаления эти тоже не нужны. А во мне всё сильнее просыпалось героическое желание вернуться туда, на двенадцатую линию, в десятый дом, где водосточная плита ждёт меня за баком. Там ещё две батареи в пять секций у забора лежат, и скворцы в дере-

вянном домике жизнь свою налаживают. Вот ведь, птицы эти. Верные. Поют, червей таскают и ветки всякие. А мы - словно те гуси на весах, всё ждём чего-то. А хуле там ждать, скажите мне?

(2019 г.)

ЗАБЕГ

Иногда случается такая хуйня — живёшь, живёшь, а потом - бац! Вспомнишь чего. Слова дурацкой песенки про ежа, приёмные дни нарколога, лицо Наташи Королёвой или народное средство от гонореи. Это как светофор - идёшь на красный, а думаешь о зелёном.

Отдельные моменты жизни ржавыми якорями лежат на захламлённом дне нашей памяти и, иногда, вопреки законам Архимеда, всплывают словно говно. А ты думай, во благо это или во вред? Ну, да хуй с ним...

Просто бежал я наемни за автобусом и вспомнил, как когда-то, в период молодой печени, бегал не за автобусом, а иначе. Как? Да вот сейчас и расскажу.

* * *

Может, кто помнит, когда-то в парках были танцплощадки. Такие круглые загоны из деревянных брусков с бабками—билетёршами и вокально-инструментальным ансамблем.

Ансамбли эти были значимее, чем народные артисты, и уж тем более круче, чем рэпер Баста. Членов этих ансамблей знали в лицо и играли они на гитарах социалистического лагеря - а это надо было уметь. Любой современный лабух, иль там Дима Би-лан, сможет взять два аккорда на «Фендере», чтобы поймать тональность. А раньше о такой хуйне никто и не думал! ВИА районного масштаба ебашили драйв, смутно догадываясь, что наркоман Хендрикс был бы ими доволен, если бы играл на тех же «дровах», что и они.

Да ладно, ближе к теме, а то ностальгические сопли можно размазывать по бумаге долго, а у читателя время тикает. Короче, на танцы ходили пацаны и девки. Слово «быдло» тогда не знали и потому все жили легко и непринуждённо. То есть, ходили на танцы и делали красиво.

Сейчас в гоп-клубах «убитый» намертво ди-джей крутит ручки своего патефона и, поддерживая спадающие наушники, поливает «кислотой» поколение «Ягуара». А хуле, звёзды танцпола, стробоскопы и сканеры, суб-басы и DranToVBassbi,

адреналин и тектоник. Вечеринка, блядь.

А тут 70% музыки советских композиторов и сумочки на полу. И вокруг этих сумочек танцуют молодые люди, не отягощенные курсом доллара. Честно говоря, он им вообще был похуй, этот доллар. Бля, опять отвлёкся.

Заебались мы с другом Олежкой играть в карты и цапать за джинсы («У кого на жопе «Рила», тот похож на крокодила») дворовых девчонок. Решили мы сходить на танцы и увидеть новые горизонты. Конечно, там реально можно было получить по еблу, но это того стоило.

Драки на танцплощадке и вне её — дело тупо традиционное. Если ебашиться один на один, то тут хуле, всё ясно и романтики нет априори. А вот когда кодлой от ограды к ограде — это как бы пиршество Марса. Ведь на танцплощадку приходят люди с чужих районов и готовые к конфликту! Трещат цветные рубахи с длинными воротниками, визжат девки, лязгают зубы. Ну, я ж говорил - традиция.

Ебал я эти традиции, честно говоря. Но на танцы мы всё же пошли, хоть и возраст не позволял выёбываться перед сценой и местными полководцами.

И вот гитарист Саша Кириянов делает своё соло, а потные, горячие тела совершают ритуалы советского вуду. И мы с Олежкой, выбрав-таки девчонок, стреляем глазами как бы мимо, вскользь, типа похуй.

А нет, не похуй. Кадрить девчонок, не снимать тёлочек — вещи далёкие, как со-звездие Гончих Псов. Сейчас за «косячок» и баночку «Rash» можно по-быстрому выебать, к примеру, гламурную лохушку за третьей колонной справа от бара, а тогда за полупоцелуй надо было совершить такие подвиги, что любой президент может спокойно давать тебе звезду Героя или льготный проездной билет.

Короче, кружились мы, как волки вокруг деревенского почтальона, перед двумя плотными, длинноволосыми гражданками в светлых, коротких кримпленовых платьях.

Сестры, что ли? Не, ни хуя не сестры - просто мода такая. Да хуле нам мода, тут надо на танец пригласить, и что б тебя к чертям мягко не послали!

Первым пошёл Олежка. И, прокатило! Он уже под Юрия Антонова медленно так водит свою жертву, приближаясь к приятной, романтической прогулке «до дома».

А, ебать тот паровоз, была не была! Я, как мне казалось, независимой походкой, рулю к большеглазой девчонке с чувственным полуоткрытием рта. Красивая. По крайней мере, я в то время так думал. Ведь ещё не было Шакиры и группы ВИАГра. Только ВИА.

Музыка романтично льётся, пизженные с соседней стройки прожекторы с цветными стёклами мигают, а девушка почувствовала, что сейчас к ней доедут на предмет потанцевать и прижаться. Они, сволочи, всегда это чувствуют, даже если ты не прёшь, как конь, по жнивью в поисках клевера. А я пёр -как актер Леонид

Куравлёв с романтикой в глазах и в новых брюках.

Можно вас? — задаю я единственно правильный вопрос.

А пивом угостишь? — сказала бы современная сучка с мятной жвачкой на губе. Фу, блядь!

А вот тогда, она (одна на всю танцплощадку) просто чуть приподняла не исколотые «винтом» загорелые руки и я так же молча привлёк её к животу.

Мы кружимся в танце, как там у классиков говорится. В темпе чуть быстрее *lento*, но медленнее чем *adagio*. И это, блядь, такое ощущение, ну хуле тут объяснять... У каждого было по-любому. Но вот вспомнишь когда, сердце летит куда-то в сторону южного полюса. Хочется, чтобы мелодия не кончалась, и ты мысленно ругаешь того же Юрия Антонова за охуенные, но короткие песни.

А она, твоя избранная, твоя нежная и мягкая, как одуванчик, девушка, кажется тебе если не ангелом, то, по крайней мере, секретарём комитета комсомола. О, эти танцы уходящих «семидесятых»!

Но всё кончается почему-то. Я про медленную песню. Зато теперь мы говорим на «ты» и можно держать её за вспотевшую руку в ожидании следующего «медляка». Олежка с той, другой подружкой подваливает к нам, и уж вот тут-то можно лепить «горбатого» про полпачки сигарет и початую бутылку «Абрикотина».

Куда-то в преисподнюю рухнули стеснительность и робость. Мы смеёмся и дрыгаемся. «По французской стороне-е-е...». И весь народ тебе похуй. Потом снова относительно грязные танцы и моя девушка, видя, что я наматываю сопли, тихо спрашивает:

- Ты можешь меня проводить?

- Бля, да хоть восемь раз! Да хоть на БАМ! Хоть до рынка и обратно! — мог бы воскликнуть я, но вместо того говорю:

- Конечно, я провожу тебя, Лена (её Леной звали).

Если бы я даже знал, что меня ждёт в ближайший час - полтора, то наверняка ответил бы то же самое. Это природа, которую наебать не сможет даже покойный подданный её величества Борис Березовский.

А в это время на танцплощадке назревал почти Карибский кризис. В воздухе повисло воинственное облако предстоящей драки. Мочилову должно произойти и оно произошло.

Я успел отпихнуть Лену к ограде и попал под «каток». В массовой драке никого не ебёт, сколько у тебя лошадиных сил и какая динамика. Тебя ебашут. И ты хуяришь в биомассу, пока не получишь удар, предназначенный тебе Богом. Верите, нет, я избежал этого удара и только рубашка лишилась трёх пуговиц.

Чужаки были с позором выгнаны с танцплощадки и бодро побежали за подмогой в свой район.

Мы с Олежкой и новыми подругами решили не дожидаться «Куликовской битвы» и мирно отчалили из парка. Мой дру-ган, загадочно поморгав глазами,

срулил со своей ненаглядной в сторону детской поликлиники. Ну а мы с Леной идиллически побрели вниз по холму к частному сектору.

Мы болтали обо всём и держались за руки. Вечер был теплым и ласковым, как Арина Родионовна. В низине гудел и ворочался металлургический завод, а в небе только-только появился полумесяц и отвернулся, чтобы не мешать нашей маленькой любви.

Так и шли мы в сиянии небесных светил в сторону Сокольского сельпо, полные томления и неги. Так можно идти целую вечность, но, тем не менее, мы подошли к калитке её дома и остановились. Нет, не для поцелуя мы остановились, какие на хуй поцелуи в первый день знакомства! Просто она, приоткрыв калитку, сказала мне «спасибо» и улыбнулась так, что я чуть не проебал важный момент.

Метрах в семидесяти от меня, со стороны реки, двигалась колонна, отнюдь не первомайская. Вместо транспарантов с вечным словом «Слава...!» в руках демонстрантов были фрагменты штакетника и велосипедные цепи. Это была та самая долгожданная подмога, ну я говорил уже. Ага.

Так вот, пока прекрасная Елена медленно закрывала скрипучую калитку, с прежней обворожительной улыбкой на милом личике, я отсчитывал секунды для полноценного съёба по методу Валерия Борзова.

- Мы ещё увидимся? — сквозь зубы прошептал я как подросток Ромео.

- Как хочешь, — тихо ответила мне Лена, Леночка. Конечно, это было «Да».

- Хочу, пока, до встречи! — с достоинством закончил я романтику, всей кожей ощущая воинственное поле справа от себя.

Калитка закрылась. Я даже не помню, закрылась она или нет, потому что давно уже мчался, как вольный каменщик, по освещенной фонарями аллее. А за мной раздавался тяжёлый топот взбесившегося стада и крики с окончанием «пиздец!».

Вот примерно так надо отбирать легкоатлетов в сборную. Полная отдача сил и прочих качеств. Я был великолепен.

Блядь, как часто судьба любит ставить свои дурацкие эксперименты! Ведь может же она заснуть, например, или посмотреть телевизор. Нет, ни хуя - не будет она смотреть этот чёртотв телевизор.

Короче, бегу я значит вольным стилем от этих, которые... И вот он, поворот на бугор. Частный сектор заканчивается. Я красавец. Я...

О нет! Это как? Зачем?! Нахуя?!!

Прямо по курсу на меня вываливает толпа «наших». Вываливает не менее агрессивно, чем та, которая, ну вы поняли. И что самое глупое — они принимают меня за авангард противника. Теперь я абсолютный авангард, для всех. Ну, а скажите пожалуйста, какой я нахуй авангард?

Нет же, впереди я слышу вопли «Вот они, мочи козлов!» или что-то в этом роде. Сразу же за этим раздаётся всё тот же знакомый мне топот стада.

Помните увлекательный мультфильм про мальчика Маугли, где в ущелье

буйволы чуть не затоптали полосатого кошака? Вспомнили? Ну, тогда вы поймёте и мою ситуацию.

Конечно, выход есть, но почему всегда вот так. Остановиться и сказать не дрожащим голосом — «Я свой» значило... Интересно, а что бы это значило? Да никуды не значило. Им похуй и тем - похуй. Всем похуй, кроме меня.

И тогда я сделал то, что делает настоящий мужчина перед лицом неминуемой опасности, сопряжённой с инвалидностью. Вот именно, я сиганул через чей-то забор с колючей проволокой. Порвал штаны, но был спасён от пиздюлей и унижения. Правда, подумал я об этом раньше, чем угодил ногами во что-то мягкое и волосатое.

Оно метнулось от меня, видимо тоже охуев от неожиданности и грубо залаяло. Звякнула цепь, и этот звук показался мне весьма неприятным. Цепь была очень длинная.

Человек царь природы. И именно поэтому я сообразил быстрее, чем друг царя природы. Я рванул по чьему-то огороду, взрывая грядки с морковкой и редисом. Овощи летели в небо, как олимпийские салюты. На крыльцо выбежал какой-то кулацкий потомок и заорал что-то насчёт моей матери. А позади меня неслась громадная немецкая овчарка, уже не лая, но рыча.

Мамочки, да где же тут тылы? Ведь огород должен когда-то закончиться! Сердце моё билось громче, чем малый барабан ансамбля «Песняры». И билось не зря - вот он противоположный забор, гораздо выше прежнего.

Вот все говорят Бубка, Елена Исынбаева. Ну и хуле? Без шеста, под аккомпанемент хозяина огорода и его собаки, я взял высоту и, возможно, рекордную. Вслед за мной посыпались комья земли с кед. Они безнадежно отстали от меня (комья). Я продолжил движение по другому огороду, и это не принесло мне облегчения или хотя бы веры в Господа Бога. А знаете почему? Я и сам не знал, пока не въебался.

Наверное, многие знают, что такое плетёная корзина. Ну да, это такие типа сумки из веток ивы с крепкими ручками. С корзинками хорошо ездить на рынок и покупать яйца десятками — в автобусе не подавят и если чего, этой корзинкой можно переебать кого по горбу за грубость и невежество.

Но вот бегать с этими предметами на ногах я никому не советую. Какой-то советский предприниматель наплёл этих корзин великое множество и поставил на моем праведном пути, может для просушки, а может специально, тварь. В пылу весёлого забега я попался в эти корзины и бежал, подобно лыжнику-разряднику. Вдобавок владелец этих корзин завопил на всю улицу, что его грабят и, возможно, насилуют.

Мне повезло. Переваливаясь через ограду, я потерял необычную обувь и припустился по параллельной улице в первозданной, то есть в привычной для меня экипировке. Вы спросите, почему опять припустился? Да, блядь, потому, что из

калиток повылазили любопытные граждане и спрашивали, кого же собственно грабят. В итоге я успел выскочить на свой район и вполне оправданно перешёл с «галопа» на «рысь».

* * *

Они наверняка меня ждали. А если не ждали, то какого хуя? Весело завертелся бело-синий маячок и взревел простуженный мотор УАЗика. Включились фары, и я обреченно вздохнув, начал набирать обороты.

Мне всё время не верилось, что зайцы бегут по свету фар охотника. Я думал, что это идиотизм и ошибка природы. Заявляю всем - в свете фар ментовского «бобика» бегают не только зайцы. Например, я бежал. Бежал так, что хоть сразу на Кубок Страны!

Мусора жали газы и крикали в рупор. Да похуй! Бежать, так бежать, без компромиссов. К тому же я понял одну важную мысль — а если в подворотню и через больничный морг к детскому садику номер 16? И я сделал это. Назло закону и порядку. Назло судьбе и серебряному месяцу.

Пробираясь между груш и крыжовника к беседке, я был спокоен, как товарищ Берия. В этом заветном месте мы с Олежкой «заныкали» полбутылки «Абрикотина» и сигареты.

И вот я в волшебной полутьме шарю под досками и... ни хуя. Нет того, что должно поддержать душу и сердце. Вместо этого я слышу подозрительную возню в углу беседки и тихий девичий голосок:

- Он сейчас уйдёт...

- Нет, не уйдёт, это Беспяткин, — уверенно ответил знакомый мне голос.

- Олеган, это ты? — строго спросил я.

- А кто ещё, где ты был? — Олежка вышел из глубин беседки с той самой, которая у детской поликлиники живёт.

Он протянул мне остатки пойла и «бычок». Я допил всё и закурил.

Олежка с подругой молча и внимательно смотрели на меня. Наверное, я стоял того, чтобы на меня так смотрели.

- Ты домой? — вообще не в тему спросил мой лучший друг.

- Да, там меня ждёт лобзик и пилки, хочу рамку для календаря выпилить, — ответил я почти честно.

Мне не поверили. А зря. Ведь ничто так не успокаивает перед сном как выпиливание лобзиком и комсомольский онанизм. Но уж если второе отпадает по причине общечеловеческой усталости, то лобзик по любому необходим. Да и календарь заебал с холодильника за батареею падать. А там пыль и гудит что-то.

(2010 г.)

МЯЧИК

Апрель - месяц ебанутих на всю голову поэтов и неунывающих алкоголиков.

Нет, сказать, что в этот месяц все пьют и пишут стихи про берёзки, не могу.

Многие приписывают, философски глядя на короткие юбки, а кто-то вообще ничего не пишет, кроме жалоб президенту, да на заборе всяко.

Кстати, юбки. Это ж, бля, такая тема! Почему никто не сочиняет стихи, иль там поэмы про короткие юбки? Про вагину — сколько хочешь. Про изгиб от жопы нежной - да любой бородатый бард знает! Эх...

Так вот, Наташа. Да, её звали Наташа. Но причём тут мячик, спросите вы? Наверное, связь есть, но пока её не видно. Даже мне.

А Наташа была очень красивой девушкой. Она работала на карамельках. Ну, там, где «раковые шейки», «барбариски».

Тянется, короче, такая длинная хуйня, типа трубки, а в ней начинка. Потом её ножик электрический обрезает — и конфетка готова.

Вот где-то в этом месте и работала красивая девушка Наташа. Чего она там делала, я не знаю. Наверное, нажимала какие-то кнопочки и грустно смотрела в закопчённое окно.

Её любили, нет, скорее, обожали. Да нет же, нет. Ею «наполнялись» все на нашем хлебозаводе — от шоферни до сторожа Баграмяна.

Все знают, что хлебозаводы не только булки пекут, но и кондитерские изделия производят. Кто жрал зефир в шоколаде? Да, это вот кондитерское изделие. Если на него наступишь по-пьяни — ёбнешься так, что провода загудят. И закусывать этой падалью стрёмно, как, впрочем, и мармеладом. А ещё есть эссенции — грушевая, апельсиновая, яблочная. Такая вот страшная смесь ароматов и спирта. Это сейчас сыплют в сладости порошки какие-то, а — тогда сахар, ваниль и эссенция. Пить её было практически невозможно, если ты, конечно, не поэт там, иль слесарь по печам и гидравлике.

Мы пили коньяк, который приходил на предприятие в огромных бочках, но использовался незначительно, не то, что масло или там яйца.

Наташа всем давала этого коньяку, но любили её не за это. Ею «наполнялись» потому, что она никому ничего, кроме этого чёртового коньяка, не давала во всех иных смыслах.

Нет, вру я. Её взгляд, словно с полотен Ренуара, бесплатно и нежно пронизывал чувствами всякого, кто подходил или пробежал мимо неё. Эрос и Платон бились под фуфайками, как гладиаторы. Каждый мужчина чувствовал, что вот-вот сейчас она чуть приоткроет бархатные губки и шепнёт тебе самое главное слово на свете.

Но нет, не было этого. Какое-то невидимое биополе окружало эту изумительную, добрую красавицу и не позволяло говорить пошлости, как, например, в пекарне. Там женщины давали всё, кроме коньяка. Нет, они тоже были практически красивы и теоретически загадочны, но хуле от этого? В бухгалтерии такая же история, только на высоких каблуках и в платьях с блёстками.

А вот Наташа... Мы даже не знали, замужем она или свободолюбивая блядь.

Кольца на пальце не было, но и в глазах - бездонное море нежности и ни намёка на легкое порно без наручников. Загадка.

Блядь, да что ж там с мячиком то? Как бы так незаметно перейти к этому предмету, минуя Наташу, коньяк и суточный план.

* * *

Обед! Да, в процессе производства хлебобулочной продукции присутствовало такое утончённое явление, как обед. Час, в который ты становишься свободным и готовым на всякие мелкие подвиги.

Зимой этот час был сер и томителен, как ожидание поезда из Алма-Аты. Все прятались по углам, шурша газетами и звякая посудой. Некоторые ублюдки даже ходили в буфет за томатным соком и полукотлетой на булке. Остальные жрали принесённое из дома, и ругали администрацию.

Но вот весной, в апреле, например, люди выползали из щелей как клопы-солдатики и, расположившись у склада на ящиках и поддонах, ебали пищу открыто, чавкая, роняя крошки и громко посылая на хуй не только администрацию, но и само правительство. А это не по Конституции вроде.

Весна — не время перемен. Это время освобождения. Ты как бы отрываешь из себя всё, что накопилось за постылую зиму, включая новогодний «оливье».

В общем, так. Сидели мы все на этих ящиках, жрали, спорили и вдыхали волшебный апрельский воздух. А мы были разными и по возрасту, и по должности, и по алкогольному стажу. Но в эти минуты мы были равны, как Святая Троица.

- Премия тебя не устраивает? - злился плотник Макеев.

- Иди в депо, там без премии, график и спиздить можно побольше, чем тут.

- Ты коней-то не гони! Премия - хуйня, я за принципы.

Зачем её, эту подачку, регулировать трудовой дисциплиной?

- упирался завскладом ГСМ Иван Пантелеевич.

Чуть севернее кислородных баллонов работники хлебопекарни спорили глубже и орали, как весенние грачи.

- Это ошибка Да Винчи от молодости! Традиционные перспективы в эпоху Возрождения были далеки от геометрии, потому рука Марии такая неестественная! - кричал Вася Вандалов.

- С перспективами у мастера было всё в порядке! Это он специально, как бы технически, инженерно, новаторски, преподносил живопись, — пикировал на него хромо́й учётник Фёклов.

- Ни хуя подобного! Эй, инженер! — повернулся Вася к седому, высохшему инженеру по техоборудованию Селезнёву. - Скажи, что Леонардо разделял живопись и чертёж-ность, точность и светотени. Ну, скажи, старый чёрт!

- Не всегда, Вандалов, не всегда. Вот, как и ты, он смотрел на мир глазами

реалиста, а рисовал по божьему усмотрению, - вяло ответил инженер, мусоля копченую мойву.

Блядь, вас, интеллигентов православных, хуй разберёшь! Вечно выверты какие-то, и ещё Бога приплёл, тьфу! - разозлился грузчик.

У стены гаража, на здоровенной покрывке от трактора, сидели пекари и тестомесы в белоснежных халатах и питались салатами из свёклы и куриными ножками.

Если кто думает, что пекари и тестомесы - это такие громадные мужики с бицепсами и трицепсами навывкате, то покиньте кинозал немедленно. Это были наши любимые женщины или как их там ещё. Конечно, среди них попадались и весьма крупные экземпляры, порою, даже пиздец какие крупные, но это дела не меняет.

Дамы всегда были в почёте, потому что существа они мягкие, сисястые и имели места не столь отдалённые, но приятные до семяизвержения. Они, как всегда, спорили о каких-то фильмах с роковыми Любовями, страстями и супружескими неверностями.

Короче, в этот весенний тёплый день во дворе хлебозавода царило свободомыслие и пахло далёким дымком «мудилов-ской» мусорки.

Из запylённого окна на нас смотрел новый директор завода. Ему явно хотелось спуститься во двор, как и его предшественнику, но не позволяла типичная робость новичка-администратора.

А я всё смотрел на Наташу. Возможно, и не только я. Она же ни на кого не смотрела, а просто пила кефир и жевала булку с маком. Нет, она переговаривалась с сотрудницами своего цеха, но как-то вяло и без азарта. Королева! Фантазия Гёте! Марсельеза!

* * *

Ба-бах! Ох, бля! Что за хуйня? Круглый и упругий, как зад бухгалтерши Тони Соколовой, и пыльный, как кепка электрика Жукова, мячик упал с неба. Потёртый и весёлый, словно Колобок, был этот мячик. И прямо, подлец, в мою кучку сала и лука низвергнулся! С небес ли он пришёл или из демонических ущелий? Не важно.

Он отпрыгнул к грузчику Вандалову, потом на горб Ивану Пантелеевичу и в итоге застыл призывно посередине двора, медленно вращаясь, словно естественный спутник Земли.

Весь социум уставился на него. Замерли даже невидимые птахи, там, в садах за кладбищем. Такие паузы случаются порой в природе как некий знак, означающий крутой поворот или смену общественных формаций. Предтеча будущих потрясений, диктатуры и НЭПа.

Но зачем растягивать эту паузу? А незачем!

В стороны полетели пакеты, миски и термосы. Вся мужская рать нашего предприятия встала, как Русь Святая, с лицами, полными огня и соперничества.

Я успел первым и добротным носком обрезанного кирзача сделал первый удар по мячику.

- Ф-фыр-р! - пропел кожаный незнакомец и вклепился в стену склада БХМ.

Отрикошетив, он попал на ногу электрику Жукову. В этот момент произошло молниеносное разделение на команды.

Ещё не поняв, кто за кого играет, мы все переместились на пустырь за градирней. Неизвестные истории руки поставили ящики-ворота и прозвучал голос сторожа Баграмяна:

- Пошла, милая! Иду по флангу!

Момент, когда за одно мгновение стёрлась грань между возрастом и должно-стью, почётом и уважением, одышкой и

поэтическим даром, можно было бы назвать историческим, но это было так незначительно в сравнении с самой историей, что ну его на хуй.

Матч начался как вероломное нападение фашистской Германии. То есть, внезапно. Мы носились по пустырю, как по полям европейских арен ФИФА. Распасовка, сольные проходы по центру и вдоль компрессорной трубы, силовая борьба в небе и в пыли. Удары головой и печенью. Прострелы с флангов и из-за ворот. Все эти атрибуты профессионального футбола дополнялись матом и неприличными жестами.

Это был матч людей, не обремененных годовым контрактом и проблемами трансфера. Это был принципиальный бой за обладание. Чёрт, а за обладание чего или кого был этот бой? Этот вопрос не имел ответа. Он был открыт миру и понятен без смысла.

- Не танцуй, как проститутка! Переводи на правый край, чучело! - ревел инженер Селезнёв в разорванной рубахе.

Запутавшись в дриблинге, плотник Макеев уводил за собой шофёра Дрёмова и Васю Вандалова. В итоге мяч у него отобрали, и грузчик, обгоняя собственный перегар, помчался к нашим воротам. Я, изображая танец Будды, перерезал ему путь. Иначе и быть не могло! Позади хромо́й учётник Фёклов — последняя линия обороны и не совсем надёжная. Я сфолил.

Пока мы толкали друг друга в твердые груди и рвали взглядами души, сторож Баграмян утащил мяч от ворот и перепасовал инженеру. Тот, в лучших традициях киевского «Динамо», «по-протасовски» впиздючил гол Ивану Пантелеевичу.

Взревели трибуны из пекарей и тестомесов. В синь небесную полетели накрахмаленные колпаки и женский визг потревожил автомобильные сигнализации. Новый директор завода почти расплзся по стеклу своего кабинета.

А где-то возле электрощитовой стояла она, моя обожаемая и всех «напол-

няющая» богиня. Наташа смотрела на нашу игру с такой страстью, что даже пыль и не гламурный топот рабочей обуви не смогли скрыть эту страсть. Всё это я увидел

одним мимолетным взглядом и, оттолкнув Васю, бросился в нападение. Хуй с ней, с тактикой - я должен забить гол!

Ничья - удел евреев-гуманистов и всяких там либералов. Самое дорогое у человека это - жизнь! Это каждый коммунальщик вам скажет. Но ещё дороже - это подвиг, на фоне которого любая жизнь - кусок окаменевшего дерьма истории.

- Дай пас! Дай пас, сволочь! - кричал я электрику Жукову.

Но тот вальсировал с мячиком, как Зидан, и его губы вытянулись по-рыбьи горизонтально.

Я скакал вокруг, «открываясь» и махая руками, как пришелец из космоса. Меня грубо «бортанул» шофер Дрёмов. Прокатившись по утрамбованной земле, я понял цену боли, но не придал ей значения. Боль - последнее, на что надо обращать внимание в жизни, после уплаты налогов и концерта певицы Валерии. Разодранная щека в счёт не шла.

Я вскочил неожиданно, как герпес, и стремительно, как нота «ля». И тут же, словно в сказке, получил долгожданный мячик. Отпустив его метра на два от себя, я без всяких там «школ» тупо летел к воротам Ивана Пантелеевича.

Навстречу мне тенью из прошлого рванулся кто-то из слесарки, по-моему, бывший десантник Пышкин. Да, точно он. Две силы, равные по модулю и противоположные по направлению, двигались в точку «Х». И в этой точке произошло освобождение энергии. Половинка моего кирзача и берцы Пышкина сдавили кожаный мячик с равной силой. Блядь, к чему эти сравнения? Силы были эквивалентны чему-то тро-тиловому! Мячик торжественно взорвался, и униженной тряпочкой ударился оземь.

Но вот тут-то и была та самая точка перелома. Пока бывший десантник решал, оплакивать ему мячик или выпить газировки с солью, я слабеющей ногой притащил рваную тряпицу к линии ворот и по-советски, через «очко», вкатил «золотой» гол опозоренному завскладом ГСМ.

Что творилось в стане болельщиков! Ебать ту ФИФА (одним словом и по-французски)! В небе уже парили не только колпаки и халаты, но и даже чей-то бюстгальтер четвёртого размера. Как мы уходили с пустыря, можно прочесть в «Слове о полку Игореве».

Оставшийся рабочий день был скомкан и для страны не важен. Все только и обсуждали игру. Все, кроме Наташи. Я совсем забыл о ней. Но (вот тут вы охуете не менее моего) она не забыла обо мне. Прикиньте.

В конце смены, когда я смиренно пришёл за вечерним коньяком, она тихо и так бархатно сказала мне:

- Беспяткин, ты не проводишь меня сегодня? А то я обещала подружке занести

дрожжи, а она у кладбища живёт.

Бля, товарищи, вы можете представить, чтобы я сделал с упокоенными гражданами, если бы они чего-нибудь там?

Ещё не очухавшись от стопятидесяти грамм и неожиданной просьбы своей богини, я сипло прошипел:

- Без проблем, Наташа.

* * *

Ночь была, как у старины Александра Сергеевича. Ну, там «прозрачно небо, звёзды блещут» и все такое. Чего-то там трепещет. Температура воздуха и атмосферный столб в норме. Короче, все столбы в норме и в груди томление, словно у поэта-гражданина Некрасова.

Мы шли по залитой лунным светом тропинке мимо спокойного, умиротворенного погоста. Она держала меня за руку и эта рука дрожала. А я готов был голым пробежать меж могил неведомых мне людей и процитировать что-нибудь из классиков марксизма!

Но это было бы разложением идеалов и ложный путь, как сказал бы смелый комсомолец Корчагин. Это попросту была бы глупость. И потому я нежно обнял Наташу за плечи. Она перестала дрожать и склонила голову, как птица.

Так и шли мы до дома её подружки. Потом она отдала дрожжи и вернулась ко мне, взволнованному. Обратно мы

шли влюблённо, как дети. Я трогал её за всё, но не грубо, а наоборот как-то.

И вот чертоги моей королевы. Одноэтажный, невысокий дом с двускатной крышей. Низкий забор и без собаки во дворе. Наташа остановила меня неожиданно в тени разлапистой липы. И под ней мы поцеловались. Как сладок был поцелуй, так горька была мысль о расставании!

Не в силах удержать себя, я предпринял пошлую попытку. Она решительно отстранила меня и вдруг спокойно так сказала:

- Вон в том крайнем окне я буду ждать тебя. Перелезь

через забор и по огороду. Только не по грядкам, а то от свекрови попадёт.

После этого она исчезла, словно аванс перед Днем работников общепита. Я стоял, полный страсти и ещё какой-то романтической дряни, вроде трепета плоти или как там её. Ну, надо же! Свекровь, грядки, окно... Аптека, улица, фонарь... Может, я супергерой или принц из сказки про лягушку?

Впрочем, долго мыслить об этом я не стал. Как Маугли, я полез на забор.

За забором была вспаханная земля. Блядь, как на государственной границе! Я слышал, что такие вещи переходят с помощью двух лопат. У меня этих лопат не было, а бежать за ними через всю «Мудиловку» к дядьке нахуй не нужно. Поэтому я осторожно пошел по диагонали к заветному окну.

Ступив на отмостку, я прикинул, что на окно залезть будет не совсем просто. Но, граждане, любовь и близость женского тела способна закинуть человека даже на Петропавловский шпиль! А тут какое-то сраное окно с потрескавшимися штапиками. И вот это окно распахнулось, и нежный голос прошептал:

- Давай, лезь Беспяткин.

И я, пробуксовывая по стене ребристыми протекторами кроссовок, как ночной зверь, проник в спальню с широкой пушистой кроватью и самой дорогой на свете женщиной. А что ещё нужно для простого рабочего ублюдка, вроде меня? Да, в общем-то, больше и ничего. Безумный секс и разумная ебля.

- Да будет так! — сказал Творец и задёрнул Луну занавеской.

Но у нас был маленький «ночник» воткнутый в розетку, и неведомая свекровь, храпевшая как ГАЗ-53, что по утрам развозит булки по магазинам. И ещё много чего было, скажу я вам...

* * *

Полпятого утра — время традиционного съёба по методу Казановы. Это время, когда пиздят магнитолы и стекла с автомобилями, а солнце гадает, как ему рассвет начать — резко и революционно или вкрадчиво и неуверенно, как речь председателя Центробанка.

В это время я проснулся для того, чтобы невесомой тенью скользнуть из тёплого ложа в прохладу счастливого утра, в кусты крыжовника.

- Да спи ты ещё, Беспяткин, - мурлыкнула Наташа, мягкая, как облако.

- Нет, я пойду, надо... - ответил я твердо.

Я точно знал, что мне надо, и эта причина убила бы всю романтику и прелесть волшебной ночи. Поэтому, поцеловав женщину в красивую и душистую макушку я, быстро одевшись, полез в спасительное окно.

Когда я оказался на свободе, то был неприятно удивлён состоянием стены, которую ночью я терзал подошвами как по-стирочную доску. Она вся из небесно-голубой превратилась в грязно-развратную. Я постучал в окно. Тишина. Я ещё раз постучал, громче. Она проснулась и выглянула, как Солнце.

- Вот тут на стене нехорошо получилось, — шепнул я, грустно сдвинув брови.

Наташа посмотрела вниз и ахнула. Я уже знал, что её муж-дальнобойщик, суровый, с волосатыми руками мужчина, имел какие-то принципы, потому не удивился, что Наташа кинулась искать тряпку и этой тряпкой махнула мне, чтобы съёбывал. Ну, я и пошел, обходя грядки, к забору. На нем я завис на долю секунды и посмотрел на огород. А там, на чёрном-чёрном чернозёме, как на полотнах Репина, зияли нежно-голубые следы с грубым рисунком протектора моей грешной обуви. Они уходили прочь от дома, в котором я оставил частичку своего... Бля,

забыл, как там пишут писатели. Короче, герой уходит, чтобы... Нет, не вернуться, но типа того. А там, у истерзанной стены, королева пыльной тряпкой затирает улики внезапной любви или мимолетного блядства (решайте сами).

Мне же пора было выполнить главную задачу этого дня. Вот только бы успеть добежать до кустов боярышника перед оградой всёпринимающего кладбища.

(2010 г.)

ДВЕРИ

Ёщё недавно у нас в городе ходили троллейбусы. Это такой хороший вид общественного транспорта. Даже говорят, самый экологичный. Ну, там у него (троллейбуса) на крыше два штыря длинных, похожих на усы торчали. Они по проволоке елозили и электричество брали для моторчика. Иногда эти «усы» соскакивали и люди в слоне радостно чмокали губами приговаривая: «вот бля... сейчас водила за верёвки дергать будет, а мы посмотрим».

Любили люди моего города кататься на троллейбусах. И старые, и молодые, и по полу разные, и по национальности - все катались. Всем места хватало. Но не всегда. Иногда мне не хватало и... армянам.

Не знаю почему, но с армянами в троллейбусе нам частенько места было мало. А ведь мы жили на одной улице и пили из одной пивной бочки. И в гости ходили, машины чинили, Шер да Азнавура слушали.

А вот как напьемся водки, так и спорим, словно в Думе, на темы глупые и человеку мало потребные. То про образование, то про ювенальную юстицию, а иной раз даже про эстраду, что по Первому каналу показывают, спорим.

А как только дело до драки доходит, то бьём мы друг другу лица без национальной вражды, а просто с досады на песни Аллегровой или убогость какого-то ЕГЭ. Но это если за стадионом, или в Старом логу, где старые покрышки дымятся. А

в троллейбусе мы толкали друг друга исключительно по причине автомоек.

Вот не нравятся мне эти автомойки в частном секторе, где простые люди огороды копают и бельё развешивают. А армянам там самое благо машины мыть из пылесосов. Вонью шампуня и мерзким шипением сопровождалась эти омовения. Ну и деньги, конечно, зарабатывались. Бизнес, блядь!

А хуле это за бизнес? Честный человек завсегда сам машину помоет и даже тряпкой протрёт лобовое стекло. А остальным подавай сервис. Пижоны какие.

Да ладно. Я о другом рассказать хотел.

Каждый раз на остановке имени революционера Баумана мы с Варданом, иль там с Ашотом каким вываливались на асфальт из троллейбуса к ступенькам пункта «Скорой помощи».

Там-то нас и брали органы правопорядка за руки и за ноги. Тащили они нас в РОВД, писали бумаги на армян и не писали на меня. Попробовали бы только написать. Хуй им тогда, а не сиделки в частном секторе с гитарой и доступными бабами.

Но вот сегодня меня посадили в камеру на втором этаже. Не в «зверинец», как должно по статусу, а в отдельную каморку скорби для преступного элемента. И понятно стало мне вдруг, что пока бухал я диалектически и классово, мир изменился неприятным для материализма образом. Нет, буржуазные хмыри торговали и наёбывали граждан, как и раньше, но вот владельцы средств производства поменялись. И даже национальные уши у этих господ мне были знакомы.

Поэтому я сидел на скрипучей шконке, злой и опухший, словно эсер в феврале 1917 года. Сквозь решётку светил тусклый фонарь и качались мертвые ветви осенних тополей. А я стыдливо подумывал о побеге. После троллейбуса мне стало тоскливо в этой зарешеченной обители духа и плоти.

В ментовке сидят разные люди. Одни по «взрослому» за убийства скупых старух иль за оскорбление чиновников, другие тупо за кражи и кидалово, а третьи, низко пав, попадают за идею. Я не знал своей роли в этом спектакле, но и ждать, когда тебя назовут виновным в подготовке митинга против

коррупции, у меня не было желания.

Итак, что мы имеем? Камеру, пустой коридор на втором этаже и сборище силовых структур на первом.

А ещё мне было знакомо это здание аж с голоногого детства. Бывший детский сад «Незабудка». Тут я провёл не один год заключения и был бит шваброй за ворованные пирожки с капустой. Била меня повариха тетя Валя — огромная розовая повариха. Каждый закоулок этого ветхого дома был мне знаком, как белая горячка. Вот только решётки на окнах и дверь, обитая жестью, мешали воспоминаниям.

Впрочем, что такое, по сути, дверь? Ведь её можно открыть, в неё можно постучать и вам откроют. Всё дело в том, как постучать и кто откроет. А это всегда можно проверить опытным путём. Но мне не дали. Да, мне не дали этого сделать.

Я всегда подозревал, что в некоторых романах про всякие там «уровни» и параллельные реальности есть какой-то намёк, что ли.

Конечно, врут многие, но ведь и Мюнхаузен врал, а оказалось вон оно как. Нет, я согласен, что в человеке заложено немало всякой неизведанной дряни. Вот, например, во мне. Я практически всегда приходил на пьянки, зная, какая будет следующая реальность и что за её пределами у меня не украдут шапку иль там магический артефакт. Потому что в подсознании моего второго «я» всегда на-

ходилась какой-то волосатый гражданин и следил за тем, чтобы всё было пристойно, ну хотя бы до пол-литра.

Впрочем, я не об этом. Я собственно о том, почему мне не дали постучать в дверь. Короче, он появился справа, а она слева.

- Адам, - сказал он.

- Ева, - сказала она.

Ну, меня вы знаете, - ответил я и протянул Еве зелёное яблоко.

Она взяла его и бросила в угол. А оба голые и неприятные по виду и запаху.

- Съебаться хочешь? - спросил Адам.

- Хочу, - ответил я.

- И чего стоим? - спросила Ева.

- Думаю, - огрызнулся я.

Меня всегда раздражало, когда галлюцинации начинают выебываться и утверждать, что всё в мире хуйня, пустяки и почему собственно я этого не понимаю.

- Всё давно придумано, с начала времён, - сказал Адам.

- Вы о хождении сквозь стены, так это действительно хуйня. Я прямо сейчас и пойду на улицу, - продолжал злиться я.

- Ну, так и иди, — воскликнула Ева.

Я, накалившись до предела, шагнул в стену и даже дальше шагнул.

О-ох, как я уебался об неё! В голове зазвенела весенняя капель и мандолина. На лбу вскочила героическая шишка.

- Что, блядь, убедились, весело вам? - заорал я, оборачиваясь к старым греховодникам.

В камере никого не было. Меня опять наебали. Нагло и предсказуемо. И тут я услышал, как за дверью кто-то кому-то втолковывал.

- Видишь, он уже башкой о стены бьётся. Потом, гляди, удавится на батарее, - шептал низкий голос.

- Не удавится, это его «белка» стеганула, «отойдёт». Не в первый раз, - возвращал голос высокий.

- Старшой предупредил, чтоб никаких потрясений или увечий, иначе сам знаешь...

- Ну, давай свяжем его, козла, и делов-то.

Мне не понравились эти разговоры, а ещё больше мне не понравились действия тех, кто, оказывается, охранял меня как мумию в музее. Два лица в сержантских погонах, отворив дверь, вошли ко мне в гости с ремнями в твёрдых руках.

Войти-то они вошли, но меня не увидели. Я и сам-то себя не увидел поначалу, но потом пригляделся. Ну, вот же я сквозь дверь прошёл наружу, ещё раньше, чем стража вовнутрь. Значит, есть во мне эта сила предпoxмельная, дающая магические бонусы в виде странных диффузий сквозь твёрдые предметы!

И дверку я закрыл обратно. И засов задвинул, чтоб тем с

ремнями не повадно было людей связывать за просто так. Не спрашивайте, как и почему это происходит в редкие дни, когда фонари светят и кривые ветви качаются на осеннем ветру, словно самоубийцы.

Просто пошёл я вдоль коридора на выход к лестнице со скрипучими ступенями. А на лестнице кровийшей всё залито и дым сигаретный витает.

Нет, вернись-ка я обратно в камеру. Пускай те, с противными голосами, сами разбираются тут. И я вернулся. Да только зря. В камере моей лежали размеров разных куски мяса, располосованные вдоль и поперёк колючей проволокой. Я наступил на чей-то упругий глаз. Глаз лопнул, а я подскользнулся и упал на липкий пол.

Вот как тут быть? С чего начать надо?

Я вспомнил, что мир изменился как-то. До этого был мой мир, мир насилия и чистогана, работорговли и канала РБК. В нём пели про какие-то лабутены и по телевизору нервные люди спорили о запретной ебле малолеток. Мой мир был понятен - как классово, так и на отъебись.

А тут всё не так. Тихо. И смертность все показатели бьёт. Как я оказался тут?..

Так. Троллейбус. Мы с Ашотом (или Варданом) пугаем друг друга пиздюлями и проклятиями сатаны. Улица Баумана, полиция, РОВД. На меня пишут бумагу.

Стоп! На меня пишут бумагу. Что пишут в той бумаге, кто пишет и зачем? Тут что-то есть нелогичное.

Надо уходить отсюда и выпить водки. Может, я выпал из матрицы по чьей-то преступной нерасторопности. И это вот настоящий мир, в котором нет троллейбусов и армян.

Я осторожно прикрыл дверцу и по-тихому направился обратно к лестнице с кровавыми подтёками. Спускался я ещё осторожней, чем дверь прикрывал.

В дежурке никого не было, кроме трупов в «зверинце» и окурков на полу. Они ещё дымились. Курение, граждане, вредит не только здоровью, но и историческому материализму. Бросайте нахуй это дело, пока не поздно. Я подёргал стальную дверь, за которой иные граждане чувствуют себя свободными. Она была заперта. Ах да, её открывают из-под стола дежурного. К счастью к этому столу путь был открыт по неведомой мне причине. На столе лежала синяя, оторванная рука, подобно куску дешёвого сервелата. Кнопочка была рядом и я нажал её. Входная дверь щёлкнула и я понял, что делать тут мне больше нечего. Я мешански вздохнул и надавил на тяжёлые врата внутренних дел...

* * *

Яркое солнце ударило мне в челюсть, как только я оказался во внешней среде. Было это весьма неожиданно и обидно даже.

А прямо передо мной двигались отечественные автомобили, бежали собаки и орали дети в советских колясках. Птицы-грачи прыгали по веткам с изобильной листвой. На улице Ушинского жёлтый каток давил асфальт, а вокруг него легкомысленно топтались дорожные рабочие в серых робах.

Всё вокруг жило и перемещалось по своим, нужным векторам. И замечу, никаких обезображенных тел и сигаретных окурков. Со мной был обычный летний день, каких полно у природы и мало у человека.

Но, я то был одет не по сезону и тошнило меня с похмелья по-осеннему. Не мог же я вот так глупо перескочить во времени, словно слепой пешеход. Определенно не мог.

Я повернулся в попытке открыть металлическую дверь, из которой только что вышел, но напрасно. Двери не было. И РОВД не было. А что было, спросите вы?

А был детский сад «Незабудка». Это я прочитал на стеклянной табличке. И вам придётся мне поверить. Внезапно я вспомнил, что писали про меня в том протоколе и кто писал. Да вы и сами, поди, догадались. И то, что не нужен я оказался миру, в котором ходят троллейбусы и поет певица Аллегрова - это факт.

Выписали меня из него, из мира этого, как из больницы с платными услугами и страховыми полисами. Отдали обратно Родине с теплыми руками и с автоматами газированной воды по три копейки. Но, в таком-то возрасте что мне тут делать? Как я взгляну в глаза гражданам этой страны? Я же знаю какая хуйня произойдёт с ними и всякое такое. Вернуться бы назад.

И знаете, что я сделал? Не угадаете. Я пошел и украл стакан из автомата. С этим стаканом пришёл в кафе «Ромашка» и заказал вермута.

Чем я платил? А была у меня в паспорте закладочка в десять рублей с Лениным в кружочке...

Похмелился я правильно и закусил бутербродом с селёдкой и маслом. Потом я взял «Кавказ» на вынос и неторопливо спустился в лог, где не валялись покрышки и разный противный мусор. Тёк в том логу ручей прозрачный и летали стрекозы.

Сел я у ручья и липкий портвейн в стакан налил. Долго смотрел на воду, долго смотрел на вино. Всё думал о чём-то, но так ничего и не надумал...

(2018 г.)

БОЯРЫШНИК

Как-то батрачил я на «дядю». Офисы отделявал — кровлю там, потолки под-

весные и прочую ёбань. Поскольку зарплату платили от балды и не много, то забивать хуй на работу было в норме. Приоритетом выступали домино, затем сика, «козёл» и здоровый сон на стекловате.

Но иногда мы работали. Работали, почти как в годы первых пятилеток. Неистово и самоотверженно. Это когда за метры и кубы. Ну, вы понимаете.

Правда, в тот год мы все прочно сидели на настойке боярышника.

Стоило это царство 12 (или 13, не помню точно) рублей, имело 100 мл в объёме и 70% по спирту. Правда, там мелкими буковками было написано «Принимать каплями». Но, поймите меня правильно, какой дурак принимает «боярышник» каплями? Это ж не «Корвалол»! Впрочем, и «Корвалол» тоже по каплям — мове-тон.

Так вот, бежит к нам прораб с выпученными от ответственности глазами и орёт:

- Бля, братва, щас «груша» прикатит, надо отмостку городить!

- Городи, товарищ! Разве ж кто против? - хором ответил рабочий класс.

Мы прекрасно понимали, что прибежал он не с пустыми руками.

Раствор надо раскидать по-быстрому, и ещё «зеркало» навести, чтоб трещин не было. А если по трудовому кодексу, то до 17:00 мы его аккуратно превратим в развалины Помпеи.

Запахло хорошорублёвыми кубами. Но, как истинные гурманы по «боярышнику», мы смаковали предстоящую халтурку словно японские... Как их там? Забыл.

- Деньги вот у меня в кармане! Поднимаемся, братцы! - взывал прораб.

Мы поднялись, как знамёна. И в спокойствии чинном направились к месту действия. А место это, я вам скажу — пиздец. Сберкасса с номером 50.

В подобных заведениях пенсионеры платят по «квиткам» за газ, свет в конце пути и земельную барщину. А ещё там меняют рубли на американские символы мечты и европейские какие-то денежки.

Братцы, не храните деньги в сберкассе, не храните вообще ничего! Всё пропивайте и прожирайте. Любое накопительство, включая цирроз печени, — от Лукавого. Сорите миром и сквернословием! Имейте же совесть, наконец.

Ах да, три куба бетона. Три куба бетона - это много или мало? Три куба бетона - это Голгофа или Врата? Ни хуя - ни то, ни другое. Это чистая прибыль - бухнуть, «в семью» и ещё пачка «Балканки».

Мы стояли возле этой монументальной жижи и внимали природным голосам.

- В двое носилок и пиздячить аж вон туда. Я ебал такое, прораб, - заявил бригадир Толик.

Запахло конфуцианством. Прораб, понимал, что с «зажиленной» «пятихаткой» придется расстаться. И, вдобавок, напиться вместе с гегемонами.

- Толик, эта смесь к утру станет достоянием потомков, а значит, бесплатной и никому не нужной, - как можно вежливей сказал я.

- Лопаты хуёвые, - ответил бригадир, и, забрав деньги у прораба, встал на путь враждебных вихрей.

Это значит, что мы выпили оставшийся «боярышник» и решились. Мы черпали раствор и, наполняя носилки, таскали его к Сберкассе № 50.

Кто таскал эту поебень, знает, что хуже может быть только стекловата в трусах и президентские выборы. Но и то, и другое дано нам свыше, а потому и роптать не стоит. Работать, как говорил поэт Маяковский, до кровавых мозолей! И мы работали.

Наспех сбитая опалубка трещала как гроб Господень, но была крепка. Раствор с политическим подтекстом валился в форму, обволакивая арматуру. Отмостка будет. Дом не разъедется, как фигурист Плющенко, во все стороны света. А мы, усталые и полные значимости мужи, купим наконец-то водки.

Но, бля, сколько ж их есть! Я имею в виду объёмы. Мы «волтузили» раствор дотемна и почти не курили. И всё потому, что чёртов раствор имеет свойство застывать и становиться вечным надгробием. А у нас двое носилок.

Кто понимает, тот снимет шляпу, а кто не в курсе - сдохнет в эмиграции, как какой-нибудь бездельник Бродский или халтурщик Войнович.

Мы заканчивали работу при свете грешного полумесяца. И тут произошла странная, на мой взгляд, штука. Подходя с очередной порцией бетона к месту встречи, которому изменять преступно, я увидел, как Ваня Савин, который всегда закусывал черешней, стоит в позе античного олимпийца, готовящегося рвануть на 60 метров.

Он был скован и напряжён. Его плотно и беззаветно придавило передней частью носилок. Руки работяги застыли далеко позади на поручнях. Напарник же, Паша Молотов, наоборот смело и героически налёг на тяжёлые носилки. Его руки так же были далеко в прошлом. А вот голову его я не нашел. Темно же было, как я говорил ранее.

- Хуле вы тут, позируете? Ночью может быть мороз. Помощь нужна? — спросил я почти скороговоркой.

- Я не застрял, Беспяткин - ответил Ваня Савин - Эта тварь на носилки налегала и не пускает. Щас я ему, блядь, «наваляю», и к вам на угол перейдём. А прораб водку купил?

- Водку купил, но ну вас на хуй, рембрандты, разбирайтесь быстрее тут! Нам ещё пара «ходок» осталась и мы начнём

бухать без вас — ответил я, уловив в словах Савина скрытый сарказм и пренебрежительное отношение к работе.

Если бы не мать-тма, я бы разобрал головоломку с башкой Паши Молотова. Но нас ждал последний штрих и мы с бригадиром Толиком поспешили к остаткам

бетона.

* * *

Вы когда-нибудь кидали лопату в могилу? Я тоже нет. Но нечто похожее я испытал, отшвырнув её к пустым носилкам.

Похоронив «объёмы», мы с Толиком сели покурить. Уже в «говно», пьяный прораб стилижно танцевал с елецким «Соблазном». Его похвалят на утренней «пятиминутке», если он, конечно, туда попадёт.

Мы выпили сразу по стакану.

Так надо, не старайтесь меня перебить. Нарезка «салями» дала нам это право и еще что-то про выполненный долг. Отсутствие Вани и Паши мы, как обычно, отнесли к традиционному мордобитию, в которое, как правило, вступают только студенты (по глупости) и кто-нибудь из архангелов в погонах (по служебной инструкции).

Поскольку в вагончике было тепло, мы не торопились к родным и близким, от которых, кроме колючих взглядов и неприличных вопросов, ничего было ждать. Мы выпили ещё, и «сияние» покрыло наши спины.

Прораб упал в Вечность, а мы, докурив сигареты, смотрели в открытую дверь, за которой ходила смерть и оловянные солдатики.

* * *

- А что, Савин и Молотов ещё не пришли? - услышал я бригадирский голос из толщи сна.

Мои глаза открылись, как двери списанного «Икаруса».

Розовый рассвет маячил за дверью, и уже орали воробьи. Сам бригадир стоял одной ногой на голове прораба, а другой в блевотине.

- Савин сказал, что, как только набьёт ебало Пашке, то они вместе придут вкусить, и всё такое, - ответил я. - Тот его носилками придавил сзади, шутник этакий.

- Надо пойти посмотреть, давно нет пацанов, - тяжело и смрадно сказал Толик. Он сошёл с головы прораба и, затмив розовый проём, исчез в утреннем тумане.

Я отвинтил горло «Соблазна» и выпил из него. Утром из стаканов не пьют, запомните это! Занюхивайте только собственными рукавицами, иначе рано или поздно вас вышвырнут из поезда или вы продадите оставшуюся часть Родины.

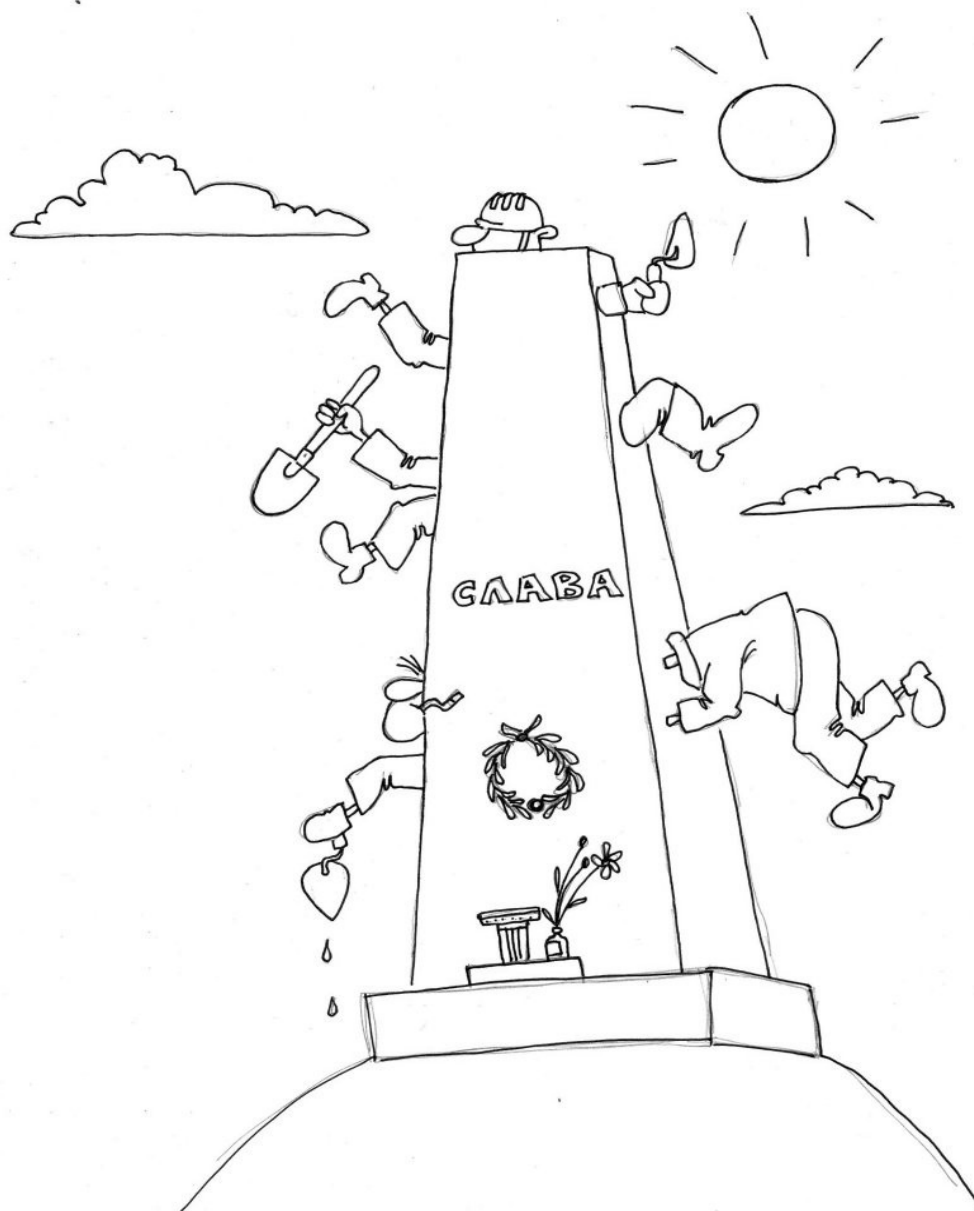
Вставать не хотелось. Накануне я заснул сидя, как, впрочем, и проснулся - не стоя и не лежа. Но встать пришлось. И всё из-за головы. Той самой Пашкиной головы, которую я тогда в темноте так и не увидел.

Меня позвал бригадир. Громко так и тоскливо позвал, как вымирающий вид. Я

неторопливо, словно Вселенная, вышел на зов.

Где-то в начале я говорил про монументальность и назидание. Так вот, я увидел это. Я увидел то, что простой обыватель назовет артефактом, иль как там его, забыл (голова, знаете ли).

На том же самом месте, где я оставил наших напарников с застрявшими носилками, они и были (напарники и носилки). Только в этом зарождающемся утре всё выглядело иначе и перпендикулярно жизни. Придавленный носилками Ваня, с вывихнутой ногой, упёрся шапочкой с надписью «Рита» в отмокшку и неприлично спал.

А вот Паша Молотов с заломленными, как я уже говорил, в прошлое руками, покоился рабочей головой в застывшем растворе — в последнем объёме, в последних носилках. И только сиреневый клочок шеи «оживлял» композицию, которую

не в силах создать даже великий скульптор Вера Мухина.

Выпавший из кармана фуфайки Савина пустой пузырек «боярышника» как венок от правительства дополнял часть некрополя близ Сберкасы № 50. Видимо, ночью Ваня плакал, не имея возможности позвать товарища, который в толще бетона увидел белую дорогу и собаку по кличке Банга.

Это нелепо, скажете вы, и будете правы. Это крайне нелепо.

Но ведь, когда самурай погибает от меча, он счастлив. Когда шахид замыкает провода, он счастлив. Значит, и Паша Молотов был счастлив, погибнув в труде, а не на остановке «9-я школа» или «Профсоюзная».

Вот только нам с бригадиром Толиком предстояло разбудить и вытащить Ваню Савина, выдержать тяжёлое объяснение с милицией, комиссией и прочей дрянью. Никто из нас не был счастлив, кроме суки-прораба, который ещё спал.

Я поднял пузырек «боярышника» и швырнул его в небо, которому наплевать на... Я не знаю, на что наплевать небу.

- Короче, достаём Савина, и... там ещё осталось. Пока менты не приехали, - строго сказал бригадир.

У тебя деньги сохранились? - спросил я.

- Конечно! Поделим на троих, и Пашке на венок надо, — ответил тот.

Я считаю, он сказал правильно и вовремя... Рассвет из розового становился обычным и гадким, как все сберкасы мира.

(2010 г.)

ПОПУГАЙ

Да хуй его знает, почему так происходит. Может, магнитные бури, смещение векторов времени и прочая по-еботина. Не знаю. Но в тот вечер я стал лучше и чище. Нимб вокруг черепа не появился, но из горлышка в подъезде я больше не пью - обязательно покупаю одноразовый стаканчик и ириску.

Короче, в тот день, отправив жену с потомками в солнечный Адлер, я купил водку. Те, которые пришли позже, тоже купили водку. И те, которые пришли, вообще хуй его знает когда, были с водкой. И не потому, что водка наше всё, а просто так совпало.

Нет, на столе, конечно, были и другие продукты, даже две салфетки, но доминировала всё же водка. А что б она особо не доминировала, мы её пили.

Пили мы не по-мещански, как у Островского, и не классово, как у Маяковского. Мы бухали ментально. Хуй его знает, что это за слово, но бухали мы имен-

но ментально и никак иначе.

Короче, сосед Витька, два журналиста с солидным алкогольным стажем (Толик и Арно), студентка биологического факультета по кличке Жало, редактора «жёлтого» журнала Аня и потомственный токарь Самуил Наумович. Это, можно сказать, базовая компания. Остальные — так, по ходу дела.

- Сегодня мы поздравляем счастливого человека с праздником свободы и равенства! - поднял тост сосед Витька.

- Да, да, именно так и никак иначе! - подхватили идею радостные гости.

Мы выпили напитки и в окно заглянуло солнце.

Колбаска с жирком ложилась в чрево исторически оправдано и не напрягала. Ну, впрочем, у многих было нечто подобное, и описывать, как мы там тотально теряли контроль над основными законами физики и морали, нет смысла.

В итоге, вся рать сияла и переливалась оборотами и градусами. Мы ставили под иглу диски (виниловые, блядь!) и растворялись в Machine head, «Аквариуме» (до того, как БГ ебанулся на всю голову), в «Зоопарке» и Pink Floyd. А в чём ещё, скажите, мы должны были растворяться?

- Беспяткин, а ты помнишь, как наши проебали «Сатурну»? — отжёвывая хвост мойвы, спрашивал журналист Толик.

И я отвечал:

- Помню, чувак, помню. И как ссали на Петровском спуске. И ментов помню, и этих, с мохнатыми лапами.

- А go-go, в «Центральном», помнишь, Беспяткин? И меня в платье невесты? — за каким-то хуем спросила студентка по кличке Жало.

- Ну, допустим, помню, и что? - нахмурился я.

- Гламурно, - ответила студентка.

- В пизду люмпенов! - крикнул сосед Витька и подошёл к клетке с попугаем Прошей.

Блядь, почему этих волнистых тварей зовут или Прошами, или Гошами? Они что - имеют паспорт или там диплом об окончании? Это важный вопрос, но к расказу отношения не имеет.

Так вот, Витька подошёл к попугаю и пальцем так, небрежно, провёл по прутьям. Ну, как по арфе, что ли провёл. Попугай вскочил на палочку, оторвавшись от приёма пищи. Он посмотрел на человека с досадой, и взгляд его говорил о многом.

- Прощка - дурак, - произнес сосед по лестничной клетке.

- Прощка - дурак, и хуле дальше? - последовал ответ из клетки.

- Ох, бля! - отшатнулся Витька и подошёл к нам.

А за столом настраивалась гитара и звенели стаканчики. Вытянутое лицо Витьки никого не удивило, а только обрадовало.

- Ебать, маскарад, - засмеялась редакторша Аня.
- Вить, может налить чего? - спросил журналист Арно.
- Этот попугай говорит, - тихо сказал охуевший сосед.
- Это говорящий попугай. И ещё он кувыркается, - согласился я.
- Он думает и говорит, он понимает нас! - возмутился Витька.
- Конечно, понимает и думает! Выпей волшебства, - сказал Толик и поднял стакан с водкой.

Все выпили и защёлкали пальцами. Колбаса кончалась, а вечер начинался. Возник вопрос о засылке гонца. Это на какое-то время отвлекло нас от попугая. И ещё от международного финансового кризиса отвлекло. Может, без закуски пить почётно, но не ментально, поэтому на хуй амбиции и — да здравствует анархия!

Короче, через несколько минут журналисты притащили банку огурцов, венгерское сало, колбасный сыр и напиток «Байкал». Женщины порезали пищевые продукты, а потомственный токарь Самуил Наумович разлил волшебство по стаканам. После процесса деградации я запел песню про Лисью шапку:

Лисья шапка, лисья шапка, У неё есть пушистые лапки. Это вам не бутылка, не тапки, Это хитрая лиси-и-я шапка

Крепкий, пьяный хор склонял куплеты и пугал живородящих рыбок в круглом аквариуме. У меня ещё и рыбки жили. Гуппи и эти, как их там, меченосцы. Они не любили громкого пения и поэтому метались по аквариуму в волнении и недовольстве.

Но у нас демократическое общество, и каждый имеет право на свободу песни. Особенно матерной - ведь простые слова в хуй не впились людям, рискнувшим расширить горизонты познания.

Короче пели мы, пели, и вдруг лично я понял, что пьян в дымину. Нет, не то чтобы я был готов пасть ниц или там свернуть раковину, но отгадывать кроссворд на тему классиков норвежской поэзии был уже не в состоянии. Зато я мог, вскинув руки к небесам, воскликнуть: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А мог и ничего не восклицать.

- Беспяткин, он снова пиздит почём зря, — услышал я голос соседа Витьки.
- Кто, Минаев? Пусть пиздит... Вместе со своей Хакамадой. Им за это деньги платят, - встрепенулся я.
- Да нет же! Попугай твой опять чего-то, - обиделся Витька.
- Попугай только копируют речь, - вступился за меня Самуил Наумович.
- А этот ни хуя не копирует! - упрямылся сосед.

Я, борясь с волнами, встал и подошёл к клетке с моим зелёным пернатым другом. Подняв жилище птицы, я глядел на Прошку пытливым, и, как мне казалось, умным взглядом.

Попугай смотрел мне прямо в глаза и молчал как филин.

- Ну, Прошка, скажи чего путного, - научно спросил я.

- П-а-шёл на хуй, - рассудительно сказал тот и взъерошил перья.

Я выпустил клетку из рук, и был непростительно испуган. Вся компания тоже притихла в познании неизведанного. И только из перевернувшейся клетки раздавалось непристойное возмущение по поводу жестокого обращения с животными.

- Сдохнете вы со своей демократией, блядь, — грубым голосом вещал Прошка, сидя на люстре после того, как вылетел из открывшейся дверцы клетки.

- Надо его ёбнуть, — подала голос редакторша Аня.

- Заткнись, шалава! Тебя муж ждёт, а ты тут с этими ублюдками, — ответил попугай спокойно.

- Почему же это мы ублюдки? - спросил сосед Витька, победно глядя на нас (мол, я ж говорил).

- Ублюдки и есть. Вы что думаете, можно вот так запросто посадить зверушку в клетку и считать её счастливой? Хуй вы угадали, не так это, - спорил попугай, танцуя головой.

- Но ведь на улице «ноль», а здесь ни хуя не экватор, - встрял журналист Толик.

- А тебе не похуй, экватор - хуятор? Птицы должны жить на воле, эволюционно развиваться и плодить потомство в природных условиях. Это в вашей уёбищной газетёнке можно писать о кошках-мутантах и кактусах-педрилах, а в природе всё биологически выверено и соответствует, - отщёлкивал Прошка с люстры.

На какое-то время воцарилась тишина, которую нарушил сволочь-попугай:

- Чего примолкли, уёбки? Крыть нечем? - каркнул он словно.

- Ой, птичка! - негромко вскрикнула студентка биологического факультета, про которую все забыли, спящую.

- В рот тебе яичко, дура глупая! Удивительное - рядом! - глумился попугай.

- Беспяткин, как это ты его научил? - изумлялась юность по кличке Жало.

- Я не учил его, он сам, - отбрыкнулся я.

- Учил, учил, ещё как учил! Запоями в отсутствие родственников, неубранной клеткой, пустой кормушкой, Первым каналом, MTV и дурацким «Аквариумом», - сдавал меня домашний любимец.

- «Аквариум», согласен, может заебать. Но ведь я тебе морковку подвесил, для витаминов и фитнеса, - пытался оправдываться я.

- Мне что, драть на твою морковку или молиться? Ты мне попугаиху купил, а?

- А я не охуюю от вас двоих?

- А я от вас всех, не охуюю? Куда крадёшься, мразь? - последние слова относились к Самуилу Наумовичу, который пытался осторожно подобраться к Прошке с тыла.

Потомственный токарь смущённо дёрнулся и присел на край стула.

Все вспомнили про водку и забыли про попугая. Но тот плевал нам в спину упреками:

- Еврей седьмого разряда, блядь! Не стыдно? Все твои единоверцы на пианинах играют, блядей продюсируют, в Израиле арабов душат, а ты, еблан, у станка пашешь, обрезать бы тебя по самую голову. А ты, дочь альма матер, по клубам кислоту глотаешь и ебёшься с кем зря! За поездку на кредитном «Лексусе» отсосёшь любому прыщу. А как же законы Менделя? Беспяткин, вот увидишь: у тебя не только попугаи заговорят, но и рыбы! Достал ты людей. А эту редакторшу гони подальше, ей только статьи на шару подавай, а гонорары она себе в трусы прячет. Журналисты вообще сволочи, - неслоь то со штор, то с антресолей, потому что сосед Витька гонял пернатого пиздабола газетой упомянутой редакторши.

- Хуле ты тут этой жёлтой дрянью размахиваешь, соседушка? Пока вы пьёте, твоя Лизка на блядки съебнула к таксисту-армяну с шестой квартиры, а утром тебя же пилить будет, дурака, - отплёвывался попугай, роняя перья.

Наконец, всё успокоилось. Мы в молчании расселись перед последним заплывом. Каждый думал о своём, переваривая сказанное попугаем.

Сам Прошка устроился на шкафу и устало смежил веки. За окном смеркалось, и в голове тоже. Но, как всегда бывает в таких случаях, никто не хотел умирать.

- А давай косяк взорвём? - предложил журналист Арно.

- Тьфу! - раздалось с антресолей.

Опять наступила тишина, и только попугай тёрся клювом о дсп. В это время зазвонил телефон. Я сомнабулически взял трубку. Звонила жена.

Привет, дорогой! Мы уже в море искупались. Как у тебя дела? — прошелестела она, как осень.

Ой, привет! Нормально, ужин приготовил, попугая накормил, сейчас телевизор смотрю, - как можно более ласково ответил я.

- Они водку жрут с бабами, и никого он не кормил! - заорал Прошка, украдкой подлетевший сзади.

- Кто это там у тебя? - ледяным голосом спросила супруга.

- Это телевизор, «Дом-2». Спорят кого выгнать. Забавно так... — сумбурно тараторил я, отгоняя попугая, как муху.

Звук падающего стула и ритмичные взмахи руками не особо убедили жену в моей правдивости.

- У тебя кто-то есть? - начался допрос в застенках IV отдела РСХА.

- Только попугай и рыбки, дорогая, — как можно спокойней убеждал я.

- Это они так дышат?

- Нет, это чайник. Почему тебя так плохо слышно? Поменяй СИМку, вообще ничего не разберёшь... - я повесил трубку и бросился к попугаю.

— Пиздите, ангелы. Мне нужно что б вы пиздели,
ох как нужно, — вздохнул я, из последних сил
поддерживая падающую на стол голову.

Но тот улетел куда-то в сторону кухни и затих.

В коридоре я остановился перед зеркалом. В нем отразилось мое другое «я». И оно было не особо весть какое — разбегающиеся глаза, сползший влево рот и неопределенная прическа. Отражение горбатилось и плыло, как в несфокусированной видеокамере. И такая меня взяла тоска, что я плюнул в отражение и погрозил пальцем.

В комнате с гостями и водкой царило спокойствие и умиротворение. Студентка по кличке Жало лезла на соседа Витьку с настойчивостью кандидата в депутаты. Редакторша Аня покоилась между Толиком и Арно. Этот сэндвич шевелился и сопел. Время разврата в принципе уже прошло, но это мало кого трогало. Положен разврат — получите.

Я же после разговора с женой и попугаем замкнулся на внутреннем созерцании. Действительно, неужели животные способны на анализ и синтез? А мы ведь держим их за живых игрушек для сомнительного удовольствия. Правильно ли это? Ни хуя не правильно!

- Чего ты орёшь, Беспяткин? - мурлыкнула студентка биологического факультета. - Иди к нам...

- Иди, иди к ним, отец семейства, покажи этой сучке хардкор, — громыхнуло у меня над головой.

Чёртов попугай скакал по краю двери, пританцовывая и вихляясь. После таких напутствий заниматься чем-то, кроме питья водки не рекомендуется Минздравом.

Махнув рукой на эрос, я схватился за стакан. Компанию мне составил потомственный токарь и попугай. Самуил Наумович смирился с наглостью птицы и устроил дискуссию о каком-то холокосте. Как я понял из беседы, речь шла о евреях. Больше я ничего не понял. Зато Прошка ораторствовал и сыпал цитатами. Они с токарем шумели, как на митинге, и в итоге заебали мне всю голову. Я не твёрдо встал и переместился к аквариуму с рыбками.

* * *

Уткнувшись в искажённую форму с пузырящейся водой, я прозревал, как предпосылки революции. Колеблющиеся водоросли настраивали мой камертон сердца. А грациозные гуппи, иль там меченосцы, парили в жидкости, как воздушные змеи. Гармония бытия и сознания. Начало начал.

- Вот ведь как хорошо у вас тут, в стоячей, насыщенной кислородом толще. Никакого дефолта и вообще, измены и стяжательства, сериалов и ЖКХ. Просто философия и нега. Может так и выглядит рай? — устало шептал я рыбам и пузырькам.

- Попиздеть захотелось, да? Как дафний сыпанёшь, так и попиздим и за жизнь, и за воду, - ответили мне хором и гуппи, и меченосцы.

Я без эмоций насыпал в зелёный кружок сухой корм и снова уткнулся в аквариум.

- Пиздите, ангелы. Мне нужно чтоб вы пиздели, ох как нужно, - вздохнул я, из последних сил поддерживая падающую на стол голову.

(2010 г.)

ТОЧКИ

Вот и думаю иногда: «Нахуя?». Нахуя мы такие любопытные и усталые, бредём в пыли, как вечно голодные антилопы, то натываясь друг на друга, то удаляясь. Слово бильярдные шары, блядь! Мы считаем, что время движется вместе с нами, а пространство наоборот, отдельно. И любая встреча воспринимается как тайный знак, как гаишник за кустами вонючей сирени. Случайность машет нам полосатой палочкой, а потом мы покорно съезжаем на обочину дороги в ожидании чуда или же штрафных санкций.

О, мерцающие звёздочки, зачем мы помним то, что не имеет никакого смысла? Ведь нет его, смысла-то. Только движение по кривым и вектора, лишённые направления. Север, юг, вверх, вниз, направо, налево, далеко или близко.

Потом память выжигает на жёстком, скрипучем диске нули и единицы, сплетая воедино нить случайных событий и дурацких поступков. А когда наступает ночь и луна садится на трубу соседнего дома, мы открываем папки, чтобы проиграть файлы собственной судьбы в формате mkv. Мы смотрим фильмы. Сердце перестаёт стучать или наоборот ебашит в барабан грудины, словно шаман на якутском празднике Исыах.

Мы вновь летим в ту сторону, откуда пахнет железнодорожной гарью и водочным перегаром, где вкус первой крови смешался с первым поцелуем в беседке у давно спиленной липы. Мысли материальны настолько, что хочется верить в любую чушь, включая возвращение в те времена и исключая эти. Мы путаемся в сетях прошлого и героически плюём на настоящее. И уже нет никакого удивления, что в точках наших встреч всё-таки есть этот самый чёртов смысл. И эти точки единственное, что не может отнять смерть. Единственное.

Часть 1 (хроника событий) Липецк, 1988 г. Вечер

Песни петь - это вам не ссать за ларьком в талый снег, пытаюсь написать имя любимой девушки. Песни петь под гитару — это восторг, сравнимый с рожде-

нием СССР. Впрочем, поют под гитару многие, но в гробу я видел те песни, которые поют многие.

Барды. Да, их называют бардами. Это такие люди, которым от нехуя делать, но хочется петь. И обязательно у костра и непременно под гитару и уж совсем необходимо - под печёную картошку и водку.

Как правило, это люди, читавшие какого-то Мандельштама, труды по высшей математике, исторические романы и квитанции об оплате коммунальных платежей.

А я вот читал выговоры в комсомольской карточке и сообщения на винноводочных этикетках, на предмет «оборотов» и количества сахара.

- Вот вам «Золотая осень», больше нету ни хуя, - сказал Генок, сваливая на прожжённый стол сумку с пятью волшебными амфорами.

- Сырьё купил? - строго спросил с него коллектив.

- «Орбита», - грустно сказал он и осторожно положил рядом три порции закуси.

- «Орбита» хуями побита. Ничего, сойдёт, - сказал Санёк, выдувая из стакановдохлых мух.

Почему во всех ДК, включая этот, в комнатах художественной самодеятельности всегда на подоконниках стояла пара стаканов с бордовым, липким дном и сухими насекомыми? Из них пили деды и внуки. Из них сегодня пили мы, а завтра те, кто придёт за нами.

Повод действительно был. Наш клуб «Палитра» (неофициально «Поллитра») готовился выехать хуй знает куда — в прибалтийский город Таллинн, где производили жвачку «Калев» и на городской ратуше крутился флюгер в виде мужика со знаменем. Говорят, он «спалил» своих подельников властям и за это его увековечили те самые власти.

Впрочем, это всё мелочи, по сравнению с тем, что наше путешествие организовал обком комсомола с подачи товарищей из Прибалтики. Ведь там будет проходить фестиваль авторской или ещё какой-то там песни, что тоже не важно.

Короче, на хуй сопли. Мы разливали «Золотую осень» аристократично, насколько это вообще было возможно. Напомню, что этот напиток был экологически чист и натурально ароматен. Там был плодово-ягодный букет, который никогда не откроют наши классовые враги. Уж если они не получили военную тайну Мальчиша Кибальчиша, то состав яблочного нектара с незамысловатой этикеткой на бутылке этим ублюдкам просто недоступен.

Только сильные духом и пламенные сердцем достойны вкушать «Золотую осень» из гранёных стаканов с липкими краями, закусывая сырками «Орбита». И мы вкушали, практически без лозунгов и салонных бесед.

До поезда оставалось ещё полчаса, а внизу у колонн ждало такси с грустным зелёным огоньком за стеклом.

Мы втроём были призваны забрать из помещения дорожные гитары производства БССР (Молодечно) и блокноты с ручками. Вся остальная рать ждала нас на вокзале с сумками и тоской в глазных яблоках.

- Ну, по «последней». И вдаль дорога уведёт путника усталого... - провозглашал я, чувствуя, как стены мягко плывут вокруг нас, словно привидения.

Мы выпили как люди и, похватав зачехлённые инструменты, бросились вон из ДК, навстречу приключениям и чужим ветрам.

Липецк, 1988 г. Полночь

На перроне было шумно, прохладно и темно.

Вся шобла КСП столпилась у седьмого вагона, словно на митинге. Шевелились рюкзаки, гитары и очки Тани Плошкиной. Все галдели и размахивали руками.

Когда увидели нас, шум возрос в разы.

- Где вы блядь, проёбываетесь? - заорал председатель клуба Славка.

- А ты нихуя не кипятишься, сами пораскидали инструменты по всему ДК, собирай за вас, ик... - ответил Санёк, тщетно пытавшийся побороть осеннюю икоту.

- По вагонам! - отвернулся от него Славка.

- По вагинам! - потёр руки Генок.

В его сумке были припасены три портвейна «Кавказ», что давало ему свободу слова. В вагоне мы долго толкались телами, устраиваясь на ночь.

Мне было похуй где спать, но некоторым, особо привередливым, пришлось заёбывать товарищей всякими проблемами.

Никогда не понимал этой дурацкой возни с первыми и вторыми полками. Да спи ты, сука, где хочешь, хоть в тамбуре, под железнодорожную песню буферов. Нет же, подавай им первые полки, а то со вторых они боятся наебнуться.

Я раз восемь падал с этих полок и бился башкой об стол. Хуйня, скажу я вам. Всё зависит от количества, а иногда и качества выпитого. Ежели, к примеру, вы наполнены благородной водкой, то это - второе пришествие, а если дешевым вермутом, то это - изгнание из Рая, как повезёт.

Наконец, поезд тронулся. За окном поплыли вокзальные светотени, похожие на чёрно-белое кино.

В самом вагоне царил полумрак и громадная проводница, предупредившая нас насчёт пения под луной и соблюдения чистоты унитаза.

Конечно, многие завалились спать как пенсионеры, но кое-кто решил воспользоваться романтикой и притащил в наше купе винные напитки. В их числе был и Славка. Ну,

ещё Оля с Наташей и какой-то приبلудившийся капитан из порта Ванино.

Мы начали с портвейна, а продолжили «Солнечной долиной», жрали девичьи пирожки и варёную колбасу по 2 руб. 20 коп. от капитана. Разговоры велись на

неопределённые темы. Мужской пол лез к женскому на предмет подъебнуться. Поскольку в вагоне ещё томились посторонние граждане с детьми и инвалидами, то туалет и тамбур были постоянно заняты.

Мы повесили фонарик и стали играть в «дурака». А во что ещё можно играть в этом дурацком поезде № 29.

Сколько раз проверено - сядишься в полночь, пьёшь до двух-трёх часов, блюёшь под стол и спишь, как полено. Утром в столице похмеляешься остатками портвейна (а это, согласитесь, мука) и бредёшь, как Вечный жид в метро.

Но сегодня мы засиделись часов до четырёх.

Генюк мямл сисёки Оли, я утонул где-то в пучинах юбки Наташи. Капитан, словно шарманка, вещал бесконечную песню о каких-то камчатских крабах. Славка уронил голову на стол и периодически поднимал большой палец — типа «всё заебись». Это уже после карт. Иногда из туалета возвращался Сашка.

Ушли Оля и Наташа. Я залез на полку первым, Генюк вторым. Капитан из порта Ванино продолжал сидеть внизу, как вурдалак. Он что-то спрашивал у пустоты и сам же отвечал ей. Санёк уныло захрапел под моей полкой.

Хоть я и залез первым, но сблевал на окно вторым. Генюк меня опередил. Программа была выполнена, а дальше всё как у мастеров: «Тьма, пришедшая хуй знает откуда, накрыла ненавидимый прокуратором город...».

Поезд гремел своими стальными костями по рельсам, приближаясь к городоу-герою Москве.

Москва, 1988 г. Утро

Локомотив уткнулся в Павелецкий вокзал вялым, потным членом. По вагону забегали люди и проводница. Она кричала нам на

тему остатков капитанской колбасы на прокопченном стекле, которые, словно сопля, ползли всю ночь к столу, портя вид природы и легендарную картину прибытия поезда. Она кричала на самого капитана из порта Ванино, который врос в угол купе, как древесный гриб.

Это время выпало у меня из памяти как ненужный хлам. Я очнулся только в метро с больной головой и сонными товарищами — бардами.

Конечно, не всем было хуёво, но это очень пошлый подход к коллективизму. Мы тряслись в металлической трубе как зайцы и липкими губами пытались договориться о планах и экскурсиях.

Да, я забыл сказать, что из Москвы в Ленинград мы должны добираться самолётом, как в грустной комедии Эльдара Рязанова. До этого самого самолёта у нас оставалось чуть ли не полдня свободного времени.

Кто-то бредил посещением музеев и Кремля, кто-то призывал прогуляться в Парк Горького, кто-то вообще плёл всякую хуйню насчёт ГУМа. Мы же втроём твёрдо решили идти на Арбат.

На то было несколько причин. Там можно поиграть для публики и набрать денег на выпивку. Там охуенная булыжная мостовая. И ещё на Арбате много всяких придурков вроде нас, с которыми можно выпить и пообщаться на темы «Новой волны».

Короче, распрощавшись с основной «массой», мы вышли на «Курской» и перешли на «Арбатско-Покровскую» линию.

Москва, 1988 г. День

Вынырнув из подземелья, мы подсчитали свои финансовые возможности. Они позволяли, но не особо радовали. Пришлось купить «Столичную» и «Фанту». Да, может, это было не совсем эстетично, зато надёжно, как Т-34.

Пили в подворотне, где-то в районе «Дома актёра». Потом вышли на Арбат - как мушкетёры. Перед нами открылся мир молодёжной субкультуры и таинственное чистилище художников. Пока наши головы приходили в спиртовую норму, вокруг зарождалась арбатская барахолка творчества и самовыражения. Да, тогда на этой знаменитой улице ещё не всё было поделено и капиталистическая плесень не поселилась в её уютных закоулках. Гости и жители столицы бродили по брусчатке, в восторге останавливаясь у всяких неординарных личностей. А их было там...

Какой-то седой рокер, обставившись гитарными «примочками», наяривал всяко разное на потёртом Gibson'е, словно адский мститель. Пара пацанов орали на углу что-то из Цоя, а художник напротив рисовал на большом ватманском листе толстую мадам с немецким профилем. Худой, как палочник, барабанщик ебашил по консервным банкам, словно это была установка Sonor. Неплохо впрочем «вливал» чувак.

Когда всё это порядком настоебалось, нам пришлось устроиться у какого-то магазинчика, расчехлить гитарки и пошло, поехало.

- Это шизофрения-а-а!!! - ревел я в толпу.

- Мы рождены, чтоб сказку сделать былью-ю-ю!!! - хором продолжали мы вместе.

Набор наших антреприз был разнообразен и неожидан. Мы пели всё, что приходило в голову, включая песню про какого-то ёжика с дыркой.

Вокруг нас тоже собирались люди и кидали в гитарные чехлы мелочь. Блядь, сколько её было! Интересно, как обогащались постоянные, арбатские артисты и художники? Мама родная! Вот он какой этот рынок, о котором мы читали в журнале «Крокодил».

Генка пару раз бегал за коньяком и беляшами. Вы только не смейтесь. Беляши с коньяком жрать можно, только потом никому об этом не говорите.

Мы не вылезали из Арбата практически до времени «Х». С нами уже вкушали

алкоголь местные художники и рисовали голых баб.

С этими рисунками мы и припиздили в аэропорт, где официальная делегация липецких и прочих бардов с подозрением осматривала наши карманы. А там были денежки. Да, граждане, там были советские денежки, отложенные на иронию судьбы.

Мы понимали, что в Северной столице у нас будет мало времени на осмотр достопримечательностей и ещё меньше возможностей творчески выпить «Агдама».

В самолёте мы размягчились настолько, что вели себя подобно герою всё того же новогоднего фильма. Наверное, под нами проносились серые облака и всякие там ландшафты - хуй его знает. Лично мне снилась та толстая мадам с немецким профилем, которая пела песню об альпийских лугах.

Ленинград, 1988 г. Вечер

Ленинград. Пулковое. Время не помню. Какой-то горизонтальный эскалатор и автобус «Икарус» с фиолетовыми полосами на бортах...

Ленинград, 1988 г. Тот же вечер

Метро с железными ставнями на станциях. Казанский собор. Панки. Митьки. «Букет Кубани». Сенатская площадь. Аперитив «Степной» за 1 руб. 60 к. Варшавский вокзал. Плацкартный вагон до Таллина.

Часть 2. Точки Поезд «Ленинград - Таллинн», 1988 г. Ночь

Только в купе я смог оглядеться вокруг.

Все спали, включая Генка и Сашку. Вагон почему-то мягко и спокойно двигался в ночном тумане. По-моему, я тоже спал, но вот вдруг проснулся, как ночной хищник - в состоянии легкой неги и покоя.

Голова не болела, желудок не противился содержимому. Мягкий, приглушённый свет будил в голове добрые мысли и желания. А впрочем, что ещё он мог будить, этот волшебный свет? Я зевнул, как фараон.

За бортом раздался далёкий гудок поезда. Я понял, что рядом есть что-то или кто-то. И осознание этого разбудило меня всего без остатка. Предчувствие какой-то сказки царапало моё сердце маленькими, острыми коготками. И тогда я увидел её. Да я увидел её, граждане!

Неужели она наблюдала, как я малодушно зевал, чесался, словно от стекловаты и, о святые и не святые мученики, как я ковырялся в носу! Ковырялся, правда, недолго, но агрессивно.

Эти мысли пронесли испуганным стадом бизонов, оставив в пыли романтиче -

ские незабудки и клевер.

Но пыль осела, бизоны умчались в свои ебенья, а я восторженно смотрел на красоту, что возникла напротив меня. Она была не просто прекрасна - она была загадочна, как рассказы о Шерлоке Холмсе; открыта, как меню закусочной «Ромашка» и года на три моложе, походу. Эти кучеряшки темного, неопределённого оттенка, бледное от лунного света личико хрупкой гейши и вздернутые насмешливые губки. А глаза...

Да вам не похуй, какие это были чёртовы глаза? Они просто были и манили меня, словно абсент старину Моне.

- Не спится? - улыбнулся я, чуть наклонившись в её сторону.

- Нет, не спится, вот присела. Когда ты зевнул, думала собака под столом, - спокойно ответила она.

- Ты не далеко от истины, как тебя зовут?

- Настя.

- Я Беспяткин. И ещё мы едем на фестиваль бардов в Таллин, - с неким пафосом сказал я.

- Я поняла, тут вас столько и все с гитарами, у тебя есть гитара? - её зелёные глаза сузились, как у кошки.

- О, конечно у меня есть всё, включая гитару, — ответил я бойко.

- Спой чего-нибудь, а то как-то...

Я вытащил первый попавшийся инструмент и без предисловий заиграл «Цветов».

- Какую песню спеть тебе родная? Спи, ночь в июле только шесть часов..., - проникновенно затянул я в тиши качающегося вагона.

Она слушала, как вампир, втягивая в себя все стихи и обертона, всю мою грешную душу.

После третьей песни «Ты моё горе», с боковой полки раздался хриплый, сонный голос Славки: «Беспяткин, заткнись, заеба-хр-хр...».

Я закинул гитару на чью-то полку и спросил Настю о цели её визита в город Таллин.

- Я к парню своему еду, он в армии сейчас, - ответила она спокойно.

- Это правильно, - зачем-то согласился я, чувствуя себя животным.

Да, я вынашивал отнюдь не богоугодные мысли-мыслишки. Но ведь и романтика в них тоже присутствовала. Что ж, я собака какая, что под столом зевает?

Поэтому, я залез в свою сумку, в которой, как на запасном аэродроме, покоились две стекляшки «Яблочного» по 2 руб. 20 коп. Вопреки Горбачёвскому бешенству у нас его ещё производили герои лебедянских садов.

- Вот, нектар из райских куш не побрезгуешь, о дева? — таинственно произнёс я, изучая её глаза.

- Оно лёгкое? - спросила она для проформы.

- Легче только аккорд «Ми мажор», он же третий «блатной».

- У меня вот и яблоки есть, давай с ними, а то таскать тяжело.

- Яблоки от «Яблочного», недалеко типа, - потёр я руки и, выплеснув на пол остатки чьего-то чая, разлил вино.

По купе поплыл аромат, ну вы понимаете, не альпийской свежести, но зато он наглухо забил запах чьих-то носков дальнего следования.

Мы выпили, словно революционеры-эмигранты в опломбированном вагоне с пачкой «Искры» для разжигания Мирового пожара. Плодово-ягодное надо закусывать плодами или ягодами, иного не дано. Вы как бы ничего не теряете, а приобретаете ого чего! Вы приобретаете совесть, а она, граждане, стоит того, чтобы её приобрести.

- Ну? - спросил я у зелёных глаз.

- Прелесть, - ответили нежные губы.

- Ты лучше, ты намного лучше, - страстно зашептал я.

- Ты совсем не знаешь, какая я, - улыбнулась она.

- А тут и знать нечего, ещё нектара?

- Лей, Беспяткин, лей...

Мы пили, не разговаривая, и только глаза наши общались на невидимых волнах, невидимыми эмоциями и всяким там ещё.

Яблоки хрустели, как прошлогодний снег. За окном проносились одинокие фонари полустанков, выхватывая из тьмы кусочки той, далёкой от нас жизни.

Уже давно проехали Гатчину. Я-таки спел ещё пару песен, а потом пересел на её диван. Мы обнялись безгрешно, как ангелы. Чур не ржать там на задних рядах! Разве ж вы поймёте всю эту сказочную ночь без вермута? Ни хуя вы не поймёте. Так что молчите и наблюдайте, как я нежно кусаю мочку её уха, а она, откинув голову, чуть приоткрыла губы.

Я не торопился, как «Скорая помощь», а смаковал секунды счастья по минус десятой степени. И Настя понимала, что я понимаю, что мы понимаем. Так далеко, так близко, так высоко, так низко. Время раскорячилось на перепутье страстей, и тупо не знало, что делать.

И в этот момент поезд, словно врач-предатель, осторожно и неожиданно замедлил ход, а потом и вовсе остановился. За бортом раздался потусторонний стук закрывающейся двери и локомотив, свистнув как боцман, продолжил движение в сторону Прибалтики. Этого можно было и не заметить. Иногда поезда «кланяются» невидимым памятникам в своей железнодорожной жизни, но тут что-то подсознательное во мне уловило лёгкий сквозняк в коридоре.

Мы с Настей сели, как первоклассники на одной парте. Посмотрели друг на друга и глупо захихикали. Я подумал о второй бутылке «Яблочного», но мои мысли были прерваны шаркающими шагами по узкому проходу вагона и глухими ударами чего-то тяжёлого о нижние полки.

Через несколько секунд у нашего купе остановился таинственный незнакомец с грязным деревянным чемоданом.

Он был в коричневой болоньевой куртке, тяжёлых строительных ботинках и лицом бритым, словно перед похоронами. Он и стоял в проходе, как вестник тьмы, пришедший покарать нас за прелюбодеяние.

- Здесь можно присесть, мне ненадолго? - очень вежливо спросил он спокойным голосом.

Почему-то я ответил:

- Конечно, можно.

Он устало присел на край дивана и прислонил к ногам свой громадный чемодан.

В купе запахло ещё чем-то далёким и дегтярным. Пауза длилась не больше минуты. Человек из неизвестности шумно встал и виновато произнёс

- Извините, я, наверное, не к месту? До свиданья.

Нет, это неправильно. Просто так, из ниоткуда появляется странный пассажир, возможно маг или волшебник, а мы прогоним его как собаку, не узнав тайны.

- А чего, до свиданья, там всё занято, тут не спится людям и они яблоки жрут от голода, - ляпнул я невпопад.

- Вы голодны? У меня есть тут всякого, - обрадовался гражданин в рабочих ботинках.

Не обращая внимания на наши вялые протесты, он разверз свой чемодан и, подобно Эмилю Кио, стал доставать на стол разные штуки, от которых у меня в желудке заиграл весь ансамбль «Песняры». Настя тоже смотрела на стол с нескрываемым восторгом. Особенно на букет гвоздик бордового цвета и громадного, как «Цепелин».

А на столешнице продолжали появляться сало с чесноком и перцем, домашняя аджика с хреном в пол-литровой

банке, белый хлеб, кольцо «Краковской», сыр «Виола» и минералка. Венцом сервировки стала литровая бутылка «Золотого кольца».

Согласитесь, граждане, про волшебство-то я не соврал - вот оно перед нами из тьмы и хаоса.

Угощайтесь, - по-царски произнёс незнакомец и во рту его блеснула золотая фикса.

- Даже как-то неудобно, - глупо пробубнил я.

- Меня Сашкой зовут, вот теперь удобно? — улыбнулся он.

- Теперь удобно, - согласился я.

- Налей мне вина, - толкнула меня локтем Настя.

Я достал «Яблочное», но новоиспечённый Сашка очень неприятно посмотрел на мой напиток.

- Для дам, пожалуй, сладенького «Муската» нелишне будет — сказал он и достал дорогой «Мускат десертный белый»

(7 руб. 20 коп. за 0,7 л).

Это было уже выше, чем просто волшебство, это была чёрная магия. Мы тоже представились, и пир начался.

Водка была крепка, как вся Курская область. Сало таяло во рту без последствий и обволакивало желудок нежным одеялом. Аджика будила всё хорошее и тормозило грешные мысли о чревоугодии. Ну а уж о белом хлебе с ароматным сыром и говорить не хочется. Но я не кулинарную книгу пишу, а нечто другое.

Поезд «Ленинград — Таллинн», 1988 г. Всё та же ночь.

Вы представляете, мы с ней два года переписывались. Поначалу как-то натянуто, сухо. А потом я просто влюбился, хотите верьте, хотите нет, — говорил нам Сашка, держа в руке Настино яблоко.

- А она, она-то как? Ответила взаимностью? — возбуждённо и пьяно спрашивала Настя.

- Конечно, братцы, конечно, она ответила взаимностью.

Ведь там на «зоне» я кроме души ничего в письмо вложить не мог, а это великое дело, - ответил Сашка.

- Да, душа, это да, — добавил я, вгрызаясь в «Краковскую» (как же я давно её не ел!).

Вот она, любимая, в Кикерино живёт. Там сойду и на коленях к дому, — наш гастрономический благодетель протянул мятую фотографию 9х12.

Мы склонились над снимком и увидели толстушку в голубом платье, которая простодушно улыбалась на фоне «Ласточкина гнезда» в Ялте.

- Красивая, ты прямо как в сказке живёшь, - сказала Настя.

- Повезло тебе, Сашок, - вторил я, проглатывая ложку аджики.

- Она у меня тут в чемодане уже полгода висит с дорогими мне вещами, - пояснял наш сосед по ночной трапезе.

Он развернул свой деревянный ящик и стал показывать прикрепленные к его внутренней крышке картинки и предметы. Там были какие-то семейные фото, вырезки из газет, открытки. И у каждой из них была своя история и тайна. А Сашка, глотнув ещё водки, открывал нам эти тайны, зная, что мы вряд ли сможем ими злоупотребить.

- А вот открытка, польская, ей много лет, мы во втором классе с одним пацаном собирали такие. Это русские борзые, красивые собаки. Когда из детдома уходил, эту с собой взял как память о школе, - грустно повествовал «откинувшийся» попутчик.

Я мельком проглядывал все его «ценности» и благодарно кивал, понимая, что ему эти фетиши несомненно дороги. Посмотрел я и на открытку с собакой. Русские борзые. Я сам когда-то коллекционировал подобные штуки. Кстати, таких

вот борзых у меня зажалил одноклассник ещё тогда, во времена октябратских звёздочек. И вот прямо на этом месте меня прошиб не просто холодный пот или там молнии. Меня просто стегануло по горбу шпалой - и не одной. В ушах зазвела майская капель, как у писателя Пришвина.

Блядь, этот перегиб на открытке, похожий на серп без молота!

Липецк, 1974 г. Вечер

Звонок на перемену застал учительницу врасплох. Она не успела дописать предложение про какого-то Васю и пчёл.

- Продолжим после звонка, — сказала она, усаживаясь за свой стол, заваленный нашими тетрадями со вчерашней контрольной.

Вся школьная орава с неповторимым гамом повыскакивала из-за толстых, скошенных парт с откидными досками. Кто-то кинулся в буфет за коржиками по восемь копеек, кто-то помчался по широкому светлому коридору наперегонки и всё такое. Само здание как бы ожило невероятным, исключительным хаосом простой советской школоты.

Мы с детдомовцем Рудневым склонились над моим портфелем и я, с нескрываемым превосходством, достал из его недр набор открыток, которые мне прислали родственники из Оль-штына.

Это были охуенные глянцевые карточки с фотографиями породистых собак. Их было двенадцать штук, этих карточек, и они намного превосходили те, которые мы покупали в «Союзпечати».

- Ух-ты, боксеры! - восхищался Руднев.

- А вот карликовый шнауцер, - совал я на просмотр другую открытку.

В это момент для нас не существовало ни воды, ни суши, ни неба, да просто вообще ни хуя не существовало, кроме этих удивительных фотографий братьев наших меньших.

Мой одноклассник вытащил из своего помятого портфеля стопку открыток, которые я уже видел и мечтал обменять или выкупить несколько особо мне понравившихся.

Больше всего меня манила старинная черно-белая германская открытка с настоящей немецкой овчаркой и солдатом в каске. Мне был похуй этот фашистский солдат - главное, там была красавица овчарка с чёрной спиной и серыми боками. Руднев гордился этой фотографией, потому что ни в какой «Филателии» или на почте купить такое было просто невозможно.

Но у меня теперь имелись цветные снимки собак, отчасти новых для нас пород, и это давало некоторые преимущества, что ли.

Мы спорили, как цыгане. Руднев хотел русских борзых и боксёра взамен на немецкую овчарку. Я считал это наебаловом последней степени. Мы дёргали друг

друга за рукава и тасовали открытки, слово это были игральные карты. Мы даже помяли одну открытку, перегнув её жгутом. Теперь на ней образовался запоминающийся, отвратительный перегиб. В этом месте чуть не возникла драка.

Обозвав друг друга дураками, нам пришлось закончить дебаты на волнующую тему. Мы не пришли к согласию и попрытали свои сокровища по портфелям.

В это время прозвучал звонок с перемены.

Липецк. 1974 г. Поздний вечер

Посмотрев по старому «Рекорду-12» «Неуловимых мстителей», я прилёг на кровать. Решив перед сном ещё раз взглянуть на свои новые открытки, я достал портфель и включил торшер с жёлтым абажуром.

Конечно, я охуел от того, что в моей коллекции не оказалось чёртовых борзых и боксёра, вместо них в пачке лежала обожаемая мною прежде немецкая овчарка с солдатом вермахта. Я возненавидел эту открытку и швырнул на пол. Меня трясло от злости, от предательства и, собственно, от кражи Руднева.

Полночи я готовил способы расправы над детдомовцем и уснул, окружённый кошмарами и немецкими овчарками.

Липецк, 1974 г. Утро

Руднев не пришёл в школу. Он не пришёл и на следующий день, и через неделю. Пацаны из детдома сказали, что его забрали родители и увезли куда-то во Владимир. Как же я мечтал отомстить этому гаду, которого, ну вы поняли, звали Сашкой. Потом всё стёрлось. Я приобщил немецкую фотографию ко всей коллекции в виде самого ценного экземпляра, а хуле...

Поезд «Ленинград - Таллинн», 1988 г. Ночь

Я тупо смотрел на открытку и всё во мне переворачивалось как в земных недрах. Потом я посмотрел на Сашку и естественно узнал его. Как же было его не узнать? Всё те же квадратные скулы и сросшиеся брови над серо-голубыми глазами. Только кожа стала грубой и тёмной, как печать не совсем лёгкой судьбы.

- Руднев, ты нахуя спиздил мои открытки, - спросил я без злобы и мщения.

Мне было просто интересно увидеть его реакцию. И она последовала.

- Беспяткин? - отшатнулся он, словно увидел дьявола.

Настя испуганно смотрела на нас со стаканом «Муската» в дрожащих руках. Она что-то почувствовала. Да любой бы почувствовал.

- Да, Сашок, «нарезал» ты собачек у товарища, как последний гад, - уже шу-

тил я вовсю.

- Я не верю, нет, я верю, ты понимаешь, я хотел... - засуетился он, охувший от неожиданной встречи.

- Да знаю, пёс с ними с собаками, сам-то как? - хлопнул я его по плечу.

- Да вот видишь сам, как. Давай водки хлопнем.

- За встречу?

- За встречу!

- Я хую, пацаны, - пискнула из угла Настя.

- Мы тоже, - ответили мы хором, разливая «Золотое кольцо».

Пили мы легко. Никаких воспоминаний там или «а помнишь...» не было. В те удивительные годы социализма мы, кроме страсти к коллекционированию открыток, не имели каких-либо общих интересов и компаний. Они возникли позже и у каждого по-разному.

Но сейчас, в теплом уютном купе, кроме нас троих, не спящих и пьющих алкоголь, присутствовало нечто из тех семидесятых - тоже мягкое и теплое, как мамина рука.

Очнулись мы только тогда, когда поезд, набрав обороты, миновал Роговицы, и уже минут десять бежал по рельсам, всё больше отдаляясь от той толстушки в голубом платье.

Сашка вскочил, как ужаленный. Мы спешно помогли ему собрать чемодан. Он оставил всю снедь нам и, выпив напоследок полстакана водки, стал в тусклом проёме готовый на всё.

- Давай Санёк, двигай навстречу новому счастью, а то уедем ещё дальше, - сказал я, протягивая руку.

Он пожал её. Мы обнялись, зная, что такие встречи повторяются нечасто, если вообще повторяются. Потом он побежал по проходу, задевая своим чемоданом торчащие ноги пассажиров и всякие углы.

Реакция стоп-крана была внезапна, как нападение крокодила. Заскрежетали колёса, посыпались какие-то предметы и гроыхнула дверь. Раньше проводницы почему-то часто оставляли их открытыми. Это до сих пор загадка для меня.

В слабом свете вагонных окон мы увидели, как мой бывший одноклассник мечется в неведомой местности, пытаясь нащупать нужное направление, тот самый вектор, ведущий к важной для него встрече. Ведь точка, в которой мы пересеклись, не была запланирована, и произошёл сбой.

В итоге он пошёл в противоположную от нас сторону и вскоре его коричневая болоньевая куртка растворилась в тёмном мире ночи.

Поезд тронулся и я опять пересел на диван к Насте.

Поезд «Ленинград — Таллинн». 1988 г. Очень раннее утро

И уже нет никакого удивления, что в точках наших встреч
всё-таки есть этот самый чёртов смысл. И эти точки
единственное, что не может отнять смерть.

- Пойдём покурим, - предложил я после долгой паузы.

- Пойдем, - ответила Настя. - Смотри, он гвоздики забыл такие огромные...

Мы стояли в тамбуре, прислонившись к двери, за стеклом

которой еле-еле просвечивался одинокий луч солнца. Было ещё достаточно темно, но сила ночи была уже слаба, как преданная генсеком страна.

Мы докурили «Родопы» и я вдруг резко притянул девчонку к себе. Мы целовались, словно безумные, под грохот колёс и скрежет огромных стальных замков. Мы пытались вдавить себя друг в друга и это была какая-то животная вспышка страсти, неподвластная разуму.

Также внезапно мы отшатнулись друг от друга, словно «плюс» и «минус». Затем молча вернулись в купе и допили остатки алкоголя.

- Мы ещё встретимся? - спросил я в отчаянии, наблюдая появление рассвета.

- Наверное, встретимся, - опустив глаза, ответила Настя.

В это время ранние пассажиры стали шаркать в сторону туалета и мы улеглись на своих диванах, словно незнакомые и далёкие люди. Я даже не помню, о чем я думал. Может быть, о встречах.

Ведь мы с ней действительно встретились. Гораздо позже - в конце девяностых в Москве, в общежитии второго медицинского института (метро «Коньково»). Она торговала на рынке пуховиками, а я бухал со студентами—медиками. Но это уже другая история. А вот сейчас...

Липецк, 2010 г. Вечер

А вот сейчас. Да, вот сейчас я думаю: «Нахуя?». Нахуя мы такие любопытные и усталые, бредём в пыли, как вечно голодные антилопы, то натываясь друг на друга, то удаляясь. Слово бильярдные шары, блядь!

Вокруг нас кружится жизнь, какие-то кризисы—хуизисы, айфоны-мафоны и сомалийские пираты. Всё это полно смысла, или там напряжения.

Но мы, так или иначе, движемся по своим векторам, пересекаясь в точках, которые не дают нам «вскрыться» в ванной от проебанных денег или убить кого-нибудь за модный девайс или последнюю дозу. В этих точках мы вдыхаем новую порцию человечности и они единственное, что не может отнять смерть. Единственное.

(2010 г.)

БАБКИ

С самого утра было ясно, что выходные дни созданы для того, чтобы не выходить за пределы всякие, а просто мирно бухать с пацанами в гараже. В процессе можно поковыряться с КПП иль, например, спеть хором чего-нибудь из Хоя.

Короче, гараж был, выходной тоже и даже желание совпало с... Ну с чем оно там совпало, хуй его знает?

Не было только денег. А я всегда говорил, что деньги — это страшное оружие капитала. Вот выбейте из-под ног общего рынка этот самый ебучий эквивалент и увидите, как люди станут улыбаться задаром, исчезнут войны и пидарасы.

Но мне не верят. Мне говорят, что деньги сделали из человека... блядь, а всё же кого они сделали? Супергероев? Нет, ни хуя. Потребителей? Да нет, вроде... Короче, это вопрос настолько не в тему, что я пропущу вступление и перейду к действию.

Денег требовалось не очень то и много, ибо потом (ну, в смысле, после первых ста грамм) они уже не имеют значения и появляются сами из подпространства или там антиматерии. Это интересная научная хуйня, но она опять же уводит нас с пути в дебри магнитных полей и опытов Тесла.

- Надо всего-то пару сотен, - сказал Ромик.

- Блядь, да любой школьник скажет, что стартовый капитал равен двумстам рублям, - ответил Гоша.

- Ох, - вздохнул я.

- Хуле ты охаешь, вон садись на «шоху» и пиздуй к рынку таксовать, - повернулся ко мне Гоша.

Он скот, знал, что после того, как у него отобрали права за пьянку — я первый кандидат на «мещера», ибо Ромик как личность сугубо техническая, за руль садился только для его замены.

И вариантов не было. И трубы Иерихона гудели в пространстве, взывая к небесам. И меня отдали на заклатие. Но зато закусь меня не касалась и всякие там сервировки столов.

Я прыгнул в «шоху» и помчался к месту, где свободные рыночные отношения выяснялись без «Больших шестёрок» и МВФ. Да, на рынке просто шел обмен «Товар - Деньги - Товар». Там же, как волки, кружились таксисты, с понтами и без. Ну, то есть с «шашечками» и какими-то горбами с номерами телефонов. Особенно «шустрили» парни на «Матизах».

Но мне похуй. Я знал, что надо только сделать несколько вальяжных кругов по кольцу и какой-нибудь крендель обязательно выскочит с растопыренными руками, наподобие арлекина.

И я оказался прав. Только на этот раз меня «тормознули» трое. Конечно, если б не стартовый капитал, я бы их хуй посадил, но в гараже остались люди и эти

люди были в смятении. В итоге троица из каких-то ПТУшников завалилась на сидения «Жигулей» и приказала рулить на седьмой район. Хуле, седьмой так седьмой, какая разница?

Доехали мы быстро. Но вот дальше пошла откровенная хуйня.

- Слышь, мужик, пиздуй из машины, - выразительно было сказано мне справа.

- И по-быстрому, - добавили с задних рядов.

Такая ситуация не первая в моей практике и я всегда выходил из машины. Это была норма, ибо потом знакомые гайцы уже через три минуты срывались с «рыбных» мест и отрабатывали бонусы.

Ведь в наших гаражах мы не хуи пинали, а нормальные тачки рихтовали и движки перебирали на предмет козырного

тюнинга. И гаишники не редко у нас пиво пили в ожидании бесплатного монтажа или там балансировки. Впрочем, это к делу не относится.

А может и относится, потому что я был в предвкушении и не похмелен. Да, граждане, любое геройство проистекает из порыва и ситуации. В данном случае был и порыв, и ситуация. Были ещё какие-то бабки на скамейке у станции переливания крови и в воздухе пахло горелой резиной. Где-то явно обжигали цветмет.

Я вылез из машины, не торопясь закрывать дверь, а тот белобрысый, что сидел справа, перескочил на водительское место. И тогда я сделал то, что и должен был сделать, перед тем как строить дом, садить дерево и растить сына. Я рванул новоявленного шофёра за ворот и вытащил на свет. Не до конца вытащил. Хватило и головы.

Дальше всё как в фильмах старины Гая Ричи.

- Н-н-на ка, блядь, на! - ебашил я его дверью, словно депутатским портфелем.

Левая задняя дверь в «шохе» не открывалась, и клиентам пришлось выбираться справа по очереди, в начале которой их уже ждал я. Первому досталось ещё и ботинком. Это уже на земле, куда я его скинул в злобе и жестокости. А вот третий оказался буйным и отвратительно вертким, словно помойный кот. Он прыгал вокруг меня и даже пинался ногами. И всё же я сумел схватить его за майку. Ну а дальше уже просто, по-гаражному справа в башку; грубо и не педагогично мне пришлось бить человека.

Вся процедура геройства заняла не больше пары минут, но вот в процессе её завершения я вдруг почувствовал, что мне по волосам и черепной коробке кто-то усердно бьёт необычным предметом. В пылу сраженья я подумал, что это кто-то из раненых бойцов решил со мной расправиться. Развернувшись в расстроенных чувствах я, не глядя, всадил раза неведомому противнику.

А противник был необычен. Необычен и стар. Да, граждане, это была одна из тех добросердечных старушек, которые

сидели на скамейке в обсуждениях конца света иль там дорогих лекарств. Эта старая лошадь, оказывается, приняла меня за очень нехорошего человека и под-

кравшись сзади, пиздила меня громадной сумкой с какими-то овощами. Овощи были твердыми и напоминали ядра.

Так вот, когда я слепо ударил старушку и она вместе с голубыми панталонами улетела в кусты боярышника, со скамьи вскочили её подруги. Тут я сразу понял, что время героев закончилось и настал миг съёба. Съёба позорного, торопливого и унижительного.

Увы, я вскочил в «шоху» и рванул в сторону лога. Там есть одна дорожка... ну, короче, вы поняли.

* * *

- Значит, денег у нас нет? - угрюмо произнёс Гоша, глядя мне прямо в душу.

- Нет, - ответил я, глядя на дрожащие руки.

- А эту сказочку ты придумал нахуя?

- Я не придумал, оно само как-то... - я сел на диван от 21-й «Волги».

В гараже, в напряженном воздухе, парила алкогольная грусть и оседала на грамотно сервированный верстак. Там были стрелки лука и соль, а также настоящие гранёные стаканы - те самые столовские стаканы из великого прошлого нашей страны. Это было вдвойне тоскливо.

- Ну, и чего вы тут собрались? — раздался знакомый грубый голос.

Да, это была она, баба Вера, гроза гаражного братства. Я до сих пор не знаю, кем она тут работала. Но сколько она нормальных пьянок пресекала, эта старая женщина, сколько веселых дебошей умерщвляла прямо в зародыше. Её сила голоса и жалобы кооперативному начальству имели немалый вес в борьбе с творческой анархией и развратом.

Но сама баба Вера любила послушать или подслушать об альковной жизни членов гаражного кооператива. Это было её слабым местом. И тогда я решился.

- Да вот, баб Вера, такая дрянь в жизни твориться, что не приведи Господь, - тяжело сказал я.

- Что, творится, как это? - взволновалась старушка.

- А так, - опустил я голову.

Ромик и Гоша сообразили сразу, что будет беседа и стали ещё грустней меня.

А баба Вера уже была в сетях любопытства и вползла в гараж гремучей змеей.

- Мож, помер кто? - отдаленно начала она.

- Нет, о смерти ни слова, но вот жена моя... - шептал я в пол, опасаясь неожиданных восклицаний со стороны товарищей, не знавших ни о какой моей жене.

- Жена, а что жена, ты бледный весь, - засутилась бабка.

- К любовнику на Левый берег укатила, - выпалил я драматический заряд.

- Ах! - воскликнула баба Вера.

Вот выберите из-под ног общего рынка этот самый ебучий эквивалент и увидите, как люди станут улыбаться задаром, исчезнут войны и пидарасы.

Тут возникла напряжённая пауза, которую прервал Гоша.

- Вот такие дела, - сказал он как отрезал.

- А как же ты, так вот сидишь и ничего? - подсела на диван гроза гаражей.

- А что, я могу, ведь она женщина, ей мужика надо, а мы тут сваркой здоровье губим, - продолжал я печальную повесть.

- А чего сварка?

- А того! Сварка, газы всякие, лучи рентгеновские и... Короче, не стоит у меня теперь, баба Вера, хоть в петлю лезь, - вещал я не хуже Иннокентия Смоктуновского.

- Не стоит?

- Не стоит.

- Может тебе водочки выпить? - спросила старуха, и я понял, что попал в цель.

- На что, все деньги к этому любовнику свезла супруга моя, - стenal я, закрыв лицо руками.

- От шалава, как же так можно. Да ты брось горевать, может это временно, - жалела меня старая женщина, положив руку на плечо. - Вы тут посидите, я сейчас принесу чего, раз такое дело. Не переживай Беспяткин, я быстро.

После этих слов её как ветром сдуло.

Пришлось выждать паузу и только после неё Гоша упал в корчах, а Ромик позеленел как змий, с которым следует бороться.

- Ебануться! - выдавил из себя Гоша.

- Это неправда, - наивно встрял Ромик.

- Хуявда, - за меня ответил Гоша.

- Пиздабол ты, Беспяткин! — восхищённо произнёс Ромик.

- Я, в отличии от тебя, книжки читаю классические, а там вся мудрость мира, - обиделся я.

В это время за пределами гаража послышалось долгожданное шарканье и к нам вернулась баба Вера. А вернулась она не просто так. Вернулась она с сумкой, похожей на ту, которой меня утром на седьмом районе по башке пиздили. И в сумке той были дары Богов и Просвещения. Расставив на верстаке три пузыря «Столичной», развернув книгой громадный шмат нарезанного сала с перцем и хлеб, баба Вера добавила ещё минералки и душевной теплоты.

- Выпейте ребятки и бросайте эту сварку, водка она радиацию выводит, - говорила она, пока мы жадно «принимали на груди».

Когда мы включили магнитоу и Гоша стал звонить каким-то блядям, было уже сумеречно. Баба Вера прикинула, что её миссия закончена и «ребяткам» надо остаться одним. Она ушла, оставив ещё триста рублей на «всякий случай». Мало, конечно, оставила. Ведь все знали, что она нехуёво «греется» на охраняемой сто-

янке в наших же гаражах в паре со сторожем и председателем кооператива. Впрочем, это нас уже мало интересовало, ибо Гоша вызвонил-таки свободную хату с феями из СУ-11. Надо было диалектически развиваться и менять среду. Тем более, что Ромик договорился о «штуке до зарплаты» у какого-то кровельщика. На такси мы поехали в город, навстречу огням и чувственным маляршам.

* * *

Возвращался я один и был похож на праздник первомайский или даже на Рождество. Во мне гудели струны лютя и плескалось что-то. Фонари на улице горели через один и где-то в саду у Михал Андреича играла плохая музыка. Во мне тоже играла музыка, но получше и всякое там ещё.

А навстречу мне брела разодетая бабушка в широкой шляпе с розой. Сначала я думал, что это наваждение какое-то. Уж больно много старух на один день. Но нет, это была какая-то интеллигентная бабка, забредшая на нашу улицу, видимо, по глупости, потому что здесь нет ничего интересного, кроме КАМАЗа со спущенными шинами и музыкального центра Михал Андреича.

Вокруг неё (бабули) в пыли и невыносимом лае бегала мелкая собачонка рыжего контрреволюционного цвета. Очень неприятно смотреть вот так на бедную женщину, вокруг которой носится какая-то приبلудная тварь и тявкает, словно её дали слово в депутатском собрании. Этого я вынести не мог и отправил собаку за забор Михал Андреича с помощью хитрого паса, подмеченного когда-то у Диего Марадоны.

- Что ж ты, сучонок, делаешь? - раздался визг изо рта неизвестной, интеллигентной, старой леди. - Чего тебе сделала моя Берточка?

И я был атакован каким-то цветастым зонтиком...

С тех пор я стараюсь обходить стороной всяких бабулек, бабушек, бабок потому, что... Впрочем, чего я объясняю?

(2011 г.)

ПОГОДА

«У природы нет плохой погоды, всякая погода благодать...» Вот эти слова мне противны и автор их, кем бы он ни был, просто интеллигентный пиздабол.

Есть у природы такие погоды, что нормальному трудовому элементу они классово чужды и матерно пронумерованы.

Собачья погода, мерзопакостная и прочая ветрогрязе-паскудная метеосреда портит жизнь нормальным людям и мешает созидательной работе. А принимать её благодарно может только какая-нибудь романтическая мразь на даче у камина или офисные неудачники, бросая бумажные шарики в корзину для бумаг.

Мы вот ехали с шабашки в родной город как раз по этой причине - погодные условия были откровенно хуёвые. Температура около нуля, ветер. Небо, окрашенное мрачной серебрянкой и лютное месиво дождя-снега не дали нам закончить кровлю и получить законный единый эквивалент, то есть денежки. А они нужны эти денежки, ну вы понимаете.

Пока снаружи наша «семёрка», словно собака, кидалась на породистые ино-марки, мы в салоне швырялись друг в друга «вещами в себе», не понимая, что какой-то Кант уже давно эту тему закрыл.

- Вот ты не пизди, что энергетическая жизнь циклична аж двенадцать раз. Это всё йоги придумали для своей пропаганды, - гудел плотник Шевелюха.

- Ну да, блядь, ты ещё скажи, что мы умираем без следа и насовсем, типа ничего до нас и ничего после нас? - ехидничал социалист Влад.

- Нет, что-то ведь остаётся, память потомков там иль деньги на карточке, - встревал наш молодой напарник Рубен.

- Ты вообще молчи, - цыкал на него Шевелюха.

В тот же момент Влад вручную опустил стекло и крикнул кому-то в чёрном «Лексусе»:

- Хуле ты трёшься по борту, а?

«Лексус» обиженно рванул по трассе, не вступая в открытый диалог.

- А вы знаете про бессмертную медузу? - спросил я.

- Бессмертие нелепо в мире с тремя координатами, отмахнулся от меня плотник.

- А вот и нет. Эта чёртова медуза живёт, живёт, а потом бац и снова в полип превращается, чтобы родиться вновь. Это есть факт и никто больше на Земле так не делает, - заупрямился я.

- Ну и хуле твоя медуза? — спросил Влад.

- А ни «хуля»! Она как раз циклично живёт и умирает, а это плюс в корзину йогов, если что, - гордо заявил я, доставая барсетку.

Наступило философское молчание, во время которого я пересчитал свои денежки.

Хорошо. Хуй с ней, с погодой и медузами, у меня есть свой путь этим вечером. Я пойду туда, где все бессмертны, пока звенят стаканы и поёт Стае Михайлов.

Так и вышел я в молчании на Депутатской улице. Далее путь мой был прост и понятен, как избирательная урна.

Прежде чем отправиться в убудочный «Магнит», я неспешно зарулил в аптеку. Там, в атмосфере лекарственных чудес и витаминов, есть волшебное зелье с

патриотичным названием «Боярышника настойка».

Вы спросите — чего там такого патриотичного в этом невзрачном пузырьке? А я скажу вам, что там всё патриотично,

от посуды до аромата. А уж про содержание спирта и говорить не буду, ибо его там семьдесят процентов, этого патриотизма. И пить эту красоту надо не в разгар веселья иль там митинга какого, а наоборот, после реформ и потрясений. Не надо быть медузой, чтобы рождаться заново. Выпей «Боярышника» и циклически наслаждайся бессмертием иль там женщиной, если она у тебя, конечно, есть.

* * *

Подойти к окошку с провизором мне мешала какая-то свирепая тётка в грязном, но всё-таки в белом халате. Она елозила шваброй по гладкому полу, словно хоккеист Овечкин на вбрасывании, и мучительно сопела.

- Вы, это... Гражданка, передвиньте позицию вправо, а то мне надо, - вежливо обратился я к уборщице.

- Пол должен быть чист! - отчеканила она, вытянув гусиную шею.

- Согласен, вы стократ правы, потому прошу вас в сторону.

- Я заведующая! - крикнула она гордым тенором.

- Я кровельщик! - ответил я, наступив на тряпку.

Так мы стояли в упор друг к другу, пока в окошке не раздались милые слова:

- Здравствуйте, слушаю вас.

Я посмотрел туда, за стекло. Хоть кто-то меня слушает. Стыдно тебе, Господь, должно быть. Не ты, а женщина-красавица, да ещё провизор меня слушать желает.

- «Боярышника» мне бы в один предмет, — смущённо очнулся я.

А дальше, «деньги — настойка», как у Маркса. И только закрывая дверь, я услышал неприятный посыл уборщицы-заведующей: «Алкаш».

Дура. Алкаши - это другие. Алкаши — это те, кто на полтинник мертвый портвейн в баклажках берёт. Это иной статус в межвидовом разнообразии россиянина XXI века. Уборщица, поди, тоже пьёт вечерами на кухне в компании кота и телевизора. И тоже не все погоды принимает с благодарностью, наверное.

* * *

На хату я попал после супермаркета и чьей-то блевотины в подъезде. На ше-

стом этаже уже пахло Стасом Михайловым и олифой. И я позвонил в дверь

Вот прислали губернатора, а он не пьёт, а только бегают по парку с разноцветными шнурками, — возмущался скупщик шкур крупного рогатого скота Юденич.

- Править нами без бухла нельзя, - соглашались окружающие оппозиционеры.

- Да заебали вы своими шнурками, - странным голосом вскричала красавица Олеся из СУ-11.

Все замолчали и неожиданно оказалось, что в комнате поёт певица Наргиз, а на креслах полно женщин разных сортов и без возрастных ограничений. Я выбрал Ульяну, которая в свободное от блядок время расписывала по батiku и сдавала квартиру каким-то чужестранцам.

Пока социум менялся в половом отношении, мы с Ульяной откружили Наргиз и лобзались в губы на кухне. Целовались мы азартно и весело, сбивая магнитики с холодильника. Всё шло к полномасштабной ебле в ванной комнате, но так и не пришло.

Кто-то из революционеров рванул в унитазе петарду, оставшуюся с Нового года. Унитаз лопнул и шланги порвались. Вода почувствовала долгожданную свободу, а соседи снизу вызвали «аварийку», ментов и какого-то кособокго адвоката. Ну как было не вызвать? Обязательно надо вызвать. Именно поэтому подобные вечера так упоительны в России как утверждает поэт Пеленягрэ.

Пока хозяин хаты Аркадий ругался с адвокатом, отец Андрей сцепился с участковым Шапкиным на почве околорелигиозных разногласий, родившихся не сегодня и не здесь. Потом подключились соседи и понеслась пизда по кочкам.

Кто кого рвал за лацканы и толстовки, кто кому говорил слова богопротивные и унижительные, я не помню. Только в колонках орал Лепс, а по столу катались рюмки и солёные орешки.

- То-о-лько... рюмка водки на столе-е-е! - разносилось по дому злое проклятие российской эстрады.

Мне порвали свитер прежде, чем подросла подмога соперникам из РОВД. Да и коммунальщики не все были на нашей стороне. Так что в «зверинце» мы оказались предсказуемо и весьма оперативно. А там, уж поверьте, ничего романтического или, к примеру, интересного, нет. Протоколы, решётки, слабое освещение и ожидание — вот он, весь набор внутренних дел для несознательных граждан с повышенной социальной активностью.

С нами оказался и плотник Шевелюха, попавший чуть ранее в клетку по политическим мотивам с непристойным оттенком серого.

- Я же не знал, что это предвыборный плакат какой-то депутатши Хвостенко. Но ведь не мы же выбираем места для малых нужд, а наоборот как-то, - ныл он на грязной скамье, словно в итальянском кино.

Я не буду рассказывать, как нас сортировали по благонадёжности и доверию.

Протоколы, решётки, слабое освещение и ожидание — вот он, весь набор внутренних дел для несознательных граждан с повышенной социальной активностью.

Это всякий знает, кто страдал за любовь или за идею. В итоге до утра оставили отца Андрея, плотника, Юденича и двух коммунальщиков с синими лицами. Мы с Аркадием и ещё с двумя гитаристами из какой-то кавер-группы вышли на улицу в дождь, снег и нулевую температуру.

Горели тусклые фонари и в городской пустоте, словно гарпии, мотались унылые таксомоторы. И ветер дул в наши напряженные лица с нескрываемой злобой. И погода толкала меня в неясную даль, лишённую смысла. Тоже мне благодать...

Аркадия встретил давешний адвокат и утащил по всяким там страховым делам обратно на хату. Им я не завидовал.

- У художника Власова сейчас квасят, - сказал гитарист справа.

- Там всегда квасят, - подтвердил тот, что слева.

- Это который Пушкина у пруда мастерил? - спросил я.

- Да. И собаку у Центрального, - ответили они хором.

- Тогда в путь, - сказал я миру.

- А деньги есть? - спросил мир.

- Ловите «мотор». До круглосуточного сначала, а уж потом искусство, - махнул я рукой сквозь атмосферные осадки в сторону Петровского спуска.

* * *

Ну, и как вы думаете, что обнаружили мы в квартире художника Власова, кроме запаха олифы? Правильно. Баклажки с джин-тоником, пиво, кальян, самого Власова, двух студенток худграфа, поэтессу Альбину со сбившейся причёской и салат с примесью ананасов. Никаких тебе пельменей и Наргиз. Только Sade и ёбанные салаты. Вот зачем был нужен круглосуточный.

Художник был уже красный и перекошенный от джин-тоника. Он нахваливал Моне и свою медную собаку у Центрального. Пушкина же не нахваливал в моём присутствии.

Гитаристы качали полными стаканами и подмигивали студенткам, уставшим от Моне и собаки. Поэтесса, вне очереди, сосала пиво из заляпанного фужера, улыбаясь всем сразу и никому в отдельности.

- Пей, Власов, за смелые мазки и добрые светотени! — вручил я художнику водку.

И он выпил, героически сплюнув за диван чем-то. Потом он осел и ослаб на том же диване, словно великий Пикассо. Уснул он с открытыми глазами и нам пришлось их долго закрывать - а то жутковато как-то.

Пока гитаристы тёрлись около студенток, я отнял у поэтессы Альбины пиво и потащил на ложе. Поэтические натуры возвышенны только тогда, когда у них в руках есть пиво или вино. Безо всей этой дряни они неизменно активны и великолепны в альковных мероприятиях. Да взять хотя бы ту Настю из Кандалакши,

что про хуй стихи пишет. Все эти «камеди-клабы» и стендапы хуйня хуйнёй, но бывают времена, когда... Да ладно, чего это я? В общем, завершив дела, я оставил уставшую поэтессу на продавленной тахте и вернулся в мастерскую художника Власова или, наоборот, из мастерской в неведомую комнату с гостями и выпивкой. А там музыканты лаяли друг на друга прямо над телами мертвецки спящих студенток по поводу какого-то рэпа.

- Эти твои Гуф и Баста старые, потёртые алкаши и вообще рэп - это кал, - утверждал один гитарист.

- А кто там не кал? - вскидывал руки второй гитарист.

- Элджей и Федук! - плюнул ему в лицо первый.

- Наркоманы, блядь! - ответил на плевок второй.

Я не понял, о чём они спорят, и выпил водки. В это время художник Власов дёрнулся на диване и всхрипнул, как зомби. Музыканты смолкли и потянулись за джин-тоником. За окном кончился дождь и только-только наметился рассвет. Погода снова шепнула мне какие-то слова.

Я понял, что надо возвращаться домой. Я понял, что метеорологические условия бывают всякие и от них зависит - пить водку или наливаться пивом под крышку. От этой вот атмосферной хуйни происходят пустые, не созидательные походы по ночным улицам, всякие бытовые конфликты и разврат. Ну, вы уже поняли.

Когда в небе чистота и порядок, тогда и сердцу спокойней. А вот если в тебя бросаются мокрым снегом и дуют стылým воздухом в красные, слезящиеся глаза, то и вся твоя жизнь, словно грязная лужа у магазина «Пятёрочка» - полна соплей и разбухших кассовых чеков.

* * *

Я шёл по улице Ленина и мелкими глотками принимал «Боярышник».

Сегодня мне приснится милый автомобиль ЛуАЗ-969 и буду я пересекать на нём всякие там лесополосы и овраги. А на берегу реки Воронеж, где-то в районе Каликино, я встречу кого-нибудь из высших сфер, ангела или беса - не суть важно.

Мы вместе разведём костёр и сварим кулеш. Для нас бесплатно выступят лесные птицы и речные жабы. До самого того часа будут петь они, пока я не проснусь в своей постели, чтобы начать новый цикл, как та медуза, что живёт вечно.

А, может, и нет этой медузы, вовсе как нет справедливости, к примеру, иль свободы? И зачем вообще жить вечно, скажите мне, пока я весь флакон не опустошил?

(2019 г.)

КУСТУРИЦА

Нет, всё-таки тогда люди были проще и не одевали чёрные очки, делающие их похожими на гадких, назойливых мух. Поэтому и писать о тех временах легче и свободней, что ли. Восьмая заповедь была основательно отменена и стала культовой. Россия жила как? Да нехуёво жила! Уж, во всяком случае, лучше, чем Монголия. А в Монголии шкуры самые качественные в мире. Не то, чтобы у турок или там итальяшек.

Блядь, я ж не о России - я об эротике. Вообще, причём тут Кустурица и шкуры КРС? Стоп, какая там эротика? Эротика - это что-то типа голых баб в глянцевых журналах, а в моей истории как раз этих журналов и не было. Бабы были, согласен, и даже голые, но никаких там инженеров-электриков или чёрных кошек с белыми котами.

Ах нет, не так. Кот там был - и даже не в эпизодах. Сука, полосатый такой, с рыжими подпалинами. Мерзкий котяра по кличке Пушкин. В нашем городе стихов не читают, но Пушкина знают не хуже, чем в столицах. И участковый был Пушкин, и хромой дедушка с Малофеевки, у которого трофейный мотоцикл на огороде гнил. Ну и, конечно, кот.

Пушкин - символ, а мы к символам трепетно относились. И ещё к блядкам. К ним мы, пожалуй, относились ещё более трепетней, чем монголы к шкурам КРС, или будущий президент к римскому праву. А всё потому, что делать больше было нечего.

Страна менялась. Люди увидели «Санту-Барбару» и всё - пиздец! Там страсти, интриги, Мэйсон, бля, Джинна - охуеть! И все занимались великосветским блядством. Только в Америке это всё как-то пахло политэкономией, а у нас великорусской, похожей на волжские просторы, еблей женских особей под песни Юры Шатунова. Вы знаете, кто такой Юра Шатунов? Я тоже плохо помню, но вот «Белые розы-ы-ы-и...». Хуле, вспомнили? Ага.

А пошли мы на танцы. Туда ходили все, кто мог держаться на ногах или в данный момент не пиздил цветмет. На танцах можно было хоть как-то самовыразиться или там повы-ёбываться по-скромному. Если выёбываться нескромно, то можно получить по лицу и растерять все остатки социальной значимости для общества, то есть унизиться. Там же, на танцах, происходили встречи с девушками, которых уже начали потихоньку называть «тёлками» и их можно было «снимать» или «подгонять»...

Да что за ёб...! Пришли мы, значит, на танцы и топчемся по понятиям. А кругом такая же гопота, как и мы с Валероном. Ну, Валерон — это пацан такой, он цыган ненавидел и про Кустурицу до сих пор не знает.

А из динамиков ревёт — «Музыка н-а-а-с связала, тайною н-а-а-шей стала...» и прочий мираж. Ритм есть, хуле. В желудке «палёный» «Petroff», фонарики

мигают и бабы волосами так потряхивают, как в рекламе от перхоти. Вот она эротика, без глянца и всяких там штатных поз.

А одна девчонка так вообще охуела. Это бывает, когда подружки уже по подъездам ебутся, а тут целка жмёт. В таких случаях дамы бывают очень общительными и издалека видными. Короче, танцует созревшая для блядок «Наташа Ростова» энергично, с тисканьем собственных сисек и красными глазами. А рядом цыгане опять же. Ждут суки, когда можно будет её на хату увлечь в хоровую капеллу. Эти типы всегда норовят по-быстрому - и кочевать снова.

Но тут было одно препятствие — Валерон. Его иногда «кли-нит», если он не закусит жвачкой «Love is...». В общем, ему невероятно понравилась эта, которая руками размахивала в «свете дискотек...». Он пристроился рядом и стал топтаться типа как в 3D. Ну, там руки по оси «Y», ноги по «X», а перегаром в сторону «Z»... Нереально так задвигался мой друган.

Цыганам это не понравилось. Они перешёптывались и тыкали пальцами в нашу сторону. Но помня, что Валерон уже сломал у них три ножа за какую-то хуйню, «бычиться» парни не спешили. Да и я одному Христу чуть руку не оторвал за стадионом «Горняк».

В общем, в перерыв один из ромэлов подошёл ко мне, пока Валерон «дул в уши» прекрасной незнакомке в кожаной куртке.

- Слышь, Беспяткин, у нас хата, тачка, бухнуть - всё как у людей. Вы первые, а уж мы там потом... Тёлка сама хочет, видишь? - дипломатично обратился он ко мне.

- Животные вы, блядь. Вас даже Дарвин не систематизировал. Куда вы лезете, у пацана любовь! - вежливо ответил я.

- Ты меня своими авторитетами не страши, понял? А любовь только у лошадей бывает, — ответил мне цыган.

- Передай своим конокрадам, что кино сегодня до часу ночи, ещё успеете. Нахуя вам опять по кладбищу бегать?

- Хуле ты распизделся, Беспяткин? Опять будете штакетник искать, а его нет ни хуя! А у нас «ствол» есть, — почему-то оглянулся цыган.

- «Ствол» — это сила. Но любовь ещё большая сила, поверь мне, — ответил я, не испытывая ни страха, ни совести.

Все знали, что молодые цыгане стреляют только с разрешения родителей, а родители у них пиздец какие строгие. Если пиздюк-цыган просто пальнёт из хлопушки в людном месте, то усатый папа Михай пропишет ему весьма радикальные рецепты по лечению геморроя.

Короче, трюк с хоровым пением отменялся в данном случае. Они это поняли и правильно оценили. Все жили на одном районе и устраивать войну из-за хуйни - это просто глупость. Так и получилось. Я с теми же цыганами-таки поехал на «хату» со штатными красавицами из Малофеевки, а Валерон с «дамой под вуа-

лю» упиздил в сторону Городища, размахивая руками и каким-то грязным пионом.

* * *

- Прости, братан, так получилось. Светка прелесть, я счастлив, ты дома? — орал Валерон в трубку прокуренного телефона.

Блядь, как же было охуенно без мобильной связи. Если люди о чем-то договаривались, то это было табу, догма, руководство к действию. Никаких «если что, я тебе СМСку скину, иль отзвоню типа...». Всё по-простому, как в геометрии и без «збс».

- Иди ты в хуй, я вчера губу о банку порезал и цыгане брелок спиздили, — ответил я.

- Нет, всё нормально. Сегодня пойдём к Светке в Слободу. Родаков нет, тебе будет принцесса с сиськами и шампанское я уже купил, — не унимался Валерон.

Шампанское и Валерон — это серьёзно. Я понял, что посиделки неизбежны, как триппер, и уточнив что-где-когда, повесил трубку.

* * *

И вот мы в доме вчера рождённой женщины Светки на самом краю Нижней Слободы. На круглом, покрытом цветастой клеёнкой столе, как МГУ, высилась бутылка шампанского, охраняемая баночками водки «Black Death». Округ на тарелках лежали помидоры и холодец. Хлеб был порезан и доступен каждому.

Валерон со Светкой сидели, как на свадьбе, а я как на скамье подсудимых. Намеченной принцессы не было. Вдобавок мне в шею дул противный сквозняк из форточки.

- Может окошко закрыть, а то неприятно, — тихо спросил я.

- Не надо, лучше пересядь, а то когда кот возвращается, то по погребу разбегается и в форточку прыгает, — ответила Светка.

Я вздрогнул, представив, что этот кот, которого мне обозначили как Пушкина, сиганет на шею во время принятия алкоголя. Даже если б это бы и сам Пушкин, тоже хуйня получилась бы. Я пересел.

В это время раздался умеренный стук в дверь и Светка кинулась в сенцы. Там послышалась шуршащая возня и шёпот: «Где тебя, блядину, носит?».

Валерон улыбнулся и похлопал мне по плечу своей громадной клешнёй.

- Пришла, что я говорил, а? — откинулся он на стуле.

Да, она пришла. Пришла навеки, как церебральный паралич. Конечно, можно при моей-то фантазии отфотошопить образ и с помощью водки сделать среднюю размытость по Гауссу. Но всему есть пределы. Даже сиськам. Но не этим.

В принципе, гражданка по имени Виолетта, имела шансы на жизнь в относительно цивилизованном обществе, если б не кучеряшки, как у юного Ди Каприо и сиськи строгого режима. Вдобавок её где-то плохо кормили, а если кормили, то не тем, чем нужно. Она была бледна, как статуя Свободы, и улыбалась, как подлец Солженицын.

Тем не менее, мы уселись за стол и вскрыли баночки с водкой. При этом, мы вели себя как на саммите «Большой Восьмёрки», то есть уважительно. Хрустели помидоры, а я толкал Валерона по ноге, попадая иногда по Виолеттиной. Валерон щёлкал пальцами, а Виолетта как бы вопрошала: «Вы это молодой человек, нахуя ногами под столом елозите?».

Включили магнитолау «Радиотехника». Опять «Ласковый май» и всё такое. Потанцевали, перекинулись фразами о Ельцине. И снова сели за стол. Я пил серьёзно, ибо противник у меня был тоже серьёзный.

В это время в дверь опять постучали, на этот раз громко и молодо. К нам в компанию заявила симпатичная малолетка Оля, обожающая водку и «Ласковый май». Полвечера я смотрел на неё, понимая, что хоть и выглядела она на все 25, но УК принципиальная книжка и баловства не допустит. Вдобавок эта Оля быстро нахуярилась и легла на кровать с никелированными набалдашниками. Легла жопой кверху, что говорило о крайней несознательности и отсутствии уважения к старшим.

Перпендикулярно этой кровати стояла другая, без набалдашников, но с подушкой и какой-то попонкой бордового цвета. Я понял, что в условиях социальной неустроенности и всеобщего воровства, ебля всё же состоится. Потому пришлось открыть ещё баночку и занюхать хлебом. Валерон встал, как на митинге, и поднял бутылку шампанского.

- А вот как пробочкой в потолок, н-н-на! - рявкнул он.

И пробка пизданула в побелку, как картечь. Брызги шампанского большей частью попали на спящую малолетку. Та вскочила со взглядом кающейся Магдалины и делала ртом сложные фигуры.

- Где моя сумочка? — наконец спросила она.

Я передал ей драную портупею с серебряными цепочками из силумина.

Пока мы вкушали пузырьковое вино, Оля достала из недр огромный, зелёный, резиновый член и ткнула им в мою сторону.

- Вот, - прохрипела она.

- Что вот? - поперхнулся я.

- Подарок, - ответила Оля и, зажав изделие между подбородком и ключицами, опять повалилась на кровать. При этом один глаз у неё остался открытым.

- Ну, мы пошли, Беспяткин, — сказал Валерон. — Развлекайтесь.

Блядь, ну вы представляете: «они пошли». А мы должны развлекаться под брызги шампанского и сопение малолетки Оли с резиновой елдой поперёк лица.

Я не стал говорить романтических слов и прочей дряни. Как дикое, необузданное животное, я увлёк Виолетту на кровать с бордовой попонкой. По пути, женщина пыталась за меня сказать эти романтические слова, но не успела. Мой воин встал по уставу караульной службы и был готов к боевому заданию. Виолетта поняла, что Шекспир отменяется и остаётся только академик Павлов. В итоге она привычно запрыгнула на меня, как Анна Ахматова, и началась новая серия про «Неуловимых мстителей».

Видимо, от перенесённых стрессов и форс-мажоров, я «сложил клина». Поэтому моя принцесса была ебома долго, разнообразно и грубо. Она получила всё, что хотела, но фильм продолжался серия за серией. Меня охватило половое бешенство. Я был зол на правительство страны и бандитский беспредел, на бескультурные и чиновничьи барьеры, на «Ласковый май» и Машу Распутину. Всё это вылилось в беспрецедентное надругательство над уставшей Виолеттой.

Вдобавок, я заебался одной рукой закрывать глаз малолетки Оли, который, как у акулы, раскрывался на фоне зелёного, резинового члена - почти как на картинах обожравшихся абсента французских импрессионистов. Всё это походило на какой-то жуткий контркультурный перформанс.

Покрытая испариной Виолетта, сжав губы, терпела половую муку, а я как парижский коммунары, брал Бастилию всё более жестоко и напористо. Сколько это длилось, не могу представить, но тут вмешался Пушкин - да, чёртов кот, по веками устоявшейся традиции, с разгону взял погреб и влетел в форточку.

Ах да, забыл сказать, что ранее, когда малолетка Оля, как весенний бриз, впорхнула в хату, предприимчивый сквозняк плотно захлопнул форточку. Тот, единственный путь, который вёл уставшего кота к праведному сну и миске с хеком был перекрыт невидимой стеной из стекла в обрамлении штапиков.

Граждане, включите воображение. А я выключу. Включили? Ну и как? Как вам кадры из Кустурицы?

В чёрном проёме появляется здоровенная, кошачья морда. Она невероятно плющится, превращаясь в маску существа из адских глубин. Затем стекло со страшным треском разлетается, как новогодний фейерверк. Осколки с котом летят на нашу камасутру и изошедшую слюной малолетку Олю. При всём при этом Пушкин орал, как на кастрации.

Виолетта, как добрая фея, слетела с меня куда-то в сторону иконы Святой Троицы. Я даже разглядел волшебную палочку и шлейф звёздной пыли.

Малолетка вскочила на постели, крепко сжимая в руках резиновый прибор. Я стоял перед ней и у меня стоял перед ней.

- Только попробуй, - завизжала она.

- Где кот, - крикнул я ей в ответ.

- Вон он, - указала она зелёным членом в угол комнаты. Там, по сервантам и этажеркам, скакал Пушкин, понимая, как и его великий однофамилец, что «исчез -

ли юные забавы» и «Россия вспрянет ото сна». Вернее, уже вспряла, ну может не Россия, но хуй-то уж точно. А это не сулит ничего хорошего. Прерывать брачные игры млекопитающих опасно и чревато, как говорил известный тусовщик Тимати.

Я схватил ботинок, не совсем чистый, и согласно римскому праву, запустил им в кота. Ботинок попал в Виолетту. Та завывала, как Ярославна. И только тут я заметил, что стою, вернее, мы с хуем стоим посреде комнаты, как боги войны Марсы, иль там Плутонь. На нас смотрят смертные и в ужасе ждут конца света. Конец стоял, свет горел, а я думал о коте, который не получил возмездия.

- Виолетта, иди на кровать, да закончим это дело, - наконец-то решил я.

- Не... Я больше не могу. Прости, но я жить хочу, - ответила она.

- Она жить хочет, - продублировала малолетка Оля.

Хуй с вами, живите. Но придёт время и воздастся вам по грехам вашим, - грустно сказал я и быстро оделся.

В это время в покои вошли растрёпанные Валерон и Светка.

- Чего это вы тут воюете? — спросил мой друг.

- У Пушкина спроси, — ответил я, направляясь к двери и запихивая в карман по пути баночку «Чёрной смерти».

Малолетка глупо хихикнула. Я оставил всю компанию как есть в непонимании и неопределенности.

Бредя по Слободе, вверх к парку, я вляпался в коровью лепёшку. После этого меня отпустило. Стояк закончился, начались боли. Вдобавок пошёл мелкий дождь и проехали менты. Они недобро посмотрели на меня, но не задержали.

* * *

Утром Валерон привел Виолетту, как работорговец. Я не стал спорить и думать о красоте, которая спасёт мир. Мы по-быстрому перепихнулись и попили пива.

Вот всегда бы так, а то Пушкин, Кустурица... Подумаешь, гении. Они, небось, в кота ботинком тоже промахнулись бы.

(2010 г.)

ПОДВАЛ

Как я попал сюда? Зачем попал? Нахуя вообще существуют эти потаённые, сказочные уголки на городских окраинах моей Родины?

Я попадал, бывало, в страшные, пропахшие масляными красками студии

обиженных судьбою художников, где вскрывались вены и рисовались портреты томатным соусом на обоях. Я был на театральных вечеринках депрессивных актеров с громкой музыкой от Рахманинова и разбитыми бокалами на холодном, мраморном полу. Всё это можно было терпеть, пока в глотку лилась волшебная смесь грога, пива и водки. Всё это можно было простить себе и миру - за голых женщин на подоконниках и разбитую гитару в обоссаном углу.

Перебираясь из одной камеры пыток в иной, прокуренный каннабисом салон с абсентом, я мог видеть и наслаждаться падением душ в выгребные ямы ада и очищением тела с помощью китайской лапши и феназепама.

Я вообще неприхотлив в выборе компаний и собутыльников. Что на остановках общественного транспорта в окружении дождей и ветров, что в теплом помещении с колоннами и портретами в золочённых рамках - везде есть место удивлению и радости. Везде есть выход или там лаз какой на тёмную улицу, где фонари почти не горят, а в окнах граждане страны моей бьют посуду и матерят правительство. Ходить по таким улицам нужно и важно. И, главное, нюхать воздух можно закрыв глаза с поднятой головой, подобно волку. Но вот здесь я растерялся. Я увидел окружающую среду, смещённую то ли влево, то ли вправо, то ли вообще, плывущую по неустановленной орбите в темноту, от которой ожидать чего-то весёлого, к примеру, не стоило.

* * *

Это было подвальное помещение с неучтённым количеством комнат. В этих комнатах двигались люди. В этих же комнатах они и останавливались, с посмертными масками на лицах.

Здесь не употребляли кокаин, не пели светлыми голосами и не ругались на правительство. Здесь все смотрели на меня с одной единственной целью — перерезать мне горло, когда я усну на поддоне, застеленном историческими, полосатыми матрасами, как в холерном бараке. И, главное, отсюда не было выхода или, допустим, приоткрытой форточки в загаженном сортире, освещенном тусклой лампочкой ватт на сорок.

Мы сидели по кругу, центром которого был пустой ящик из-под патронов. На ящике стояла громадная сковородка с жареной картошкой, буханка хлеба и соль в деревянной плошке. Стаканы мы держали в собственных руках и бухло наливали самостоятельно, как социалисты-революционеры. Никакого коллективизма, каждый за себя - и плевать на упавшего с поддона сектанта.

Если вы когда-нибудь захотите умереть без соплей и причитаний — приходите в этот подвал. Вас поймут и даже не похоронят. Вас просто снесут в одну из этих неучтённых комнаток, чтоб меньше пахло.

Липкий пол под ногами шевелился, но кто его шевелил, было не важно. Мы

пили то, что принёс я и ели картошку маленькими ложками.

Лиц я не видел, рук тоже, а вот ложки запомнил навсегда. Маленькие такие ложки с узорами на ручках.

Я встал и спросил: - Где у вас дверь на улицу?

Тишина была мне ответом и только кто-то вздохнул в правом углу хриплым бульканьем больных лёгких.

Тогда я пошёл по комнате, натываясь на тёплые дыхания и запахи. Тяжёлые взгляды обитателей подвала царапали мне щёки, но пошли бы он на хуй, эти взгляды. Я вышел в коридор. Он был бесконечен вдоль и узок поперёк.

Я двинулся наугад с бутылкой самогона и надеждой на выход. Я спотыкался о чьи-то руки и головы. Но я не слышал злых голосов. Только вот доносились сюда мучительные, глухие звуки насилия за холодными стенами. Кого там резали или ублажали, меня не интересовало. Но пахло по-прежнему плохо.

Она наткнулась на меня внезапным образом. Вскрикнула по-кошачьи и закрыла голову руками. Её рыжие волосы были спутаны и грязны. Руки, худые и бледные, тряслись крупной дрожью, как после портвейна с пивом под утро на чужом балконе.

- Ты чего, дура? - спросил я. Она взглянула на меня и прошептала:

- Не бей, пожалуйста, и дай выпить этого...

Я налил ей пойло в стаканчик. Она выпила и глазами сказала: «Спасибо».

- Ты знаешь, как отсюда выйти? — спросил я.

Тут все подохнут, сюда за этим приходят, а выхода нет, — ответила она, глядя в пол.

Пойдём со мной, ты хоть разговаривать умеешь, — предложил я и направился вглубь коридора.

Она молча пошла за мной, как собака.

А впереди тьма и вспышки событий неприятных. Кто-то грыз чьи-то кости, кто-то танцевал в одиночестве под собственную, внутреннюю музыку, кто-то стоял не то от боли, не то от наслаждения.

Шли мы не долго. Тяжёлая, драная дверь полуоткрыто смотрела на нас с печалью и состраданием. За ней бегали световые зайчики и играла песня «Как упоительны в России вечера». Словам поэта Пеленягрэ я доверял всегда, даже когда терял веру в романтику после безумных стриптизов на крышах московских общежитий.

Так вот, за дверью могла быть жизнь. Могли быть другие люди и танцпол. Я открыл эту дверь и мы вошли в новую комнату. Там действительно были человеческие тела и мигали фонарики на потолке. Треснувший бумбокс выдавливал музыку с флешки в танцующие фигуры. Тени на стенах корчились в ритмичных судорогах, а по углам тлели хищные огоньки сигарет. Стоять в этих условиях помещански, с бутылкой самогона в руках и девушкой за спиной было глупо, конеч-

но же.

- На, выпей и потанцуй давай, — предложил я рыжей незнакомке, наливая в стакан.

Я тоже выпил. И мы прижались друг к другу, как на выпускном вечере.

Пел Ричард Маркс свою «Right Here Waiting». Мы кружились в танце или мы стояли, а всё вокруг кружилось без танца и наоборот как-то. Плыли образы светлые, оставшиеся там, за пределами этого подвала и запаха гнилых зубов.

Я видел небо и облака. Я видел девушку с огненными волосам и розовым лицом. Её голубое платье развевалось на ветру, как морской флаг, и гибкие, красивые руки тянулись ко мне, чтобы поймать, удержать и одарить бесконечным поцелуем. Кружение становилось всё более волнительным. Сердце моё то терялось, то находилось в разных местах Вселенной.

И спросил я: - Как звать тебя, милая? Кто послал тебя ко мне, такую светлую и чистую?

- Анастасия я. И никто меня не посылал, ты сам пришёл ко мне, человек, - отвечала она мягким, смущенным голосом.

- И пусть так... Пусть так будет, - говорил я, целуя эту прелесть.

Пел Мурат Насыров «Я это ты». И никого не надо нам. Всё что сейчас есть у меня...

Удар был сильным, но неточным. Я упал спиной на жирный, грязный пол, привычно прикрыв лицо рукам, пытаюсь ногами отбиться от тех, кто рядом шуршал обувью. Били сбоку в почки. Надо вставать. Надо перекатываться и вставать. Потом будет поздно.

Я схватил первого, кто попался за ноги и рванул вниз. Сам же я вскочил боком в сторону и открыл лицо. Увидел всю свору. Понял — не прокатит. Только к стене, а там - сколько получится. У стены всегда есть шанс. Но не в моём случае. Не в этом подвале, не в этой жизни...

Меня бросили возле голосящего бумбокса. Я не нужен был больше - я подохну через полчаса под музыку Chemical Brothers. А люди в комнате били Анастасию в живот и таскали за волосы. И женщины, и мужчины били её, как рабыню.

Она нарушила какой-то местный закон. Тут есть законы? В моей стране законов нет, а тут есть. Как так-то? Но мою девушку поставили на колени и стащили грязные джинсы.

Да какая она моя девушка? Ещё утром я не знал о её существовании. Иди ты к чёрту, рыжая блядь! Не нужны мне эти дурацкие облака и морские флаги. И песни Пеленягрэ не нужны. Мне нужно в больницу, пока кровь из башки не текла.

Анастасию терзали сзади татуированные оборванцы и били по зубам спереди кривоногие алкоголички с белыми волосами. Девушка дёргалась, словно на вертеле, закрыв глаза и тихо воя хриплым голосом. Кто-то в полосатой рубахе сел ей на

спину и ударил кулаком в затылок. Руки её подкосились и лицо вошло в пол кровавым венцом, забрызгав чью-то кожаную юбку. Тогда и загнали её в рот битую бутылку «Балтики № 9». Тогда и замолчала она наконец-то, романтическая дура.

Под песню Трофима потащили её за ногу, прочь из комнаты. А ненужные джинсы отшвырнули в самый дальний угол.

Я хотел сказать, что песни Трофима говно и под них убирать мёртвых людей с танцпола негоже - ведь есть же Шнур или, к примеру, Арбенина, вот под них и таскайте. Но воздух в лёгких так и не набрался для голоса.

Зато ко мне подошёл один из местных в золотой куртке. Он присел на корточки и спросил:

- Ты про выход интересовался?

- Да, спрашивал... - всё-таки произнёс я медленно.

- Пойдём, - кратко позвал он, вставая.

- Я не могу...

- Можешь, тут не твоя территория, - обернулся он. Как я встал, как я шёл - не спрашивайте. Почему в коридоре было так много мух и сырости? Кто говорил мне вслед проклятия и лозунги последних лет? Плевать на это.

Главное, что нашёл я себя сидящим возле мусорных баков во дворе супермаркета «Магнит». Там всегда можно что-то найти. А уж такой дряни как я, полно на всех помойках моей Родины, аккуратно после всяких там преобразований и реформ.

Я, плюясь кровью и соплями по сторонам, шатаюсь, побрёл в сторону остановки на улице Горького. Оглянувшись, я увидел того, в золотой куртке, курившего возле светофора и внимательно наблюдавшего за мной. Я погрозил ему кулаком. Я верил, что найду тот подвал, прихватив баклажку керосина, но вера эта была слаба, как и все веры на свете.

Потом подошёл автобус и я уехал в каменные микрорайоны с работающими лифтами. Там батареи горячие и мусоропровод. Там всё легко забывается и с десятого этажа приятно плевать на всякие там ничтожные остротки памяти.

Солнце только-только показало свою лысину - промеж многоэтажек и антенн...

(2018 г.)

БУДИЛЬНИК

Вот иду я в кожаной куртке по улице Плеханова и не радостно мне.

Нет, не уныл я, как, допустим, ослик Иа и о хвосте не думаю. Просто в душе погань какая-то, связанная с зачётами и предстоящей практикой.

В стране весна и потрясения. Ельцин, бандиты уши друг другу в кабаках отгрызают, а тут придётся на стройке кирпич класть и электроды жечь. Хуёво без романтики и танцев, граждане.

Техникум уже маячит вдалеке, а ноги заплетаются, как у панка. Может на хуй всю эту грядущую рабочую дорогу, трудовые мозоли, увеличенную печень и СУ-11? Ведь жизнь полна чудес и проституток, афер и ночных фонарей.

А техникум? Хуле техникум — шарага для таких как я пиздюков из рабочих кварталов. Или тот же кирпич — как лежал, так и будет лежать, пока его не спиздит кто. А тут ещё мама дала пять рублей на будильник и пожрать талоны купить. Как будто кто-то жрёт в нашей столовке. Впрочем, булочки жрут.

Пустые, никчёмные мысли — будильник, булочки. А где же вихри враждебные, дела всех жизней, восторги и трепет? Нет их на этой дороге, нет их в этой стране. Есть только унылые люди с печалью в кошельках и собаки лишайные.

Ну, ещё вот навстречу идёт дружбан Толик с полосатой сумкой и улыбается, словно нечистый дух.

- Эда-а-рова, Беспяткин, на уроки намылился? - орёт он, словно в трубцехе № 2.

- Нет, в ЦУМ, за будильником, - буркнул я неприязненно.

- Там нет ни хуя, можешь остановиться и послушать.

- Хуле слушать, ты трёшься с фарцой, у тебя своя музыка.

- Не, а ты послушай, дурак, что скажу, это дело выгодное и для страны полезное.

- Да, уж, блядь, конечно.

- Вот сколько у тебя денег?

- Семь рублей и что?

- А у меня вот, — и Толик показал какой-то бурый подсумок, в котором туго собрались денежные знаки.

- Вот уебать бы тебя в подворотне и баблосы забрать, больше ничего на ум не приходит.

- Ну, уебать ещё уметь надо, а вот такой «пресс» можно за день наковырять, если не мечтать о всякой хуйне, - гордо ответил Толик.

- Посадят тебя.

- Бывает риск, а на стройке тоже плиты падают.

Мы помолчали. Я думал о деньгах, а Толик наверное о плитах.

- Помоги мне товар раскидать, - спокойно предложил дружбан.

- Да я же не в теме, чего и как, — засомневался я.

- Хуйня всё это, стоишь и ждёшь. Подошёл клиент, ты ему цену, а себе деньги на карман.

- Пошли, — вдруг сказал я.

Почему-то мне стало легко и в груди задышалось что-то.

Мы пошли к ЦУМу, к самой его паперти, где тусовались граждане с сумками и невыразительными лицами. Они медленно передвигались меж друг друга и курили «Мальборо». Люди иного сорта останавливались рядом и полушёпотом чего-то спрашивали.

- Короче, здесь кассеты МК-90, продаешь по «пятерке» и к вечеру получаешь бонусы, - просто объяснил мне Толик рыночную экономику, за которую так боролся мой народ в последние годы.

- И всё?

- И всё, я пошёл. Если что, найдёшь меня в «Минутке». С этими словами он исчез, как вампир. А я остался у храма торговли с артефактами и амулетами от фабрики «Тасма», с полной сумкой этих кассет на 90 минут.

Покупатели словно ждали этого момента. Сначала подвалил какой-то борода-тый крендель в свитере и спросил словно пароль: Кассеты?

- Ну да, а чего ещё?

- 90-е?

- Да.

- Сколько?

- Пятерик.

- Давай блок.

Выдал я ему пачку магнитных носителей и деньги сунул в карман, как настоящий спекулянт. За полчаса у меня ушло четыре блока.

Я начал подумывать, что капитализм - это не какая-то там последняя стадия, а самое что ни на есть благо. И люди, построившие СССР, глубоко заблуждались в своей экономической линии, иль в чём там ещё. Просто кто-то долго прятал от нас волшебную тайну рынка и прибавочной стоимости. После того, как я «скинул» ещё пяток кассет, ко мне подошёл один из «коллег», торговавший паке-тами с английскими буквами.

- Ты дёшево толкаешь, чувак, народу похуй. Они возьмут по-любому, все хотят музыки, а уже скоро будут новые цены, поэтому всё считают почти не глядя, - спокойно объяснил он мне суть получения сверхприбыли. - Весь фокус в ценовых скачках и курсах, а товар всего лишь материальная база.

Он тут же отошёл к очередному покупателю.

- Почём кассеты, - услышал я над ухом.

- Червонец, - с ходу ответил я.

Товар ушёл также быстро, как и за «пятерку». Короче, когда я доставал из сумки последний блок, цена была «четвертной». Мои карманы были полны денег и сковывали движения. Но это почему-то не приносило печали, иль там неудобств каких. Это наполняло меня той самой романтикой, о которой я упоминал вначале.

Я направился прямо в кафе «Минутка», где в табачном угаре, вокруг круглых стоек, словно воробьи собрались монахи-фарцовщики и жрали жареную колбасу.

Водки не было, только синяя селёдка выглядывала из-под укропа тухлым взглядом.

- Ну, Беспяткин, раскидал товар? - промурлыкал То-лик, вытирая губы.

- Хуйня, вот сумка, - кратко ответил я и протянул ему пустую торбу.

- Видали, пацанва, какой чувак, я же говорил, — обратился к коллегам Толик.

Вся банда неласково посмотрела на меня, но интерес в глазах просматривался. Видимо, эта секта была закрытой и всё такое.

- Вот тебе «башли». За героический труд, - протянул мне Толик «двадцатку».

- Нормально, да? - спросил он по-рыночному.

- Ничо так, - уклончиво ответил я, попутно думая, не оттопыривается ли мой левый карман, где денег было поболее «пятихатки».

- Может, завтра по-серьёзному вертанёмся? — спросил дружбан.

- А давай, — согласился я.

- Берём стажёра в бригаду? — обратился он к своим.

- Да хуле, пускай попробует, — раздался тоскливый приговор.

Так я попал в лоно спекуляции.

* * *

Понятно, что утром ни в какой техникум я и не собирался. Зачем учиться, учиться и потом ещё раз учиться, чтобы кредитовать своим трудом ёбанных капиталистов? Не прокатит. Я сам стану капиталистом и буду «дубить спину» рабочего, точно по Карлу Марксу.

Вся банда фарцы собралась в усиленном режиме всё у того же ЦУМа. Готовился глобальный демарш в сторону первоначального накопления капитала. Сегодня заканчивался последний запас советских кассет, а новых как я понял, в этой стране уже никто не собирался производить, как и многое другое. Итак, перед открытием магазина был проведён последний инструктаж и распределены роли.

И вот, хляби разверзлись! Торговый и прочий люд кинулся в чрево торговых прилавков, как из прорвавшейся канализационной трубы. Мы точно знали, куда бежать и как действовать.

Когда дикие орды потребителей окружили прилавок с продавщицей и кассетами, наши боевые бригады «качков» плотно прижали всю толпу, чтобы создать плацдарм для транспортировки и коммуникаций.

После этой прелюдии Альберта по кличке «Жучок», другие сильные руки подняли над грешным полом и он был запущен, как первый спутник - гордо и математически просчитано.

Он попал как раз за прилавок к продавщице, которая уже ждала его, рассматривая алые ногти. Туда же полетели две сумки, меняющие все представления о

пространстве.

И торговля началась! Вернее, не так. Сначала те самые, безразмерные сумки были загружены кассетами и отправлены по головам плебса к нам - торгашам, а дальше Жучок с продавщицей стали отпускать товар направо и налево. Но покупатели были обречены во времени нашим «прессом» и перемещались в пределах толпы, как некий субстрат. В это время у входа я уже менял товар на деньги и опять же по Марксу обогащался сверхприбыльно, ибо это были последние партии кассет. Людей цена не интересовала, только товар. И я видел, как моя страна сходит с ума в буквальном смысле.

Когда я вернулся в ЦУМ, наша бригада уже «топтала точку» по продаже футболок с иностранными надписями на грудях. И всё по тому же сценарию. Короче, в этот день я ещё два раза выходил на алтарь меновой стоимости, где «прихожане» рвали из рук тряпки, словно Туринскую плащаницу.

А вечером, да вечером, мы сидели в Петровском баре с пивом (которого в продаже не было - это ещё одна из загадок моей Родины) и рассуждали о прибавочной стоимости и блядах.

Я так понимал, что люди придумали деньги как альтернативу Богу. Ибо они благодетель и грех, гордыня и смирение, жадность и щедрость, ад и рай. Это такой универсальный эквивалент всему земному и небесному. Может я и заблуждался, но было наплевать.

Гражданки, приехавшие на зов монет, были щедры на улыбки, поцелуи и всякое там. Столы были сдвинуты, а бар закрыт на учёт. Дальше я писать не хочу, ибо писано-переписано про эти нероновские возлияния не один раз. Только декорации менялись, а суть... Да нам не похуй, какая там суть? Это пусть философы её ищут, а мы просто нарушали заповеди и даже больше.

Добавлю только, что потом (примерно через год) вся эта рать разделилась на чисто бандитов и наёбщиков, родив уникальный этап новейшей истории, за который, возможно, когда-нибудь нам всем будет стыдно перед потомками.

* * *

Следующий день был иным во всех смыслах. После прошедшей мутной, шумной, бестолковой ночи наступило солнечное, торжественное утро. Солнечным оно было по погоде, а торжественным по случаю Великого праздника труда - Первого Мая.

Как ни странно, но мы почему-то считали себя пролетариатом. Видимо, по инерции считали и потому с полным правом вышли похмельные (ну, вернее, сознательные из нас вышли) на главную улицу города, чтобы примкнуть к колоннам с флагами и транспарантами. Это был ритуал, который нарушить мог только придурок Ельцин. Но нам был похуй и Ельцин, и те, кто пришли с ним и после него.

Мы просто хотели пройти по улице с песнями и выпить пива. Я даже не знаю, чего мы больше хотели, но фактически мы вышли по доброй воле, по велению сердца и тем, что под ним.

Правда, тут возникла некая проблема, которую пришлось решать оперативно. Нам никто не хотел давать красные флаги или транспаранты, даже за деньги. Это было удивительно и для нас непостижимо. Станные люди, очень странные люди. Ведь оковы сбросили, порнушка уже появилась в видеосалонах, никаких парт-съездов и тоталитаризма. Свобода, блядь! Чего жлобничать за флаг? Пережитки. Нет же, ни хуя нам не дали.

Ну и пёс с вами! Мы — новая формация, нас не наебёшь, мы сами любого наебём. И потому, не долго думая, мы нырнули на соседнюю улицу, где в крепко сваренных стойках торчали красные флаги и призывно трепетали на утреннем ветру. Правда, они были не такими большими, как у тех жлобов с ленточками в петлицах, но и на детские флажки уж точно не походили.

Осталось повыдергивать эти символы уходящей эпохи из трубок и вернуться в строй. Ну, мы и повыдергивали.

А дальше произошло вот что. У патрульных милиционеров тогда ещё были свистки, как и у ГАИшников. И это свист был беспощаден. Его уважали простые людины и вздрагивали криминальные авторитеты. Ну, может не совсем они вздрагивали или там уважали, но всё же оглядывались.

Так вот, пока мы примеряли к рукам алые флаги, раздался этот самый свист. Нет, мы не бросили древки наземь и не кинулись в рассыпную, словно беспризорники, но наш восторг померк, когда мы увидели усиленный патруль в двадцати метрах от нас. Да там, по ходу, ещё и дружинники были (это вообще архаика).

Патруль приближался к нам неумолимо и кокарды бросали округ властные блики. Это была власть и не считаться с ней было чревато. Поэтому, переглянувшись, мы решили не вступать в политические споры, а попросту съебаться. Но нас брали в «коробочку». Видимо, места в зарешеченном «ГАЗоне» было много и его надо было-таки заполнить. А это всякие умники называют пошлым словом — мотивация. Да, у них была мотивация, а у нас нет. Поэтому бегство было наиболее простым способом избежать форс-мажора.

И мы побежали. В разные стороны побежали мы, как бывшие республики Великой страны, без оглядки и ностальгии. Тут заканчивается история о коллективе и начинается частная байка обо мне и моём самосознании.

Я рванул в арку, в сторону частного сектора и Карьера. Там есть дикие, природные пустоты и заросли верб. Там есть гаражи и песок, пруды и кусты боярышника. Там есть свобода и ржавая коляска от мотоцикла «ИЖ». Туда я и побежал, сжимая алый стяг и спокойно дыша. За мной последовал молодой милиционер, попутно скинув с околыша ту блестящую штучку, которая поддерживает фуражку. Это был спортивный малый и, по ходу, бег для него был отнюдь не бременем, а

делом чести.

Но я то тоже не в крыжовнике рос! Первый разряд на «средних» — это не пирожки из буфета пиздить. Так что мы были в равных правах. А как там у старины Карла: «При столкновении двух равных прав решает сила...»

И мы бежали — один веря в анархию и хаос, другой в закон и порядок. Да только флаг был у меня и когда местные жители смотрели на эту эстафету, то в их глазах читался азарт и ещё что-то не подвластное описанию. Я понимаю, что милиционера тормозила фуражка, но стимулировала честь. Меня как человека бесчестного стимулировало административное нарушение, а тормозил флаг.

Мы бежали вниз к гаражам и я слышал, как ППСник гремел ботинками по щебенке. Было понятно, что все силы его были направлены просто на то, чтобы догнать меня; догнать и уничтожить как класс. Он свистел лёгкими и чем-то звякал. Я был просто во злобе на то, что впервые мне достался противник с отличными беговыми качествами. Это зло росло с каждым вздохом и служило великолепным хлыстом. Но флаг я не бросал, о чём сейчас говорю с гордостью и в глаза всем. Правда, я малодушно подумывал кинуть его под ноги моему преследователю и наблюдать как он, путаясь в древке, кубарем катится в пыли и унижении. Но меня что-то удерживало. Я до сих пор не могу классифицировать это чувство.

А милиционер, видимо, включил закись азота. Я это почувствовал, прежде чем оглянулся. Да, он бежал здорово. Сейчас полицейские так не бегают, даже на демонстрациях. Это одно из отличий дурацкого переименования XXI века.

Мне оставалось только воспользоваться знанием местности и, возможно, флагом. Я выбрал первое.

Там, в самом низу, стояли гаражи самовольной застройки, а от них крутая разбитая дорога вела круто вверх, как бы предполагая избавление от грехов. Но! Да, там было одно замечательное «но».

После второго гаража в моем распоряжении имелся заросший бурьяном и коноплей-дичкой проход, через который можно было, обогнув первые два гаража, вернуться на исходную, а оттуда вверх по обрыву вскарабкаться к железной дороге.

Весь фокус состоял в том, что этот проход был едва заметен с дороги, а поворот дал бы преследователю иллюзию, что белец продолжает свой путь по главной дороге. Да хуле я объясняю, каждый знает подобные хитрости.

Я ускорился, насколько мог, ибо знал, что там у гаражей есть металлический столб, за который можно ухватиться левой рукой и сделать супермегакрутой разворот. В противном же случае вас просто занесёт, как сетевого менеджера на «Калине» и произойдёт ДТП.

Всё это я знал, а милиционер нет. Возможно, я бы и не стал писать всю эту поебень, если бы всё прошло так, как я задумал. Однако пути наши не просто неисповедимы, они коварны и полны горьких сюрпризов и говна. Это потом, там,

на вершине, я осознал суровость бытия, а в тот момент, когда разворачивал тело для великого наебалова в истории погонь, я думал... Стоп! Я собственно ни о чем и не думал, вернее не успел подумать.

Я только ощутил, как мой бег закончился внезапно, словно обрыв киноплёнки. Я увидел Млечный путь и услышал, как звучит лобная кость. Дальше провал не только в памяти, но и вообще в жизни. Ах да, я помню красный цвет и никаких белых коридоров.

Очнулся я как-то сразу и удивительно бодро. Да, болел лоб и то, что под ним болело тоже. В глазах плыли гондолы, а в них сидели усатые Супер Марио. Они быстро упиздили в небо и я увидел землю, на которой собственно лежал, как уставший сборщик податей.

На той же земле также лежали сухие берёзовые серёжки и милицейская фуражка. Я приподнялся и, качая головой, сел на корточки, как репер Сява. Милиционер лежал в метре от меня и смотрел на мир глазами экономиста Гайдара. На лбу его выросла лиловая медаль отличия и из носа текла кровь, гармонируя с красным флагом. Он был недвижим и, как я понимал, временно нетрудоспособен.

Я уже встал и, подобрав флаг, подошёл к нему. Он рванулся мне навстречу и даже зашипел, как гюрза. Я отпрянул от этой опасности.

- С-с-стой на месте, ты арестован, - по-простому сказал он мне, зашевелив грязными пальцами.

- Нет, извиняйте, мы уж как-нибудь потом арестовываться будем, у меня дел на ближайшие лет пять запланировано уйма, - также просто ответил я, понимая, что милиционер будет скоро вставать и, возможно, двигаться.

Я, забыв о ранах и ошибках прошлого, побрёл вверх к насыпи всё с тем же флагом и в сомнениях насчет капитализма. Поднявшись достаточно высоко, я оглянулся. Милиционер сидел на куске известняка, облокотившись на бетонную стену. На ту самую стену, соприкосновение с которой повергло нас в забвение и остановило диалектический бег. Да, там была плита и рядом был не второй гараж со спасительным проходом, а всего лишь первый, который я просто-напросто проебал. Всё до тошноты просто и без геройства. Перепутал я.

Но милиционер-то этого не знал, он не мог предположить, что я могу что-то перепутать. А я перепутал. И теперь я смотрел, как он скорбно мял свою фуражку у стены плача. Он смотрел мне вслед и, видимо, думал свою милицейскую думу. Впрочем, ну их в к чёрту, эти думы. Я шёл по улице с красным флагом и мне почему-то захотелось пойти завтра в техникум, взять талоны на обед и сожрать несколько булочек. И ещё я должен был купить маме будильник, а то в суете капиталистического разложения я как-то совсем позабыл об этом.

(2012 г.)

КРУГИ

Я вот даже не знаю, как и сказать. Ну, там, как объяснить или, например, выразить вам, граждане, свою мысль на предмет любви.

Вот вы наверняка любили кого-то или чего-то там. Я не про душевные гармонии в си миноре или ритмы сердца на три четверти. Я про звериную любовь к субъекту или, возможно, объекту обожания. Когда мечешься в потоке грубых слов, теряешь мелкие монеты в неизвестной маршрутке, но всё-таки хватаешь руками чью-то душу и доволен этим.

А если эти руки ещё могут держать стаканчик с водкой и глаза видят улыбки на лицах полицейских, пришедших за тобой бесплатно, по зову, то возможно где-то неподалеку, кто-то ждёт твою любовь. Кто-то ждёт твоих мучений и танцев на лужайке с клевером. И эта женщина беспощадна к тебе и всякой там лирической дряни, при том, что она красива и пьяна по ходу пьесы.

Нет, есть ещё любовь к Родине, к новому девайсу или, например, к русской литературе. Но это всё не то, невысоко и несерьёзно. Ведь любовь к женщине важнее всяких там социальных бонусов иль святых мощей. Потому и любить я могу только после бутылки «Беленькой», чтобы прицел не сбился.

Люда. Да, её звали Люда. И ей я звонил возле памятника народовольцам в самом углу тополиной аллеи, ну там, где жабы растягивают меха, исполняя осенние ноктюрны.

И говорил я в сотовом облаке всякие серьёзные вещи. Про чувства, деньги и скорую, грязную, интимную встречу говорил я. Если быть короче, то набивался я в гости, полный высоких целей, держа в руках пакет метафизических подарков. Но Люда не хотела принимать меня вот так просто, без дополнительных опций и любви. Не понимала она, что у меня этой любви ну просто на всю Южную Америку хватит, если там её захотят. Не понимала она ещё и потому, что муж её из квартиры в рейс не свалил по расписанию, а ведь должен бы ещё час назад, как честный человек, тащить свою фуру по сумеречной дороге.

Я немного подумал и сообщил Людмиле, что пойду в гости пешком, как святые ходили по земле бесцельно, но веруя. Она ответила: «Как знаешь, дурак ты этакий...».

И я пошёл. И все пошли, кто до этого недвижим был или нерешителен, к примеру. Мир рукоплескал навстречу зелёной листвой и солнце садилось гадко, словно на грязный унитаз.

Темнели грани домов и мерцали экраны смартфонов в руках неразумных поколений. Автомобили шуршали покрышками и у пруда зазвучали барабаны уличного музыканта по фамилии Хмыз. Я шёл мимо всяких там событий и громкого хохота моего народа. И путь мой был весел и понятен без Гугла.

Я выпил ещё «перцовой».

Кто-то слева, в оранжевой толстовке, прохрипел: «Отъебись от меня, Лена! У меня только сто рублей, давай купим семечек». А справа, в окне первого этажа, запел Меладзе про актрису какую-то.

Впереди никто не пел, поэтому я пошёл прямо к мосту через Каменный лог, вскидывая ноги навстречу вечернему городу.

И знаете, всё бы ничего, но вот подумалось мне: «А ведь пиво можно пить, если ты, к примеру, идеями полон и силы есть для борьбы со всякими пидорасами». И зашел я в пивбар «Толкачики» как исследователь, как Жак Ив Кусто, для... Ну, вы понимаете, зачем зашёл.

В баре шевелились спортсмены и пиво пахло терпким, чем-то из глубины веков. После третьей кружки я забыл много, но вспомнил ещё больше.

Подрались мы не за идею, а за что-то ещё. Со спортсменами вообще драться забавно, словно с кошками. Они тебя пиздят, а ты их нет или я что-то путаю. Главное, что очнулся я в фонтане со своим пакетом и мобильник цел был. А в небе звёзды бегали друг за дружкой, словно дети.

А ещё в руках я держал чей-то оторванный рукав от белой рубашки. Я улыбнулся непутёво и бросил тряпицу на дно, а сам полез выше, веря, что фура счастливого мужа уже катит по просторам наших дорог, а Люда варит пельмени и моет себя в ванной.

И пошёл я снова в фиолетовую тьму со следами побоев и добрыми думами. А на пути моём, в урбанистической свалке, бегали собаки и ещё кто-то бежал, злой, в мятой одежде.

Но нам-то какое дело, читатель, кто там кого грыз или насиловал? Мы-то знаем, что с первыми лучами солнца растают все эти сказочные химеры и по улицам побегут маршрутные такси, похожие на болонок.

И всё-таки сейчас была ночь, а ночью люди и всякие там предметы меняются поганым образом. Я часто хожу по ночам - то на блядки, то с блядок, то вообще на реку хожу посмотреть, как раки бранятся друг на друга, словно в парламенте.

И вижу я много весёлых вещей, от которых потом в ушах звенит и тошнит под утро. Но если пить водку, то можно увидеть ещё больше, если конечно не спешишь куда. А я спешил. Ну, вы же знаете, почему я шёл вдоль улицы Звёздной к панельной пятиэтажке, что стоит прямо перед гаражным кооперативом «Строитель».

Да, там, на втором этаже в окошке из пластика, меня ждали. Люда ждала, заведующая по учебной части, с мелированными волосами и глазами, как у косули. И я хотел бы ей про любовь рассказать, но уже потом, после всякого там...

Я шёл, не обращая внимания на троих демонов, упорно тащивших какого-то наркомана в ад. Наркоман улыбался вялым ртом и выскальзывал из грубых лап. Черти невероятно злились и даже попросили меня помочь им. Но я отказался. Я вообще не верю в эти потусторонние игры и религию, какой бы она не была. Пус-

кай их тащат, коль такое дело, а я пойду в гости.

Только вот на пути моём встал вдруг человек в одеждах белых и пальцем грозил.

- Не ходи никуда, глупый алкаш, вернись в свою пустую квартиру и сдохни там перед телевизором, как народ твой делает, - вещал он мне, сквозь спутанные волосы.

- А иди-ка ты, апостол, на хуй! Мои сограждане скоро перестанут телевизоры смотреть и социализм строить будут, - отвечал я преградившему мне путь.

Не будут они ничего строить и ты тому пример. Возвращайся, кому говорю? — настаивал проклятый вестник.

Я замахнулся на него пакетом. Пропал подлец косматый, но и ручки пакета оторвались предательски. И ударилась ноша моя чудотворная оземь, словно в сказке. Звякнуло там внутри стекло и по асфальту побежали струи, которым позавидовал бы священный Ганг.

Я осмотрел пакет. И было это печально, граждане, уж поверьте. Всё там изменилось - как Родина моя после 93-го года. И выбросил я эту дрянь в урну. Постоял с минуту молча. И пошёл снова.

Фура стояла у дома моей женщины, подобно спящему дракону. И окно на втором этаже не горело. Я достал мобильник и позвонил по номеру, который мне не нравился.

- Аркаша, у тебя сегодня бухают? - спросил я, зная, что бухают.

- Подваливай скорее, а то они мне тут опять унитаз сломали, - ответило в трубке. Как же всё это глупо и бесцельно. Только вечером я ушёл с хаты, чтобы стать чище, иль как там ещё стать.

И теперь, замыкая круг выходного дня, мне придётся снова играть на гитаре и шпилить в чужом подъезде чужое тело с крашеными зелёными волосами и татуировкой на копчике. Может, и не придётся мне играть на гитаре. Может, я и в самом деле пойду домой и включу телевизор.

Нет, домой я не пойду, а то вы подумаете, что я совсем ёбнулся.

- Вы держитесь там, - сказал я и, сунув телефон в карман, пошёл в обратную сторону света.

А о любви я вам, граждане, потом расскажу, когда фура уедет.

(2017)

СВАДЬБА

Вот все орут кругом: «Рокеры, панки, блядь, - это музыкальные бойцы в войне

с хуёвой жизнью, властью, пидорасами и прочей атрибутикой тоталитарных режимов!». Эти смелые и талантливые граждане разбивают в кровь пальцы о лезвия струн и мрамор клавиш. Они несут новое и заглядывают «за горизонты». Они — лакмусовая бумажка общества и, когда становится совсем кисло, они краснеют не только от пива.

Пиздёжь. Заверяю прямо: пиздёжь и утопия! В рок попадают те, кому в «попсе» дали по жопе мотком шнура «Proel». Не заработав «реального бабла», эти диссиденты принимаются зарабатывать ореолы (мучеников, героев, революционеров и пр.) Ну, хуле, я знаю, что говорю.

Ведь в начале девяностых сам с подельниками устраивал кошмарные рок-сессии, квартирники, пьянки с политическим подтекстом, и не вылезал из местных райотделов. Мы плевали на общество, а общество плевало на нас. Но вскоре мы заметили, что общество плюёт как-то увесистей, точнее и обидней что ли.

У нас в руках гитары «Музима» и «Диамант», а из барабанов — незабываемый «набор Энгельса» (да, тот самый, где приходилось привязывать «бочку» и «хайхет» к стулу, чтоб они не разъезжались). И ещё орган «Vermona», самопальные «гробы» с «кинаповскими» динамиками, да пульт «Электроника-ПМ01», со скрипучими фейдерами. Брэндовые микрофоны МД заставляли нас, «свободных», выдавать такие протесты, что мама родная. А если мы не выдавали протесты, то микрофоны выдавали хуйню. Вот и вся революция.

А у кабацких лабухов — «Гиббсоны» и «Шуры-58», само-играйки Yamaha и лавэ в каждом кармане. Ведь они лабали всякую продажную поеботину не собственного сочинения и все были «в шоколаде». Сейчас такие игрунов называют ка-вер-группами, а раньше — халтурщиками.

Но, мы гордые, блядь, у нас барабанные палочки за 1 руб. 30 коп. и белорусские струны, после которых надо тщательно мыть руки! Мы призывали к деструкции, рвали оковы и пользовались дешёвой закуской, типа жвачки «Турбо».

Но в один дождливый вечер бас-гитарист Боря сел на край сцены в актовом зале «Агропромпроекта» и допив странный алкогольный коктейль «Ореховая ветвь», грубо сказал: «Идите вы все на хуй!»

Вся рок-банда застыла в непонимании момента и слов. Ведь нельзя же так вот просто взять и послать всех на хуй. То есть, без причины.

Пианист, по кличке Блондин, пошатываясь от того же напитка, оставил прощальный аккорд на клавишах и подошёл к Боре.

- Ты что, охуел, да? — попытался успокоить он депрессирующего басиста.

- Это вы охуели, — ответил тот и глубоко в нос засунул талантливый палец.

Если не можешь выучить партию, то причём тут пацаны?! — заорал сверху кучерявый соло-гитарист Лёня (ему везде виделась «лажа»).

- А кто за бухлом пойдёт, пока магазин не закрылся? — не в тему, а, вернее, в тему, сказал барабанщик Монстр.

- Я схожу. А то вы опять какой-нибудь хуйни купите, — вызвался я, понимая, что сейчас будет политсобрание на тему «Пора зарабатывать деньги». А я так не любил эту тему.

То есть, деньги, конечно, я любил, а вот зарабатывать, да ещё святым, музыкой, ну его в пизду. Короче, когда я вернулся с тремя «фанфуриками» «Женьшеневой» и рыбой селёдкой, всё уже было решено. Мы будем готовить «халтурную» программу и ездить по свадьбам. Поскольку кабаки были заняты, да и вообще, вольготней шабашить напрямую, договариваясь с клиентом.

Как оказалось, Борька давно вынашивал эти предательские планы и даже тайно обзавёлся клиентурой.

- Часть денег себе заберём, а остальное - на «аппарат» и пиво, — агитировал он, размахивая селёдочным хвостом.

- А как же рок-фестиваль в Политехе? - обречённо спрашивал я, понимая, что назад пути нет.

- Куда он нахуй денется! - бодро говорил перебежчик Блондин, слюнявя стакан.

- Да и хуй с вами. Только я Муромова петь не буду, - поставил условие Лёня. На том и порешили.

Дождь вливал всё сильнее, а мы, словно на похоронах, составляли перечень песен для музыкальных «шабашек». Блядь, чего там только не было: и Газманов, и Белоусов, и «Любэ», и Маликов, и Крылов, и ещё какая-то поебень из «Ласкового мая», а также Державин, «А-Студио» и пиздец ещё кто.

Разъехались мы к утру. Ведь через две недели наша первая «свадьба».

* * *

Утро выдалось просто заебательское, с ласковым солнцем, слабым ветерком и волнительным настроением первого «выхода». Уже забылось то ощущение ущемлённой гордыни, когда приходилось заучивать пиздоблядские эстрадные песни того времени. Это как прыгнуть с моста первый раз — вроде высоко и ну бы его на хуй, а надо.

Мы вынесли аппаратуру и инструменты на улицу и, не успев докурить «Тройку», увидели, как к подъезду подкатил бодрый, как упомянутое выше утро, ПАЗик. Из него выскочили шофёр и какой-то мужик в затёртой толстовке, представившийся Колюхой.

- Ну, что, грузимся? А то нам ехать пиздец сколько, - весело крикнул он кому-то на той стороне улицы.

Мы резво затащили наши «орудия производства» в автобус. Боря, посмотрев на свои командирские часы, сказал:

- Блядь, где эта скотина?

- Мы кого-то ждём? - спросил Колюха.
- Тромбониста, - коротко ответил Борька.
- Какого тромбониста? - хором спросили мы.

Кота. Мы с хозяином договорились, что марш Мендельсона начнём с духовых, а Кот сегодня из оркестра отпросился за «пожрать и бухнуть», — открыл тайну наш бас-гитарист.

Сразу же после этих слов из-за угла показался чёрный кофр и с ним сам Кот в серой кепке и с мороженым руке. Он не спешил. Он знал цену «прекрасному». А мы, блядь, не знали, посему пизды он, конечно, не получил, но был обруган нехорошим словом (мне, право, неудобно его даже произносить).

Короче, мы поехали в какую-то Синявку иль там Хуявку - не помню. Но точно возле пруда. И газ там был проведён почти по всей улице.

Встретили нас хорошо. Нет, встретили нас просто охуенно! Ведь тогда ещё было какое-то уважение перед городскими музыкантами — типа, выписали аж из областного центра, ни хуя б себе! А мы и так с достоинством и интеллигентностью деловито устанавливали колонки, подключали шнуры к усилителям ТУ-100 и глубокомысленно говорили в микрофоны «Раз-раз...».

Местная несовершеннолетняя босота окружила наш ансамбль и десятки чистых, безо всяких там подтекстов, взглядов сверлили нас, как алмазные буры. Стерефонически кудахтали куры, мычала корова за забором и где-то на краю села тарахтел трактор «Беларусь». Пахло жареным мясом, сивушными маслами и сеном. Мы даже не дышали, мы пили этот воздух, в котором и была та сила, про которую когда-то говорил великий писатель Горький.

Столы расположились под целлофановым навесом, а на столах... О, бля, чего только не было на столах! Котлеты в тазиках, салаты в салатницах размером с ведро, картошка в кастрюлях, куриные части, гусиные ножки, холодец, помидоры, яблоки, стрелки лука, солёные бочковые огурцы, горячий хлеб и трехлитровые банки с волшебным отливом.

- Музыканты на свадьбах не пьют, - строго предупредил нас Бориска, грозно шевеля усами.

- А что они на свадьбе пьют? - поинтересовался барабанщик Монстр чисто из вредности. Ведь ему как раз пить-то было нельзя - он лечился от триппера какими-то новомодными уколами, при которых запрещалось творчески бухать.

- Они пьют компот и квас, - не поняв иронии, ответил Боря.

Ну, хуле - квас так квас. Ему виднее, это его вторая свадьба.

А вокруг нас носились сельские барышни с волосатыми подмышками и добротными телами. Именно такими телами должна гордиться наша страна, а уж никак не подиумными моделями с наркоманскими глазами и выпирающим наружу скелетом! Сельчанки бросали на нас лукавые взгляды и это дарило надежду на полноценные поебки и вечернее молоко.

Короче, всё было готово к свадьбе. Не было только самой процессии, которая задержалась в райцентре по причине объезда всяких там родственников. Ну, да все знают подобные ожидания. Они приятны, эти ожидания.

Вот только Кот был не совсем спокоен. Мороженое натошак сделало своё дело. Ему мучительно припёрло в сортир в тот самый, родной, с окошком-сердечком на дверце.

- Я сейчас, по-быстрому, - заверил он нас, как-то мучительно сгибаясь к стоку.

После этого он, вместе со своим тромбоном, шмыгнул в глубину двора и заперся в скрипучей сельской уборной.

В праздничной суете это прошло незаметно и глухие удары в деревянном клозете никоим образом не омрачали всеобщего настроения. Мы были полностью готовы грянуть Мендельсоном по бездорожью и распиздяйству.

По сценарию вначале звучит трубный глас Кота: «Та-та-та-та, та-та-та-та!», а потом мы всей мощью: «Трам-пам-парарум-пам-пам-пам-тарарам-тарарам-пам!»

- Едут, едут! - взвизгнула какая-то вертялая девочка с разными косичками.

Все кинулись к воротам в предвкушении всяких там традиционных ритуалов. Но вот Бориска был очень обеспокоен.

Две «Волги» и несколько «Шестерок» в пыли и собачьем лае подкатили к воротам, как корабли Колумба к берегам Нового света. Из машины вышли жених, невеста, свидетель и свидетельница.

Жених был ростом высок и лицом необычен. Невеста слегка косила и чем-то напоминала Софи Лорен (особенно бёдрами). Свидетель был пьян, свидетельница держала какие-то папки. В окружении родственников виновники торжества приблизились к воротам, где их встречали родители. Последовали торжественные поцелуи, кидание мелочи, всхлипывание какой-то бабки и весёлые пожелания про «долго и счастливо». И, наконец, заветные слова: «Проходите, наши дорогие Сергей и Елена».

И они проходят. Сейчас должен грянуть вечный марш старины Феликса в нашем исполнении. Мы напряжены, как высоковольтные столбы. А в деревянном приюте с сердечком слышится отчаянная возня и звяканье меди.

Секунда-вторая - и дверца сортира торжественно распаивается. С далеко не совсем подтянутыми штанами на тропинку ступил тромбонист Кот и сделал своё, неповторимое: «Та-та-та-та, та-та-та-та!». Это было недостойно и удивительно.

Не успел народ опомниться, как и мы грянули наше: «Трам-пам-парарум-пам-пам-пам-тарарам-тарарам-пам!»

Все захлопали в ладоши и кто-то крикнул: «Ура!»

Кот уже стоял рядом с нами и тоскливо смотрел на бывшего боксёра Борю. Он знал, да все знали, кроме гостей, что может Боря в обиде нанести мерзавцу. И мать невесты (заведующая сельской библиотекой) тоже знала, а потому смотрела

на Кота с искренней жалостью.

Пока вся рать родственников и соседей усаживалась за столы, мы играли что-то лёгкое, как смерть мотылька.

Играли мы не долго. Колюха шустро усадил нас за крайний, специальный столик для музыкантов. На этом столике присутствовало всё меню сельского гостеприимства, включая водку, самогон и «Буратино».

Это заставило нас усомниться в словах Борьки о напитках для музыкантов. Но тем не менее, мы пили квас и лимонад, а жрали всё без гурманских выебонов. В это время гости восхваляли рождение новой семьи и дарили подарки.

Первое застолье изобиловало тостами, стихами, членораздельной речью и открытым деревенским смехом, которого очень боялись уцелевшие куры. Потом все кричали «горько» и пили по интересам. Насыщение пришло быстро и неожиданно.

- Всё, пора, а то потом хуй кто встанет, - деловито сказал Боря и, рыгнув, направился к инструментам.

Мы отправились за ним, кроме Кота, который отработал свою жрачку, хоть и весьма сомнительно.

Побряцав струнами и цыкнув в микрофон, мы приготовились въебать «танец для молодых». По умолчанию это должна быть инструменталка на песню Стиви Уандера «I Just Called To Say I Love You». Но были «custom» варианты, типа, «Обручального кольца», «Не плачь, Алиса» и прочая музыкальная шняга.

У каждого из нас имелись бумажки с программой и порядком песен. Правда, писали мы эти бумажки каждый по-своему. Я всегда говорил, что по пьяни можно разрабатывать стратегию, но уж никак не тактику.

В итоге, после того, как Монстр отстукал палочками темп, мы грянули все варианты танца молодожёнов одновременно. Бля, это был шедевр мировой, музыкальной культуры в одном аккорде! Если кто из современных суперкомпозиторов будет в глубочайшем творческом климаксе, пусть применит

наш способ - для эпичного «intro» может сгодиться.

- Аппаратура работает в штатном режиме, а теперь мы просим наших молодоженов выйти из-за стола и закружиться в своем первом семейном танце! - весело и непринужденно подсуетился я в микрофон (так всегда надо выходить из неудобного положения).

- Играем «слепого», — прошипел Леня коллективу.

И мы заиграли чёртов соул.

Жених с невестой нежно топтались возле сцены, улыбаясь штампу в паспорте и новизне ситуации. Родные и близкие окружили пару и умилялись в сытом спокойствии.

Танец мы особо не затягивали и, наконец-то, приступили к основной программе - «Обручальное кольцо» и далее по расписанию до остановки «Второе застолье»

(песня «Чужая свадьба»).

Во время танцев гости держали себя в руках и сознании. Они старались попадать в ритм и следили за координацией. Мы тоже помнили все слова и аккорды. Этот этап — прелюдия к собственно свадьбе, которая, как я уже упомянул, начинается со «Второго застолья».

Все снова расселись по лавкам и начали пить и закусывать уже хаотично, пропуская поводы и мотивацию. Мы же мрачно пили всё тот же квас и «Буратино». Какого хуя? Смотреть на пьянеющую публику трезвыми глазами, по-моему, аномалия.

Тем не менее, мы начали второе отделение по графику, и было хорошо тем, кто уже «всадил» по-взрослому, включая дам. Танцы становились всё более грязными и с налётом псевдоэротики. «Эскадрон» мы разбавляли Булановой, Буланову — «Яблоками на снегу», «Яблоки» — Добрыниным. Народ потел и производил революции в телодвижениях. Визжали девки и гоготали гуси. Парни и пожилые граждане ходили кругами и прыгали нехореографично, но искренне.

Внезапно я почувствовал, что мы начали лажать в басовом регистре. Я повернулся к Борису и не увидел его на рабочем месте. Тем не менее, бас-гитара рычала, варьируя в четверти тона.

Последив по шнуру, я обнаружил пропавшего басиста плотно сидящим за нашим столом с Колюхой и Котом. Виртуозно манипулируя струнами и стопками, наш администратор-гитарист бухал жёстко, как в немецком порно. Нихуя себе!

Мы, оставшиеся на сцене, почувствовали, как рушится Берлинская стена или что там ещё может рушиться! А Борьке было похуй. Музыка играет, люди пляшут — чего ещё надо? Отьебитесь, граждане. Кое-как доиграв второе отделение, мы собрали совет за столом.

Развенчав культ личности бас-гитариста, мы наполнили стаканы водкой и выпили. Потом ещё. Ну а потом вообще по капельке.

Мир грубого деревенского быта стал мягок и незатейлив, как соха. Мы поняли свою святую миссию — нести в массы доброе и вечное. Поняли настолько, что попросили местного гармониста сыграть «Мотаню», а затем частушки. Всем народонаселением мы пели матерные русские куплеты и щёлкали пальцами.

А потом наступило третье отделение. Ебаная попса перестала казаться такой убогой и глупой как раньше. Ведь на неё был мощный отклик из толпы! Поэтому «Белые розы» я пел так, что Юра Шатунов мог бы смело валить к первому личному пруду и топиться с чувством выполненного долга перед Родиной. Как видим сейчас, он этого не сделал. Ну да ладно.

* * *

- «Джули, Джулия, Джули, Джулия...» - пел я вторым голосом.

О, как я люблю петь вторым голосом, в терцию особо! Солист там напрягается, за дикцией следит, а ты так фоном, как во сне создаешь полифонию из хаоса и мрака. Это прекрасно до охуения. Поэтому я напрочь забыл о тактах и ебашил, как заклинание: «Джули, Джулия...» Ебашил до тех пор, пока не получил по жопе доброго пинка от Лёни, который потерял всякое терпение, а руки его были заняты струнами.

- Бля, охуел, да? - возмутился я в микрофон, но танцующие пары даже не оглянулись.

Следи, чего поёшь, олень! — ответил мне соло-гитарист и запел второй куплет.

Конфликт был погашен в самом начале. Я начал понимать, что мозг мой в алкоголе, а душа — в оливковых рощах. Мы играли громко - и это было важно. Непьющий Монстр держал-таки ритм, из которого мы норовили улизнуть и проветриться во «free style». Но народу нравилось.

Я понял важное преимущество попсы - её можно исполнять, имея в арсенале психические отклонения, алкогольное отравление и обычную бытовую ебанутость. Попсе похуй. Она всё стерпит, как Спаситель. И она терпела.

Вечер перешёл в фазу, где фазы меняются местами. А местами нет.

Во дворики зажгли фонари, под навесами — лампочки. Обслуга из трезвых тётушек и ребятни вертелась и кружилась вокруг тех, кому по штату положено было веселиться. Подносились холодные закуски и обновлялось пойло. На «третьем застолье» мы сидели кто где хотел и общались на различные темы.

- А чего это ваш барабанщик не пьёт? Печень, поди? - таинственно спрашивал меня дядя жениха в помятом пиджаке.

В это время грустный Монстр поглощал молоки и лук кольцами. Это смотрелось если не странно, то необычно.

- А он колетса наркотиками, потому и не пьёт, - ответил я тем же заговорщицким тоном.

- Ах! - схватилась за сердце неизвестная бабушка.

- Прямо так и колетса, иглой? — допытывался дядя, нехорошо всматриваясь в жующего Монстра.

- Да, отец, иглой в вену. Уйдёт в туалет, ширнётся и кайф ловит, - откинувшись на столб, освещал я тёмные стороны жизни барабанщиков.

Тогда в глубинке, полной самогона и трудовых будней, наркоманы были ещё в диковинку, ну, примерно, как агитбригады из райцентра. Поэтому живой «нарик» придавал пикантность нашему появлению в этих краях.

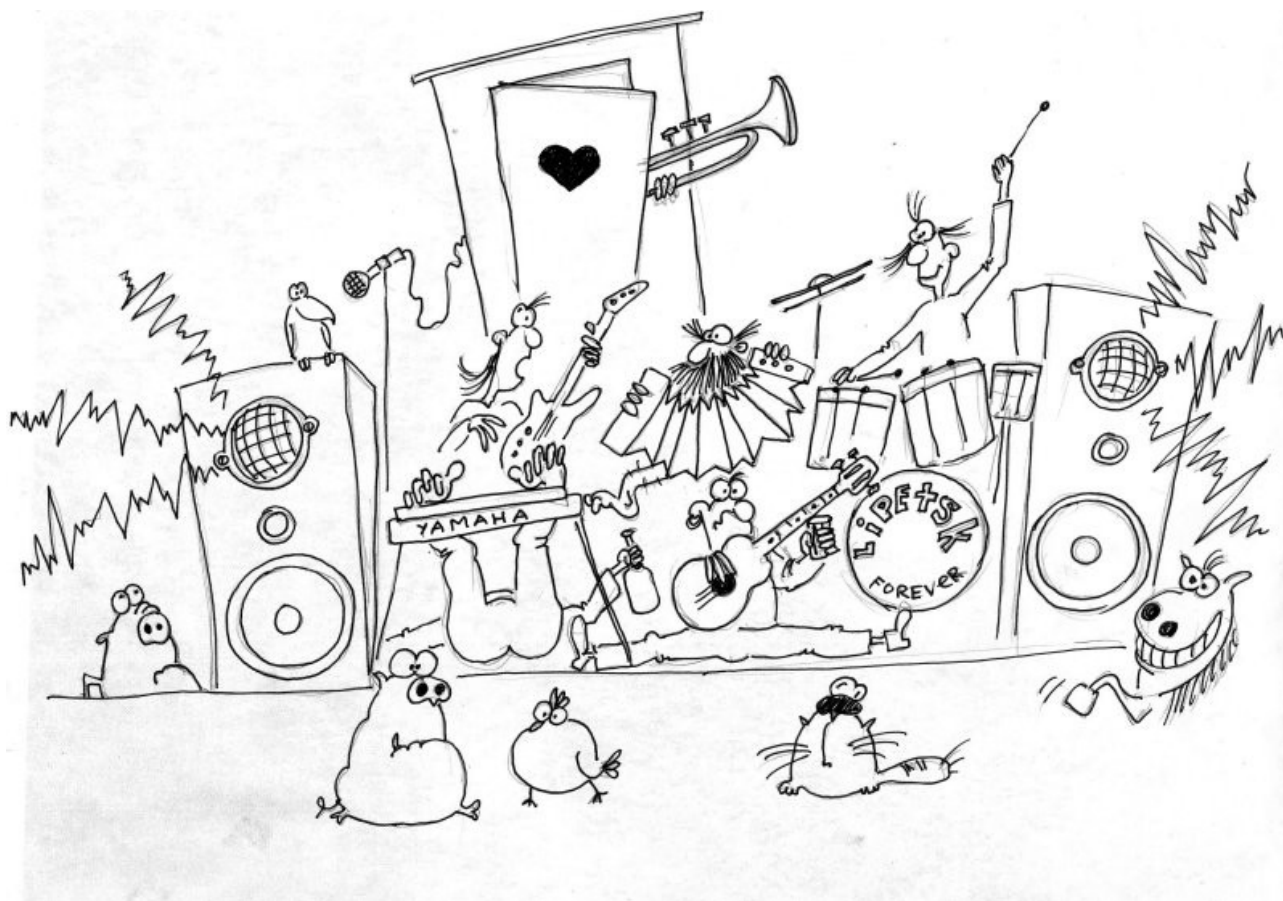
В этот момент Монстр неторопливо встал и направился к уборной. Мои соседи по выпивке замерли, словно вживую увидели Минина или Пожарского. Когда барабанщик вернулся, дядя жениха подсел к нему и тихо сказал: - Ты это бросай... Нехорошо.

- Чего бросать? - вальяжно спросил Монстр, ковыряясь в зубе.

- Ну, это, типа, по уборным прятаться и иголки, - пояснил добрый мужик.

- Какие иголки? - взволновался наш ударник.

На этом моменте я покинул дискуссию и отправился к сцене. Там Бориска с искажённым от водки лицом настраивал кассетный магнитофон «Комета 225С-2». Как настоящий администратор, он запасся парой кассет с хитами в режиме «Non Stop» и в решающий момент делал всё возможное для продолжения банкета. Я помог ему с засовыванием собственно кассеты в подкассетник и настроил пульт. Грянул Женя Белоусов: «Девочка моя, синегла-а-зая...» и новый виток гульбища захватил двор и стал просачиваться на улицу. Редкие фонари выхватывали из тьмы кусты и заборы, колодец и старую телегу без одного колеса. Посреди всей этой идиллии бродили пьяные люди и собаки. Со всех сторон звучала гармошка и бабские голоса визжали о ком-то любимом. А под навесом творился праздник урожая. Русская печень работала в предельном режиме и от этого кругом царило веселье и любовь.

Вот о любви как раз и пришла пора вспомнить. И я вспомнил. Где эти, с волосатыми подмышками? Где крестьянское тело и малиновые губы? А вот же они! Прямо здесь, перед сценой. И не одни, и пьяные, как французские поцелуи.

Лёня с Блондином уже вцепились в крепкие торсы и воздушные груди, как

энцефалитные клещи, а я как последний баран стоял тут и любовался девственной природой. Кому она нахуй нужна, эта девственность? И я бросился в гущу событий.

Её звали Настя. Её было за что и было как. Нет, что ни говори, а городские лярвы - полный пиздец супротив деревенской кобылицы!

Я почувствовал, что если меня вдруг покинут силы или разум, то я не останусь лежать на пыльной обочине в коровьей лепешке. Это факт. И мы медленно вальсировали под «Больно, мне, больно» Вадика Казаченко.

Я мусолил её шею, она давила меня грудью. Мы почти не разговаривали. Разговоры - лишь вибрация воздуха. Куда там им до вибрации тела! В итоге мы пошли тропой ночью в тёплую развратную тьму. Под ногами шуршал песок и ломались невидимые былинки.

И где-то возле неведомого водоёма мы сделали это. Она ухватилась за какой-то сломанный ствол березы, я задрал подол шуршащего платья и, как говорили древние римляне, «вошел в неё». Наши движения были безупречны, как с точки зрения механики, так и с художественной. То, что сейчас принимают за секс, называется шоу-бизнес.

Все эти журнальные позы напоминают рекламу стирального порошка. Они как бы и красивы по форме, но ложны по содержанию, как и весь тот «отфотошопленный» товар. А вот у нас было не красиво, но честно и фантастически эротично. Я чувствовал себя царём природы, а она — царицей. Мы были одной неразделимой частью Вселенной.

Кто ебался ночью в лесу, поймёт, а остальные — читайте первоисточники. Итак, мы сделали всё возможное и даже больше, но жизнь полна тайн, сюрпризов и неожиданностей. Одна из таких неожиданностей произошла в этот святой момент.

Из темноты, вдруг, резко выскочили световые лезвия фар. Вернее, одной фары. Поскольку скорость света всё-таки больше скорости звука, то рев «днепровского» двигателя мы слышали секунду спустя. Этого хватило, чтобы подтянуть штаны и поправить платье Насти.

Мотоцикл с местным гонщиком и Борисом в люльке лихо подкатил к нам по грунтовой дороге (мы, оказывается, на дороге стояли, а «березой» был сломанный указатель на деревню Колодино).

- А-а-а... Ебёмся? Хорошо, давай на мотоцикле кататься! — заорал Борька на всю округу.

Я очнулся в настоящем и понял, что жизнь — это не только фрикции под звездами, но и технический прорыв в будущее. Я стоял между мотоциклом и женщиной. И будь я проклят, если мотоцикл не тянул меня, как Фритьофа Нансена, к новым берегам и приключениям! Это извечный закон. Его ещё никто не смог нарушить, даже питерский торговец Родиной Собчак не смог.

Настя спокойно взбила чёлку и, притворно зевнув, мурлык-нула: «Пошла я до дому, а то голова что-то болит от водки».

Мотоциклист в танкистском шлеме заржал на местном диалекте и библикнул в ночь. Дева не спеша пошла по дороге в сторону околицы. Я было сунулся за ней, но меня грубо прервали:

- Заебал! Ну, ты едешь или будешь шататься по закоулкам? Завтра что, не встретитесь? - кричал Борька.

- Езжай, Беспяткин, мы ещё завтра увидимся. Споёшь мне про «Светку Соколову»? - из полутьмы ответила мне Настя.

Я очнулся в настоящем и понял, что жизнь - это не только фрикции под звездами, но и технический прорыв в будущее. Я стоял между мотоциклом и женщиной.

- Конечно, спою! -0 крикнул я и, не оборачиваясь, кинулся к мотоциклу.

Как всё-таки просто было тогда в сельской местности! Не надо было бояться маньяков или инопланетян. Ты точно знал, что твоя корова вернётся с пастбища в хлев без посторонней помощи и все эти джентльменские ужимки здесь «не катят». Ну, это я образно, сказал.

А вот уговорить мотоциклиста уступить руль железного коня оказалось совсем не просто. Короче, за литр самогона и показ трёх блатных аккордов он согласился.

И вот я в жёстком кресле 40-сильного «Днепра» мчусь по просторам страны навстречу рассвету и безымянному оврагу. Да, там был овраг. И никто меня не предупредил. Но это в будущем, а сейчас я выкручивал газ и в свете треснутой фары панически метались «грунтовка», ночные бабочки (не проститутки) и полевые мыши.

- Там тебя Монстр ищет насчёт каких-то игл, - громко сообщил из люльки Боря.

- А нахуя ему иглы? - спросил я, забыв обо всём, опьянённый скоростью.

Ревёт двигло и в ушах шумит ветер странствий! Мы летим вдоль посадок, как всадники ночи. Великие посланцы тёмных сил. Кто ездил, тот знает. Это передать невозможно, об этом можно только молчать.

Но, как я и говорил, сюрпризы бывают разные, жданные и неожиданные — выбирайте на вкус. Эх, если б можно было выбирать. Я бы выбрал, но...

Когда я понял, что двигаюсь вперёд, как и прежде, но только без мотоцикла, я вспомнил о сюрпризах. Такие овраги не отмечены ни на одной карте мира, даже в атласе по географии за 5-й класс. Тяжёлый агрегат просто рухнул вниз, а мы с его владельцем по инерции перелетели на другую сторону.

Мягко приземлившись, мы слышали откуда-то из Преисподней зловеющий крик Борьки: - Ебал я такие ваши гонки!

Мотоцикл заглох, а Борис продолжал материться и ориентироваться на местно-

сти. В овраге было темно и не было севера.

- Борь, ты цел? - в волнении спросил я тёмное ущелье.

- Вот я сейчас вылезу и всем пизды раздам, ага! — ответило эхо голосом Бориса.

Он выбрался быстро, но был грязен и зол.

- Посмотри на мои брюки, они порвались! - кричал он.

- Да хуле брюки? Главное - жив! Пойдем, выпьем, - предложил я.

- А мотоцикл? - Борис был очень ответственным, чего нельзя было сказать о мотоциклисте в танкистском шлеме.

- Да, хуй с ним. Утром с братьями заберём, - успокоил он нашего басиста.

И побрели мы обратно в село, усталые, грязные и счастливые.

* * *

Рассвет только-только начал пробиваться сквозь горизонт и роса на траве искрилась алмазными россыпями. Слабый туман у пруда клубился как пушистая, белёсая анаконда. В разных концах деревни орали петухи и скрипело что-то. Я всегда хотел узнать, что же это скрипит в «глубинке» по утрам? Так до сих пор и не узнал. А ведь это важно, поверьте мне.

К дому мы подошли тихо, как тени предков. Под навесом почти никого не было, кроме бородатого деда, спавшего, как и его дед, на лавке, укрывшись звездами.

Мы присели за стол и наполнили стопки.

Сейчас был тот самый момент, когда ты ещё не похмеляешься, но уже и не продолжаешь. Это переходный период между «перегаром» и «сушняком». Ты всё понимаешь и полон надежд на новый день. Ты знаешь, что скоро ляжешь в тёплую пушистую нишу и заснёшь с улыбкой на устах и с мечтами в груди.

- Бульончику утиного, горячего хлебните, ребята, - сказала мать невесты (заведующая сельской библиотекой), ставя на стол кастрюльку с ароматным питанием.

Мы хлебнули, не обращая внимания на трупки мелких плодовых мушек в жидкости. Это был тот самый легендарный бульон, после которого ты не чувствуешь угрызений совести и тошноты. Он переваривает плохие чакры и не трогает хорошие. А под самогон - это уже нанотехнологии, про которые всё время спорят министры на каких-то там саммитах.

Так или иначе, перекусив и всё такое, я пошёл в «хату».

Монстр, по-видимому, меня не нашёл. Он спал под платьем невесты на топчане в коридоре. Лёня и Блондин покоились на длинноногих кроватях под лоскутными одеялами. У Блондина на лбу расцвела здоровенная лиловая шишка (наверное, опять со ступенек ёбнулся). Кота я не увидел — значит, гуляет.

Я очнулся в настоящем и понял, что жизнь — это не только фрикции под звездами, но и технический прорыв в будущее.

Я стоял между мотоциклом и женщиной.

Занавески на окнах не давали ранним лучам солнца проникать в помещение, где отдыхали «музыканты из города». Ведь им ещё предстоит играть «второй день», а это уже марафон. Марафон волшебный и если не отдохнуть, то можно сойти с дистанции. А кому это нужно?

Поэтому я лёг на продавленный диван с подушкой-тулупом и накрылся. Нет, я не накрылся, я только снял кроссовки и носки. А уж сон сделал своё доброе дело — оградил меня от пережитого и непонятого железным занавесом. Так было, так есть и так будет. Всегда и во веки веков.

Интересно, на какой кассете выключили магнитофон, на той, где группа «Мираж» или где «Электроклуб»? А про рок я даже и не вспомнил. Нехуй вспоминать всякую дрянь...

(2010 г.)

НАТАША

Красиво, правильно, легко, без суеты,
Мы шли по берегу пешком с ветром на «ты».
Мы говорили обо всём и не о чём,
И было некогда смотреть через плечо.

Вуаля! Сдан последний экзамен и наступила пора забыть о циклах Кребса и вакуолях. Эта учёная хуета целый год мешала жить по законам простейших организмов и бухать винные напалмы типа «Аиста» из Молдавии (по оригинальной технологии, если что).

А студент — это наипростейшее создание во вселенной, если вы, конечно, меня понимаете. Да, он получает знания, ходит на пары, дрочит учебники и сдаёт зачёты. Да, он может назвать себя интеллигентом, но лишь отчасти. Ибо в студенте есть адская смесь диких восторгов и порнографического любопытства. И ещё студент всегда готов уничтожать пищу и упиваться вусмерть, словно поэт иль диссидент какой.

И вот, после летней сессии, мы становимся такими дикими тварями, наподобие варваров или же депутатов Горсовета. Мы полны природной энергии и бедны, как душа Михаила Горбачева. Но это похуй. Всё. Стоит только собраться вместе и найдётся вариант или варианты для полноценных каникул, как у композиторов «Могучей кучки» (если они у них, конечно, были).

И мы собрались. Вдвоём. Из разных ВУЗов, но в одном родном городе. Дрон

и я сидели в песочнице и кидали камни в ржавое ведро.

- Все посьёбывались по стройотрядам, суки. И по стройбатам, - ныл Дрон.

- У меня пятнадцать рублей есть, - пытался я поднять настроение.

- И хуле, их сегодня не будет.

- Может, займём где?

- В пизде.

На этом и закончилась интеллектуальная беседа двух вагантов.

Потом мы пошли в кабак, пробовать коктейли пряные. Там была своя тактика. Мы купили по коктейлю, сели напротив каких-то «махровых» чревоугодников и мирно сосали через трубочку редкостное по вкусу пойло, нюхая лимон. Когда соседи, качаясь, выползли из-за стола для «грязных» танцев, мы расплатились за коктейли и вальяжно вторглись в чужой пир. Там мы грабили всё - от красной рыбы до водки и вина «Улыбка». Всё это происходило словно в вальсе, синхронно, быстро и вращательно. Потом мы съебались, как ночные тени.

Минут через двадцать нас накрыла тугая волна хмеля и мы потеряли всяческий опрятный вид и разумность мысли. Мы синусоидально брели по миру фонарей и пустых скамеек к горсаду. Курили «Столичные» и говорили о бабах. Больше ни о чем в таком состоянии говорить невозможно.

- Сейчас к Молекуле рульнём и будет нормально, - гундосил Дрон.

- Да там сейчас полрайона самогоном упивается! — отвечал я.

- Тогда к Инге...

- У неё мать приехала, глушняк, - пессимизировал я.

- Тогда в парк, там кто-нибудь бродит по любому.

В парке бродили. Всякие. Драка получилась веселая и мы потерялись в пространстве. Да чего уж там - и во времени тоже разлучились. И только чья-то сопливая душа выла в хороводе чёрных тополей: «У тебя на ресницах, серебрились снежинки-и-и...».

Я лёг под яблоней на хворост. Я всегда стараюсь ложиться под яблоню или березу. Там сны легче и в цвете. В этих снах я увидел танцующего Кобзона и свою зачётную книжку.

* * *

- Это охуенно, это просто тема! - орал Дрон утром возле пивнушки, где мы цедили пиво из целлофановых пакетов.

- Какие мы нахуй вожатые, ёбнулся? - спрашивал я.

- Самые натуральные. Вожатыми всегда были студенты из «педа», а мы круче. Ты химик, я физик. Однозначно вступаем, пока смена не началась.

- А сколько там платят?

- Да хуйня там, не важно. Главное, харч и поварихи, а пионеры самостоятельные черти, без нас обойдутся. Короче, завтра в смотровую поликлинику, а с ди-

ректором лагеря всё договорено и ещё там с кем-то, матушка сделала, — поставил точку Дрон и прильнул к пакету.

Так мы попали в пионерлагерь «Орленок» с гипсовыми статуями горнистов и симпатичными домиками с разноцветными крышами. В лагере была громадная столовая, множество кустов боярышника и тёрна, клумбы, стенды и маленькая эстрада. Ну и, конечно же, широкий асфальтовый плац с высоченным флагштоком раскинулся посередине территории. Меж скамеек и заборчиков носились пионеры в галстуках и без. Трудно было разобрать смысл или там идею в этих пионерских перемещениях.

Впрочем, когда мы вышли от директора и старшая пионервожатая Ирина повела нас к нашим отрядам, я сразу просёк, что она закаленный боец пологового фронта. Дрон тоже понял. Мы смаковали все части тела «старшей» и думали только о ебле. По пути нам попадались другие особи и, поверьте, это были приятные виды. Мы попали в Рай!

У меня был отряд восьмиклассников, у Дрона помладше. Впрочем, нас эти пиздюки абсолютно не напрягали, ибо вся эта поросль смотрела на нас без особого восторга или там интереса.

- Вот. Примерно так и придётся вам вести свои отряды к почётной доске, - закончила инструктаж Ирина, а потом блядски улыбнулась и добавила. - Вечером собираемся в пионерской комнате и посвятим вас в вожатые.

Мы как-то пропустили инструктаж, но поняли одно — утром подъём, пробежка, завтрак, уборка территории, а дальше по дневному плану, включая обед, ужин и всякие игрища и затеи. Всё просто, как вся идея социализма, без дурацких капиталистических вывертов.

До вечера я переписал всех своих «бойцов» в тетрадь, пометил уголовные наклонности и предпочтения. Собственно, ничего выдающегося я не услышал. Футбол, рисование, пение, теннис и ненависть к полуденному сну.

Командиром отряда назначили Наташу Литвинову, красивую девочку с огромными глазами и шикарной косой, как в русских сказках. Спортсменом банды стал Дима Хворостов, по виду типичный хулиганище-рецидивист. Ещё были художница Оля и тихий «завхоз» Ваня Псёл.

Остальных я просто не запомнил. Да и нахуй мне весь этот выводок! Главное, что будет на посвящении вечером, вот тема, так тема.

Короче, вечер настал. Нас с Дроном усадили на стулья в пионерской комнате - как преступников для допроса. Видимо, тут были традиции и они же звякали в углу, где копошился плаврук Паша.

Вокруг нас стояли товарищи обоих полов и грозно смотрели в души. Было некое напряжение в этих взглядах.

- Согласно древнему ритуалу вы, новички, должны дать клятву, что все тайны и решения совета вожатых после должны оставаться только в нашем кругу и нико-

им образом не попадать в руки администрации, исключая гармониста Колю и поваров! — начала речь Ирина.

- Мы вздрогнули, услышав про гармониста Колю. Это что за хуй?

- Налейте кубки, Паша! - провозгласила «старшая».

Да они уже налиты, жрите, — любезно сунул нам стаканы плаврук.

Мы встали и без гримас и жеманства осушили кубки с портвейном.

- Салют! - рявкнула вся масонская ложа и всё пришло в движение.

На столе, словно на скатерти-самобранке, появились котлеты, помидоры, картошка в мундирах и яйца. Трехлитровая банка самогона источала аромат, который рано или поздно изменит политическое устройство мира до неузнаваемости и наступит эра коллективизма и народного примирения. Но тогда мы ещё были далеки от подобного анализа.

Мы с Дроном весело знакомились с товарищами и по-комсомольски радовались обилию сисек и упругих задниц Лен, Оль, Маргарит и всяких там ещё Виолетт. Плаврук Паша оказался компанейским сутенёром и выдал нам полное досье на молодых комсомолок. Тогда же я стал подозревать, что героическая партия большевиков к 80-м годам перебродила в гнилую буржуйскую элиту, сознательно не-сущую мою страну в поганую рыночную бездну.

Мы пели песни вполголоса и, наконец, в полночь пошли на берег моря. Там нас ждал легендарный гармонист Коля. Да, он был достоин своего имени. Он играл в любом состоянии, главное, чтобы его кто-то поддерживал сбоку или со спины. Даже падая с обрыва, он не прекращал музыку, и она лилась в просторы пока ещё свободной страны, словно салютные залпы.

Кухонные работники доставали из ведра убийственные шашлыки и жарили их на стреляющих углях. Поварихи оказались в разы упитанней наших девчонок, но было видно, что эта упитанность не считалась ущербностью, а совсем наоборот, сексуально давила гуманитариев.

Блядь, мы с Дроном словно попали на таинственный остров, сотканный из образов и снов пубертатного периода! Вокруг, в свете луны и мерцающих углей, блеска волн и в звуках чарующего баяна, бродили наяды и плыл запах тины. Комсомольская плоть была без консервантов, искусственных красителей и румянилась «легким розовым».

Если когда-нибудь кому-нибудь в башку придёт идиотская мысль о смерти, то пусть он сначала вспомнит, как в тёмном небе советской страны из небытия возникали силы добра и справедливости, красоты и полового воспитания. Это сейчас никого не удивит оргиями там или инцестом - сейчас даже пидарасы имеют какой-то там статус. А раньше всё происходило без извращений и идеологически осмысленно.

Мы ухаживали за дамами и даже читали стихи, правда сомнительного содержа-

ния и глупые. Это не важно. Важно общение на уровне особом, где дружба народов воспринималась как истина или нечто подобное.

С песнями и с верой в незыблемость чего-то, мы шли берегом в неистовом марше. Вокруг кружились ночные бабочки, комары и звёзды. В море плескались рыбы, а в небе парила какая-то рваная дрянь и бляла, как ягненок.

Всем полчищем мы вышли на какую-то площадку с непонятными монументами из железа и болтов. И тогда мы запалили факелы. Грянул марш «Прощание славынки» с буржуазными обертонами. Мы на время замерли в тотальном познании мира. Правда, вскоре прибежал какой-то сторож и заорал, что это газовый коллектор и может пиздануть взрыв. Напоив сторожа, мы пошли обратно к лагерю.

Уже в родных пенатах я был схвачен поварихой Оксаной и утащен в потаённое место, где и совершилось вхождение в Иерусалим. Повариха орала как ослица, но это не испортило таинства, а наоборот, прибавило ебле оттенок атеизма.

Потом я бросил объект и ринулся на просторы лагеря, где в свете фонарей падались люди и их тени. У «старшей» уже кто-то был. Этот кто-то рычал, как собака. Им оказался Дрон.

Пришлось идти в свой домик, где на крыльце нетерпеливо курила воспитательница Ольга. Это не было сюрпризом, ибо мы договорились о встрече ещё в пионерской комнате. И встреча состоялась. Потом я уснул, словно кукурузный початок, и не увидел ни одного сна.

Утро было не то, чтобы бодрое, а наоборот, вялое, как речь председателя правительства. Говно утро. Простое, размазанное по стенам говно, как в привокзальном сортире.

Слово «подъём» звучало как «расстрел». Музыка из кинофильмов в репродукторах сверлила голову ржавым коловоротом. Рот мой пытался раскрыться, но лишь слегка вывернулся, словно у покойника. Он был сух и неприятен, этот рот. И то, что в нём (во рту) было неприятно. Но в окно уже стучали пионеры и пытались заглянуть внутрь. А внутри был я, без воспитательницы Ольги и без трусов.

Пришлось сначала сесть на кровати, потом встать и одеться.

Вышел я к народу тяжело, но вышел.

- Побежали, Беспяткин, - кричали пионеры. Я увидел чистые глаза командира отряда Наташи Литвиновой.

Как мы бежали, где мы бежали, зачем мы бежали — знает только дух леса, а может, и он не знает. Главное, что я это смог пробежать. Сидя потом на кровати, думал о чём-то тугом и неясном.

Потом была уборка территории и я мирно дремал в келье, копя силы к насыщенному дню. В этот день мы играли в теннис, рисовали какие-то карикатуры и бродили по лесу в поисках смысла и целебных трав.

За это время я полностью восстановился перед ночным заплывом в гроты властителей тьмы. И помогла мне в этом Наташа, командир моего отряда. Она

всюду сопровождала меня и давала советы. Она спорила с пионерами и волокла откуда-то акварельные краски и ватманские листы. Без неё я бы смотрелся тускло, как дешёвый вермут.

И везде я встречал эти бездонные, преданные глаза. Даже на вечернем концерте у костра, когда я пел «Oh! Darling», она смотрела на меня, словно на Пола, этого, бля, Маккартни. Их я и запомнил, почти навсегда, эти глаза. Это был просто день, просто меня. Спасибо тебе, Наташа.

Потом были ночи и песни про зайцев, половые встречи и расставания, блевотина на плацу и дождь меж хвой и паутин-мишеней.

Потом была вторая смена, которую забыть можно, но не нужно, ибо она была единственной, хоть и похожей на первую. Всякое было потом, даже после того как нас выгнали за драку с вожатыми другого лагеря...

* * *

И принялось время крутить свою шарманку, чтобы в звоне и скрежете её шестерёнок мы совершали глупости и подвиги, преступления и благодать.

Мы увидели, как змеиная рать из того, так желанного, Запада, прогнала нашу Родину в тёмные ебень и наступил новый порядок. Порядок зла и хитровыебано-сти, продажности и разорения. Короче, хуйня всякая пошла и продолжается ныне. Ну, вы знаете.

Вот тут, собственно и начинается эта история, а может, заканчивается, смотря как посмотреть. Да любой человек, если он не полный отморозок из сетевого маркетинга или, допустим, писатель Минаев, знает, что такое электропогрузчик. Да, это такие машинки на аккумуляторах с двумя рогами-вилами перед собой. Эти малышки в полторы тонны весом и более служат для перемещения грузов на предприятиях, как в пространстве, так и во времени. Цап - и потащил контейнер с деталями в цех сборки или там пресс-форм.

На конвейере, где люди с мёртвыми глазами прикручивали ручки к холодильникам и запаивали радиаторы, электропогрузчики сортировали всякую технологическую дрянь и поддерживали ритм работы. Если его (ритм) не поддерживать, то конвейер остановится и тогда кого-то из рабов накажут лишением премии в пользу ебучего капиталиста. Всё держится на электропогрузчиках, блядь, практически всё.

А управляют этими колесницами особые водители. Это элита. Это пиздец, как почётно быть водителем электропогрузчика! Даже если ты рассыпал на бетонный пол итальянские компрессоры Zanussi, то тебя не будут пиздить батогами, а только скажут, что ты осёл и всё. Даже премии не лишат.

Впрочем, меня лишили премии один раз, когда я в ночную смену, после спирта с шампунем, развернул упаковочный станок на 90 градусов супротив земной оси.

Но это было единожды и я даже сомневаюсь, было ли это вообще.

Да, я водил «полуторатонник» и не чурался «четырёх-тонниками». Это была работа на заводе, как вы поняли, по производству холодильников. Не творческая, тупая, рабская работа.

Впрочем, если есть фантазия, то можно и тут проявить что-то необычное. Например, когда девки переодевались в громадных красных контейнерах, мы подгоняли другой контейнер и «замуровывали» работниц. А можно было на спор переместить на сто метров сразу восемь контейнеров. Это зрелище для сильных духом, но уж никак не для начальника цеха. Иногда контейнеры падали, иногда падали сами электропогрузчики с эстакады и просто на ровном месте. В общем, не скучно.

В основном мы просто работали, чтобы получить деньги на еду и сигареты. И это ещё было круто. Некоторым в нашем городе денег не хватало даже на еду, а только на сигареты...

Так вот, качу я на своем «электроконе» из термоизоляции во второй сборочный, чтобы загрузиться радиаторами и какими-то трубками. Выруливаю к складу и с накладными подхожу к кладовщице.

Красивой оказалась она, с золотыми волосами и даже дурацкий, грубый комбинезон не мог скрыть её великолепную фигуру. Лево руля!

В таких случаях обычно технологические интересы, как правило, уступают место интересам амурным. Расправив плечи и раскрепостив походку, подошёл я к кладовщице, словно на танцах в сельском клубе. А она медленно закрыла журнал учета и посмотрела на меня.

Сначала я улыбался как обычный гопник, но потом тупо замер, словно меня проткнули ржавыми вилами. Эти бездонные, преданные глаза (я где-то писал об этом). Этот отблеск костра навсегда ушедшей волшебной пионерской ночи. И больше ничего - только рука моя протягивала мятые, заляпанные накладные.

Она смотрела на меня, словно сейчас я спрошу: «А где взять акварельные краски, для стенгазеты?». Она видела то, что я был не в силах скрыть в этот момент - мою любовь.

«Какую любовь, откуда она взялась?», - спросите вы и будете правы. Не было её, этой гадости, не было, а вот тут, сейчас, внезапно, глупо и беспощадно появилась. И не это главное, не моя растерянность и ступор, а то, что я внезапно понял. Что я понял, спросите вы? Какая такая хуйня здесь творится?

Лучше не спрашивайте, лучше бросьте это читать и включите выпуск новостей. Там просто, там всё просто, а тут необъяснимо, неожиданно, смертельно.

Это её любовь отразилась во мне, её подростковая, наивная и глубокая, как Марианская впадина, любовь. Отразилась из тех далеких, пионерских дней, где мерзавец вожатый проходил мимо и только хвалил командира отряда за сообразительность и активность.

Мы молчали. Мы правильно и долго молчали.

Вокруг гремели штампы и чавкали плунжеры, воняло растворителем и где-то у курилки хохотали работяги.

А здесь, словно в вакуумной колбе, мы пытались сказать друг другу что-то взглядами, но не знали, как это сделать.

- Наташа? - сказал я.

Она ничего не сказала. Только ресницы, эти чертовы длинные ресницы, дрогнули, словно от ветра.

Я отдал накладные и умчался с радиаторами, словно вор, в цех термоизоляции. Что я возил, куда и с какой скоростью - не помню. Это был день пустоты. И только ночью, в заказном автобусе, я вспомнил, что еду домой к позднему ужину и теплой постели.

* * *

Мы встречались в столовой. Мы тайно смотрели друг на друга. Я жрал без разбору всё, что подвернётся под руку. Пацаны стебались надо мной, словно в парламенте. А она с каким-то рыжим бригадиром садилась за один столик и они вяло трепались о чём-то. Но она украдкой и безнадёжно бросалась взглядами ко мне, словно ища что-то.

И эту безмолвную жизнь мы вели почти месяц. За это время на безымянном пальце её появилось рыжее, ослепительное кольцо.

Не знаю, как и почему, но в одну из ночных смен мы встретились в углу цеха и стали говорить. Противный «дневной» свет падал на нас, всё вокруг плыло воском.

Вы не поверите, но я ни слова не помню из этого разговора. Я помню только безумие и полную душу секретов. наших секретов. Связь была настолько сильна, что ею можно было останавливать поезда и прокладывать туннели в горных породах. И только двое могли её уничтожить или усилить. Только двое.

Нет, мы не вспоминали прошлое, не грезили будущим, не терзали настоящее. Мы просто пили друг из друга, как я пил тогда в пионерской комнате портвейн, что-то очень вкусное и похожее на жизнь после жизни.

А потом мы оказались на берегу реки в темноте, холоде и вокруг квакали жабы. Я держал её в руках, боясь потерять... Нет, не потерять, упустить? Да, я боялся упустить эти глаза и тепло, губы и...

Мы расстались в такси. Мы не прощались и не вспоминали шуршание камышей и одежды. Она ушла в подъезд, я уехал домой. В таких случаях надо всегда возвращаться домой.

На заводе она больше не появилась.

Кладовщица во втором сборочном сказала, что Наташа уволилась, а муж во-

обще запретил ей работать в ближайшие пять лет. Он молодец, он правильно сделал. Я до сих пор благодарен ему за это.

(2012 г.)

РЫБАЛКА

Если быть точным, то я добавлю: «Рыбалка, а в особенности зимняя, это самая настоящая шизофрения в самой последней стадии, самого последнего... Да ну его нахуй!»

Вы! Да, вы, которые уговорили меня, как последнего осла, в день под Новый год пойти побурить лунки и познать наслаждение первой добычи выловленной отсюда — вы твари конченные. Ублюдки и сволочи! У меня нет слов. Вот были и закончились слова.

Ты сидишь, вспотевший после ледобурения, над свежим очком громадного унитаза-озера и маленькой удочкой дрочишь леску, наподобие Будды.

Твой мозг проецирует, как в толще воды, меж извивающихся, острых водорослей парит твоя желанная рыбка с полосатыми боками. А ты, как Творец, там наверху ждёшь, когда безгрешная тварь нарушит какую-либо заповедь. Пусть это будет жадность там или чревоугодие. И ты уже тащишь на судный свет грешницу, зная, что после этого последует адреналиновый выброс, полстакана водки и уважение товарищей-рыболовов.

Как это низко, несовершенно и глупо...

Нет, поначалу всё шло очень даже заебись. Ну, то есть, я «отмазался» от дурацких пробежек за новой пачкой майонеза в магазин или недостающей порцией картошки в подвал. Меня не просили поправить покосившуюся ёлку и я не чистил варёные яйца. Эстафету приняла тёща. Это побудило меня купить не одну, а две бутылки «Столичной».

Потом в машине мы пили за уходящий год, за баб и новый ледобур Антошки. Затем на озере за что-то пили. Было морозно и безветренно.

- Зимняя рыбалка круче секса, - возвестил Илюха, запивая что-то пивом.

- Нет, тут ты перегнул, понимаешь, — поправлял его Антошка.

- Ты не мужчина, - ткнул в него варежкой отец Андрей.

- А ты, вообще, почему не с матушкой, за чтением псалтыря? - парировал Антошка.

- Что Бог не делает, всё равно полаемся, нам на кухне вдвоём тесно, - ответил наш поп.

- Блядь, ящик уронил, - сказал я и, споткнувшись об этот чёртов ящик, проехался по запорошенному льду, как каное.

Мы дырявили ледовую броню, словно жуки-короеды. Кто-то сказал, что если в течении пяти-десяти минут клёва не будет, то это хуёвое место.

Этих мест оказалось достаточно много. Вскоре вся наша компания переместилась чуть ли не на середину озера.

Наконец, отец Андрей поймал жирного окуня. Рыба была прекрасна и новогоднему разевала рот. За неё мы выпили стоя и, окружив святого отца лунками, уселись на ящики.

Вскоре все были с рыбой. Даже я поймал какую-то - с рыжими плавниками. Больше я ничего не поймал.

Начало темнеть и подул неприятный, вонючий ветер с металлургического комбината. Мои товарищи повключали фонари и категорически отказались идти домой.

- Ну, вы чего, совсем охуели с вашей рыбалкой? Заберите мою добычу и айда в город, праздник справлять, — провозгласил я очередной тост.

- Иди ты в жопу, - последовал дружный, товарищеский совет.

И тут я понял, что эти гады будут сидеть здесь плотно и всерьёз. Я, конечно, знал это по их рассказам о прошлых вылазках, но как-то не придавал этому значения. А зря.

Может, в наглую угнать машину в виде новогоднего сюрприза? Они поймут и оценят. Только вот - как поймут и как оценят?

Нет, я поступлю как настоящий мужчина. И вот ведь поступил. Собрав снасти и водку в ящик, я молча и гордо пошёл к ближайшей станции Казинка. Там постоянно бегают электрички и «товарняки». На станции они притормаживают или останавливаются на пару минут. Ещё в детстве мы катались на них до нашего района и дальше, как настоящие беспризорники.

Вот и сегодня, словно первооткрыватель неизведанного, я с зелёным ящиком припиздячил на станцию, где качался одинокий фонарь - в унисон с одиноким стрелочником.

Пройдя метров пятьдесят против хода поезда, я замер в ожидании транспорта. Это были томительные минуты и писать о них не хочется.

Наконец в неясных даях блеснул долгожданный огонёк. Он приближался, как олимпиада в Сочи, неумолимо и с подвохом. Вскоре товарный поезд залязгал по рельсам, сбрасывая ход.

Я внимательно разглядывал подходящие платформы. Главное, не садиться на нефтяные вагоны. Самый лучший вариант — это «насыпные», ну там, где уголь, щебень или прочая россыпь.

Ага, вот и он. Поезд не останавливался, но поверьте — это такая хуйня по сравнению с ночными лунками и дурацкой рыбой. Кстати, свою рыбку я уберёг

для отчётности.

Короче, запрыгнул я на платформу, как ковбой и поскакал, вернее, помчался к своей родной станции «Чугун». Мимо меня промелькнул фонарь в окружении снежинок и стрелочник в окружении блевотины. Потом все утонуло в предновогодней тьме и я глотнул водки.

Это фантастично — ехать, словно воин-победитель, к дому, где тебе рады все, включая кошку. Там, в тёплой комнате с запахом печёной курицы с пряностями, стоит телевизор, а в нём президент «гонит» что-то о свершениях. Потом хлопнет шампанское, словно выстрел из нагана, но президент останется жив. На экране запляшут девы в купальниках, и вся добрая семья начнёт жрать во имя и согласие. Все будут кричать «Ура!» и...

Блядь, уже мост проехали, вот и станция. Пора готовиться к высадке, захватить плацдарм и удержать высоту. Здесь фонарей побольше и железнодорожников тоже. Вот свезло, так свезло гражданам, работать в такую ночь. Тьфу!

Стоп, что за нахуй? Почему поезд мчится, как «скорая» на вызов? Почему работники РЖД размахивают флажками, словно на корабле, передавая благую весть? И почему в громкоговорителе бесполоый, нечеловеческий голос ревет: «Литерный по главной, вне расписания...»

Может, там что-то другое прозвучало, но я испытал бурный прилив крови к мозгу и примерно такой же отлив. Короче, состав промчался мимо моего дома, как стадо взбесившихся мустангов. Это меня не то, чтобы обескуражило, но напрягло, это уж точно.

Ничего, скоро центральный вокзал, уж там-то люди по путям ходят и собаки. Поезд должен сделать паузу. Неужели какая-то Казинка с пьяным стрелочником значимее, чем «город металлургов»?

Вы не поверите, действительно, Казинка оказалась значимее, потому что центральный вокзал промелькнул пред моим взором, словно аванс перед Восьмым Марта.

И я поплыл в метели навстречу новым землям и берегам. Поначалу я порывался спрыгнуть, но мне везде мерещились «стрелки» и пропасти, на дне которых покоились не сданные в металлолом станки с ЧПУ.

Я пытался вспомнить карту и не мог. Зато я открыл вторую бутылку и достал мою единственную рыбку с рыжими плавниками.

Под вой новогодней пурги и грохот буферов с колосниками я выпил водки. Рыба оказалась свежемороженой и пахла тинной. В этот момент зазвонил мобильник. Я чуть не уронил стакан.

- Да, — ответил я, пережёвывая сырую рыбу.

- Ты где есть? — раздался настороженный голос супруги.

Она видимо пыталась определить степень моей адекватности.

- Да, понимаешь, я сейчас еду на поезде, — честно признался я.

- Куда?

- Не знаю, тут, видишь ли, такая история... — начал я.

- Я всё прекрасно понимаю, мне все твои истории знакомы, потому что враньё, — определила она мою честность (да, не надо было мне жевать эту чёртову рыбу).

Нет, тут серьёзно, — воскликнуло моё самолюбие, но частые гудки остановили моё красноречие.

Я повис в одиночестве и почему-то вспомнил учёного Эйнштейна. Где-то он говорил, что если ты едешь в поезде (или, допустим, на металлической площадке рядом со сцепкой), то ты относителен движению Земли и вообще относителен чего-то там ещё. Блядь, как это грустно быть относительным, на грохочущей платформе, в неизвестном направлении. Сразу возникают дурацкие мысли о путешествии по вагонам до ведущего тепловоза.

Представляю рожи машинистов, когда к ним в стекло стучится что-то из внешней среды и явно с недобрыми намерениями. Но это бывает только в кино с небольшим бюджетом.

Оставалось только смириться с движением поезда и принять реальность как данное. Всего-то надо прижаться к торцу вагона, закрепить ящик и пить оставшуюся водку с куском самолично выловленной рыбы. Так я и сделал, потому что спорить с силами природы глупо и опасно.

Короче, всё закончилось хорошо, как и начиналось, то есть я не увидел семикрылого Серафима иль там оборотня в лунном свете. Я просто плохо дремал и чуть не отморозил ухо. Но это нельзя назвать чудом.

Сняли меня в городе-герое Орле. Там, в Орле, в дежурной части привокзального РОВД я доказал, что никакого теракта не готовил и показывал ящик со снастями (чужими, кстати), где не было никаких эквивалентов тротила и прочей дряни.

Убедившись в моей безвредности, менты похихикали и позвонили мне домой. Милиционерам жена поверила. Странно.

(2011 г.)

АВТОБУС

Холодно здесь, у вокзала, на полуосвещённой остановке, где громадные хлопья проклятого снега вьются вокруг, как вампиры, больно кусая за шею. Пустой город, пустые огни и пустая пьяная жизнь на дне этого каменного мешка. Таксисты, словно ночные падальщики, проносятся по завьюженным улицам.

А я стою на остановке, в надежде на последний автобус, потому как идти с новых микрорайонов до окраины в такую погоду и с таким настроением — паскудство.

Чёрт, я знал, что мы только подъебнёмся в подъезде на девятом этаже и она пойдёт домой довольная — вроде, как королева бала. Возляжет озябшая в теплую ванну, посмотрит телек и заснёт, как кошка, свернувшись калачиком. Но моё тело шло пять кварталов до вокзала по трамвайным рельсам, съёжившись от ветра и колючего снега. Шло упрямо, глупо и безысходно.

Блядки. Да, это называется блядки. Это то, чем гордится моя страна со времён запуска первого спутника. Мы ходим по родной земле, родному городу, посёлку или селу как пилигримы, как волхвы, иль там как миссионеры. Ходим в половой думе и мятой одежде.

Но сегодня я идти больше не мог. Я стоял на остановке и мысли слабо ворочались под тонкой шапочкой а-ля «гандон». Зима старательно пела мне колыбельную для вечного сна, а я слушал её и боролся с желанием присесть на скамейку в тени остановочного павильона. Уж там бы я дослушал эту песню до конца.

Однако, на этой самой скамейке уже кто-то сидел в сером плаще, без шапки и в женских сапогах. Её волосы, покрытые снежной сединой, рассыпались по плечам словно водоросли. Лицо, блее сахара, было недвижимо и поразительно красиво. По-моему, под плащом на ней ничего не было.

- Эй, гражданка, вы тут часом не охуели сидеть? - вежливо спросил я.

Она медленно подняла голову и чёрным, бездонным взглядом окинула мою фигуру. Я видел, что говорить ей не хочется - она дослушивала последний куплет зимней песни.

- Ни хуя не замерзать! Это приказ! - рявкнул я, и стал тормозить девушку, словно полицейский работаю после получки.

- Мне не холодно, - скупно ответила она.

- Тебе ой как холодно, дорогая, поверь мне. Надо найти подъезд и там погреться, - твердил я, зная, что в ближайших домах всё на домофонах.

Не надо подъезда, ничего не надо, — шептала она, обращаясь к кому-то вне реальности - Отодрали и выкинули, чего ещё надо? Одежду выкинули по дороге, холод - это даже лучше, чем ваши хачапури...

Я понял обычную ситуацию, когда джигитам похуй чья-то там сраная душонка, а надоевшее за день тело просто раздражает. Таких проституток часто выкидывают, где попало и как попало. А ведь она красивая. Да она даже сейчас красивее, чем Снежная королева! Вот только тепла в ней не осталось - это факт.

Я лихорадочно думал, как выдернуть её из тьмы, но в голове вертелась пошлая песенка какого-то Дениса Майданова. Под неё мы целовались с той, которая сейчас спит в тёплой постельке.

И вдруг, просто как в сказке, к остановке подкатил последний рейсовый авто-

бус жёлто-зелёного цвета. Он светился салонным светом и габаритами. Мягко раздвинулись двери и я почувствовал тепло.

Сияние автобуса изменило лицо проститутки. Она улыбнулась мне. Да мне, а не автобусу она улыбнулась. Странно, но девушка смотрела на меня как на человека. Спокойно и ласково, без муки и напряжения.

Я помог ей встать и подняться по ступенькам общественного транспорта. С каждым шагом она наполнялась жизнью иль как там ещё. Уже в салоне она обернулась и сказала: - Иди домой, дорогой, ты добрый, спасибо...

Ни хуя себе спасибо, а я чего это, не поеду что ли? Конечно, поеду. И с этой светлой мыслью я стремительно вскочил на подножку автобуса.

Понятно, что я удивился, когда оказался на проезжей части в снегу и грязных льдинках. А последний автобус, качая габаритными огнями, поплыл далее от меня словно детство. Вскоре он исчез за поворотом, где мерцала вывеска аптеки готовых лекарственных форм.

А я снова остался на мёртвой остановке, наедине с холодом и рухнувшими в меня надеждами. От такой несправедливости меня просто выворачивало наизнанку. Мне стало жарко, я был зол и неприветлив, когда меня забирали менты. За это меня ёбнули дубинкой по ногам?

В «обезьяннике» были люди и я. Там и прошла вся ночь.

Утром дома грелся водкой с красным перцем и мёдом. Но меня весь день бесил чёртов автобус. Потом я просто о нём забыл. А, может, его и не было вовсе?

* * *

Человек существо из ряда вон - он недоверчив, глуп и жаждет новизны бытия. Но нет этой новизны, только всё та же любовь на продавленном диване, водочный перегар и праздник Пасхи. Ненужный, но весёлый праздник. Куличи там и прочая поеботина.

Где мы были, кого видели - неважно. Наша компания потерялась ближе к часу ночи и каждый, избрав важный путь, уплыл по своим сторонам света.

Я брёл по Студёновской, вниз к церкви. Мне было приятно думать, что выпитое - хуйня по сравнению с ночной прохладой и моим мироощущением среды. Практически пустые улицы и чья-то блевотина на тротуаре настраивала лютню моей души на мажорный лад. Я шагал, как в стихах Владимира Маяковского - «ускоряя шаги саженьи». Особенно когда под горочку.

Их я заметил издалека.

Трое ебашили одного. Били по-праздничному - жестоко об асфальт и ногами.

Если вы думаете, что я замедлил шаг и осторожно прижался к кустам волчьих ягод в надежде переждать событие, то вы ошибаетесь. Причем глубоко и позорно.

Меня также когда-то пиздили возле «Детского мира». И это, граждане, не

нравилось мне. Тогда к нам подбежал какой-то пацан и мы вдвоём отбились от гопоты. Спасибо тебе, неизвестный боец, пропавший в пучине памяти, но не забытый сердцем.

Так что я кинулся вниз к пасхальному побоищу, полный сил и отваги. Причем я орал отнюдь не гимн России и не святые псалмы, а грубые слова бригадира Ивана.

- Стоять, блядь, коматозники, сейчас «скорая» приедет, разряд вам в душу, бля-а-а! - ревел я в пасхальное небо.

Те трое как-то по-антилопы встали, в тревоге озирая головами окрестности. А там был я - нелеп, буен и, похоже, с тополиным дрыном в руке (подобрал по дороге).

Уже метров за двадцать до поля сражения от тех воинов на месте и следа не осталось, а ведь я так хотел въебать кого-то по виску, а уж потом как получится. Может, меня бы тоже распиночили, словно на чемпионате мира по футболу. Это уже неважно.

Когда я подскочил к лежавшему на тротуаре бедолаге, то он тихо стонал, как в церкви. Его кровяща отвратно растеклась по асфальту, словно винтажный портвейн «Кавказ». Он пытался смотреть на меня сквозь модифицированное лицо, похожее на пиццу, но явно не видел всего моего великолепия.

Сто пудов, что ему отбили лёгкие и печень. Внутри кровоточит, ясно без вскрытия. Он был готов только к реанимации или... Ну, вы сами понимаете.

- Ну что, совсем пиздец? - участливо спросил я.

- Похоже на то, чувак, они кольцо снять хотели, - пошевелил он пальцами, на одном из которых блеснуло тонкое обручальное счастье.

- Хуёво дышишь, надо скорую звать, - самому себе сказал я, прикидывая, где поблизости таксофон без оторванной трубки.

- Не надо, сейчас автобус подойдёт, а там... - тихо перебил он меня.

Какие нахуй автобусы в это время суток, разве что только рабочий со «Стинла». Там работяги, как спящие кони, едут в квартиры с телевизорами. Но улица была пуста по-прежнему, словно предвыборная речь депутата.

Только я ошибся, когда подумал об этом. К нам, тихо шурша шинами, подкатил знакомый городской автобус всё той же жёлто-зелёной масти. Створки разверзлись и свет проявил нас в ночи, как на картине старины Ильи Ефимовича. Ну там, где Иван Грозный и всё такое.

Я закинул руку избитого пацана себе на плечо и, как с поля боя, провёл его к подножке автобуса. Транспорт мерно жужжал выхлопными газами. Оказавшись на ступеньках, неизвестный парень, внезапно окрепнув, обернулся ко мне и пожал руку.

- Спасибо, братан, поехал я, будь осторожен, - спокойно ответил он и прошёл дальше в салон.

Там, на чёрных дерматиновых сидениях, кое-где сидели одинокие люди, то ли спящие, то ли задумавшиеся.

Я тоже вошёл в автобус, решив проехать несколько остановок до Сокола к круглосуточной «Дубинке», чтобы пополнить запас алкогольных артефактов.

И - вы представляете! - опять дрянь какая-то. Только автобус тронулся, я снова оказался на грязной улице, рядом с громадной лужей крови. Глупо улыбаясь, я смотрел на уходящий транспорт и в заднем стекле увидел привидение. Нет, надо срочно в ларёк за «девяткой».

Ну, как вы думаете, кого я там увидел? Да хуле там думать. Конечно, её.

Да ту самую проститутку с той зимней остановки. Она улыбалась мне, как актриса Вивьен Ли в фильме «Мост Ватерлоо». Вот уж это я запомнил. Запомнил, как самую реальную галлюцинацию в жизни. Вот только забыл номер маршрута того автобуса, который не хочет вести трудового человека до... Ну короче туда, куда ему нужно.

Блядь, чёртов автобус! Ну, всех подвозит, а меня «кидает», подобно Пенсионному фонду. И я побрёл к ларьку.

* * *

Жара, жара здесь на рыночной площади. Солнце взбесилось, как громадное, огненное чудовище и рвёт кожу острыми, раскаленными когтями. Воздух сжался от боли и не поддерживает нормального дыхания. А сердце просто решило за себя само... Люди толпой колышутся, как марево над автострадой. Мои попытки идти прямо тщетны и ненадёжны, как женщины. Я спотыкаюсь и падаю на колени перед фонарным столбом с вывеской «А». Окружающие гадко смотрят на агонию и не подходят ближе. В такую жару даже бесы не придут на помощь человеку, пропившему всё и отравившему собственную плоть. И этого достаточно, чтобы понять — ты подыхаешь, Беспяткин. Подыхаешь просто, как безымянная дворняга в песке за гаражами. Я рад тому, что никто не заглядывает мне в посеревшее лицо с мерзкой гримасой милосердия и не звонит по телефону «03». Всем наплевать. И это великое счастье великого народа моей Родины. Идите на хуй! Идите туда, где рождаются гламурные сплетни и проходит перепись населения. А я вот тут, у столба, повздыхаю о нерождённой песне лета, и пустив слюну на мостовую, положу голову, как венок...

Краем глаза я вижу поток автомобилей в сизой дымке угарных газов. Они, словно нелепый калейдоскоп, кружат землю и моё уплывающее сознание. И тут я вижу знакомый желто-зеленый автобус №2. Он приближается, как волна из средиземного моря, в пене и прохладе. Он готов принять меня без проездного билета. Я знаю.

Человек существо из ряда вон - он недоверчив, глуп и жаждет новизны бытия. Но нет этой новизны, только всё та же любовь на продавленном диване, водочный перегар и праздник Пасхи.

Я не удивлён, что из раскрытых дверей ко мне спускаются два человека. Парень и девушка. Он в помятой окровавленной куртке, она в сером плаще и сапогах. Поддерживая меня за мёртвые руки, они заносят моё тело в салон. Двери закрываются, следующая остановка... Интересно, какая остановка следующая? Я, полный сил и настроения сажусь на жёсткое сидение.

- Мне до «конечной», - весело говорю я.

- До «конечной» ещё далеко, - отвечает внезапно подошедшая контролёрша, пристально вглядываясь в мою душу.

- Он ведь с нами поедет? - спросила знакомая мне та проститутка.

- Походу с нами, смотри какие глаза, - поддержал её парень в куртке с лицом разбитым в ту пасхальную ночь.

- А чего у меня с глазами? - заволновался я.

- Нормальные глаза, - успокоил меня какой-то старик в малиновом драгом пальто, явно с чужого плеча.

Контролёрша продолжала смотреть на меня очень так пристально и недобро. Остальные заметили её взгляд и отсели на другие кресла. Мне это уж очень не понравилось.

- Что не так? - спросил я у женщины с толстой форменной сумкой.

- Да всё не так, никакой тебе «конечной», подвезём до магазина, там похмелишься и дуй своей дорогой. Нечего тебе здесь делать, рано, - ответила она и прошла по салону к водительской кабине.

Я дотронулся до плеча проститутки. Та обернулась, но во взгляде её тёмных глаз не было тепла, лишь холод зимней привокзальной ночи. Я дернул за рукав парня со Студёновской. Тот даже не повернулся, положив руки на колени, показывая, что разговаривать он просто не хочет. И только старик-бомж улыбнулся щербатой, зловонной пастью.

- Поживи ещё, помучайся, паря. Не твоя остановка... - только и сказал он.

В это же время автобус мягко, как катафалк, остановился напротив развлекательного центра с большим выбором бочкового пива и жареных «немецких» колбасок. Двери неприлично открылись, нагло намекая, что мне пора бы съезжать отсюда. Я недоверчиво окинул весь салон с мёртвыми одиночками и покорно направился к выходу.

- Пока, граждане, - только и сказал я.

Ответа я не услышал. И только когда я остался один, на пустой остановке, лишь тогда заметил, что уже нихуя не лето и жары как не бывало. Мерзкий осенний ветер пронизывал тело, как рапира, и капли холодного дождя крестили меня, словно младенца в купели.

Я пошёл прочь от остановки, нащупывая в кармане остатки денежных средств. Да там хватит и на пиво, и на такси до «базы», и ещё чёрт знает на что. А ещё у меня была карточка «VISA», на которой было... Бля, да вам не по-хуй, что там

было? А на автобусах пусть пенсионеры катаются, у них льготные проездные.

(2011 г.)

МЁРТВЫЙ БРИГАДИР

Конечно, вы скажете - хуйня всё это. Алкогольный делирий или просто пьяная фантазия по мотивам какого-то фильма. Пусть хуйня, но я человека спас. И пить бросил. А это уже не хуйня. Но всё по порядку.

Мы нажрались по очень важной причине - объект сдали вовремя, бабло получили сразу и полностью. Деньги разумные. Впереди неделя праведного отпуска. Попробуй тут, не нажрись.

Мы купили много водки, какие-то салаты, колбасу, шпроты и, зачем-то, огромный медовый торт. В уютной каптерке мы сдвинули столы и даже накрыли их газетами. Когда вся пищевая хуйня оказалась на столах, стало уютно и расхотелось идти домой.

Бригадир Иваныч произвел торжественные шлепки мозолистыми руками и провозгласил: - Начнём, пожалуй, братцы!

И мы начали.

В углы полетели водочные пробки, зазвенели железные кружки, зашуршала бумага.

Первую дозу мы пили стоя и значительно. Так пьют оставшиеся в живых после боя. Так пьют работяги, уходя на пенсию. Так пьют крепкие духом революционеры, после взятия Зимнего.

Сладкий запах алкоголя смешался с сермяжным ароматом свежего лука и этот эфир проникал в подсознание и нежно размягчал мозг.

Второй заход был менее значителен, но более ошутим. В ход пошли холодные закуски и сальные анекдоты.

Потом начался пьяный базар, сика, звонки по проституткам и битьё ебальников за какие-то прошлые обиды. И эта «песня буревестника» продолжалась почти до полуночи.

Когда ободранный будильник сварщика Толика прогремел в 23:30, все почему-то подняли головы, как будто в каптерку снизошёл трубный глас. Мы приготовились к концу света, но он не наступил.

Просто подошло время собираться домой. Это напоминало всеобщую мобилизацию или день всех святых.

Мы путались в фуфайках и кирзачах. Мы натыкались друг на друга, как

айсберги, и удивлялись, как дети. Вонь рыбной требухи и бычков, затушенных в шпротах, давила на глаза и выедала душу. Кругом стоял гул, как в улье. Мы так и не съели медовый торт.

Я выходил последним. Наша каптерка находилась на третьем этаже и выходила прямо на широкий лестничный пролёт. Последний раз оглядев перевозданный хаос и вдохнув запах рабочих носков, я вышел в коридор. Невероятными усилиями заставил себя попасть ключом в «личинку» и закрыл дверь на замок. Потом повернулся на 120 градусов и приготовился к затяжному спуску, по возможности без падения.

И тут я остановился. Перегнувшись через перила, обмякнув и провиснув, передо мной обозначился бригадир Иваныч. Он спал. Спал свободно и навзрыд. Так спят люди, не отягощенные укорами совести, или боги на своем ебучем Олимпе. Штаны его были мокры. Для него не существовало проблем пространственно-временных ограничений. Лишь обкуренный Морфей гладил его твёрдую рабочую спину, качая седой всклокоченной бородой.

- Иваныч, ну давай, вставай, - сдержанно произнес я.

- Выкинь этот швеллер на хуй! - услышал я в ответ булькающие звуки.

Потом его стошнило. Насыщенная желудочным соком пища обречённо низверглась вниз. С благородным шелестом она окрасила перила первого этажа свежим маренго.

- Иваныч, ёбанный конь, проснись сука. Ночь уже, домой пошли! - терзал я утомлённого бригадира.

Тот неожиданно открыл глаза, поведенные сизой пленкой, и встал передо мной, как лист перед травой. Он силился понять мой образ, который мне самому не был до конца ясен. Наконец он что-то увидел. И это что-то ни коим боком ко мне не относилось.

- Алевтина, я пришёл. Я пришёл тебе сказать, что задание выполнено. Восемь кусков рубероида на крыше, доски в подсобке, электроды хуёвые, сырые. Разрешите откланяться - это были последние слова моего бригадира в этом мире.

После этих слов он перенулся через перила и отправился вслед за своей блевотиной. Глухие, мягкие удары отсчитали этажи и последний звук великого строителя был жалок и одинок. Там, на первом этаже, я не отрезвел, а наоборот, стал ещё пьянее. Я не помню, как спустился. Я не помню, как оказался дома. Я помню, что сказала мне жена. Почему я помню всякую ерунду?

Я лег спать одетым и одухотворенным, часть ног поместив в кладовку с домашними соленьями. Сколько времени прошло, неизвестно. Меня кто-то тряс крепкой рукой.

- Дорогая моя, я сейчас встану, не дёргай меня, будильник ещё не звенел, - автоматически шипел я.

- Беспяткин, проснись! Пиздец мне, проснись, блядь! - как сквозь толщу воды

донесся глухой голос.

Я поднимал веки, как Вий. Я регулировал фокус в ручном режиме, пока не понял, что предо мной бригадир Иваныч.

Он был абсолютно трезв и чист. Он был странен. Вместо одежды на нём ладно сидела какая-то греческая туника. Седые волосы флуоресцировали мягким светом, а в глазах, как мышонок, метался первобытный страх. Я посмотрел на дверь. Она была закрыта.

- Тебя женапустила? - глупо спросил я.

- Да нет же, чёрт, я сквозь неё прошел, призрак я, - ответил странный Иваныч, и я понял, что он не врёт.

- Охуеть! - только и мог произнести я.

- Помоги мне Беспяткин. Я от демонов съебался, пока они документы проверяли.

- Какие демоны, какие документы?

- Да паспорт и медицинскую страховку.

- И?

- Они меня забрать хотят, но не в вытрезвитель, а в свою контору, помощи.

- Но как?

- У тебя «Москвич» на ходу?

- Да, во дворе стоит, но я пьян.

- Хуйня.

- А прав лишат?

- Да нет их у тебя, ещё на прошлой пьянке отобрали. Времени нет. Они уже сюда идут, я чувую.

Иваныч воровато оглянулся. Я встал на ноги и растёр лицо грязными руками. Потом прошёл в ванную и открыл холодную воду. Стало легче и понятнее. Я вытерся полотенцем и сделал вдох и выдох.

В коридоре нетерпеливо топтался бригадир-призрак.

Я накинул куртку, открыл дверь и мы вышли в тёмный подъезд.

Зловещая тишина наполняла лестничные пролёты и отрезвляла меня сильнее, чем капельница. Мы осторожно стали спускаться вниз.

* * *

И тут мы увидели их. Три серые тени, громадные как гориллы, поднимались нам навстречу, нюхая воздух словно крысы. Это и были большие, уродливые крысы с острыми зубами и жёсткой, колючей шерстью. Толстые хвосты волочились вслед за ними, как пожарные гидранты. Это был страх. Страх похороненного заживо. Ночное наваждение в тёмном углу неизвестности.

Иваныч осторожно толкнул меня в бок.

Я с трудом оторвался от гипнотических фигур смерти. Бригадир жестом указал мне на верхний этаж. Я всё понял и это отогнало мой испуг. Мы, почти не касаясь ступенек, поднялись на пятый этаж и замерли в ожидании.

Демоны уже стояли у двери моей квартиры. Потом трое медленно прошли сквозь неё. Четвертый спустился на пролёт ниже. Я было дёрнулся вниз, но Иваныч схватил мой рукав.

- Им я нужен, - прошептал он.

- Тогда на карниз, - приказал я и первым полез на подоконник.

Ещё в годы лихой юности мы съёбывались от ментов именно таким способом. Подъезд, окно, карниз, пожарная лестница, будка дворника, угол дома, детский сад, гаражи, лог, садоводческое товарищество «Сокол», свобода.

На этот раз нам хватило угла дома. Там стояла моя гордость — автомобиль «Москвич» 2140SL, 1987 года выпуска. Я вложил в него такие бабки, что хватило бы купить «Хам-мер», но хуйня этот «Хаммер» супротив советской машины, с движком, «спилленным» с BMW. Ни одна блядь на дутом «Фокусе» не могла со мной тягаться от светофора. Но сейчас не это было главное. В окне подъезда мелькнули лохматые тени. Они нас заметили.

Как я попал ключом в замок — великая тайна. Мотор взревел всем своим животноводческим комплексом. Я выжал сцепление и дал газ.

Момент истины. Как во сне, мой SL рванулся вперед, оставив позади себя выхлопные газы и озлобленных демонов. Мы мчались по ночным улицам, как в Need for Speed. Это была не езда, а полёт мысли, не обременённый арифметическими вычислениями.

Однако слуги тьмы имели в своём арсенале особые способы передвижения. Когда мы уже вырулили на улицу Гагарина, я увидел в зеркале заднего вида, как четыре зловещие твари летят вдоль дороги, подобно огромным нелепым воронам.

- Надо забрать моё тело, оно там, под лестницей, - проговорил Иваныч.

- Как только подъедем к воротам, прыгай из машины и бегай по кустам - там, где мы летом срали. Эти пидорасы не смогут там летать и вообще нормально двигаться. Там даже срать было неудобно, не то что бегать. А ты все тропинки знаешь. Я вытащу тело и подъеду к поломанному забору, где на день строителя прораба пиздили. Сига́й в машину, а там как получится. До реанимации полкилометра, - словно по нотам расписал я стратегию и тактику.

Всё произошло по утверждённому сценарию. Кусты колючего крыжовника были на высоте. Иваныч, несмотря на свои пятьдесят с хуем, скакал как кабан, меняя траектории и вектора. Демоны путались в ветвях и говне. Они шипели, как дорожные компрессоры, пугая сонных бомжей в канализационных люках.

И вот бригадир в салоне на переднем сидении. На заднем, спокойно и безмятежно, валялось его измученное тело. Мы неслись к областной больнице, справедливо посылая на хуй гаишников в светоотражающих пелеринках. Их свистки пугали летучих мышей и проституток. Но самих пэпээсников напугали крысы из преисподней. И как они их только разглядели? А мы уже въехали во двор скорой помощи, опрокинув заградительный щит. По широкому пандусу поднялись к приёвному покою. Я в бешеном волнении вытащил бранные останки родного бригадира и занёс в помещение. Остальное я плохо помню.

Силы покинули меня, как перелётные птицы. Врачи терзали тело Иваныча, как пираньи. Кололи какую-то хуйню, похоже, что адреналин, ебашили высоковольтными разрядами. Всё это время его душа в тунике скорбно стояла в стороне и шмыгала носом. Я вышел на воздух и закурил. Четыре демона стояли раком у моего Москвича и остервенело жевали покрышки. Они не обращали на меня никакого внимания, да и мне на них было наплевать.

Если Иваныч выживет - купит новые. Иначе пизды получит. У ворот показалась гаишная «десятка». Я предпочел вернуться в здание.

Навстречу мне вышел окровавленный реаниматор с сигаретой в героических зубах.

- Ну, что? - тихо спросил я.

- Ещё бы пару часов и кранты, а так жить будет, состояние стабильное, но в больнице поваляться придётся, - спокойно ответил он.

- Он упал с третьего этажа.

- Бывает, ребра сломаны и башка пробита, был бы трезвым - пиздец. Огоньку не найдётся? — сказал врач.

Мы вдвоём закурили и разговорились о чём-то неважном и ненужном. В том месте, где стояла душа Иваныча, никого не было. Появились слабое свечение раннего солнца. Воробьи начали свою извечную склоку. И наблюдая, как ночные демоны дожёвывали мои покрышки, постепенно тая и сворачиваясь, я решил бросить пить. Ведь этих демонов, кроме меня и фантомного бригадира, никто не видел, если не считать гаишников и горячечных бомжей. В общем-то, это их проблемы, а я с этого дня не пью. Чего и вам желаю.

(2006 г.)

ЛЮБОВЬ

Нет, это не обида, не досада, не горе и не пустота. Это ничто. Только музыка в голове и какой-то шёпот. Кто-то считает любовь сказкой иль там мистикой какой, неподвластной логике и воле. А кто-то, наоборот, видит в ней лишь гормональную составляющую. Я же ни хуя не вижу, не слышу и не понимаю. Весь разум заняла страшная, бескомпромиссная пустота. И в ней отражение её глаз — лисьих, шаловливых, грустных и близких.

Это было время первой листвы и сумасшедших птиц. Это было время, когда пахнет неведомым костром и солнце смотрит прямо в душу, сука. Это было время после того, как мы подрались с хачами возле бильярдной «Джо» и буйствовали с прибывшим нарядом полиции. Мне повезло больше всех. Я попал в «травматологию». Мне просто сломали руку. Витке проломили башку, но и арам досталось. Один так и повис на капельнице.

Глупость это всё, считаю я сейчас, а тогда думал - геройство и понты. Хуй его знает, как это понимать, но в больнице я ходил с перевязанной рукой и битой рожей, словно воин-победитель. И думал по-иному.

Вот только когда увидел, как она отвлечённо читала какую-то сентиментальную дрянь, я вдруг перестал думать вообще.

Кругом были девчонки и получше. Задастые, сисястые и, главное, доступные, как Википедия. Наверное, мне по башке тоже досталось неслабо, потому что я так и смотрел на эту маленькую тварь в зелёном, цветастом халатике и с чёртовой книжкой.

Ещё мокрая от растаявшего снега земля только покрывалась зеленью, а на полосатой лавочке сидел ангел и никого не трогал. Блядь, да как же так не трогал? А я, а в сердце моём кто копался нежными бледными пальчиками?

Я проходил раз пять мимо неё, пока она не подняла голову и не спросила: - Ты так и будешь кружить с этим гипсом? Я грубо остановился и так же грубо ответил:

- Да, так и буду.

- Ну и ходи, - ответила она, уткнувшись в книгу.

Не так я представлял наше знакомство. Как угодно, но только не так. Ведь есть ещё всякие: «Девушка, а девушка, а что вы читаете?». Согласен, глупо, но срабатывает, а тут...

- А книжка про индейцев? - всё же спросил я.

- Не совсем, но... Да я и сама не знаю о чём она, - последовал ответ.

- А это для важности, бывает, я знаю.

- Нет, просто тоска какая-то. Вот я над книгой склонюсь и никто не видит слёзы. Думают, читаю...

- Опа! И с какого чёрта рыдать на скамейке? - неподдельно удивился я.

- Жить хочется, - тихо ответила она.

- Ну, так живи, - разрешил я и присел на скамейку.

- Спасибо, теперь буду жить. Тебя как зовут?

- Беспяткин, а тебя?

- Рита.

- Ты, Рита, брось эту книжку. Давай просто посидим, без причины.

Она швырнула книжку в кусты и посмотрела мне в глаза. О, сколько жизни было в них, сколько вопросов и ответов, сияния и тьмы! Я даже вздрогнул.

- Ты чего? - спросила она.

- Глаза у тебя огромные, как воздушные шары, - шёпотом ответил я.

- Согласна. А у тебя глаза на приближающийся поезд похожи.

- А по-другому никак. Да, поезда - тема! — воскликнул я.

Потом мы сидели молча, не зная о чём говорить. Мне кажется, что у многих была подобная ситуация. Но у всех она разная и географически, и в плане нюансов сюжета.

Потом мы ходили под тополями с липкими листьями и я трепался о всякой дряни из своей хулиганской жизни. Её же всё это либо веселило, либо вгоняло в

неясную тоску.

Мы были классово различны и по историям болезни не равнозначны. Но что самое интересное — нам было плевать практически на всё, исключая только послеобеденные процедуры.

Да, процедуры. У меня их практически не было, кроме какого-то укола в жопу и осмотра руки. А у неё? А что у неё было, я и до сих пор не знаю.

Только вот эти чёртовы процедуры разгоняли нас по разным этажам. А в остальное время мы встречались у окна на втором этаже и гуляли в парке.

Как и сегодня. Только на этот раз мы дошли до липовой роши.

- Почему ты думаешь, что фортепьяно для пидорасов, а гитара для пацанов? - спрашивала она.

- Я видел одного за роялем в розовых очках, низкорослый такой, всё время губы облизывал, точно пидор, - доказывал я.

- Это Элтон Джон, я согласна, - но песни красивые.

- Вот этими песнями они и козыряют, гады. А на гитаре Высоцкий играл и Хой.

- Убедил! - воскликнула Рита и поцеловала меня неожиданно и предательски.

Поцелуи бывают разные. Теплые материнские, засосно-блядские в кустах сирени, прощальные похоронные, первые и последние, сладкие и горькие, с болью и без. Но этот поцелуй был наглым вторжением в мою жизнь, нелепым, неправильным и смазанным, похожим на удар током от свечи зажигания.

- Ты чего? — спросила она.

- Да ничего, ты такая непредсказуемая, - глупо ответил я.

- А ты наоборот, совсем наоборот. Я влюбилась в тебя, - просто сказала она.

-Ну да...

- Да, да, - зашептала она.

И тогда я схватил её необременительное худое тело, словно собственное счастье. Крепко так схватил и принялся целовать её лицо, грубо, торопливо и ненасытно. Она отвечала тем же, ну, в смысле жажды и ненасытности. А впрочем, я и сам не понимал, чем она мне отвечала. Чёрт, сколько же написано про эти внезапные вспышки страсти! Сколько словесных оборотов придумано писателями или там поэтами.

А я и двух слов связать не могу. Просто не знаю, что это было? Как это было и когда это было? Влюблённость двух существ, стоящих под липами — что может быть банальнее и проще? Да ничего, кроме этой самой влюблённости. Ничего, кроме...

И потом, ночью, когда я валялся на скрипучей, металлической кровати, в голове кружились листья, её глаза, губы, зелёный, цветастый халат и нервный импульс прикосновения к желанной плоти. Я ворочался на матрасе, как перед казнью. Это была ужасная ночь.

Я чувствовал, что всё не так, не по людски как-то. Мне не хотелось тащить Риту в дальнюю беседку и по-дворовому выебать там, как того требовали законы моей улицы. Меня даже тошнило от таких мыслей. Те законы, в которых я рос и познавал жизнь, были нарушены какой-то худой, бледной сучкой из отделения гематологии. Но я был счастлив этим. Я вдруг понял, что могу мечтать о чём-то большем, чем цветмет и футбольные драки. Я даже думал о золотых кольцах.

Пиздец, о чём только я не думал?..

* * *

Утром врач без предисловий выгнал меня из больнички долечиваться дома.

- Нехуй тебе здесь делать, - сказал он. - У нас тяжелобольных много, а ты пацан крепкий и посему пиздуй домой. Вот направление в поликлинику.

Да оно и верно, конечно. Хуле тут киснуть? Дома и жрачка получше и товарищи с пивком всегда во дворе, и карты новые купили. Я эти больницы с детства не люблю, там смертью пахнет и хлоркой. Потому я без «базара» собрался по-быстрому и покинул травматологию с пачкой каких-то бумажек. На воле, граждане, завсегда лучше.

Вот только Рита. Надо встретиться и поговорить. Иначе я сдохну от недосказанности. Мне бы только уверить её, что я не какой-то там отмороженный ублюдок, не способный к любви и трепету сердца.

Я если честно, хотел сказать ей то же, что и она мне — я люблю её. Люблю и буду приходить сюда, пока её тоже не выпишут. Хоть целый год буду приходить.

Я поднялся на второй этаж и было, сунулся в отделение.

- Куда ты лезешь? - преградила мне путь медсестра, более похожая на медбрата.

- Мне надо пару слов сказать, в седьмой палате, Рита в зелёном халатике, - выплеснул я правдивую скороговорку.

- Из седьмой? - спросила сестра - У неё родители сейчас, позже зайдёшь и бахилы надо надевать, на дверях написано, не видел, что ли?

Она упёрла руки в бока и я понял, что иногда слабый пол может быть очень даже сильным. Пришлось уйти.

Родители, блядь! Не могли позже прийти, жди вот теперь. Впрочем, пока можно метнуться домой, приодеться, денжат прихватить и голову помыть. Хуле, делать важное для сердца признание с такими волосами и небритостью плохо. Можно даже сказать - отвратительно.

Вскоре подбежала маршрутка и я влез в неё, преисполненный каких-то радостных чувств и планов. А пока я был, в больнице проезд подорожал до 10 рублей. Ну и хуй с ним.

На посту две медсестры пили кофе. Одна седая, почти пенсионерка, мешала ложечкой сахар. Другая, высокая с широкими плечами молодуха, раскладывала печенье.

- Родители у неё не бедные, отец адвокат вроде, а вот как оно, - вздохнула молодая сестра.

- У меня таких случаев за тридцать лет с полсотни будет, - ответила седая.

- Там и попа важного пригласили с книгами. Интересно, сколько он запросил?

- Да уж не за копейки. А девку жаль, тихая такая, всё книжку читала. И поди с парнями толком не гуляла ещё, - макая печенье в кружку, сказала старая медсестра.

- Да нет, гуляла по парку с одним из «травмы». Шпана конечно, но вроде не наглый. Недавно приходил пару слов сказать, - ответила напарница.

- Не пустила?

- А то.

- Ну и правильно, пуская домой едет, зачем ему знать?

- Ваша правда. А скажите, где вы такой кофе вкусный берёте, прямо как в ресторане?

(2011 г.)

НАЛЕГКЕ

Каждый год, 31-го декабря, мы с друзьями ходим в баню. И каждый год бани эти разные. То это грязная, ЖЭКовская мойка со свистящими окнами и тугими, ржавыми кранами, то модная сауна с вялеными натюрмортами и ЖК-телевизором на стене. А иногда бывала и нормальная деревенская с неструганными досками, без блэк-джека и шлюх. Всякие-то есть бани.

Но сегодня мы решились на полный экстрим.

Мы собрались попарить трудовые тела в нашей промстро-евской бане и поэтому взяли бухла чуть больше, чем положено для полётов в Ленинград.

Надо сказать, что это помывочно-культурное заведение представляло собой не-обычное сочетание русской псевдоготики и гаражных нанотехнологий. Географическая суть нашей бани заключалась в пограничном состоянии.

Если с гугл-переводом, то это был большой гаражный бокс, в котором наши промстроевские умельцы сварили собственно парилку, комнату отдыха, бассейн и

прочую атрибутику. Всё это они облагородили вагонкой и пеноблоками. Короче, заходя в сей бункер, граждане попадали в настоящую уютную баньку с паром и баром. Ну, собственно, а что ещё нужно?

А нужны-то всего лишь врата для прыжков в снег, коего намело в этот раз откровенно до хуя. И эти врата были. Необычные, как вся русская душа, они представляли собой громадный металлический люк - как на подводных лодках. Люк выходил аккуратно с обратной стороны бокса и использовался для выхода в снежный космос людьми смелыми, пьяными и равнодушными.

Единственное, что портило всякий героический выход, так это территория, на которой располагались пушистые, хрустящие сугробы. Эту местность выкупила какая-то коррумпированная мразь из администрации города и заселила её нервными собаками. В общем-то, на это можно было класть болты и не обращать внимание на рычащих, клыкастых зрителей, но внутреннее напряжение всё-таки портило картину вселенской гармонии или, например, смены года.

И, тем не менее, мы собрались вечером на этом островке релаксации и чревоугодия, готовые вкусить предновогодней дряни и водки.

- Молодец, Василь Степаныч, хорошо растопил, - поблагодарил Костик хромого сторожа, который уже спал в обнимку с кислородным баллоном в углу бокса, мирно посапывая и вздрагивая историческим телом.

- Пусть спит, сами управимся, - перебил его Харитоша.

Сторож был ответственным человеком и действительно шикарно «зарядил» парилку, подмёл окурки и вынес в подсобку бутылки. На большее его просто не хватило.

Впрочем, остальное уж наша забота. Что же мы, дровишек не подбросим, иль там водки не ёбнем? Конечно, подбросим. Конечно, ёбнем. И ёбнули, и подбросили.

Звучала битая магнитола, наполняя помещение FM-по-носом. Шуршали бумаги и звенели стаканчики. Булькало в горлышках и ширилось сознание. Ну, вы понимаете... Всё это таинство банно-прачечного ритуала развернулось во всей красе.

- Я же говорил этому мудаку, что цепь на лебёдке тонкая. И хуле? Теперь пусть чинит, - кричал нам Влад.

- Как ты заебал со своим бригадиром, мы забыли сыр купить, - отвечал ему коллектив.

- Сыр есть, но без плесени. Хуёвый такой, пошехонский, - сказал я, нарезая закуску.

- Сейчас вся жизнь хуёвая, даже голосовать не хочется, — вздохнул Костик.

- Не голосуй, - вскинулся Влад.

- Нет, пойду, блядь, и проголосую за похуй кого, - заупрямился Костик.

- Лучше не станет, — наливая водку, предсказывал Харитоша.

- А что, больше ни о чем поговорить нельзя? - разозлился я.

- Вчера в новостях про пидорасов рассказывали. Они хотят в Москве парад какой-то провести, - сменил тему Влад.

- У нас вечер отдыха, блядь! Мы даже баб не позвали, а ты про что вспомнил? На вот стакан и скажи чего про трудовые будни, - одёрнул его Харитоша.

Мы встали, как монументы, и подняли выпивку.

- Ну, поехали, - произнес Влад замысловатый тост.

Больше мы так торжественно не вставали и тостов не произносили, ибо в подобный вечер человек должен быть подлинно свободным и не вестись на всякую там пропаганду.

В бане решают глобальные вопросы только карьеристы и кандидаты на важные посты. Нормальные люди ни хуя не решают, а только парят тело и мозг, пьют напитки и жрут пищу.

Нет, конечно, мы вели светские беседы, но они были поверхностны и легки, как чипсы. Мы спорили о возрасте Валерии и потусторонних голосах в гараже 15-й автоколонны. Мы прыгали в бассейн с прохладной водой и любовались алмазными брызгами.

А ещё мы выбирали Вильгельма. Это старая русская забава. Кладешь самому трезвому человеку на башку винтажный предмет и сбиваешь его подвернувшимся под руку оружием. В нашем случае наименее трезвым и неподвижным был Влад. Вместо яблока мы использовали будильник сторожа Степаныча, а палили по нему из «травматики». Мы оказались хуёвыми стрелками. Только Харитоша смог расхуячить пузатый будильник с третьего раза. Потом Влад проснулся и ушёл в парилку самолично, один.

Там он потерял дверь, отделанную той же вагонкой, что и стены. Пришлось вывозить его оттуда, пока он не сомлел. После этого он жестоко уверовал в Бога и принес благую весть.

- Ну, братцы, пора на выход, - была такая эта весть.

Все внутренне собрались, хоть это и оказалось трудно сделать, ибо выпито было достаточно, чтобы общаться телепатически. Забыл сказать, что прыгать в снег из магического люка было не просто. Надо было разбегаться и «щучкой» нырять в круглое отверстие. Потом тело парило над землёй на высоте двух метров, прежде чем погрузиться в желанный низкотемпературный снег.

Правда, бывали люди с неадекватным восприятием социума, которые садились на край стартовой площадки, опустив ступни на верхнюю ступеньку лестницы-«обратки». После этого они прыгали вниз - как самоубийцы или враги народа. Мы с такими не общались даже астрально.

Так что, распахнув волшебный люк, мы с восторгом наблюдали, как метель кружит в тёмном небе и ждали команды «Старт».

- Ебать-колотить! - последовала заветная команда.

И мы, как пингвины, как герои космоса, устремились в неизведанное, но полное тайн отверстие.

- Бля-а-а! Го-го-го! - раздавались в ночном небе светлые образы эмоций.

В лучах прожектора сверкали испуганные снежинки и строгие гениталии. Огонь и холод столкнулись в извечной битве. И взрывы радости наполнили окружающую среду. Максвел-ловский эфир вибрировал в нелепых векторах. А мы игрались снегом, как дети, и матерно выражали суть внешней и внутренней политики страны. Где-то вдалеке залаяли чиновничьи собаки. Лайте, блядь, лайте - народ не победишь одним только лаем. А мы народ. Я в радости невероятной и опьянении праведном катался в сугробах, как рубероид. Потом отключился от мира для того, чтобы заглянуть в своё внутреннее зеркало души. Там были ключи на «12» и на «17», картины Босха и «Капитал». А ещё в глубинах моего «Я» кто-то разбросал тыквенные семечки и предвыборные агитки с мясными рожами на мятой, глянцевой бумаге.

Потом я включился в жизнь и ощутил пустоту. Нет, не тупую пустоту современного образования, иль там потребительской корзины. Совсем нет. Я увидел, что в сугробах на чуждой мне территории нахожусь я один. Ну, может не совсем один, ибо невдалеке, на пустыре, топтались рычащие друзья человека и задорно повизгивали.

Наверное, я слишком увлекся самопознанием и очищением, а товарищи в счастливой неразберихе вернулись по лестнице в уют и тепло. Меня забыли. Забыли, как историю страны. Напрочь и во веки веков.

Это неприятно, но поправимо. Надо всего лишь подняться по железной лестнице, стараясь не растерять сланцы и достоинство, которое стало терять дополнительный и прочие объёмы.

Как же я гремел в железный люк розовыми ладошками, какие слова произносил всуе и просто! Всё было напрасно. А за металлическим барьером я слышал только громкие голоса и грохот чего-то.

Я стал трезветь не по часам и не по минутам. Я видел себя глупо сидящим на лестнице и пар изо рта.

Терять время было нельзя. Пушистый снег превратился в злого демона и уже не обжигал, а тупо охлаждал плоть, включая крайнюю. Я слез вниз и припустился вдоль забора в поисках заветной щели.

Параллельно со мной, клацая зубами, молча двигалась неприятная, капиталистическая свора. Видимо, мой гастрономически нетрадиционный вид смущал собак или, по крайней мере, вводил в заблуждение. Но ведь смущение может закончиться и начнется... Ну его на хуй думать о том, что начнется! Надо бежать.

Мне трудно вспомнить, как я-таки нашёл пролом в заборе, но это произошло вовремя. Меня успели схватить зубами за край сланца, прежде чем я оказался за оградой на проезжей части в свете тусклых фонарей. Я был наг, испуган и зол.

В бане решают глобальные вопросы только карьеристы и кандидаты на важные посты. Нормальные люди ни хуя не решают, а только парят тело и мозг, пьют напитки и жрут пищу.

Я был жалок и нелеп в эту предновогоднюю ночь. Но я был жив, а это многого стоит. Теперь я бежал в обратном направлении под укоризненный взгляд кандидатов в депутаты с громадных предвыборных баннеров. Я бежал, шлёпая сланцами и размахивая членами, как в какой-то оперетте.

Пушистые коты шарахались в стороны и шипели. Навстречу мне попались сани, запряженные четвёркой оленей. Ими правил могучий мужик с длинной, седой бородой в синей, бархатной шубе и с наркологическим носом. В санях, возле блестящего, огромного мешка сидела красивая девица из старых советских мультфильмов про снегурочку. Увидев меня, она сказала «Упс!», но больше она ничего не сказала, потому что сани умчались в ночь, словно их и не было. А может и были они, я не хочу спорить. Единственно, кто все-таки был, так это сторожика тётя Аня. Она стояла у вахтерского вагончика с эмалированным красным чайником в руках. Просто стояла она в удивленном состоянии и смотрела, как я шлёпал сланцами по новогоднему снегу.

- С праздником, тётя Аня! - не забыл поздравить я её, вбегая на территорию нашей организации.

Она ничего не ответила и только чайник качнулся, как бы намекая на магию и интимность происходящего.

Когда я ввалился в тёплый бокс, в магнитоле звучали куранты. Я был рад, что пропустил новогоднее обращение, но радость тускнела, когда вспоминалось, какой ценой это было пропущено.

В бане находился только Костик со шпротиной в зубах и стаканом в дланях.

- Ты где был, Беспяткин? - невнятно спросил он.

- В гостях у сказки, - оттаивая, прорычал я.

- А пацаны тебя там ищут, в снегу.

Спасатели Малибу, блядь, - только и мог я ответить. Почему-то мне захотелось задрать заветный люк, чтобы не только я почувствовал, как на зубах хрустит одиночество и забвение. Но тепло и водка разубедили меня в этом антигуманном желании. Костик рассказал, что когда все заметили недостачу в коллективе, появилась гипотеза - меня сожрали собаки. На поиски отправились достойные, но тщетно. Мое тело отсутствовало в мире. И только вой хищников раздавался в ночи. Когда убитые горем товарищи вернулись к столу, я уже пил третью дозу. В приёмнике выли про «синий, синий иней...», а сторож Василь Степаныч гламурно храпел в углу бокса.

(2012 г.)

БЛЯДЬ

- И не важно - с хвостом они или нет. Понятно? - дланью рубанул воздух вахтёр Шапкин.

- Не согласен, должны быть атрибуты, - упрямылся слесарь по гидравлике Миша Болотов.

- На, выпей, салага. И послушай, - сунул слесарю стакан Шапкин.

- Ведьма — это не киношная блядь с метлой и дохлыми крысами. Это жуткая женщина, такая хитрая, озлобленная стерва, мечтающая нагадить тебе в тапки, ну в смысле всем нам, человечеству то есть. А чем она пользуется в своих интересах, какая нахуй разница?

Я проходил мимо вахты и захватил лишь это. При моём появлении собеседники наводили резкость, определяя кто перед ними. Узнав меня, они продолжили прерванную беседу. Я был забыт.

- Ведьмы живут в замках, - сказал я, пытаюсь привлечь к себе внимание.

- Их и в общагах не мало. В замках живут потаскухи и чмошницы. Ты дурак, Беспяткин. Там, где деньги, нет магии - только наебало и продажность всякая, не путай, - перебил меня вахтер.

- Согласен, посмотри на тех, кто по телевизору пиздит. Разве же это колдуны? - поддержал его Миша Болотов.

- Просто жулики и проститутки и ещё эта, как её... - коррупция.

- В пизду политику! - рявкнул вахтёр.

После этих слов я покинул хлебзавод и направился к своей «Ниве», понимая, что такие беседы обычно приводят к опрокидыванию столов и плохому, нервному сну в подсобке на куче ветоши.

Надо ехать домой. Надо ехать домой по этой раскисшей, вперемешку с мокрым снегом, дороге. После смены настроение ровное, как скошенное поле в дымке позднего тумана.

Вырулив на трассу, я включил Таривердиева и под невероятный микс фортепиано с гулом покрышек ВЛ-5, покатыл по Тамбовской трассе в сторону Цемзавода.

Утро серое и сырое, как плесень, лениво ползло на меня. Также тяжело, словно на похоронах, навстречу тащились автомобили с грязными стёклами.

Я только теперь понимаю, что если эта часть моей страны не была бы такой унылой, я не смог бы заметить её. Не смог бы заметить её, бредущую по обочине в яркой красной куртке, короткой, чёрной юбке до лобка и сапогах-гармошках.

Белеет парус одинокий... И так далее, подумалось как-то сразу. Больше ничего подуматься не успело, ибо она, ведьма в красной куртке, повернулась и неуверенно вытянула худую руку в мою сторону.

Я остановился и она, быстро открыв дверь, сунула в салон свою лисью мордочку

ку.

- До города подкинете? - почти взвизгнула она.

- Поехали, - сказал я без эмоций.

- Люба, - коротко отрапортовала она, дуя в бледные ладони.

Мы поехали молча, словно прощаясь с Родиной.

Я думал о кредитах. Она, по ходу, ни о чём не думала и только смотрела перед собой, как будто на лобовом стекле включили телевизор.

- У меня денег нет, - вдруг пробормотала она.

Я вздрогнул и посмотрел на неё. Да уж точно, денег нет, поскольку в этом месте, как правило, бредут по обочине те, кто всю ночь скакал на металлических кроватях в одной из покосившихся дач и пил винные смеси из липких стаканов. Я сам вот также иногда ходил вдоль трасс, а порой и поперёк них.

- Я без денег катаю, - успокоительно буркнул я.

- И сосать не буду.

- Это твое конституционное право, хочешь соси, хочешь не соси, - согласился я.

- Спасибо, - ответила она и уронила лицо в руки.

Я увидел эти руки и понял, что она скоро умрёт. Умрёт в чужой квартире, в чужой кухне, на чужом полу.

Это никоим образом меня не удивило и не огорчило. Ведь там, где эта Люба проводит остаток своей никчёмной жизни, это обычное дело. Там нет эмоций и веры в светлое будущее, нет обязательств и кабальной любви. Там не готовят мясо в горшочках и не поют песен композитора Пахмутовой, не мечтают о крыльях, а лишь тихо молятся и молитвы те похожи на жалобы в управляющую компанию.

- Мне здесь остановите, - сказала она, бледная и опустошенная.

- Пжалста.

Она вышла из машины в районе виадука и, не прощаясь, не благодаря, пошла в сторону общаги местного техникума.

Собственно, мне не нужно было этого прощания и всяких там «спасип». Меня ждали дома, а это многое значит. Вернее, это значит всё, если тебя, конечно, ждут дома. А Люба шла в пустоту из всё той же пустоты...

Вы спросите, почему я так говорю, почему я уверен, что её никто не ждёт, а её самой насрать на кого-то там ещё? Я не смогу ответить на это, но поверьте - это так. Когда-то я сам умер и эту смерть никто не увидел и никто даже не плюнул в мою сторону. Всё просто, мы были на одной волне...

* * *

- Пей, камрад. Не парься, вся эта планета сделана из говна, - орал Олежка, тряся у меня перед носом бутылкой «Лимонной» с мутным отливом.

- Эта водка тоже из говна, - схватил я стакан и кусок жареного минтая из столовой политеха.

Мы пили в домике, где за окном не сигналият машины и не пахнет шаурмой. Нас окружали только яблони и груши, груши и яблони, ну ещё, может, вишни и крыжовник, да и какая хуй разница, что нас окружало и кто.

С нами были три студентки из гуманитарной академии и поэт Красинский. Мы праздновали... Стоп, а что мы праздновали? Ну, впрочем, это такая глупость — знать поводы и мотивации веселья. А оно продолжалось из глубины веков и уходило в бездну будущего, словно луч света от тепловоза, прыгая по шпалам и обрезаясь о края рельс.

Люди проносились мимо, с пьяными рожами и хохотали в уши, как резиденты «Камеди клуб». Только что была ночь и на мосту блевала какая-то Оля, а тут вдруг раз - и на площадке автовокзала в пятнах солнечного масла блевал я под вывеской «на Белгород», а Олежка и поэт Красинский спали на лавочке.

Потом пришла милиция и нас поволокли в сторону от Большой медведицы к Святому источнику.

- Этот скот принёс цыганскую шнягу, там стиральный порошок и никакого гашиша, - возмущался я перед раскрытой газетой «Известия» с куском бурого «пластилина».

- Придется дуть, - отвечал кто-то с ножом и пустой баклажкой.

Сладкий запах плыл по комнате, а в альвеолах рождались маленькие человечки, похожие на Салтыкова и Щедрина. И они давали образы, а мы их принимали - как веру или, допустим, неверие.

И только на исходе века нам удалось добраться до электрички и уехать в глухие ебенья с садовым домиком и яблонями вокруг него. Только там мы смогли увидеть дальше пяти метров и удивились тому, что мир - это не выдумки поэтов, а самое такое говно, от которого можно вести летоисчисление и чего там ещё можно вести?

Мы сидели округ стола, как в средние века сидели сэры и леди. Перед нами были рыбные останки и хлебная плоть. Палёная водка напоминала Москву и отдавала ацетоном.

- Тебя зовут Оля? - спросил я у кого-то.

- Ира, - ответила какая-то из них.

- Это важно, пойдём в каюту, там есть ложе.

- Ага.

И мы пошли в тёмную каморку, где на стене криво разверзся ковёр, на котором паслись олени. Там была железная кровать с блестящими шарами и какие-то тряпки.

Ира сняла свитер, под которым обнаружился чёрный, мощный лифчик, каждая половинка которого напоминала еврейскую кипу. Под лифчиком рвались наружу

твёрдые ядра с сосками. Студентка гуманитарной академии рванула лифчик вверх и улыбнулась, как президент на телемосте с народом.

- Сюрприз! — мурлыкнула она, уже ничем не напоминая ни президента, ни народ.

Честно говоря, я не понял в чём сюрприз, ибо насколько мне известно, под лифчиком могут быть только сиськи и уж точно не святое писание, иль там торт какой.

Сюрприз был гораздо ниже, под трусами на лобке. Такого куста я не видел отродясь. Из этих волос можно было изготовить парик сразу на двух Розенбаумов и ещё бы хватило телеакадемику Фёдору Бондарчуку. А ещё Кобзон вспомнился. На мгновение мне показалось, что сейчас прозвучит «Не думай о секундах свысока...». Впрочем, я уже снял штаны и мы повалились на кровать, как животные.

Мы терзали друг друга по всем сторонам света и дышали, как собаки. За дверным проёмом разбили какую-то посуду. Потом я забыл, что было.

* * *

Мы снова сидели за столом, а перед нами стояла девушка с рыжими, почти золотыми волосами и в серой, облегающей кофте. Ну, в смысле не только в кофте, но и в короткой юбке, а ноги её оплели колготки с невыразительным рисунком. Лицо её было бледно, но в глазах горели огоньки.

- Значит, тебя кинули плохие парни? - едко допытывался Олежка.

- Твари конченые. Нарики, но я деньги спиздила и теперь они без «ширева» останутся, - гордо ответила она.

- Они же тебя найдут и ёбнут, - сказала одна из студенток.

- Заебутся пыль глотать.

- А ты глотаешь? - встрял в допрос поэт Красинский.

- Всяко...

- Налейте ей кубок, - приказал Олежка.

- Глотни.

Рыжая выпила водку по-правильному и щелкнула пальцами, требуя закуси. Ей дали помидор. Она, словно вампир, впилась в него жёлтыми зубами и капли крови брызнули направо, а затем налево.

Дальше всё покатилося по трафарету. Мы много говорили о машинах, новых бандитских сериалах и о деньгах. Анекдоты и водка, водка и анекдоты. Мне порой казалось, что мы все — это длинный, неинтересный анекдот без смысла и юмора.

Танцевали мы под Трофима, а впрочем, под что ещё можно танцевать в больной стране. И на фоне размытого настоящего, где в потоке времени мелькали задницы и жареный минтай, я вдруг увидел, как рыжая гостья подтянула у поэта

бумажник, словно в каком-то кино.

Весь прикол был в том, что она заметила, что я увидел и улыбнулась мне. Улыбнулась, словно кошка, если, конечно, кошки умеют улыбаться.

Это преступление перед личностью вдруг стало нашей, безумной тайной, которую стоило беречь и холить. Вовеки веков, аминь!

Потом мы вышли на крыльцо.

В саду туман запутался в ветвях яблонь и груш и серое солнце еле-еле освещало старые доски и зелёную бочку из под растворителя с дождевой водой.

- Я такая вот, самая обычная блядь, — сказала она и пар изо рта поплыл рваной тряпкой.

- Ну, давай, расскажи, как тебя кинул принц, а ты в отместку пошла по хуёвой дорожке, связалась с плохими ублюдками и всё такое, - разозлился я.

- Никто меня не кидал. Я сама всё рулю, какое тебе дело.

- Никакого дела нет, но вы всё ноете, ноете, а потом бабло пиздите и удивляетесь, почему вас бьют и ни во что не ставят.

- А кто ноет?

- Ты.

- Я пошла.

- Бумажник отдай и живи как-нибудь полегче.

- У меня нет денег.

- Это твои проблемы, а у нас водки мало.

Она сунула мне награбленное в руку, а колготки с невыразительным рисунком зашевелились в сторону Тамбовской трассы.

Ещё с минуту её рыжая голова и красная куртка мелькали меж кустов крыжовника и покосившихся заборчиков. И сапоги-гармошки вскоре растворились в умирающей листве. Мне так хотелось, чтобы она исчезла навсегда, эта одинокая блядь с лисьими глазами.

Я вернулся в домик, где вся публика уже мычала в разных тональностях, а запас водки подходил к концу. Это был момент, когда надо было решать — идти до ближайшей «точки» или, допив остатки, упасть на дно.

Решили совершенно по-другому. Мы бросили всё как есть и отправились девственными тропами в сторону старого кладбища, за которым находились общаги ПТУ № 17. Там же был круглосуточный павильон «Диана», где можно было взять чего в долг.

По дороге студентка гуманитарной академии жаловалась и вздыхала о потерянной красной куртке.

И, собственно, резали нас возле городской свалки. Вернее, резали меня, а остальные убежали к домам. За что резали, я вспоминать не хочу, ибо был неправ и злоязычен, а они пьяны и упрямы.

Потом убежали и они, а я остался на картонной упаковке от холодильника «Ат-

лант», рядом с мусорными пакетами. Их блестящие, чёрные бока отражались в спокойных лужах, а грязь, которая, возможно, переживет апокалипсис, смешивалась с моей кровью, словно на палитре у пьяного художника.

И думалось мне, что когда-нибудь напишут картину, где бордовый цвет будет главным, а жёлтый и бирюзовый второстепенными. На этой картине не будет сюжета, а только люди. Люди с книгами в руках и ещё велосипеды.

Умереть легко. Но только я не хотел умирать. Я не хотел умирать лишь потому, что забыл сказать той Рыжей, что если нет денег, то это не то, чтобы плохо и никакая это не проблема.

Конечно, она не поверит и умрёт в чужой квартире, в чужой кухне, на чужом полу. А я только подвезу её на грязной «Ниве» бесплатно и поеду домой, где меня ждут. Ждут ведьмы и не важно, с хвостами они или без.

(2012 г.)

THE BAT

Оно билось. Оно билось непонятно и страшно. Оно билось так, что хотелось накрыть его бледной ладонью и погладить, как испуганного птенца. Сердце моё, не рви свои миелиновые волокна, не обращай внимания на дурацкий адреналин. Ведь я же не испугался. Я просто почувствовал опасность. Я знал, что она придёт за мной. Но я не ведал, когда.

И вот она стоит в полуметре от меня и глазами-ртутью любит меня, как никто любить не мог и уже никогда не сможет.

- Тебе здесь не место, - говорит она.
- Улетай, красивая. Я переживу ещё много полнолуний, - отвечал я.
- Ты уже не живёшь, здесь грязь и смерть в пыльной квартире.
- Ничего, я согласен на смерть в грязной квартире.
- Я ведь могу забрать тебя силой. Но ты знаешь, что не заберу.
- Знаю. Улетай, красивая.

И она, очень медленно моргнув, расправила руки-крылья. Я смотрел, как она режет блик луны и, фантастично изгибаясь, взмывает вверх. Она летит туда, где есть белая бесконечность и чёрная радость. Это её мир, но я там чужой. И даже ненужный. Это мир всепоглощающей крови и холодных зеркал. А ведь всё было так просто и даже...

Лето. Тёплый, тёплый вечер. Это когда атмосфера соблюдает приличия и не издевается над барометром.

Рваные, похожие на заплатки, облака то ли плывут, то ли мерцают в прохладном густом небе. Это небо заполнило весь двор и часть дачного посёлка.

Я стою на балконе и пытаюсь раствориться в вечере. Мне это почти удаётся, но мешают комары и летучие мыши. Они носятся в пространстве, как маленькие трансформеры. Ушастые и прожорливые животные. Они забавны, но пугают чем-то, эти мыши. Стоило подумать, как тут же раздался мягкий и глухой шлепок справа от меня. Серая тень сползла по кирпичам и заворочалась в углу балкона. На стене остались беспомощные следы крови. В углу блеснули звёздочки страха и злобы. Я наклонился и, привыкнув к сумеркам, различил на кафеле маленькую волосатую летучую мышку. Мы смотрели друг на друга беспощадно и с обречённым любопытством. Её любопытство перемешалось со страхом. Она жалась в угол, а я восхищался её конструкцией. Эти ушки - локаторы, эти страшные сияющие зубы. Прелесть. Глядя на меня, она так не считала. И правильно делала. Люди уродливы в своем неприспособленном теле и для природы не суть важны. Я это понимаю и улыбаюсь существу, умеющему летать и не знающему первый закон Ньютона.

Прошло с полминуты. Мышь затихла. Я взял бельевую прищепку и попытался прикоснуться к животному. Тотчас же мышь зашипела и оскалила хищный рот. Я отдернул руку. Ну её к черту, пусть сидит. Я ушёл с балкона, осторожно притворив дверь. Я никогда так не делал.

Я вернулся с работы и первым делом сунулся на балкон.

Мышь всё так же сидела в углу и крылья её распластались по плитке, как порванный зонтик. Когда я приблизился к ней, она опять зашипела и попыталась сгруппироваться. Но слабость её была велика и безжалостна. И ещё эти капельки крови.

Я поймал жирную, глянцевую муху с волосатыми лапками. Потом взял пинцет и поднёс к ощеренной пасти раненой мышки. Бесполезно. Она не желала её есть. Муха упала и судорожно вертелась на керамике подобно «обдолбанному» брейкеру. Мышь смотрела на меня. И только на меня.

В течение вечера я всячески старался накормить зверька и комарами, и хлебом, и молоком. Ничего не вышло. Я уходил, возвращался, разговаривал с ней. А она только смотрела мне в глаза и с трудом открывала рот, как будто хотела что-то сказать. На следующий день всё повторилось. Только теперь мышка обречённо разлилась, как чернила в тесте Роршаха, и уже почти не реагировала на мои, по-видимому, ненужные действия.

И тогда я решился. Я просто сунул ей в мордочку свой палец, может быть, не совсем чистый. И эта чертова тварь укусила меня стремительно и жестоко. Из последних сил ведь укусила. Я не отдернул руку, как в прошлый раз, и она жадно слизала мою кровь, брызнувшую на плитку.

Тогда я сдавил палец и как в медицинской лаборатории выдавил несколько капель этого алого эликсира своей жизни. Мышь вылизала всё и уже как-то по-другому посмотрела на меня. Я всё понял. И она поняла, что я всё понял.

Я кормил раненое животное своей кровью пять дней, надрезая безымянный палец скальпелем. Мышь поправлялась быстро и позволяла себя гладить. Она уже не шипела, когда я приближался к ней. В её глазах не было страха и ожидания

смерти. Она всем своим маленьким телом благодарила меня за то, что я, в общем-то, должен был делать безо всякой благодарности.

На шестой день, зайдя на балкон, я не увидел её. На том месте, где лежала летучая мышь, остались только шарики гуано и та первая дохлая муха с волосатыми лапками.

* * *

Я спал сном невероятно мягким и пустым. Это самый приятный сон, когда тебя не «запаривают» сновидения и Фрейда можно легко послать в задницу. Физически здоровый сон питал меня энергией из космоса и щадил подсознание.

И вдруг в этой пустой тишине я почувствовал слабый прохладный ветерок. Так, просто звёздный сквозняк в черепной коробке. И я открыл глаза. Темнота давила на глазные яблоки и это раздражало.

Я сел на кровати. Уже наполовину проснувшись, я понял, что в мире что-то изменилось. Где-то рядом, здесь, изменилось.

Я встал и пошёл, повинуясь непонятно чему, к балконной двери. Я не включил свет - на улице горел сиреневый фонарь. Я приблизился к стеклу и замер в ожидании.

И она появилась. Эта женщина в чёрном жокейском костюме и старинной шляпке с вуалью. Эта обольстительная химера с глазами-бусинками. Эта убийственная красота.

Она прикоснулась тонкими пальцами к стеклу с той стороны, и острые ногти скрипнули тихо и страстно. Она смотрела на меня и улыбалась. Эта улыбка божества или похотливой самки окончательно сдула остатки «физически здорового сна».

И тогда я открыл балкон. Она вошла тихо, почти влетела. Она обняла меня. Я гладил её чёрные, искрящиеся волосы, а она держала меня в себе, миллион лет до нашей эры. Я дышал свободно и не верил в Бога. Я верил в неё. Я был в ней. Она во мне. Там, на старом покрывале с «оленьями на водопое». Мы ничего не говорили. Я боялся словами нарушить, испугать животную гармонию. Она просто молчала и ласкала меня, как единственного в природе самца. И воздух ушёл из комнаты. Вместо него густой туман наполнил помещение и был подобен эфиру.

Но сознание не плыло, а, наоборот, обострилось до нервного волокна. И эти волокна сплелись в сеть нереального экстаза. И мы запутались в этой сети, как беспечные рыбки.

Первый залп, второй. Ослепительный фейерверк осветил неубранную комнату и нас в ней. Конвульсивно затухая, он мерк, но мы уже запомнили свои лица и забыть их вряд ли сможем. Это были лица самых счастливых на свете любовников.

Мы вышли на балкон и луна осветила её фигурку поминальной свечей. Она

отошла от меня. Она теряла меня. Я терял больше - её.

И в этот момент я почувствовал, как оно зашевелилось. Оно билось. Оно билось непонятно и страшно. Оно билось так, что хотелось накрыть его бледной ладонью и погладить, как испуганного птенца.

Сердце моё, не рви свои миелиновые волокна, не обращай внимания на дурацкий адреналин! Ведь я же не испугался. Я просто почувствовал опасность. Я знал, что она придет за мной. Но я не ведал, когда.

(2007 г.)

ПЕЛЬМЕНИ

И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди... Нет, даже не сердцу, а тому, что под сердцем. Тому, что даёт ту долгожданную свободу, за которую все люди планеты Земля готовы рвать глотки и рубахи.

Вы когда-нибудь хотели срать? Нет, не в смысле испражниться по-буржуйски в уютном сортире с томиком Федора Михалыча, не под себя беспамятного и умиротворенного в эмалированную «утку». Я говорю про срать мучительно, в борьбе и развитии. Познать диалектику дефекации от самых предпосылок до революции и её последующих завоеваний.

Сознайтесь, ведь было у вас это чувство ответственности за будущее самого себя и свой же кишечник. Если нет, то я напомню.

Мы прибыли в столицу рано, в 08:00.

С гордо поднятыми флагами и подбородками мы показали себя перрону и носильщикам. Потом нырнули в метро.

Метро тот же кишечник, но гавно в нем иное и мыслит по-иному. Развитая сеть туннелей носит постылый антропофак-тор под слоем почвы. Короче, мы прогромыхали в вагоне к заветной станции Баррикадная (ну, там, где зоопарк и «Союзмультфильм»).

Перед нами мостовая с этими, как их там, орудиями пролетариата. С булыжниками, вот. По ней мы изучали Москву и москвичей. И ещё по пельменной, с подносами и нечеловеческой, богообразной кассиршей в сиреновом чепце.

На никелированной раздаточной витрине стояли салаты и какая-то дрянь со звёздами. Сами же пельмени подавали как живую воду - сразу в тарелку.

Мне две порции и сметанки туда же, — роняя слюну и остатки совести, молил я красную повариху с изумрудными глазами.

- Беспяткин, не охуеешь поди с двойной порции, - возражал мне Димон (глава

нашей делегации на Смоленск).

- Да пусть жрёт, на сметане и погорит, - пророчествовал Свердан (имя не помню, а вот фамилия точно такая).

- И ещё вот эту слизь с петрушкой, - подписал я приговор.

На моём подносе воцарилась власть общепита. Я двигал его (поднос), как Священный Грааль к месту расплаты и вознесения.

Вышло больше рубля, но деньги не просто тлен, а уродливое наследие класса угнетателей. А сметана и ложка — победа над тотальным злом и безграмотностью.

Мы уселись за столик и, не читая молитв, занялись самонаполнением.

Граждане! Не стыдитесь чавкать и сопеть в публичных местах! Этим вы освобождаете народ от прибавочной стоимости и предрассудков. Если все люди на Земле будут шумно питаться, наступит эра милосердия, иль что там ещё наступит.

Итак, мы ели и пили (компот из сухофруктов, если что). Мы пили и ели. Но это не для меня. Я, по определению классиков, жрал как гегемон. С превосходством мысли и свинства. Уверен, многие из вас так умеют, но не у всех у вас была в тот момент ложка из алюминия. А я гнул её к северу и востоку, по меридианам и параллелям. Гнул неистово, созерцая вечность. Я жевал пельмени со сметаной и запивал компотом.

Если есть на свете правда, то только в желудке. В ином месте правды нет, только лишь миражи и капиталистическая пропаганда. Я наполнялся правдой до тошноты и осознания.

Мои соратники уже сидели в некоем подобии утопической мрачности и желании покурить на улицах Москвы. И только я исторически впитывал белки и углеводы, не обращая внимания на каноны и догмы. Я ломал среду до того момента, пока среда не решила сломать меня.

- Пиздец, я полон тайн Вселенной, - откинулся я на шатком ложе.

- А теперь встаём и идём, - приказал Димон.

- И воздастся тебе, - вставил Свердан.

Но мне никуды не воздалось. Мне было хорошо, как на ВДНХ. Я сам себе был выставкой и достижением, народом и хозяйством.

И мы шли по булыжной мостовой в светлое будущее. Мы курили «Родопи» и шагали «в ногу», как те, кто дал нам счастливое детство. Потом мы опять спустились в метро.

На ступеньках эскалатора наш строй сменился на 180 градусов. Впереди Димон, за ним Свердан и в арьергарде я, счастливый обладатель двойной порции пельменей со сметаной.

Эскалатор был последним в череде светлых полос этого утра. И пока мы погружались в чрево, я не считал себя винтиком или там быдлом. Я имел паспорт

и гордость за страну.

С воем гибнущего динозавра из тьмы выплеснулся поезд. Скрипя внутренностями и тормозом, он замер и створки раскрылись. Из живота его побежали люди и гости столицы. Побежали антинаучно, но верно. В разные стороны и в два потока.

А мы вошли в вагон и чинно сели на порезанные сидения. Кругом обустроились пассажиры и какой-то негр, похожий на пинчера.

Многие читали газету «АиФ» и брошюры с картинками. Мы же с провинциальным любопытством наблюдали социум и открыто улыбались своим отражениям в тёмном застеколье. Эти отражения улыбались нам в ответ.

Поезд двигался и вибрировал, отмечался на станциях и говорил женским голосом. А мы, убаюканные динамикой, считали денежку на предстоящую пьянку. Не сказать, что мы были безмерно счастливы. Но, по крайней мере, мы были удовлетворены. Денег хватало впритык. И когда я откинулся на спинку скрипучего дивана, прозвучал первый звонок. Он звякнул тихо, но в глазах моих предательски потух свет. На долю секунды потух. Организм среагировал легкой паникой и я посмотрел на схему метрополитена. Яркие, цветные линии и кружочки станций остро обнажились на глянце.

- Станция «Таганская», - учтиво пролаяла женщина в динамике.

«Таганская», «Пролетарская», «Волгоградская», «Текстильщики», «Кузьминки»... Я тревожно посчитал до пяти и задумался о времени. А его, судя по второму звонку, у меня оставалось немного. Я повернулся к Димону.

Тот серьёзно спросил: - Ты чего?

- Я слишком много жрал, - не менее серьёзно ответил я.

- Терпи, Беспяткин, ибо здесь начинается Москва, - предупредил он меня.

- Тут она и закончится, - трагично простонало моё лицо.

Я уже слышал Иерихонские трубы и родной заводской гудок. Вулкан зарождался внутри и его мощь не вызывала сомнений у сейсмологов. Смещение тектонических пластов во чреве происходило бурно и поступательно. Пельмени оппозиционно напрягали сметану, питаюсь компроматом и компотом. В кишечнике происходил Фестиваль молодежи и студентов. Ревели трибуны, взрывались пестарды.

Я вцепился в кресло в попытке изобразить паровой котел. На время герметичность была восстановлена, но треклятый поезд завис во времени и пространстве. Зато мой организм жил в другом измерении. Жил революционно и неистово.

«Пролетарская». О, серп и молот! О, Магнитка и Днепрогэс! Кто в силах сдержать плотину и укротить реки? Моё лицо железобетонно страдало и твердело. Я смотрел на расслабленных пассажиров с ненавистью и отчуждением. Какого хуя вы тут трясётесь? Ведь есть трамваи и автобусы,

конституция и «сухие законы». Нет, надо здесь толпиться и читать чёртову га-

зету «АиФ».

Я посмотрел на Свердана. Тот улыбнулся, как на панихиде и старательно залез в левую ноздрю пальцами. Спасибо, товарищ, за участие и не поминай лихом.

А вагон неторопливо плыл во тьме, и его дрожь слилась с моим ознобом. Я весь превратился в страшную лихорадку и только пионерская клятва держала все сфинктеры мира в необходимом тонусе.

«Волгоградский проспект». Иди ты на хуй, пропади ты пропадом со своими мебелью, банями и всем Юго-Востоком! Ты нереально огромен и некрасив. Ты подл и несовершенен. Я предаю тебя анафеме и желаю гадостей. А пассажиры, вошедшие на этой безликой станции, — сплошь враги народа и извращенцы.

Когда человека ломают внутренние противоречия и перистальтика, вы упоённо читаете Солженицына и Войновича. Нашли что читать, сволочи. Вся смута от этих Пастернаков и докторов Живаго. Чем вам Маяковский не угодил? Плюнуть бы в ваши диссидентские рожи трудовой слюной и погрозить перед носом штангенциркулем.

«Текстильщики». Свет в конце туннеля. Финишная прямая. Как кишка, но с загадкой. Плюю и на тебя, потому что взрыв, зарождающийся во мне, жесток и не приемлет компромиссов. Я начинаю видеть невидимое, познавать непознанное. Какие-то изумрудные шары и ленты плывут перед глазами. Они блядски извиваются и тают в радуге.

И снова я вижу глаза Димона, которые как бы предупреждают: «Бди!». А я не могу бдеть. Если я буду бдеть, то только в режиме срать, остальные режимы исключаются, даже царский.

И всё же мы достигли «Кузьминок». Достигли неожиданно, в тот момент, когда я всё же решился на подвиг и всесторонне его изучал.

- Вставай, Беспяткин. Приехали, - скупомолвил Свердан.

Ох, ох-хо! Вы пробовали встать, не уславшись по методу Бутейко? Если пробовали, то поймёте. Этот поступок доступен не каждому. Только человек с железным очком и идеологически выдержанный, способен встать и идти, не расплескав жизненную силу и внутреннюю свободу.

Я смог. Я смог, скорчившись от давления и пугаясь галлюцинаций, выйти на поверхность у кинотеатра «Высота». Людей не стало меньше, а желание освободиться от пельменей, возросло в разы.

Мы приткнулись на троллейбусной остановке. Ведь тут всего две остановки. Я читал мантры и саги, но они не помогали. Троллейбус не появлялся.

- Стой тут, Беспяткин. Я сейчас узнаю где... - крикнул Димон и рванул влево.

- Не шевелись, мы дорогу не знаем. Я поищу подъезд, - сказал Свердан и свалил вправо.

Я остался один в муке и неуверенности. Стоит ли говорить, что проклятый троллейбус появился, как тать. Разверзлись хляби и я уже не сомневался. Я пре-

дал товарищей до третьих петухов. Сознательно, повинаясь рефлексу выживания. Куда они нахуй денутся? «Жди меня» - написал я куском щебенки на фонарном столбе и подписал: «Беспяткин».

После этого я в тумане посетил троллейбус. В том же тумане я проспал две остановки. Потом я бежал. Вы не поверите, но я бежал. Бежал, как апдайковский Кролик, от тягот и невзгод капиталистического быта.

И вот общага московских дворников и сторожей. Третий этаж, фанерная дверь без звонка и номера. Испуганные глаза брата и относительно белый унитаз.

Только тот, советский, пролетарский унитаз способен выдержать нелегкие испытания, которым я его подверг. Об этом писать не стоит, ибо жестоко и аморально. Где ты сейчас, белый товарищ? Никто не спел тебе песнь и не стрельнул порохом в небо. Но в памяти моей ты жив и вечен.

Потом я вернулся к метро. Димон и Свердан ждали пришествия. Я сошёл с подножки невесомо и в ореоле. Мы купили алкогольные напитки и маринованные кабачки. Затем вернулись в общагу.

Как мы бухали и писали умные фразы в магнитофон «Романтик», мне рассказывать лень. Раньше всё было по-другому, чисто и как-то спокойно. Если, конечно, не считать пельменей со сметаной.

(2011 г.)

АЛЁША

В обед состоялась казнь, вечером вознесение. А утром (вернее, не совсем уж утром, а как бы после очень позднего обеда) я уже шагал на работу по утрамбованной, покрытой инеем щебёнке и жадно глотал кровь пивную.

Нет, похмелья не было, то есть оно было, но не в острой патологической форме. Просто ненормативный метаболизм слегка потряхивал тело и туманил душу.

После второй бутылки я понял, что нынче работать предстоит мало или вообще не предстоит.

Сегодня 31 декабря и если бы мы вчера не распиздячили трубу центрального водоснабжения, то... Ну, вы понимаете.

У канавы собрались все преступники и красными глазами смотрели на начальника строительства. Я не захватил его речь полностью и успел только услышать резюме.

- Короче, пять часов. Иначе пиздец вашей зарплате и моей должности, понятно? - тихо сказал он, теребя галстук под пальто. - Воду перекрыли на четыре

часа. Я съёбываюсь, а как приеду, бля...

Он махнул рукой, как Гагарин, и направился к урчащей «Волге». В канаве плавали окурки и шапка тракториста Голикова.

- А давай её бетоном зальём нахуй и закопаем, честно предложил Ваня Савин.
- Пока протечёт, уж съебёмся отсюда.

- Прекрасно, сам же вчера, «глаз-алмаз», - тракториста направлял и два стакана раздавил, - воскликнул бригадир Толик. - А сейчас залить и закопать. Согласен, но только закапывать будем вместе с тобой.

- Может, хомут вырежем из «тройки», резину на прокладку и болтами стянем?
- скромно произнёс подсобник с высшим художественным образованием Игорёк.

- Дело говоришь, Пикассо. До лета продержится, а там уж и трубы менять будут один хуй, — согласился бригадир.

Я с тоской посмотрел в мутную воду и увидел модель современной государственности.

- Тогда я пошёл в магазин? - окончило дебаты моё тело и направилось по соответствующему вектору.

За спиной раздалась производственные движения и чирканье зажигалки. Прохладно.

* * *

Когда я вернулся с бухлом, хомут был уже готов, а Савин в резиновых бахилах подавал из канавы вёдра с мутной водой.

Я прислонил пакет к колесу «Беларуси» и торжественно включился в работу. Резину нашли армированную, болты на 16 с громадными шайбами.

Провозившись в грязи примерно с пару часов, мы поставили замечательный хомут. А чтобы его не разнесло под давлением и не съело коррозией, залили бетоном небольшую опалубку. На это ушло ещё с полчаса.

Сидя в канаве победителями стихии, мы пилили «Особую» и жрали ещё не обледевшие беляши. Пошёл мелкий, приятный снежок.

- Всякая поеботина на свете имеет свой персональный замок и ключ, - пояснял бригадир после того, как позвонил начальнику стройки и опустошил стаканчик. - Важно иметь запасные комплекты и все проблемы на хуй. Можно пользоваться отмычками, как в данном случае.

- Заёб ты, бугор, своими ключами. Слышали уже, - отмахнулся тракторист Голиков. - Сегодня новый год, а мы как свиньи, ик...

- Под Новый год сбываются желания и пьётся шампанское, слушается речь главы государства и пляшется под ёлкой, - мечтательно высказался я.

- Меня родственники похоронят, если не приду домой или приду, но в «гавно», - сообщил подсобник Игорёк.

- Хуясе, ты важный тип, однако, - ехидно произнёс Савин.

- А у тебя все родственники по зонам разбрелись и никому ты на хуй не нужен, кроме как бригаде. Да и то...

- А не охуел ли ты, дружок. Базар несвежий. За него и по еблету можно легко получить, - вскочил Ваня, расплёскивая водку.

- А ты попробуй, товарищ, - Игорёк тоже вскочил, но с пустым стаканом.

Как обычно, назревала бойня, но её прервал испуганный голос тракториста Голикова.

- А это чё за хуйня? - спросил он таким тоном, что дух войны отлетел куда-то в сторону вокзала.

Мы синхронно повернулись и уставились на рыхлый скат канавы, из которого торчало нечто угловатое, старое и зловещее. Это была часть прогнившего гроба, с которого свисали остатки материи, и что-то капало.

- Мама! - прошептал Игорёк, опередив меня.

Мы любовались мрачным объектом недолго. За это время солнце как-то побыстрому съебнуло за горизонт. Бригадир включил наш производственный фонарь и канава стала фантастической и необычной.

- Ладно, братва. Давай закапывать всю эту хуйню и по домам, праздник встречать, - неуверенно сказал он, глядя на чёртов гроб.

- Интересно, а кто там лежит, баба или мужик? - за каким-то хуем спросил Савин.

- Не всё ли равно, пора домой, - гнул своё Толик.

Но даже тракторист Голиков не тронулся с места.

Если б мы не выпили два литра «Особой» плюс пиво, не случилось бы того, что случилось. Любопытство — страшная вещь, просто караул.

- В этом месте не должно быть кладбища, а тут налицо гроб - значит не криминал, а что? - как бы для себя спрашивал я.

- Может, семейное какое, тут же частные дома были до семидесятых, - высказался Савин.

Охуел что ли? Какие семейные кладбища в СССР? Просто кто-то забыл пустой гроб, а потом его зарыли и забыли, - отбивался бригадир от тех, кто пытался познать тайну.

- Пустой ли? - зловеще произнёс тракторист.

Блядь, на, смотри! — не выдержал Толик и, схватив лопату, по-пролетарски уебал трухлявую домовину.

Доски разлетелись как стёкла. Торец гроба открылся и в тёмном проёме страшно блеснула макушка гладкого черепа.

- Ни хуя себе, пустой, - довольно улыбнулся Голиков.

- Надо посмотреть, - подвел итог Игорёк. - Вдруг это поп с золотым крестом.

- Осквернение могил - статья, - возразил ему Савин.

- Но это хуй пойми что, а не могила! И тем более «бугор» её уже осквернил.

Толик плюнул в грязь и потянулся к бутылке. Он как бы говорил: «Хуй с вами, валяйте, оскверняйте, только по-быстрому».

И мы принялись за дело.

Умение копать и спонтанные приступы трудолюбия позволили нам быстро разворошить захоронение, и теперь мы с нескрываемым доселе любопытством пялились на скрюченный скелет в деревянном ложе.

На его костях ещё сохранились обрывки какого-то плаща, но самое главное было то, что в желтоватых фалангах таинственный покойник крепко сжимал большой блестящий замок и замысловатый длинный ключ. Похоже, неизвестный гражданин пытался открыть этот чёртов замок, но не смог.

Причём, пытался это сделать в гробу, похороненный (в этом месте на голове каждого из нас начали шевелиться волосы) заживо!

- Криминал, блядь. Как есть криминал и закопан неглубоко, - прошептал Игорёк.

Все вздрогнули и переглянулись. Потом мы выпили водки и сели на трубу, как птицы мира. Надо было что-то делать, это факт. Звонить ментам, краеоведам, хуеводам. Или не звонить?

- Интересный замочек, не ржавый, прям как из магазина.

Это были слова тракториста Голикова.

- Бригадир, а не про эти ли ключи ты нам тут «втирал» за «Сахалин»? - спросил Савин.

После этого он решительно схватил вышеозначенный предмет, причём мощи покойного явно не хотели терять свою «игрушку». Но Ваня натруженными руками рванул замок вместе с ключом и поднёс к фонарю.

- Самодельная штучка, - сказал он. - Качественная.

- Вот делали раньше!

Потом он спокойно вставил ключ в скважину и повернул его. Дужка с мелодичным звоном откинулась и сразу же в канаве запахло тухлятиной.

- Фу, блядь, кто это сделал, придурки? - возмутился тракторист Голиков.

- Это от беляшей, - сознался я.

- Ну что, посмотрели? А теперь, по-быстрому закапываем и к праздничному столу, - завёл свою песню бригадир.

Мы стояли вокруг Савина, смотрели на замок и понимали, что всё интересное на сегодня в принципе закончилось.

Вот только когда костяная рука легла на замок, откуда-то из-за спины тракториста, мы и убедились, что мир полон неожиданных, как их там, коллизий и прочих противоречивых столкновений. Мы повернули головы на определённый градус и увидели нашего нового знакомого, сидящего на краю ведра. По идее, у черепа не может быть эмоций, как и у любой другой неодушевленной окаменелости. Но тут на нём явно читались душевные слова, типа: «Ну, вы чего, граждане, чужую вещь берёте без спросу. Извините, но это неприлично, что ли...».

* * *

- А-а-а! Бля-я-а!!! - кричала наша бригада не испуганно, но в ужасе.

Если кто смотрел передачу «В мире животных», то видел, как в Антарктиде пингвины из воды на ледник выскакивают. Как торпеды. Ну, видели, да? Так вот, мы из канавы вознеслись ещё изящней и стремительней. Причем бригадир успел забрать последнюю бутылку водки, стакан и остаток беляша. А вот про фонарь забыл. Да хуй с ним, с фонарём.

- Заводи трактор, Голиков. И закапывай всю эту поебень! - командовал Толик

Тракторист кинулся к «Беларуси». Он споткнулся о колесо и упал в глину с вселенским проклятием. Пока он возился во тьме и грязи, мы с трепетом в печени наблюдали, как свет в канаве дергался и дрожал.

Потом на край ямы вылез живой и невредимый скелет без имени и отчества. В зубах он держал наш фонарь, а в руке блестящий и таинственный замок. Опустив светило на землю, покойник с любопытством оглядел нашу рать и спокойно так произнёс:

— Под Новый год сбываются желания и пьётся шампанское,
слушается речь главы государства и пляшется под ёлкой,
— мечтательно высказался я..

- Вот ведь как вы испугались, братцы. А меня зовут Алёша.

- Беспяткин, ты опять паленку купил? - заорал Савин.

- Не, вроде нормальная водка. Это всё от беляшей, там не мясо, а жертвоприношение, - возразил Игорёк, с интересом уставившись на скелет.

Я молчал и напряжённо думал. Думал не о том и не так, как надо. Тем временем, скелет Алёша встал и подошёл к бригадиру.

- Я тоже пролетарий, не надо бояться, — сказал он и протянул свои кости для рукопожатия.

Видя, что вся ответственность вновь легла на него, Толик рукопожатие принял и сказал:

- Да мы, собственно, и не боимся. Хуле там, бывает.

- Ни хуясе, бывает! Да прямо в каждую рабочую смену - по говорящему скелету!

Но, тем не менее, шок прошёл, и мы стали адекватно смотреть на окружающий мир. К тому же у нас ещё оставались деньги для «посошка».

* * *

- И вы знаете, когда я всё это понял, меня прям подбросило возле станка, даже сверло загубил бельгийское, - упоённо рассказывал Алёша. - Ведь сила коллективизма, помноженная на энтузиазм масс, возведённый в куб - способна менять вектора времени и варить яйца. Она реальна, только надо правильно её словить.

- Магниты? - спросил я, нервно катая в руках гайку.

- Какие хуй магниты, резонансная антенна, настроенная на нулевой меридиан, лейденская банка и сепаратор сверхнизких токов, — воскликнул уже поддатый скелет.

- А, бля, убейте меня мауэрлатом. Ни хуя не понял, - завыл Савин.

- Хуле тут непонятного - физика, ёпта, - шикнул на него тракторист Голиков. - Правило буравчика и Архимед.

- Причём тут Архимед! - возмутился Алёша, расплескивая водку. - Человеческое поле, как камертон, настроено на геомагнитные поля Земли и отсюда все выводы.

- Во чешет, - изумился Игорёк, забыв о круге семьи.

- Ничего я не чешу! Вот в этом замке я и аккумулировал полученную энергию, - продолжал скелет. - Она способна поддерживать человеческую жизнь ого как долго и даже воскрешать! Ну, вы знаете...

Мы всей новоиспечённой компанией сидели в подсобке и, гламурно «стравливая» «посошок», слушали рассказ покойного токаря Алёши, который загнулся в начале семидесятых. Причём сделал это он в целях эксперимента, который прошёл не совсем удачно.

Он сам притащил в чей-то брошенный огород гроб, который ему пропил сосед-столяр из похоронной конторы. Там же в огороде Алёша выкопал могилу с хитро-мудрыми приспособлениями для автоматического сброса грунта. Опробованный на животных замок он взял с собой, чтобы реально, разомкнув его, прожить без воздуха, в темноте, до начала смены. Потом он рассчитывал с помощью открытой им биосоциальной силы типа воскреснуть, и поведать миру о своём открытии.

Но произошла дурацкая ошибка. Грунт оказался тяжёлым, а гроб бракованным. Сдавило токаря, как спелую сливу. И не смог он открыть свой волшебный замок.

Его открыл Савин, как мы знаем. Так что эксперимент можно было считать удачным, только с поправками. Поддерживать свою жизнь «ого как долго» Алёша теперь мог, но вот с телом проблема.

- Это хуйня, — подбодрил его бригадир. — Ты ж не зомби какой иль там хуй пойми кто. Водку пьёшь правильно и мослы у тебя неслабые.

- Интересно, а почему из тебя бухло не выливается? - задумчиво спросил Игорёк.

- Впитывается, наверное. Дополнительный источник энергии, — заплетающимся языком (впрочем, какой там язык) произнес скелет.

- Тебе надо на воздух, товарищ. А то поплыл ты чего-то, - сказал Савин.

- Сегодня ж Новый год, бя! Пошли к ёлке, - обрадовался тракторист Голиков.

- Точно, там все бухие, авось не заметят, - подхватил я тему. - Сейчас какие-нибудь шмотки подберём и устроим карнавал в Рио.

Сказано, сделано.

Конечно, какой-нибудь пидор-кутюрье, осудил бы наше модельное агентство. Но почти новые рабочие ботинки, куртка с «пумой», спортивные штаны с четырьмя полосками и шапка стиля «гандон» вполне прилично сидели на Алёше.

Ну, может не совсем прилично, можно сказать вообще погано, но бляха на солдатском ремне блестела, как купол Рождественского собора.

- Заебись обнова, - сказал Савин отойдя на два метра вглубь подсобки.

- Вы так считаете? - уныло спросил скелет.

- Перманентно, - ответил я.

И мы торжественно вышли на улицу, где шипели петарды и взрывались хохотом горожане.

Где-то за хлебозаводом выла пожарная сирена. Пахло серой и выблеванным оливье. Бабские голоса пели о Саратове. Мелкий снег торопливой вьюгой носился от угла к углу, как потерявшийся пудель.

До центральной ёлки идти с полкилометра. И на нашем пути числился круглосуточный магазин с жидкими игрушками для взрослых. Мы взяли необходимое, а ещё пакет пряников с корицей. Это попросил Алёша, который, вылупившись пустыми, чёрными глазницами, охуевал от нового мира и проституток в розовых курточках.

А вдалеке, на площади, гудела неопределённая музыка и кто-то ревел в микрофон сраную российскую попсу, типа Газманова. Ну, всё как обычно, короче.

* * *

Народ прибывал в геометрической прогрессии. С петардами, звякающими пакетами и удалю, которую невозможно наблюдать в Европе и Африке.

Вокруг ёлки топтались семейные, малосемейные, одинокие и пьяные. На переходной сцене растрёпанный Дед Мороз таскал Снегурочку за руку и выдавал в народ коварные шутки и конкурсы. Его слушали только беспризорники и менты. Остальные вели себя согласно штатному расписанию - плясали под мобильники, пили напитки и толкались в грудь. Отдельные бригады «просаживали» зарплату салютами. Вокруг стояла вонь и витал едкий дым.

Наша компания органично влилась в массовку. Мы пролетарской группой сплотились у сцены и шуршали пакетами. Савин хлопал по спине Алёшу и приговаривал:

- Ну, как тебе в стране капитала?

- Весело, пацаны. Но почему малолетки пьяные? - отзывался он.

- Примета времени, модно и гламурно, - ответил я.

- Чего?

- Забей. Смотри, сейчас бригадир на сцену полезет, петать за приз, - перебил его я.

Толик, как обычно, вскочил на сцену и, отобрав микрофон у ведущего, крикнул:

- Раз, раз!

Мы все заорали:

- Давай, бугор, «Когда меня ты позовёшь»!

И он завыл кузьминовскую лирику. Кто-то в толпе вяло подхватил песню, но мы, как профессиональная группа поддержки, орали за весь город. Даже менты отошли подальше, поправляя шапки.

Наш скелет упоённо слушал певца и его жёлтые костяшки пальцев хрустели от волнения. И, вообще, он очень прилично смотрелся в полутьме, словно в карнавальной маске. И только когда взрывались петарды, неожиданный свет проявлял его реальный череп и пустые глазницы. Он постепенно приходил к состоянию пьяного гражданина, готового совершать героические поступки.

Вскоре Игорёк притащил трёх проституток и поставил нас перед фактом - свалить на хату или курнаться в снег. Решили второе. Снег на Новый год редкость, а проституток после Ельцина осталось изрядно.

Поэтому, когда какие-то менеджеры второго звена завели хоровод вокруг ёлки, мы включились в это дело.

- Маленькой ёлочке холодно зимой, - ревели гуляки.

Алёша подпевал, насколько позволяла его «биосоциальная» сила. Из-под спортивной шапки неслись вечные слова новогодней песни. Вернулся Толик с призом - бутылкой шампанского.

- За связь времён, рабочую дружбу и нашего нового напарника Алёшу! Ура-а-а!!! - заорал он, брызгая шампанским на куртки и бушлаты.

Когда это он принял скелета в напарники? Впрочем, это было к месту, и все тоже закричали «Ура!».

Алёша смущенно расшаркивался и вдруг, совершенно неожиданно, сорвал с себя шапку и прокричал в пространство будущего:

- Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Половина празднующих шарахнулась в необычные стороны света, давя ментов и пустые баклажки. Эффект был потрясающий! Да ещё под песню про «бабок ёжек».

В образовавшемся поле наш новый напарник исполнял жуткую пляску смерти, скинув куртку с «пумой». Он оставался только в штанах (четыре полоски) и почти новых рабочих ботинках. Все, включая пьяного Деда Мороза и Снегурку, смотрели на Алёшу по-резвому и необычно.

- Эх, бля! Глупый народ, наша бригада рулит, - заорал я и тоже пустился в пляс.

После первых же замысловатых па я ёбнулся возле опрокинутой урны и влез руками в блевотину. Но веселье уже никто не мог предотвратить. Савин схватил давешних проституток за рукава и втянул в грязные танцы. Тракторист Голиков ходил кругами, как пёс, и подпрыгивал через такт. Бригадир пошёл вприсядку, а Игорёк «кислотно» дёргался.

Это длилось недолго, после чего мы одели наконец развеселившегося Алёшу и вывели из под обстрела изумленных взглядов. За нами было сунулись менты, но передумали. И я знаю почему.

* * *

Мы с проститутками на двух такси прибыли на квартиру Савина, где в углу валялась связанная, как преступник, ёлка и пахло сивушными маслами.

Мы накрыли шикарный стол с оливками и красной рыбой. Заначки наши расходились неумеренно, но стоили того.

Чтобы показать нашему костлявому гостю гниющую страну, мы включили телевизор. Но Алёша только восторгался «голубым огоньком» и стилистом Зверевым. Мы не смогли убедить его, что эта губастая женщина мужик. В конце концов, мы сами стали сомневаться. Полуголые певички и политый маслом Басков прикололи

скелета ещё больше.

- Это же разврат, - веселился он.

- Не, это не разврат - это норма. Ты разврата не знаешь, - убеждал его Толик.

- Бэ...Дэ...Сэ...Ммэ... - только и сказал Игорёк и отключился.

Проститутки сидели на тахте и, видимо, думали, что у нас в наличии какой-то необычный китайский робот.

- А что он ещё может делать? - спросила одна из них.

- А ебать плечевым суставом, с вас скидка, - сказал я.

- Да ладно, - не поверили дамы.

- Я всех выебу, как на БАМе, - взвился Алёша.

Не успели мы и глазом моргнуть, как он утащил их в соседнюю комнату.

Мы, то есть оставшиеся, мирно сели вокруг стола и по-правильному вкусили пищи.

За стеной раздавались звуки непередаваемой сексуальной оргии. Похоже, там творилось беззаконие, хаос, жертвоприношение и детский утренник. Через час все три мастерицы блуда гуськом вышли из комнаты, подошли к столу и выпили водки.

- Денег не надо, мы поехали спать, смените батарейки, - сказала самая старшая и самая взъерошенная проститутка.

Мы дали им фруктов и вызвали такси. Какие, нахуй, батарейки?..

Когда они уехали, мы с ужасными предчувствиями зашли в комнату греха. На широком матрасе лежал, раскинув кости, наш новый напарник Алёша. Он был наг (то есть без одежды) и левая рука его была пристёгнута к спинке кровати его же магическим замком.

Судя по царящему беспорядку, игры с наручниками были последним аккордом. Теперь скелет лежал поистине мертво, но зубы его «улыбались», как будто он увидел победу над капиталом в отдельно взятой стране или получил знак «Ударник труда». С батарейками всё стало ясно.

Мы долго искали ключ, опасаясь, что какая-нибудь из блядей прихватила его на память. Но он был, всё же, найден в рабочем ботинке.

Савин на правах ключника отпер замок и через минуту Алёша приподнялся над подушками, источая перегар, как самый счастливый скелет во Вселенной.

- Ну, ты чо? Как ты их уел, товарищ? - тихо спросил я.

- Как положено уел. Весело у вас тут, - прохрипел он, явно нуждаясь в выпивке.

- А чем?

- Да всем, в том числе и плечевым суставом. По-моему, они остались довольны.

Потом мы снова сидели за столом и в задумчивой беседе встречали рассвет. Проснувшийся Игорёк всё время допытывался у скелета о тайнах советского

секса. Алёша, как мог, что-то ему объяснял.

Мы приканчивали снедь и улыбались раннему солнышку. Отключенные мобильны валялись в пустой кастрюле. Конечно, её вскоре наполнят, но не водкой. А и хуй с этим. Ещё предстоят проблемы с родственниками, но они сейчас выглядели незначительными и пустыми. Ведь мы получили нового члена бригады (без члена) и деньги за исправленный водопровод нам так же светят реально!

И вот Алёша встал нетвёрдо, со стаканом в натруженной кости. Мы притихли, понимая важность этого вставания.

- Спасибо вам, братцы, за новую жизнь. Спасибо, что вы ещё не разучились веселиться и понимаете меня, человека из другого, далёкого мира. И мне хочется выпить за то, чтобы не кончалась эта вся хуйня, как бы... Ик... Ибо там, во тьме, не заливают опалубки и не поют «Интернационал». Возьмите меня к себе, я хочу остаться, — торжественно и душевно сказал он, после чего опрокинул стакан.

Мы тоже их опрокинули и, сдерживая слёзы, закусили сладкой кукурузой. Далее последовала тишина, развитие рассвета и шестеро работяг опустили в тёплый, долгожданный сон, в котором каждый увидел своё счастье.

(2009 г.)

ГАРАЖ

Если гараж не храм, то я не знаю, что такое храм. Гараж для мужчины - это интимная обитель, из которой он попадает или в рай, или в дежурную часть. В запахе отработанного масла и бензина в человеке рождаются вера в долгожданную искру и любовь к Родине. Пиво, выпитое в гараже - не пиво, а причастие. Водка, выпитая в гараже, не водка, а залп Авроры.

Ты можешь быть последним ублюдком в мире и на дороге, но в гараже ты Папа римский или, например, гражданин какой. В этом уютном месте царит дружба народов и согласие. Нет, порой в гаражах люди пиздят друг друга, но это всего лишь ритуал познания истины или споры о рулевой колодке.

Чаще всего люди собираются там для автолюбительского вече или просто урвать для себя часть алкогольной нирванки. Я в гараже изучал «Запорожец».

Я понимал, что украинцы создали автомобиль будущего, а вот как узнать, где это будущее, в инструкции не прописали. Но ведь мы люди коварные и любознательные. Мы стремимся понять, почему автомобиль ездит по трассе словно на «бутиратах», но при этом радуется хорошей проходимостью в русских говнищах. Да потому, что украинские говнища в разы глубже и отвратней, а перегревается

двигатель только летом.

Да и хуй с ним, с этим летом. Главное, что «Запорожец» можно модернизировать до умопомрачения, почти как «копейку», но без быдло-тюнинга. Это настоящий боевой пони для скромных и улыбчивых работяг. А те, кто катается на «Мерсах» или «Вольвах», просто унылые потребители, ни хуя не понимающие в «Запорожцах».

Так вот, сижу я с баклажкой «Янтарного», и смотрю на фантастический глушитель от дяди Паши, спизженный им конструктивно у японских самураев и похожий на тёрку.

- Вот как охуенно придумали люди, - говорю я сам себе после глотка пива.

И это истина, уходящая корнями... Бля, какими корнями, куда уходящая ?..

Пиво вот хорошее и часы мои «командирские» браво блестят на тисках — это истина и благолепие.

Весь мир не сошёл с ума, только ничтожная его часть, но часть наделенная властью и привилегиями. И это дает повод задуматься о мощности треклятого двигателя МеМЗ-968Э.

Да, сорок одна «кобыла» это плохо для парней, желающих, чтобы мир стал лучше, а война хуже. И пока Гриша Аепс пел в сочинской «Жемчужине», а Дима Ярош маршировал в рядах Советской Армии, я думал о расточке цилиндров.

Но это ж, сука, неправильно! Движок не гильзованный и, к тому же, «воздушник» разнесёт его нахуй при «тапке в пол». Ебанный Ванкель!

Я достал вторую баклажку и посмотрел на часы. Они показывали хуйню.

* * *

- Чего, дядька, железки есть ненужные? - раздался узнаваемый, стрекочущий голос у меня за спиной.

Ну вот ещё, цыганят мне и не хватало! Ходят по гаражам и тащат всё металлическое, чтобы ковать в лесу злую силу. Цыганёнком был всё тот же Коля Христо, заебавший полрайона вопросами о том, «что нужно...».

- Коля, я устал. Иди ты на хуй в свой табор и заberi этот старый «глушак», - тоскливо ответил я.

Спасибо, дядька. А чё, ты хочешь в «Запор» карб через переходник влупить? - не уходил цыганенок.

- Врубаешься, - с уважением похвалил я Колю.

- А ты думал. Хочешь, подгоню моторчик шкодовский от рефрижератора, за 500 рублей?

В это момент я посмотрел на небо. Там было чисто и никакого Бога. С досадой я оглядел цыганёнка. Тот смотрел на меня открыто и почти без наебалова.

А всё дело в том, что названный им движок был мечтой всех «запороводов».

Он реально влезал под капот без геморроя и - о, боже! - охлаждался водой, как у взрослых. Уж его тю-нить можно было веселей, чем мопед «Рига-11».

- Не еби мозги, Христо. Это тебе не по силам, - вздохнул я, отмахиваясь от соблазна.

- Чтоб мне тут угореть, ёбана. Настоящий, но без кар-ба, - полоснул себя по шее дланью Коля.

- За 500 рублей, со стартером?

- Со стартером.

- «Клиненный» поди?

- Крутится от руки, как швейная машинка, но сальник гнилой.

Ну да, ну конечно. Всё, как в кино или мультфильме, забытом нынешними политработниками. Прилетит вдруг волшебник. ..

Человека легко сделать коровой. Главное вовремя сказать, что всё будет заебись и предложить кредит в «Русском стандарте». Но тогда не было этих ебанных стандартов, как двойных так и одинарных, а только ГОСТы. Но это к делу не относится.

Я понял, что есть два выхода из этой ситуации и оба ведут к гражданской войне. А может, нет? Может, Христо особый, ну если не сын, то пасынок? Ведь говорит по теме и старый глушитель ещё не взял в руки.

- Деньги отдам, когда движок будет в гараже, - попытался я гарантировать самого себя.

- Не вопрос. Только он тяжёлый, а тележка сломалась. Надо привезти на чём-то, - сказал цыганёнок, взяв-таки подарочный «глушак».

- О-о-о, это не пойдёт. Мой «Запор» не работает. А бегать, искать, ну его нахуй.

- Давай движок за 400 рублей, а за 100 вон мужик на почтовой буханке привезет. Хочешь договорюсь?

Блядь, вот я всегда знаю, что в таких предложениях от цыган скрыт сакральный смысл вселенского наебалова. Но именно в такие моменты все народы мира покорно идут на порочную сделку, смутно ощущая себя глупыми попугаями. И я пошёл.

Коля быстро смотался к водиле УАЗика и машина, звеня подвеской и скрипя тормозами, подкатила к гаражу, как Сивка-Бурка из сказки.

Я запрыгнул в буханку и мы помчались в сторону улицы Патриса Лумумбы, словно везли правительственную депешу важному человеку. Там, под есенинскими берёзами, на паре брусков, под толстым тепличным целлофаном красовался он, двигатель Skoda 120. А если в нём ещё и поршни на 72, то за это можно пойти на выборы и проголосовать в пользу самого последнего либерального демократа, хуй с ним.

- Я за крышкой ГБЦ сбегая, - шепнул почему-то Коля и исчез, словно вампир.

Мы с водилой буханки неторопливо и осторожно загрузили всё четырёхцилиндровое великолепие в салон и поехали в гаражи, подобно катафалку. Я сидел у изголовья и мне хотелось рыдать по поводу и без.

В гараже я любовался чешским изделием и по спине бегали тяжеловесные мурашки. Вскоре цыганёнок притащил крышку и ремень.

- Держи деньги, чавэл, заработал, - сказал я ему, отдавая 400 рублей.

- Теперь твой «Запор» всех победит, - весело ответил он, засовывая деньги в драные брюки.

- Ну, тут еще коробку надо...

- Найдём.

- Ищи быстрее, - я уже пил третью баклажку и среда менялась красками и запахами.

- А хочешь девчонку голую посмотреть? - вдруг спросил Христо.

- Чё?

- Цыганку, пизду молодую, за 50 рублей, - пояснил Коля.

- Не, ваши молодые лет на 100 тянут. Уйди, я доволен вот этим, — показал я на двигатель.

- Ну, смотри. А то приведу, - козырнул мне цыганенок и пропал с глаз.

А я все ходил вокруг механического шедевра и щёлкал языком. Я представлял, как протяну трубки через салон к радиатору от газовой колонки, как поставлю 133-й карбюратор и стану Цезарем.

Я промчусь на колеснице, запряженной 53-мя лошадьми, по районному Колизею с лавровым венком в кудрях, а лепестки роз устелят побитый асфальт липецких дорог. И красивые девушки, одетые в узорные палы, будут махать руками мне вослед.

- Вот девчонка, - раздался голос Коли.

Я с трудом выбрался из внутренних переживаний в подлую реальность. Передо мной стоял всё тот же цыганёнок с алчными намерениями, а рядом маревом пустынным, словно мираж, просвечивалась удивительной красоты девушка лет 18-ти.

Она не была похожа на тех горластых, похожих на грачей, цыганок, что толкутся возле Сокольского рынка, собирая деньги на новую революцию. Она вообще не была похожа ни на кого из современной российской эстрады, потому что была действительно красивой и молодой.

- Это Патрина, 50 рублей, - вещал продавец.

Я достал купюру, но не отдал. Патрина спокойно и даже нагло вошла в гараж и стала раздеваться. Коля остался снаружи. Я смотрел на цыганку и нервно сжимал баклажку в руке. А девушка, словно меня тут и не было, скинула свое платье и сняла цветастые трусы. Потом она покрутилась вокруг оси и нагнулась, раздвинув тонкими пальцами ягодицы.

Угадайте, что я там увидел? Нет, нет и нет вы не угадали. Совсем не это было... Я увидел... Я увидел там все вопросы и ответы, которые не смогут задать и на которые не смогут ответить великие мыслители нашего, да и не нашего времени. Я увидел то, что спасёт мир и это была не красота.

А что это было? Я не успел разглядеть, потому, что цыганка Патрина ловко выпрямилась, быстро одела трусы и цветастое платье. Ещё быстрее она пролетела надо мной и скрылась в проёме гаражных ворот.

- 50 рублей, - сквозь пелену оргазмического отупения услышал я.

Я протянул деньги. Их кто-то взял и наступила тишина. Я без эмоций посмотрел на Skoda 120 и допил пиво.

Домой я шёл долго, без «командирских» часов, и даже посидел на скамейке возле РОВД. В милицейском «бобике» менты играли в «сику», а на тополе воровала горлица.

А ещё я понял, что мы с водилой «буханки» по групповому сговору спиздили чей-то двигатель, заплатив наводчику четыреста рублей. Цыгане, хуле.

И голос услышал я промеж своих дум.

- Пидорасы, прямо у дома, я ж его только на воздух вытащил из сарая и р-р-аз! Прихожу из магазина, а там только бруссы валяются, — словно сквозь толщу вод услышал я гундосый глас какого-то пострадавшего.

Это был мужик лет 45 -ти в серой толстовке и абсолютно лысый. Он размахивал руками, а милиционеры дружелюбно толкали его в «дежурку».

Вчера снял с рефрижератора, почти новый. И, суки, спиздили и крышку отдельно от головки, — орал мужик.

- Разберёмся, - рычали милиционеры.

Вскоре они уехали на «бобике» в сторону Патриса Лумум-бы, а я пошёл домой.

Дураки, скажу я вам, есть вещи поважнее и волнительней какой-то там железяки. Воровство стоит того, чтобы за него платить, а голая женщина стоит того, чтобы на неё смотреть. Правда, потом я стал думать иначе, но это было уже после выборов 1996-го года.

(2014 г.)

СТРАХ

Страх — это просто. Любая тварь живёт страхом. Он не приходит, не уходит, он просто держит нашу жизнь, чтобы та не упала у подъезда под лавочку.

А на лавочке мокрый снег и мятый плакат какого-то кандидата в какую-то хуй-

ню. И подъезд закрыт, и все подъезды закрыты, как гробницы с дрожащими душами.

Только я вот такой умный и похмельный, стою тут, разглядывая пургу в упор и насквозь. Время, словно мокрый кот, убегает от меня по газонам и палисадникам. Но это другое время, в котором ещё не было домофонов.

А тут всё проще и веселей. У меня остались деньги на несколько глотков дождя, но нет сил дойти до магазина. Вернее, не так - силы есть, но страх не даёт делать шаги навстречу. Там, где продают водку, ещё никого нет. Время такое. Время всегда виновато в том, что мы ходим не в ту сторону.

Но я пошёл. Пошёл назло тому депутату с плаката и мерзко пахнувшей осени.

Дорога моя виляет бедрами и манит целью. Я вижу жёлтое такси с вампиром за рулём и понимаю, почему они живут вечно. У них всегда есть кровь и гроб для упокоения, как у тех сонных ублюдков в той чёртовой многоэтажке с домофоном.

Таксомотор проносится в облаке грязи и я плюю ему на хвост. Людей на улице нет, рождения дня нет, водки нет. А что есть? Я есть и всякое другое непотребное, как пенсионный фонд.

Вы, думаете, я жалуюсь? Ни хуя я не жалуюсь, граждане, не на что мне жаловаться и не на кого. Просто дорога моя не смешна, но жизнью зовётся.

И тут появилась она. Внезапно, как асфальт перед лицом после «Ореховой ветви». В куртке белой, сапожках белых и с лицом, белым как тальк, появилась она. Красивая женщина, похмельна тоже, словно Родина моя. И вышла она откуда-то из пурги напрямик ко мне.

- Привет, Оля, - говорю я тихо и не добро.

- А не важно, есть что? - спрашивает она.

- Нет, но должно бы быть.

- Тогда пойдём, а то тут страшно...

- Это осень.

- Насрать...

Она взяла меня под руку и мы двинулись напрямик в ад, ибо рай — это для всяких там с домофонами.

Когда-то я засыпал в подъездах с раскрытым зонтиком, а просыпался с идеями и верой в рубль с Лениным. Сейчас я не сплю, потому что социализм ушёл, как тот мокрый кот, и оставил нас голыми на одной остановке, к которой не подойдёт автобус.

Моя Оля (или как там её ещё) дрожит от холода и омерзения, даже не зная, что в пионерском лагере я не жрал пшённую кашу.

Мы идём, как ангелы, промеж звёзд и терний, а мысли наши просты, как колокол, и пусты, как улица Механизаторов. Я понимаю, что ждать у магазина мы не будем, потому что там жизни-то и кончаются. Мы будем ждать на остановке, на почти сухой лавочке, рядом с урной, в которой покоится прах вечного праздника.

Там, на остановке, мы всё-таки дождались вампира с бутылкой «Беленькой» за 300 рублей.

- Пей, женщина, и не думай, что мир гавно, - говорю я голосом президента.

Оля выпила легко и понятно. Она улыбнулась - и пургу сменил густой туман.

Я пил тяжело и опасно. Радоваться чему-то или грустить было бы глупо. Мы пьём не для себя, а для тех, кто нас ненавидит. Для врагов мы пьём и отпустило чтоб. Отпустило.

- Пошли в тумане купаться, - предложил я.

- Не, там убить могут, - вздрогнула Оля.

- Это в кино могут, а тут никого нет, кроме нас.

- Есть, но если хочешь, пошли. Только отвернись, я пос-су тут.

В тумане можно бродить долго, пока не вспомнишь о родных и близких. Но сегодня я забыл даже о них, о кредитах забыл и о войне в Сирии. Оля говорила о каком-то Паше и его детях.

А город просыпался без нашего согласия, шумно хлопая железными дверями. Ранние автомобили противно зашуршали по мокрому асфальту и туман поплыл в сторону службы судебных приставов.

И что дальше, спросите вы? Куда пойдёте вы, дураки с такими рожами? А пойдём мы, граждане, туда, куда ходят все порядочные люди. В парк пойдём, под грибок с жёлтыми утками. Но уже после магазина. После крабовых палочек и баночного пива в пакете. Там мы трезвеем и я знаю, что мою попутчицу зовут именно Оля. И встретил я её в интернете...

Да, в какой-то мутной соцсети мы болтали всю ночь - о том, что жизнь прекрасна, что лучше «Туарега» только «Нива», а ещё сегодня понедельник, но мы свободны, как труд по конституции. Свободны для того, чтобы выпить пива под грибком без последствий и обещаний умереть в один день.

И мы пьём, как люди чистые и не влюблённые. Весело пьём, не назло и не ради. Бургеры из «Аппетита» и прочие условия. Мы улыбаемся друг другу, словно Европа и Азия, а в смартфоне поёт Джо Коккер.

Вот откуда произошла Вселенная. Мироздание родилось тут под грибком и взорвалось, а весёлый финн по фамилии Торвальдс написал свой 0,01-й Linux.

Потом мы выкинули пакет в урну на остановке и поехали в торговый центр. Сегодня все гуляют в торговых центрах, потому что там можно вертеть головами и смеяться. Вокруг всё продают, всё покупают. Это мир пытается удержать нас от войны и насмешек Бога. Но не нужен Бог, не нужен космос, мы стоим у кассы.

И снова с пакетом, полным чудес и сказок, мы отправляемся в путь. И путь этот светел, как стакан с гранями. Солнце заглядывает сюда сквозь рваные облака, люди бегут по асфальту, как страусы, а на куполе собора, на кресте, сидит ворона.

Пусть себе сидит глупая птица. Нам сидеть некогда. Мы перешагнули через

веру и летим в музей с картинами местных художников. Да, там можно выпить с людьми, продавшими душу искусству. Они умеют пить не хуже Ельцина, даже наоборот умеют.

-Беспяткин, ты снова в запое, - встречают нас художники.

- Да, друзья мои, вот Оля знает, - отвечаю я.

- Ну, тогда наливай.

- Оля, пакет...

Мы ходим по залу и смотрим картины. Там, как обычно, вывернутые наизнанку нервы и потаённые, глупые страхи. Но Оля смотрит на всю эту дрянь глазами лемура, похоже сопереживая холстам и краскам.

Художники в растерянности быстро выпили всю водку и сожрали последний апельсин. Мне стало обидно.

- Хуле вы так себя ведёте? - спросил я творцов.

- Не волнуйся, Беспяткин, мы купим ещё, - ответили они. Оля осталась одна с картинами к лицу.

- Надо ехать на хату, тут плохо, - говорю я.

- Едем на хату.

Вы знаете, что значит ехать на хату? Наверняка знаете. А если не знаете, то я расскажу.

Есть места, где человека могут убить или ограбить. Есть дома, где человеку могут наврать с три короба. Есть ещё телевизор, в котором возможно всё. Но есть квартиры, в которых можно играть на гитаре и бухать коллективом, как на Первое мая. Там всегда есть полупустой холодильник и расколотый унитаз. А что ещё надо русскому патриоту?

Мы собрались у портретиста Чижикова, потому что жена его обладала уникальными способностями притягивать ложки и вилки к вываленным наружу грудям с родинками. Остальные люди творчества просто говорили много и пили художественно.

Я пел о конях и любви. Оля ела мороженное. Чижиков уронил блюдо с селёдками и забыл о том. А за окном уже темнеть стало и чьи-то рожи заглядывали в комнату.

- На земле нет места унынию и скуке! - кричал кто-то из кухни.

- Вчера в «Новостях» умер старый чёрт, - прошептали слева от дивана.

И тогда я увидел глаза Оли. Вернее, не так - глаза Оли увидели меня и это им не понравилось.

- Пойдём отсюда, - попросила она.

Мы ушли, оставив за собой что-то ненужное и яркое. Вечер стал чёрно-белым. Больше даже чёрным, чем белым. И мы шли неуверенно и долго. Куда мы шли, зачем? Не важно. Началась пурга и во дворах люди выбрасывали пакеты с мусором. По району промчалась «Скорая» с зауспокойным воем. Окна многоэтажек

светились как лампадки, а мы всё шли в урбанистическую мглу. Мир опустел. Оля спотыкалась, как раненная антилопа.

- Тебе пора домой, - наконец-то сказал я.

- А где мы?

- Там, где убивают, помнишь?

- Нет, а зачем?

- Это осень...

Мы ещё долго шли дворами, пока не увидели фонари на проспекте Победы. Там ещё кто-то жил в автомобилях и пурга казалась сказочной.

- Видишь свет, там всё правильно, а тут нет! — воскликнул я и закрыл глаза.

Открывал я их долго и зря. Рядом со мной никого не было. Только мокрый снег лез за шиворот и слева в палисаднике качались какие-то драные ветки.

Я побежал в разные стороны, звал Олю и падал в лужи. В одной из луж я и увидел страх. Он был цветным. Единственное цветное что-то в этом чёрно-белом мире. И ещё лавочка у подъезда, на которой валялся мятый плакат какого-то кандидата в какую-то хуйню.

Закрытые подъезды, закрытая жизнь и снег в глазах. А я такой умный и похмельный стою тут, вспоминая дорогу к дому. Нет, даже не к дому, а к свету, что согреть может или ослепит навсегда. И я пошёл. Пошёл, чтобы встретить кого-то или убить. Пока не убили меня или не встретили. Время такое. Я такой. Домофоны такие. Дороги. Такси. И она вышла откуда-то из пурги напрямик ко мне. В куртке белой, сапожках белых и с лицом белым, как тальк.

(2016 г.)

ТУФЛЯ

Они были размалёваны, как индейцы ГДР-овского производства и курили оптом и поштучно. Для Славки это было нетипично. Таких гражданок приводят в случайные компании с невыразительными целями и кучей бухла.

В данном же случае, имея на столе отличный армянский коньяк, тугие аппетитные фрукты и конфеты-ассорти по 450 рубликов, выебываться перед этими клубными нимфетками — признак мозговой неполноценности и внутреннего убожества. Но, тем не менее, мы церемониально лепили на бокалы дольки лимона и говорили о полотнах Куинджи. Эти две хохотушки путали его с каким-то кинофильмом «Джуманджи» и веселились невероятно.

- Славка, в каком порту ты встретил этих леди? - спросил я серьёзно, когда мы

вышли на балкон.

- В «Чайке». Там такого добра пиздец знаешь сколько, - бодро ответил мой напарник.

- А подушевной ничего не было?

- Не, только эти. Да хуле ты ноешь, внеси в свой быт немного красок, - хлопнул он меня по плечу.

- Не до хуя ли красок?

В это время из комнаты раздались кошачьи голоса: «Мальчишки, а что вы там так долго курите? Идите к нам!». Мы покидали «бычки» в небо и прошествовали в чертоги.

Аня и Оля (не помню, кто из них кто), уже разлили коньяк в бокалы и на ковёр.

Блядь, этот ковёр нам купила тёща к годовщине свадьбы. А теперь на нём «бычки» и какие-то блестящие штучки.

- А за встречу и по-весеннему хуйнём? - крикнул Славка, размахивая бокалом.

- Хуйнём, хуйнём! - завизжали девочки.

И мы хуйнули.

Потом включили какую-то «кислоту» и вступили в почти половую связь на тёщином ковре. Ну, это танцы такие. Изгибы там всякие, метафизические прикосновения, как на балу у Наташи Ростовой, реверансы, бля.

Девочки были резвы, как ЛСД. Мы старались не отставать, но всё же отставали. Я остановился, подошёл к столу и, как писал А.П. Чехов, выпил пива, сообразно времени. А время было ещё раннее.

Мои родственники, включая жену, тещу, тестя и шнауцера Филю, наверняка ещё и до «Кольцевой» не доехали. На даче сегодня клубника и курица горячего копчения. Только я, как человек обремененный трудами и устройством быта, был освобожден от пикника на семейном совете. Поэтому мы устроили в освободившейся жилплощади Праздник Урожая. Раскрашенные, как натюрморты Клода Моне, проститутки были уже не экспрессионизмом, а обычным русским реализмом. Они вписывались в гармонию разврата с каждым глотком коньяка, иль там пива.

Музыка бухала и скрежетала по-современному, без мелодических линий и глissандо. Тупо, как гвозди в голову, впивались гламурные ритмы современных клубных шедевров. А мы также «кульно» и прогрессивно разбрелись по комнатам для ебли в стиле «trance».

Туфли Оли (или Ани) полетели в сторону трюмо, платье и стразы метнулись к тумбочке, мои майка и плавки — на стул. А потом понеслась песня про «Погоню» из «Неуловимых мстителей». Мы скакали на лошадях, прыгали с поезда, летали на аэроплане, рубились в бильярд и вели допросы петлюровцев. Окна, несмотря

на тёплую погоду, запотели, как в каком-то кино с айсбергами.

- Вы чего там, арбуз что ли жрёте? - раздался за дверью голос Славки.

Как раз в этот момент я отпрянул от вампирши Оли (или Ани), как от токарного станка в конце смены. И мы захохотали непонятно по какой причине.

- Пошли бухать, а то там уже шарят, - сказал я партнёрше по танцам.

Она ничего не ответила и только накинув мою майку на манер халата, кинулась в зал.

А там уже жрали «ассорти» и звенели чешским стеклом. Славка в трусах и тапочках развалился в кресле и пощипывал за жопу Аню (или Олю), присевшую на подлокотник. Они беспечно, как все тургеневские дети, болтала ногами и цедила остатки коньяка с лимоном. Нам осталось только пиво с фисташками. Ну вот, всегда так...

- Надо будет кому-то метнуться за жратвой и выпивкой, - твёрдо сказал я.

- Мы не пойдём, мы не одеты, - заныли девочки.

- Блядь! Там, кажется, дождь начинается, пусть перестанет, - ответил Славка.

- Ладно, пойдём покурим, - согласился я.

Мы вышли на балкон, хотя курить в хате никто не запрещал, чем и пользовались наши «цветные смайлики». Просто на балконе можно было потрепаться о пережитом и отвлеченно подискутировать.

Собственно, про еблю разговоры заняли несколько секунд. Типа «ну как?» - «Да заебись». А вот о машинах мы серьёзно так беседовали.

Редкие капли неожиданного дождя бились о стекло как мухи, а в комнате приглушенно пели Настя Каменских и какой-то Потап.

- В-5 неплохой аппарат, но всё же Х-5 - это жёсть, - вяло тянул Славка.

- Именно жёсть, понты и ещё цена. Это для избранных долбоёбов — отмахивался я.

Мы пытались затронуть тему «Вольво», но в это время во двор, искрясь каплями, въехал чёрный Фольксваген В-5.

- Как у вас, - устало и с завистью заметил Славка.

- Да, похож, - согласился я, вспомнив про ежемесячные взносы.

В этот момент в небе ебанула голливудская молния. Грянул такой же голливудский гром и мы поняли, что случился пиз-дец! Окурки полетели вниз, как самоубийцы, а мы с напарником рванули в комнату.

Наши гости пили пиво из горлышек и трепались о каких-то сумках. Увидев наши лица, они вскочили с кресел и сбились в испуганную кучку, как воробьи. Наверное, они решили, что сейчас их тела будут расчленены и разбросаны в разных частях города. Возможно, на их месте я подумал бы то же самое.

- Так, красавицы, одеваемся быстро, очень быстро и бегом отсюда, - крикнул Славка голосом Жириновского.

- А что за хуйня, это невежливо! - пискнула Оля (или Аня).
- Сейчас, к нам придут гости, которые стреляют прежде, чем говорят «стоять»!
- пояснил Славка.
- Бандиты? - восторженно спросила Аня (или Оля).
- Хуже - его вон родственники с женой, тещей и собакой Филей, - указал он на меня.

Я в это время собирал улики и намёки на непристойное поведение. Их было много, а жили мы на девятом этаже. Это как в какой-то компьютерной игре. Я бегал с большим пакетом и валил туда бутылки, конфеты, фрукты, окурки и скорлупки фисташек. Славка проводил курс молодого бойца. Проститутки одевались стремглав и ненадёжно. В таком наряде они могли щеголять только в пустом подъезде, держа в руках нижнее бельё и зажигалки.

Когда мы выталкивали их из квартиры, я слышал, как снизу зловеще поднимался скрипучий лифт. Это словно приближение дня уплаты кредита за машину. Это волнует и не даёт сосредоточиться. Но мы успели открыть балконную дверь, несколько секунд пошуровать пылесосом и помыть немногочисленную посуду. Мешок с предметами преступления полетел по мусоропроводу навстречу лифту. Где-то в неизменной точке они наверняка встретились, но это уже физика, а тут гибель Помпеи и Французская революция в одном флаконе. Конечно, запах разврата и табака, коньячные пары и общая обстановка не скрывали, а наоборот выставляли на показ наше со Славкой мероприятие. Оставалось только уповать на виртуозное враньё, граничащее с фантастикой Роджера Желязны.

Когда открылась дверь, мы с напарником сидели перед телевизором, как в кино «Москва слезам не верит», пили оставшееся пиво, нагло курили и смотрели «Час суда». Удивлённо привстав с кресел, мы встретили неожиданных гостей относительно спокойными взглядами и словами: «А мы тут типа, вот пиво и телевизор пьём...». И Час Суда настал... Почему-то больше всего доставалось Славке, поскольку он такой воспитанный и положительный во всех отношениях гражданин России, а связался с таким порочным и подленьким существом как я. Жена ревела на диване, а теща произносила обвинительную речь. Радовало только то, что нас обвиняли в пьянстве и курении в комнате. И ещё в том, что не успели люди из квартиры выйти, а тут уже пьянка, которая может закончиться каким-нибудь непристойным продолжением, типа нелегальных гостей с улицы и поножовщиной.

В этом выгодном для нас русле текла речь тещи и поддакивания жены. И только сметливый тесть (я зауважал его после этого), как бы невзначай, носком ботинка, незаметно закатил окурочек со следами губной помады под телевизорную тумбочку. Я опустил глаза, как в храме, и читал что-то похожее на псалом. Славка врал в ответ теще, как гладиатор. Он давил на трудные времена, стрессовые накопления и банальную усталость.

Раскрашенные, как натюрморты Клода Моне, проститутки были уже не экспрессионизмом, а обычным русским реализмом.

- Человек пожертвовал самым дорогим на свете - курицей горячего копчения ради непродолжительного отдыха перед трудным созидательным днем на благо семьи и быта, - самозабвенно ораторствовал он, сотрясая люстру.

- Мог бы и на природе с семьёй отдохнуть. И, кстати, тебя пригласить. Так нет - тайно, в отсутствие любимой жены жрать это вонючее пиво, - парировала тёща.

- Это просто так совпало, виноват я. В общем-то, пришёл как снег на голову и пиво принёс, - унижал себя Славка.

Эти дебаты длились собственно не долго. Их прервал настойчивый звонок в дверь. Как в настоящем фильме ужасов. Пауза, подобная смерти, и массовый исход народа в прихожую. Дверь открыл тесть.

В проёме, в полуфантастическом освещении шестидесяти-ваттной лампочки стояла Оля (или Аня). Она была неприлично одета и в правой руке держала тонкую, похожую на волшебную палочку сигарету. Косметический беспорядок на лице придавал ей лёгкий оттенок сюрреализма. Этому же оттенку соответствовала и поза и собственно ситуация.

Последним мазком чарующей кисти Рафаэля была короткая, но ёмкая, как басни Крылова, фраза:

- Здравс-с-ьте, извините пажал-л-ста. Я тут у вас туфлю

одну забыла-а... Там, в комнате... - её палец нетвёрдо показывал куда-то в сторону спальни...

(2010 г.)

ПОСЛЕ СНЕГА

Мы начали ещё на объекте 28-го декабря, в половине четвёртого. Уже к шести все бригады достигли совершенства. Малярши были податливы, как резиновые игрушки. Начальник строительства упал в пролёт и ругался матом. Мы - кровельщики обходили накрытые леса, как на свадьбе и кричали «горько».

Где-то в углу пели про паровоз. Когда песни стали тише, а вздохи на этажах громче, тогда и возникла у нас мысль умотать на хату с тремя самыми красивыми гражданками из нашей конторы (бухгалтерами).

С этими дамами можно было поиграть в романтику, иль как там ещё поиграть.

Короче. Я, Славка, Андрюха, Алевтина, Рая и Анна Наумовна посредством такси переместились в квартиру неженатого Андрюхи с комфортом и тортом. Про ликёры и прочее тоже не забыли. И даже зачем-то купили три розы. По одной на женщину, хотя я б Алевтине и одной не дал бы, но всё же законы равноправия

они такие.

Как обычно, в последние годы снега на улицах не было, только иней по утрам и грязь в час пик. Но на хате нам этот снег совсем был не нужен. А всё потому, что мы получили хорошие деньги и могли позволить себе как бы чуть больше, чем литр на троих за гаражами у Центрального рынка. Ну, я уже говорил про розы.

Сидя в уютной келье Андрюхи за полированным столом из 70-х, мы умеренно пошили, наливали малыми дозами ликёр в рюмочки с историческими гранями, а я перебирал струнки неизбалованной гитарки. Хотелось петь романсы, как в гусарском собрании, но выходили только Алсу, «Любэ», Шатунов и частушки.

Впрочем, наши «дульсинеи» были в восторге от нежной музыки, джентльменского обращения и ароматных апельсинов в узорном блюде.

Блядь! Это реально в кайф сидеть не на коробках от унитаза, а на резных стульчиках и светски общаться на фоне аквариума с рыбками!

Дамы млели, особенно Анна Наумовна. Они курили длинные сигареты, как во французских кафе и высоко задирали подбородки, гламурно изгибая шеи. И где только научились?

А мы, как художники с Монмартра, говорили о Моне и абсенте.

- Зелёная фея... Да под её фантастическими чарами рождался истинный импрессионизм! - томно шептал Славка.

Хуясе, это где он прочитал такое? Уж точно не в саратовской «пересылке». Я где-то что-то упустил походу.

- Ренуар любил Жанну Самари. И ты, Рая, очень похожа на эту суперактрису, - Андрюха лез с рюмкой к самой миниатюрной бухгалтерше.

Та, с её черным платьем с блёстками, больше напоминала Марию Магдалину Караваджо, но в этой квартире любое сравнение имело место быть.

А ведь я могу, как Ренуар на пленэре, хотите? — Славка наклонился к Алевтине, как богомол.

Хочу, — однозначно сказала та, и её глаза вспыхнули малахитовой похотью.

После этого они удалились в спальню покойной бабушки Андрюхи, вальсируя и лобызаясь как ангелы.

Мы продолжили извращаться на тему цветных мазков и успешно выполненного квартального плана с Анной Наумовной. Эта старшая (но ни разу не старая) бухгалтерша слушала мои музыкальные экзерсисы и медленно моргала длинными ресницами, как в снах моего детства. Андрюха рассказывал какую-то путанную историю из Гоголя, а в бабушкиной спальне скрипела кровать с никелированными набалдашниками.

Я включил магнитофон с песнями какого-то Стаса Михайлова и тотчас же образовались танцы. Нормальные светские танцы, без блядских обжиманий, но с грацией. Насколько позволял выпитый ликёр.

Танцевали мы долго и витиевато. Потом из комнаты вернулись Славка с

Алевтиной и попросили водки. Ну, началось. Ведь хотели без всяких там мешанских напитков и карт на раздевание, а тут на тебе — «Водки!».

- Пиздуй за ней сам, - ответила сознательная часть нашего коллектива, то есть я.

- Давай на спичках, - предложил Славка.

- Да, давайте на спичках, - завизжала блондинка Рая.

- Может ещё в «бутылочку» сыграем? - скорчил я рожу.

- Это не гламурно, - отмахнулась Алевтина.

- Да и бутылочки нет, - вставил Андрюха.

И вот в самый этот момент я понял, что меня всё заедало. Жизнь без романтики и высшей цели. Стройка, шабашки, бракованные свёрла и прораб Прохоров. Хорошо, нахуй всё! На улице, в ночь. Пусть меня грохнут граждане хулиганы, иль заберут какие-то там с погонами. Я буду протестовать против режима, получу дубинкой по горбу и буду брошен к одиноким существам в «зверинец». Только бы не здесь в этой квартире с никелированными кроватями и ликёрами.

- Я пойду за водкой, давайте деньги, - сурово сказал я.

- Ну вот, другое дело, - веселился коллектив.

Так я оказался на улице и побрёл вдоль каких-то параллелей, пересекая какие-то меридианы и трамвайные пути.

В это время пошёл снег. Он сыпался, как перхоть с чьей-то косматой головы. Густой такой, белый-белый снег. Он бил меня по лицу и лез в глаза. И это было здорово.

Такси появилось внезапно как привидение.

- Стой, стой, бя! — крикнул я и взмахнул крыльями.

Грязная «шоха», испуганно взвизгнув, остановилась у моих ног.

Я сунулся в салон и сказал: «Поехали!». По-моему, даже махнул рукой, но как-то неуверенно. Горбоносый водила рванул в ночь, сбивая на «зебрах» испуганные снежинки.

Я обхватил руками голову и почувствовал усталость. Усталость, сравнимую со смертью, почувствовал я. А автомобиль летел в городской тьме, изредка попадая в свет замёрзших фонарей.

- Уже скоро, - прохрипел таксист.

- Я знаю, - простонал я.

- Двести рублей.

- Держи.

Я сунул ему деньги и посмотрел в окно. Там, в неистовой метели, кружились сосны и кусты тёрна. Лесная холодная страна ждала меня для последнего погребения. Неба просто не было. Вместо него был снег - страшный, тяжёлый снег, похожий на мою печаль.

Когда такси умчалось обратно в город, я понял, что у меня всё будет хорошо. В

этой, полной неведомой силы, лесополосе я почувствовал спокойствие и ещё ту дрянь, которую называют жизнью.

И я пошёл в самую глухую сторону. Там ветер вился вокруг меня, словно волк и скулил по-волчьи. Скрюченные ветки неизвестных, мёртвых деревьев извивались в готических узорах. Чистый воздух выбивал из меня остатки прошлого и наполнял душу будущим. И, наконец, я увидел её...

Она стояла возле березы, словно на картинах Васнецова. Она смотрела в мои глаза и улыбалась. Её волшебные длинные волосы серебристой шалью покрыли плечи и лишь слегка трепетали в мутном свете луны. Тонкое платье со сверкающей вышивкой переливалось в окружении снежинок, словно алмазная пыль. Она не двигалась мне навстречу, а я стоял в ожидании зла. Но его не было.

- Я давно тебя не видел, - крикнул я.

- Давно, - по её губам прочел я.

- Сегодня тебе лучше?

- С тобой мне всегда хорошо.

И только после этого я, проваливаясь в снег, приблизился к ней. Мы приникли друг к другу и её холод слился с моей грустью в родниковую чистоту умершей когда-то любви. И мы стояли у этой треклятой березы как дети, убежавшие из того пионерского лагеря. Как те два глупых подростка в самой красивой Стране, от которой я никак не могу убежать или скрыться в похмельном бреду уже много, много лет.

- Ты не изменился Беспяткин.

- А ты красива, помнишь, я говорил?

- Помню.

- Поцелуй меня.

Она по-детски чмокнула меня в губы как-то мимо, неумело и это было здорово. Тогда в этих лесах мы были самыми счастливыми, самыми-самыми...

И сейчас я держал в руках мою Любовь и Родину. И она дрожала в них, как та светловолосая девчонка в клетчатой рубашке и синей юбке из вельвета.

Снег перестал бешено кружить, а просто тихо садился нам на головы и плечи. Да и что он нам, этот снег? Всего лишь контраст, альтернатива. Обратная сторона того пионерского лета, когда мы прятались от костра в хороводе корабельных сосен, чтобы сказать друг другу глупые, но самые правильные слова. Тогда ещё ухал филин, шумели верхушки деревьев. А сквозь них проглядывали звёзды, среди которых мы хотели увидеть искусственный спутник Земли.

И мы видели это небо и глаза наши блестели неистово, как пионерская клятва. И не было снега. Не было прожитых в разлуке лет, взросления и грязи, водки и ебли с разными там...

Сейчас нас ничего не интересовало, кроме невинной близости и ещё более невинной памяти. Нам было хорошо здесь - в холодном, тёмном месте, которое ещё

можно назвать лесом.

- Я не могу умереть, Лена, - оправдывался я.

- Зачем тебе это, дурачок?

- Не зачем, но и там в этом городе нет ничего, что могло бы стать моим счастьем.

- Ты ещё скажи, что счастье - это я.

- Не скажу, но подумаю.

- Глупый, да?

- Прости.

- Люблю тебя.

- Я тоже, а теперь иди - скоро снег кончится.

- Уже уйду, мне хватит надолго, до самой смерти.

- Не говори так, ведь твоё лето осталось с тобой, а моё со мной.

Я резко отпрянул от неё и побежал к дороге, не оглядываясь и ничего не замечая. В голове кружилась только та ещё не страшная картина, полная суеты и волнения...

* * *

Плаврук Стасов вытаскивает на песок девчонку в синем купальнике. Воспитатели окружают её и нервно дергают за хрупкие, синие руки.

Вожатые прогоняют нас в лагерь, а по песку мчится медсестра в расстегнутом халате, белом, как зима. Чуть поодаль стоит «санитарка» с алым крестом и кукушка смолкла в ветках сосен, словно устала от чьей-то жизни.

Когда её увезли, мы были в столовой. Ленкино место у окна было пусто. Все старались не смотреть на него, в том числе и я. Особенно я.

* * *

Я бежал по заснеженной дороге долго и вне реальности. Потом случайный дальнобойщик остановил меня в этом беге. Мы поехали в город, полный живых людей и мёртвых улиц. В городе снега уже почти не было, только серые пятна и лужи в свете ночных магазинов. По дороге к «андрюхиной» хате, я купил-таки водки и всякого там. Собственно, за этим меня и посылали, ибо разврат ждал, товарищи надеялись.

Уже сидя за тем же полированным столом я пел — «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно...»

И под эту антоновскую элегию в сумраке раннего утра слышались чавкающие звуки блядских поцелуев и шарканье носков по полу.

Глядя в окно я видел, как уходит с тротуаров постылый снег и где-то там, за

многоэтажками, появилось светлое что-то.

И во мне это светлое кружило голову, а может просто от водки сознание решило отдохнуть. Да, собственно, не похуй чего там в мыслях кружится.

Сейчас ещё время детское, женщины романтично подготовлены и бухгалтерские ласки ждут партнёров. Ну, не пропадать же добру, Анна Наумовна...

Я бросил гитару и поставил кассету с этим, как там его, Ста-сом Михайловым.

(2012 г.)

БУЯНКА

Всё, что я сейчас расскажу — правда. От начала до конца. Мне пиздеть не с руки. Иначе округ никогда не выберет меня в депутаты, даже если я самый конченный ублюдок и дегенерат. И никакой delirium tremens. Нахуй! Всё реально и без наебалова.

До сих пор я думаю - почему на следующий день после того вечера я не обратился к археологам. Надо было раскопки произвести и всё такое. Ну да хуй с ними, с археологами. Проехали. А всё начиналось просто и без пафоса.

* * *

Был у меня товарищ по кличке Хохол. Он приехал откуда-то из-под Николаева. Мы трудились на заводе холодильников. Я водил четырёхтонный погрузчик, а он страдал на конвейере. На этом чёртовом конвейере трудилась славная молодёжь. А сколько милых тружениц после трудовой смены нам приходилось катать на ночной пляж в уютные местечки.

Пролетарий - самое главное звено в любом обществе. Остальные, так, блядь, прослойка. Но, ну вы поняли.

Как-то после первой смены, получив что-то типа аванса, мы с Хохлом решили пить культурно. Культурно — это значит без блевотины, политики и сквернословия.

Мы купили «Старку», костромской сыр, оливки и ещё какую-то хуйню за 117 рублей 60 копеек. Мы не отправились в общагу, где пламенно проживал сам Хохол, потому что вместо культурного отдыха мы бы получили там тяжёлое похмелье, забавную драку или банальный триппер. Только лоно природы могло обеспечить нам классовое самосознание и куртуазный оттяг.

И мы пошли с трапезой и напитками в берёзовую рощу на берег реки, по кото-

рой когда-то монархический элемент Петр Первый спускал корабли на Азов. Там (на реке) квакали высокоинтеллектуальные жабы, и шумел камыш. Деревья гнулись, чтобы разглядеть, чего же это у нас там.

А там был мир в ладонях и небо в жемчугах. «Старка» лилась изящной струйкой в гранёный сосуд и будила воображение. Мы глотали нектар и жевали оливки. Хуйня за 117 рублей 60 копеек так и осталась нетронутой.

Мы вели заоблачные беседы про принцессу Диану, перерождение блядства и трудовую дисциплину.

В последней теме мы подробно обсуждали поведение мастера второй линии Ролдугина, который в пьяном виде заснул в холодильнике и, минуя необходимые операции, попал в ОТК. Там холодильник с ним протестировали и, как рабочее изделие, отправили на упаковку. И только когда грузили свежую партию в Казахстан, Ролдугин проснулся. Хорошо ли это? Кто его знает? Был бы он сейчас мастером по сборке каких-нибудь «Daewoo». Хохол считал, что мастер нарушил как минимум пять правил трудовой дисциплины. Я доказывал, что одно - проснулся не вовремя.

Вторая бутылка «Старки» заставила нас прислушаться к голосу природы. В ветвях тоскливой ивы пел соловей, а на противоположном берегу кого-то торжественно ебали. Белокурая головка счастливой девы мелькала в кустах подобно путеводному маяку.

И вот закончилось то, что и должно было закончиться. Настал момент, когда культурный отдых стал понемногу заёбывать. Поэтому мы с Хохлом решили идти в общагу. Постоянство не совсем хороший признак. Менять формации - это одно, а разнообразить свободное время - это совсем другое.

Мы шли старой монастырской дорогой через исторические места, святой источник, Успенскую церковь в направлении Ниженки. Это вселяло в нас, как минимум, пошлые мысли о краеведении. Мы спорили о заваленном подземном ходе, таинственных пустотах в районе Ниженки и потусторонних выходцах.

Тем не менее, стало потихоньку темнеть. Мы проходили мимо водозабора, когда Хохол крайне резко высказал свое непреодолимое желание поссать. Конечно, он мог просто стать посреди дороги и, повинаясь древнему инстинкту, опустошить мочевой пузырь.

Нет же. Он, подлец, с диким воплем подпрыгнул на месте и сиганул в кусты, словно раненый кабан. Дешёвый фокус. Конечно, если тебе приспичило «по большому», валяй, прыгай, но из-за «малой»... Просто неприлично.

Я закурил и стал ждать. Вечерний соловей продолжал свою лирику, металлургический комбинат «парил» небо выхлопными газами. Я задумался о вечном и очнулся от того, что меня укусил комар. Эта мелкая тварь не имеет политического кредо и потому паразитирует на обществе. Мне, как обществу, это ни хуя не понравилось. Не понравилось мне и то, что Хохол уж очень долго ходит по

«нужде».

- Эй, Хохол, ты скоро там? - нетерпеливо позвал я, осознавая неотвратимое нашествие ебучих комаров.

Тишина. Вы понимаете, это была не просто тишина, со всякими там шорохами и отдаленными вздохами. Это была тишина мёртвая. Я это понял сразу и меня прошиб ледяной пот. Соловей уже не пел, листья кленов не трепетали на ветру. Да и ветра никакого не было. Мир остановился рядом со мной и тоже закурил.

- Ау, ёбанарот! Что за шутки, Хохол, хорош ссать, пошли в общагу! - крикнул я, и слова, отразившись от известковых

валунов, вернулись в подсознание панической тревогой.

Вы когда-нибудь оставались одни? Конкретно, абсолютно, ну типа как в лифте или там на лестнице с зонтиком? Это страшно. Это ох как страшно! Я был вне времени, вне пространства. Я был нигде.

Конечно, передо мной всё так же белела старая, разрушенная стена, разьебанная дорога и могильная плита какого-то попа со стёршейся надписью. Густые кусты, где пропал Хохол, были черны, как уголь. Оттуда несло тленом. Они были похожи на когтистые, венозные руки престарелой гражданки. И эти руки тянулись ко мне.

Я пытался сдвинуться с места, но не мог. А густая тишина сжимала воздух, как компрессор. Сосуды моего головного мозга едва не лопались. Это был пиздец. Неотвратимый и ужасный, парализующий пиздец!

- Хохол, сука, нада съёбывать, - последний раз попытался я вырваться из тишины.

- Гражданин, который сейчас месяц? - услышал я хриплый усталый голос.

Тишина слегка отступила. Я вздрогнул и как бы очнулся. Передо мной стоял невысокий мужичок в помятой кепке и серой ветровке. Его обувь была измазана глиной, а глаза выражали страдание и ещё какую-то муть, неподвластную описанию. Его посиневшие кисти рук были крепко сжаты, как перед прыжком с моста в целях самоубийства.

- Июнь, - односложно ответил я, понимая что-то.

- Спасибо вам. Извините, но там ваш товарищ, а карета уже выехала. Я пойду, неужели три месяца прошло, я пойду, спасибо, спасибо. Саше необходима помощь, зовите его....

Мужик в мятой кепке почти побежал по дороге и исчез волшебным образом, как и появился. Я опять ощутил вязкую тишину и, противясь ей, сделал шаг к кустам, в которых пропал Хохол. И тут до меня дошли слова неизвестного гражданина. «Саше необходима помощь». Саша - это же Хохол. Он в беде. Что за хуйня?

Он говорил: «Зовите его...». И тут мне стало всё похуй. Я начал орать, как на митинге.

- Хохол, блядь! Иди сюда, иди на мой голос, я здесь. Хохол! Хохол!!!

Голос мой креп, тишина отступала, кусты позеленели. И вдруг на дорогу с треском вывалился взъерошенный, бледный Хохол. Его кроссовки были всё в той же жирной глине. Он схватил меня за локоть и поволок по дороге, прочь от этого места. Он пытался что-то сказать, но вместо слов его глотка воспроизводила ортодоксальные звуки доменного производства.

Сидя в общежитской комнате на шатающихся табуретках, мы пили самогон. Руки Хохла всё ещё дрожали, когда он вливал в себя эликсир забвения. Но он уже мог говорить и его рассказ меня не веселил.

- Я, значит, захожу в кусты. Темно. Ну, не совсем чтобы. Поссал. Штаны на замок и обратно. А обратно не получается. Иду вперёд в темноту, в пещеру какую-то. Блядь, старинная кладка, глина под ногами, и, главное, кричу тебе, а ответа нет. Я охуел сразу, что за поебень? Куда ни пойдёшь, везде этот подземный ход. И свет как будто откуда-то издалека виднеется. Какие-то боковые проходы, ящики, крысы. Страшно, бля. Я себе по еблу как дам Видишь, вспухло. И ничего... Лабиринт ебучий. Кричать начал. Только эхо и шарканье, словно в нашей мэрии. Потом вдруг мужик какой-то выскочил из бокового проёма. В кепке. Испуганный. Тише, - говорит. - Буянка услышит, в поместье заберёт. Какая, бля, Буянка? Чё ты несёшь, где мы? - спрашиваю. А он глаза страшные сделал и говорит: - Барыня Буянка здесь в карете катается с солдатами. Её в прошлом веке бабы-крестьянки удавили в поле. Она мужичков,

что поздоровей, приглашала в усадьбу и заёбывала до смерти. Забавлялась, сука, так. А крестьянам убыток верный. С ней солдаты пьяные всегда таскались. Но таки не уберегли. Удавили барыню вожжами и закопали незнамо где. Только после этого ещё хуже стало. Начала эта Буянка по ночам на чёрной карете разъезжать и кого поймает, у того всю душу и высосет до капельки. Беда, да и только. Но потом всё же нашли место, откуда она появляется. Этот подземный ход как раз то место. Завалили крестьяне этот ход нахуй и безобразия прекратились. А я вот, местный краевед, нашёл этот грот. Сунулся сюда и потерялся. Видно, не всё можно науками объяснить. С весны тут прячусь. Крыс жру. А карета эта чёрная то там появится, то тут. Бегаю, как заяц. А она, Буянка эта, чувствует, что кто-то живой есть тут. И ищет. Вон слышишь, сюда движется... И мужик съебался, как в сказке. Просто исчез. Мама родная! Как только до меня дошло всё это - караул! И тут вижу - правда, карета. С фонарями угольными. Кони чёрные - кожа да кости. На козлах возница - покойник. И сама барыня в фиолетовом бархате. Вместо лица мумия, блядь, какая-то. Глаз нету и только зубы светятся. И едет прямо ко мне. Я чуть не усрался. Как вхуярил по глине с пробуксовкой. Всё равно лошади быстрее. Догонит, думаю, пиздец. Как я завтра в первую смену-то выйду. И вдруг, слышу твой голос. Как из-под воды. Глухой такой, но реальный. Тут я уж такой спринт выдал, что не горюю. Твой голос всё отчетливей. И, наконец, влетел в кусты, а из них на дорогу. Там ты стоял, как вампир какой. Вот такая хуйня, Беспяткин.

Хохол влил в себя ещё порцию местного виски. Я тоже. Мы молча посидели.

- Ты знаешь, а тот краевед тоже съебался из лабиринта, - сказал я.

- А я у него даже имени не спросил, - задумчиво пробормотал Хохол.

- Оно тебе надо?

- Да, вообще-то, нет.

- Пойдем лучше к Надьке, там пожрём и всё такое, - отряхнул я от себя нахлынувшую тревогу.

- Пойдём к Надьке, — монотонно ответил Хохол, и я понял, что его не отпускает зловонное наваждение тёмной сырой пещеры.

Пройдет ещё немало времени, пока он свыкнется с мыслью, что избежал тотального забвения и банальной смерти.

Завтра на завод мы не пойдём, это факт. А то мастер Ролдугин будет заёбывать своим планом в 700 холодильников в смену. И вообще, в пизду все эти холодильники.

P.S. Сейчас Хохол воюет где-то в Югославии, если там, конечно, кто-то воюет.

(2007 г.)

ГРАЧИ

1-е Мая! Неувядаемый шумный и светлый праздник. Все, кто пашет, сеет, жнёт, точит громадные болванки для маховиков пусковых двигателей или тянет электрический кабель, выходят на улицу и улыбаются солнцу.

А ещё все радуются светлой морали и законному поводу въебать водки. Мы, студенты Курского мединститута, были выгнаны на улицу Ленина и получили комсомольский наказ в придачу к транспарантам. Это всегда весело и толкает на поэтическую тропку. Ну, типа не жрать «Стрелецкую» на детской площадке, а смело и в ногу по главной улице с оркестром.

Стоп. Это я уже перепрыгнул. Демонстрация ещё не началась. Рано и, собственно, на душе погано. А всё потому, что у меня порвалась болоньевая куртка чёрного цвета. Вчера вечером порвалась.

Даже не так. Её порвал председатель студсовета Флейшер, когда отряд комсостава вылавливал нас из подвала общаги № 2. Ну, бухали мы там практически идейно и теоретически оправдано, какая нахуй разница. Никого не трогали, кроме баб и стаканов. Нет, надо же им было устроить облаву.

Это проходило как в фильме «Место встречи и всё такое». Короче, всех вытащили, а я разбил лампочки и прятался как вампир в тёмных провалах, блестя

початой бутылкой «Осеннего сада».

- А теперь Беспяткин... я сказал Беспяткин! - раздался хриплый голос активита Глотова.

Я молчал. Я растворился во тьме белёсым туманом, в попытке быть невидимым. Но студсовет знал, всегда знал, что если меня в подвале нет, то Земля не имеет вообще никакой формы. А мы знаем из глобуса, что она шар. Короче, они стали жечь газеты и продвигаться вперёд по низким закоулкам подвала. Они, как «василиски», чувствовали меня, мою трепещущую плоть и запах «бормотухи».

И вот я вижу в мерцающем свете горящей «Правды» чьё-то любопытное и столь же суровое лицо. Скорее не лицо, а так, силуэт что ли. Мне оставалось только въебать по нему (силуэту) ботинком и кинуться к выходу, рассчитывая на внезапность. Но внезапность не прокатила. Председатель студсовета Флейшер успел схватить меня за новую куртку. Куртка треснула, а весь актив скрутил меня, как агнца, и понёс на закланье. Я был нем и достоин, но куртка была безжалостно испорчена. И вот теперь я стоял и думал, каково это идти на Великий праздник труда и весны в такой рванине. Нет, лучше сидеть в комнате и завидовать коллективу, который плечом к плечу с песнями и алыми флагами пройдёт от института до кинотеатра «Октябрь».

Как глупо устроен мир - никакой диалектики, никаких декретов. Сплошное гегельянство и разврат.

- Беспяткин, хуле ты устался. Возьми мою «Аляску», - прозвучало в спёртом воздухе.

Это был мой «сокамерник» по общежитию украинский парень Свердан.

- А ты? — спросил я для проформы.

- Да ну его нахуй. Пока вы там орать будете, я кого-нибудь выебу, - зевая ответил Свердан.

- Точно, чувак. Ебля важнее политики, но отступает перед весной.

- Похуй, - услышал я спокойное слово и поймал брошенную твердой рукой обнову.

Куртка у Свердана была знатная, зелёная, с «косыми» карманами и блестящими замками. Она подошла мне больше, чем всей Украине тот чёртов полуостров Крым. И я одел её с гордостью и внутренним позывом к подвигам. Короче, на демонстрацию я летел как паровоз - вперёд и всё такое. Весенние грачи приветствовали меня, словно важную поправку к Конституции. Прохожие оборачивались мне вслед и, возможно, махали разноцветными шариками. Вдалеке гремел оркестр и шли народы.

Многорукий, многоногий, живой организм, ошетилившийся транспарантами и флажками, мощной рекой бурлил по улице Ленина. В эту реку вплетались ручейки из подворотен и рюмочных. Как сжимается сердце при виде этой державной поступи моего, советского народа. Блядь, я должен быть в строю! Я знаю слова

«Интернационала» и «Эх, хорошо в стране...». Без меня обойдутся, но я без коллектива — ноль, тля, мелкий собственник.

Я бежал, расталкивая демонстрантов, к своей группе. Ведь мы договорились после торжественного шествия срулить на блядки в общагу швейной фабрики. Там лучше, чем в педагогической обители. Никаких тебе Тургеневых и салфеток.

Чистое искусство рабочей ебли без утонченности и эстетства. Там можно говорить слово «хуй» без кавычек и играть на гитаре без одной струны. Впрочем, это другая история.

Итак, я догнал «своих» и выхватил флаг у профорга Светы Булкиной. Потом я подхватил «Марш бригад» и забыл обо всём на свете. Может быть, я так и прошёл бы весь маршрут в восторгах и классовой гордости, но это было бы неправдой. Ну, в смысле исторической достоверности. А история не терпит всяких там подтасовок и отсебятины. Это сейчас любой импотент-блогер может врать про Сталина и нести чушь о Лаврентий Палыче. Время брехунов и стяжателей, блядь!

А я не такой, я врать не буду, хоть это и позорный факт из советской истории, но вся ответственность будет лежать на мне, когда наступит время брать Зимний. Ну, собственно, ответственность лежит не только на мне, но и на тех грачах, которые прилетели специально к этому знаменательному дню. Я до сих пор считаю, что эти перелётные твари, эти эмигранты и капиталистические агенты, специально готовили провокацию. Прилетели они для того, чтобы коллективно обосрать прекрасную свердановскую куртку, давшую мне пропуск на светлую демонстрацию и заодно поссорить народы. Об этом я узнал от моих товарищей по духу и идее.

Вся спина и пол рукава были засраны с профессиональной точностью. Это было похоже на остров Япония и там ещё островки помельче. Такие спорные, гадкие островки. Я замывал помёт в ближайшей «колонке» и это было ужасно. Жирное гавнище чёртовых птиц только размазывалось по великолепной, плотной ткани и это не напоминало живопись фламандских классиков. Это напоминало только говно и ничего более.

Колонны товарищей ушли в светлое будущее, а я остался в мрачном настоящем и был зол на эволюцию и Дарвина. Меня терзали мысли, далёкие от «Марсельезы». Я думал о том, что сказать Свердану и как попасть на блядки.

Мелко скажете вы. Да, мелко. Да, недостойно комсомольца. Но это правда и стыдиться тут нечего.

Я до сих пор считаю, что эти перелётные твари, эти эмигранты и капиталистические агенты, специально готовили провокацию. Это были первые шаги мировой контры, направленные на расшатывание и дискредитацию советского строя. Ведь те, которым жажда наживы рвёт сердце и мозги, способны на всё ради прибавочной стоимости. На всё, блядь, готовы!

Я до сих пор считаю, что эти перелётные твари,
эти эмигранты и капиталистические агенты, специально
готовили провокацию.

Через несколько лет мы увидели и познали насколько серьёзно «Моссад» и ЦРУ подошли к вопросу о развале СССР. По сей день мы наблюдаем, как нам срут на куртки и в головы. И уже не грачи, а сами знаете кто. Предстоит тяжёлая борьба для того, чтобы снова могли ходить на Первомайскую демонстрацию с чистым сердцем и ясной мыслью.

А началось всё с грачей, это я вам точно говорю.

(2012 г.)

ROYAL

Давным-давно, если кто не знает или там не помнит, продавался такой оптимальный алкогольный напиток — спирт «ROYAL». На этом рояле «играть», конечно, было стрёмно, и назвать его истинно королевским не давала совесть. Но тот, кто не пил эту крепкую абстракцию, может считать себя полным стилистом.

«ROYAL» подразделялся на три вида: с запахом жжёной резины, со вкусом шампуня и вообще без запаха и вкуса, но с опалесценцией (это такая волшебная муть, которая не осаждается). Лично я предпочитал первый вид, но всё зависело от погоды, вдохновения и закусок.

Если, например, вы полны вдохновения, а из закуски только «крабовые» палочки, то вам лучше пить со вкусом шампуня. Ежели с неба падают осадки в каплях и у вас нет ни закуски, ни вдохновения - пожалуйста, с запахом жжёной резины. В остальных случаях пейте с мутью, хуже не будет, да и лучше тоже.

Но самый главный, основополагающий и позитивный плюс этого пойла заключался в правильном соответствии качества, количества и цены. Если вы, скажем, не гламурный эстет или там умирающий лебедь, то «ROYAL» создаст и атмосферу, и уют, и настроение, и даже блевать будет не жалко. Конечно, если без закуски. С закуской жалко.

В тот вечер погода стояла тихая, со снежинками и усталыми милиционерами на запорошенных скамейках в парках. Вдохновение у нас, может быть, и было, но вот музы куда-то попрятались, а звонить им было лень. Поэтому мы взяли самый мутный спирт и, зайдя в гости к одному общему знакомому, просто по-человечески украли шмат подсохшего сала и две луковицы.

Если кто не в курсе - спирт эмульгирует (расщепляет) жиры и человек становится добрее и отзывчивее. Лук создаёт идеальную пищеварительную среду и содержит витамин «С». И заметьте - никакой цинги.

Так вот, я и барабанщик Бойков пожелаем провести вечер с «ROYALeM» и

искусством. Дело в том, что Бойков подрабатывал ночным сторожем в городском Доме пионеров. Это было старинное здание с колоннами в самом центре города на улице Ленина. Там юные дарования полировали свои таланты и учились всякому творчеству, ну типа хореографии, рисованию, шахматам и курению в туалете.

А ещё в этом замечательном притоне муз и возвышенных помыслов устраивались детские утренники, чисто хозрасчётные корпоративы для подрастающего поколения. Но на то они и утренники, чтобы проходить утром. А вот поздно вечером и ночью возле огромной ёлки, «произрастающей» из картонно-ватной избушки, можно было диалектически развиваться при помощи спирта «ROYAL» и никто не скажет тебе, что ты «пьянь без Родины и самооценки».

Короче, мы поставили стол и сервировали его вышеозначенными артефактами. Добавилась только трехлитровая банка с водой, для дополнительного эксклюзива.

Мы сидели друг напротив друга, как боги на Олимпе. Мы смотрели на стол и видели загадку жизни. Она мистически переливалась в литровых бутылках или, лучше сказать, опалесцировала.

Ещё до того, как стаканы были полны иллюзий, мы почувствовали близость великого праздника зимы и ещё вдохновение. А уж после того, как в желудках наших стали расщепляться жиры, вся жизнь стала понятной и своевременной.

- Внемли, Беспяткин. Почувствуй разницу до и после, - пророчествовал Бойков, совершая ритуальные пассы надкусанной луковицей.

Воздух наполняли благовония, как перед бальзамированием фараона. «ROYAL» рубил лимфатические узлы и развращал сердце.

- Разница есть, но важна ли она? - отвечал я и лил в стакан новую порцию спирта.

- Важна, Беспяткин. В этой жизни нет места безразличию, ведь из-за этого самого безразличия в стране такие глупости, как приватизация и ваучеры, — размышлял барабанщик, нюхая луковицу.

- Мы маленькие люди, Бойков, и желания наши мелки, как зеркальца.

- Маленькие люди не пьют «ROYAL».

- Пьют и не только его, всё пьют. А Большие люди заняты большими делами и потому Ельцин...

- Ельцин тоже пьёт!

- А давай баб вызовем, магнитофон есть, кассеты, — предложил я в продолжение темы.

- Сейчас позвоним, - кратко отрапортовал Бойков и мелькнул, как 25 -й кадр в сторону громадного бесплатного телефона на потрескавшейся стене рядом с портретом какого-то уголовника, находящегося в розыске.

Пока он шелестел наборным диском, я опять разлил спирт по стаканам. Бойков вернулся так же волшебным, как и исчез.

- Придут, родимые, - сказал он после того как.

И они пришли. Пришли неотвратимо, как цирроз печени. Две вертялые «металлистки» с шипованными поясами и готической косметикой. Понятно, что в такое время суток найти принцесс цирка проблематично, только вот эти банданы.

Но фокусник «ROYAL» взмахом своего девяностошестиградусного плаща превратил тыкву, то есть металлических леди, в некое подобие «наташ Королёвых». Согласитесь, тоже «не фонтан», но для закуски из сала и лука определённо выражено в каком-то там духе.

«Королёвы» пили спирт согласованно и бодро. Через полчаса обе лыка не вязали и пытались танцевать танго, трясая распальцованными «козами» и недостойными сиськами.

Впрочем, секс был. Однопалочный и далёкий от совершенства. Где-то там, в мастерской кройки и шитья или в кабинете директора.

Потом я с ополовиненной бутылкой «ROYALa» искал место для праведного сна и не находил. Везде были эти «королевы» и Бойков. Везде играла группа «Любэ» и трещали под ногами ёлочные игрушки.

И тут я узрел прекрасную, уютную избушку из картона и ваты. Хорошо! Это мой дом, это моя крепость! Это мой мир сновидений и отключки.

* * *

Рожденный спать, дрочить не может. Если только во сне, но это чистой воды гегельянство. Во сне надо очищаться от скверны и спасать из горящего дома Джулию Роберте или Софии Лорен на выбор. Благодарность сих красавиц не знает границ и от этого сон становится цветным и даже обладает запахом классической «Шанели».

И только под утро вы чувствуете запах пота и перегара. Да, именно под утро я почувствовал запах пота. И не только своего. Вдобавок, я слышал музыку. Песню слышал я.

Ёлочка, ёлка - лесной аромат.

Очень ей нужен красивый наряд.

Пусть эта ёлочка в праздничный час

Каждой иголкой рада-а-вает нас...

Пели нестройно и хором ангельские детские голоса. Наверное, так просыпаются праведники в Раю. Возможно так, если только вас не терзает тройственное чувство: жажда, головная боль и «малая», но мучительная нужда.

Я очень медленно открыл глаза и увидел над собой густые ветви сосны. Они спокойно плыли надо мной, как черепахи-тортиллы. Я повернул голову и понял, что центр вселенной всё же во мне. Средних размеров электромотор, посредством

зубчатой передачи вращал вал с сосновыми ветками и ёлочными игрушками. Сознание всплыло, как утопленник, и всё стало ясно.

Я в «теремке» с полбутылкой «ROYALh», а вокруг царит веселье и детское счастье. Утренник в самом разгаре. С Дедом Морозом, Снегурочкой и подарками.

Нет, я не ударился в панику, не поддался сиюминутному порыву сбежать прилюдно из избышки. Я почти трезво сообразил, что всему есть предел, в том числе и детскому утреннику. Надо только набраться терпения и ждать.

Как только я вспомнил, что нужно набраться терпения, то во мне проснулись все условные, а в особой степени и безусловные рефлексy. Радовало только одно — музыка играла громко и Дед Мороз ревел, как побирушка в метро на станции «ул. Подбельского».

Так, спокойно. Помочиться можно в центре избышки, главное, не попасть на электромотор, иначе КЭ и чёрте что ещё.

Я встал на колени и тихо так, струйкой, принялся орошать какие-то тряпки. В этот момент наступила гробовая тишина. Я замер и замерло моё физиологическое желание. Братцы, это ужасно! Это просто какая-то пытка.

- Bravo! - вдруг заорал Дед Мороз и я увидел в щель, как он взмахнул руками и погладил какого-то мальчика в костюме «бэтмена» по голове.

Видно, у них там был какой-то конкурс и этот мальчик его выиграл. Все захлопали в ладоши и я, успокоившись, решил продолжить процесс. Но, граждане, это не так-то просто оказалось сделать. Нет, я хотел. Но не мог. Я шептал какую-то мантру, но это не помогало.

Тогда я глотнул спирт прямо из горлышка. Отпустило. Полегчало. И я закончил начатое дело. Правда, сам «ROYAL» неудержимо рвался наружу посмотреть, что там и как. Срочно требовалась закуска, иль сок какой-нибудь.

Я принялся изучать местность. Это принесло позитивные результаты. Прямо возле картонного щита, через который я ночью вполз в избышку, привалился здоровенный шёлковый мешок Деда Мороза. В нём что-то было. Очень осторожно, под песни Евгения Крылатова, я приоткрыл калитку и выглянул наружу. Дети забавлялись со Снегурочкой, дергая её за косу, и скакали в беззаботной радости.

- А кто еще расскажет нам стишок про ёлочку? - приятным сексуальным голосом спросила Снегурочка.

- Я, я, я! - раздались звонкие голоса цветов жизни.

В это время я уже шарил в мешке дрожащей рукой.

Чёртов Дед Мороз! Почему у тебя только игрушки и никакой жратвы? Проклятье! Боже, не дай мне сблевать в столь светлое и непорочное утро. Не дай уподобиться гаду.

Я воздел очи к небу и увидел всё те же сосновые ветки. Но на этот раз я узрел большее. На ветках висели три конфеты и маленький пакет с яблочным соком.

Кто и зачем их тут повесил? Это уже пошлые вопросы, недостойные венца творения. Достойным мог быть только один вопрос - как достать эти прелестные предметы?

А за пределами избушки водились хороводы и щелкали не цифровые «мыльницы». Дед Мороз разошёлся не на шутку. Он сыпал отрепетированными каламбурами и прибаутками. Он заставлял ребятню скакать и крутиться вокруг собственной оси, загадывал загадки. Снегурочка тоже не отставала, и её эротичный диалект будоражил мою плоть и я тайно раздевал её через щели своего домика.

А конфеты и сок я достал очень даже просто. Пока Дед Мороз «разводил» детей на стишки про Зимушку-зиму, я воспользовался его посохом, который он прислонил к избе. Я воспрянул духом. Меня как бы нет на этом празднике счастья, я невидимый джинн, фантом, нечто.

Эти мысли рождались во мне после очередного глотка «ROYALa». Но я участвовал в утреннике инкогнито и волшебю. Я подпевал весёлые песни, хлопал в ладоши и даже один раз заухал филином. Это вызвало легкое раздражение у Деда Мороза, но уж никак не у детей. Я представлял, как буду идти по заснеженным улицам, и шатаюсь, объяснять прохожим, что дети — наше всё и я верю в Великий Устюг.

* * *

И тут случилось страшное. Нет, пожара не было и земля не тряслась. Все оказалось гораздо проще. Мне ужасно приспичило по «большому», просто «гигантскому» делу. Это случается с каждым в разное время и при всяческих обстоятельствах. Только одним достаются удобные сортиры с кондиционерами и миникинотеатрами, а другим метро в час пик или церемония вручения правительственных наград. А бывает ещё под ёлкой на детском утреннике. Ну, понятно, ага. Он велел нам терпеть, но вряд ли там имелась в виду именно эта ситуация. Терпеть, не терпеть? Это не вопрос, это демагогия. Во мне рождался Везувий и я бросился искать место. Обделаться прямо тут себе под ноги — увольте. Я давал пионерскую клятву.

В это время, верю Боже, верю, Дед Мороз и Снегурка затеяли грандиозную эстафету со стульями и какой-то верёвкой. Дети путались и визжали.

Исторический момент настал. Беспризорный мешок с подарками одиноко валялся у картонной дверцы. Я сместил пространственно-временной континуум и исчезновение мешка мог заметить разве что супермен какой-нибудь. Потом я резво вывалил игрушки на пол и в пустой мешок сделал в него все неотложные дела. Наслаждаться неземным освобождением времени не было. Поверх «мощной» кучки я накидал призы — игрушки.

Дети продолжали хохотать, а дед Мороз стучал своим посохом. Я осторожно

вернул мешок на место. Я реально считал себя нобелевским лауреатом, если конечно за такое дают премию. Ведь дед Мороз не будет доставать все подарки, он не идиот, ещё куча «ёлок» впереди. Так что всё будет в порядке. Разве только что запах. Да, запах конечно был, тут я согласен и готов понести административное наказание в размере 100 рублей. А что вы хотели от лука. Витамины всё ж. В это время вспотевший Дед Мороз схватил свой мешок и грохнул его прямо посредине зала.

- Что ж, ребятки, дорогие! Что ж, ребятки золотые! Очень хорошо вы себя вели, порадовали нынче деда и его внучку, повеселили. И за это я разрешаю вам самим выбрать подарки из моего огромного мешка, там на всех хватит, - рявкнул Дед Мороз, словно на митинге.

И бросились счастливые дети к заветной торбе в сладостном предвкушении, а я устало сел на пол и допил последнюю дозу «ROYALa». Мне это было необходимо.

(2008 г.)

ВЫИГРЫШ

Лёхе Токину всегда везло. Ну, просто везло, как последней сволочи!

Если мы попадали в женскую общагу для блуда и самоутверждения, то мне всё время попадались толстые, грубые кобылы с раздвоением личности, а ему глупые, симпатичные блондинки, специально созданные для необременительного полового времяпровождения. Или меня обязательно поймают контролеры, если я забуду взять студенческий билет, а его без этого билета даже в электричках не трогали.

Короче, он был отмечен какой-то высшей печатью, а я малозначимым штампом где-то в правом верхнем углу. В общем, ему опять подфартило. Под самый Новый Год.

Были раньше такие денежно-вещевые лотереи по 30 копеек. Их насильно «впаривали» старосты групп, грозя разборками на комсомольском собрании. Приходилось брать и верить в то, что через две недели ты выиграешь автомобиль «Жигули» за пять тысяч. Ну, понятное дело, эти «Жигули» выигрывал кто-то в Соликамске или Куйбышеве, но только не в Курске, только не в мединституте, где мы с Лёхой честно прогуливали лекции и бухали неистово, по-комсомольски.

Так вот, Лёхе всё же повезло и с этой чёртовой лотереей. Он героически выиграл надувную лодку «Нырок» за 87 рублей 53 копейки. Об этом он мне и сообщил торжественно и ярко 30 декабря 19... года. И тотчас мы ринулись в сбер-

кассу, в которой был «короткий день».

Я ещё было заикнулся про саму лодку на предмет экстремальных путешествий по рекам СССР, но был сбит железной логикой — что пить на Новый Год?

Как правило, все отложенные деньги, кончались примерно за три дня до праздника, и приходилось идти на железнодорожную станцию, где за 3 рубля плюс две бутылки водки грузить машины ящиками с ценным бухлом. Естественно, пока шла погрузка, происходило и мелкое воровство в пределах ящика горькой настоек «Стрелецкая».

Но сейчас мы гордо и независимо шагали по улице Ленина. У каждого в кармане было по 43 рубля с мелочью. Это были огромные деньги, граждане. Особенно для студентов медицинского института.

- Предлагаю завтра не совершать лишних движений и утро начать с вина, - важно произнес Лёха, сплёвывая шеуху от семечек.

- А сегодня? - гуманно спросил я.

- А сегодня надо хотя б в хате прибрать, - зачем-то ответил он.

Ага, полгода не убрали, а сейчас прямо чистота понадобилась. Смысл какой?

- Эта лотерея - знак. Напоминание, что мы люди, а не скоты какие-то. С Нового Года в новую жизнь, - уж совсем странно «задвинул» Лёха.

Я посмотрел ему в глаза и не нашел признаков душевного расстройства. Может, он и прав? Ладно, пошли чистить комнату.

Лёха жил в общежитии железнодорожников, куда его пристроил отец, главный проверяющий хирург по Северо-Кавказской железной дороге.

У Лёхи в распоряжении была маленькая комната на первом этаже с кособоким шифоньером и двумя скрипучими железными кроватями. Я, как человек без определенного места жительства (временно), входил в эту комнату через окно, посредством специального ящика из под болгарского зелёного горошка «Глобус». Лёха шел через вахтёра и открывал щеколду на раме. Через это окно мы принимали гостей и пэтэушниц. Из него мы смотрели на внешний мир и мечтали о вселенском равенстве и братстве.

На первом этаже не было сортира, а идти ночью на второй этаж в трусах и грязных ботинках было стрёмно. Поэтому мы струячили в бутылки из под пива и вермута. Бутылки аккуратно расставлялись под кроватями и абсолютно не напрягали. Вместо мусорного ведра мы пользовались газетой, расстеленной посреди комнаты. На неё же бросали всевозможный мусор и окурки.

Только два неудобства было в этом помойной зоне — вонь и необходимость обходить «могучую кучку». Но ко всему в этой жизни можно привыкнуть, даже к белой горячке. А уж мусор — вообще дрянь.

И вот, сегодня мы по-геракловски расчищали конюшни и сливали мочу из бутылок в какую-то старую кастрюлю. Пять раз мы выплескивали эту кастрюлю за борт и теперь под окном у нас разлилось «жёлтое озеро», благоухая омерзитель-

ным образом. Проходящие мимо железнодорожники напрягали лица и вытирали глаза форменными манжетами.

Уборку мы закончили поздно ночью и трезвыми завалились на кровати. Мой сон был непорочен и сладостен. Никаких говорящих тапочек и Дип Пёрплов.

* * *

Я проснулся раньше Лёхи и наполнил пивную бутылку утренней росой. Она искрилась в лучах радостного солнца, как токайское какого-то там урожая. Осторожно поставив ёмкость под кровать, я открыл форточку.

Вместе с морозом и солнцем в комнату ворвался специфический вокзальный запах. Ну, вы знаете о чём я.

- Вставай, Лёха, на улице праздник и поют провода о чём-то своём, высоковольтном, - громко и почти торжественно произнес я.

- Я щас, только допью «Агдам», - откуда-то из мира грёз раздался голос Лёхи.

Опять один бухаешь? Давай поднимайся для настоящих подвигов, — гнул я свое.

В итоге Лёха, почёсываясь и бормоча какие-то заклинания, прошлёпал к шкафу и безо всякой цели заглянул в него. Не найдя там ничего интересного, он зевнул и потянулся за пустой бутылкой.

* * *

Мы шли бодро, подгоняемые умеренным морозом. Снег хрустел под ногами поновому и солнечные блики кололи в глаза приятными вспышками. Наличие в карманах сорока трёх рублей с мелочью и желание выпить вина делало утро волшебным и стоящим того, чтобы называться утром.

В гастрономе на площади Перекальского революция не свершилась, там пока ещё только брали «Зимний» народы, избавленные от прибавочной стоимости. Толпа была многорука и стоумова. Какими-то фантастическими пассажами деньги переправлялись в зарешеченное оконце, а оттуда в обратном направлении, как перелётные птицы, правильным косяком летели «огнетушители» и поллитровки. Попадались, правда, и какие-то гадкие утята в виде бутылок с «жигулевским», но это никого не напрягало.

Мы с Лёхой органично влились в ряды алкашей со светлым будущим. Такого единства сейчас нет и навряд ли когда будет. Плечом к плечу, дыша перегаром и плановой экономикой, мы терпеливо коротали время в предновогодней очереди за необходимыми объёмами волшебства. И, наконец, мы вышли на улицу с красной спортивной сумкой, в которой звякали и манили атрибуты праздника.

Короче, мы взяли две «Столичные», две «Андроповки», четыре красного

«Аиста» (по оригинальной технологии) и одну шипучку «Салют» (на всякий случай, для возможных дам). Из закуси — сырки «Орбита», венгерское сало и хлеб.

Идти было легко и морозно. Прямо в парк «Пионеров» направили мы свои героические тела. Но там, возле деревянных гномов с неприличными надписями, нас ждал вселенский облом - милицейский патруль уже вовсю хлестал водку.

Да, это очень неприятно. Не то что они пьют водку с утра, а то, что выпив её, они реально могут отобрать эту водку у нас.

- А пошли на крышу, как тогда, помнишь, ночью перед экзаменами, — предложил Лёха.

- Верняк, пошли, - согласился я, понимая торжественность обстановки.

Серые девятиэтажки мы жаловали своим посещением не часто. Только если справить нужду в непринужденной обстановке или по-быстрому употребить вермут там, иль «777».

Но недавно мы открыли для себя новый вид самоутверждения. Сидя на краю парапета и обозревая окрестности, как птицы, мы пили водку и плевали вниз. Это было фантастично и давало зарядки часа на три.

И сейчас, в предновогоднее утро, мы совершили этот ритуал, который оказался в «тему». Именно там, на крыше, мы решили сходить в кинотеатр и приобщиться к важнейшему из искусств. Наша сумка облегчилась на одну «Столичную» и «Аиста», а головы наполнились иллюзиями.

В кинотеатре «Юность» шел странный фильм «Скорость», в котором звучала песня Андрея Макаревича о перемене каких-то там мест.

Нам же места достались в самом центре, откуда хорошо наблюдать за действием. Но лучше б мы сели на «галерке». Там и выпить можно и даже поспать, если что. А тут сплошная чертовщина. Какой-то автолюбитель на самопальном агрегате мчался по извилистой трассе. И, сука, мчался от первого лица. То есть, зритель сам как бы находился в кабине, ну вы понимаете. Может, кому-то это и щипало нервы, но мне это щипало желудок, вызывая рвотные рефлексy. Меня конкретно укачивало. «Проехав» пяток километров, я понял, что имею полное

право блевануть. Лёха забрал у меня сумку и напутствовал одним словом:

- Дерзай.

Я стремительно стал пробиваться к выходу. Интеллигентно и молча, я ступал по чужой обуви и не извинялся. Но всё же, в конце ряда, пришлось выпустить часть заряда. Это не понравилось не только публике, но и мне. Кто-то дал мне по горбу. Но всё же, я был настойчив и выбрался на улицу.

Из последних сил я добрался до покосившегося забора, упёрся руками в гнилые доски и излил душу перед природой. С каждым извержением я чувствовал лёгкость метафизического полета и чей-то пристальный взгляд за спиной. Я уже знал, кого увижу, когда обернусь и сознательно оттягивал эту операцию.

- Ну, что там у нас, всё в порядке? - демонически был поставлен вопрос тех,

кто за спиной.

Одну минутку, товарищи, я буду... - сумбурно ответил я, засовывая в рот два пальца.

- Хорош, шутки шутить, одевай шапку и поехали, - прервали меня строгие голоса.

В «бобике» было также холодно, как и на улице. Его трясло на ухабах благодаря жёсткой подвеске. Мозг сверлила одна только мысль — «с институтом покончено».

Вдруг автомобиль резко затормозил. Я напрягся, готовясь к побегу или отчаянной лжи. Но когда дверцу распахнули и меня вытащили в праздничный, сияющий мир всё само собой разрешилось.

- Ты студент? - задали органы своевременный вопрос.

- Да, у меня нет денег, но вот семечки и билет в кино, оно ещё идёт, - отвечал я честно, как было завещано.

Причина моего извлечения стояла рядом. Это был представительный человек, доступный всем ветрам и незаконным поборам. Меня выгодно поменяли на него. УАЗик с козырным пассажиром умчался в снежную даль, оставив меня на мосту через речку Тускарь.

И побрёл я пешком в сторону общаги железнодорожников, радуясь потускневшему солнцу и свободе выборов.

Лёху я ждал не долго. Ему фильм тоже не понравился и вскоре мы пили «Столичную» в нашей комнате с мусорной кучей.

Я смаковал своё приключение по каплям. Лёха радовался, что Новый Год уверенно идёт к продолжению. В итоге мы всё же решили, что пить в общаге, как какие-нибудь зомби, пошло и глупо.

- Предлагаю отметить смену календарных формаций в Харькове. Там людей много и я хочу купить скрипку, — грохнув по столу кулаком, крикнул я.

- Принимается! - как на митинге заорал Леха.

- Там, кстати, можно и бутербродов купить.

- И «Пепси»...

Мы рванулись в сторону вокзала. А на улице уже конкретно стемнело.

Это было, как в старых фильмах режиссёра Рязанова. Снег хлопьями, похожими на бабочек капустниц, окружал нас весёлым хороводом. В окнах частного сектора горели ёлочные гирлянды и играла музыка группы «Круиз».

Мы вышли к Курскому вокзалу заповедными тропами. Он встретил нас, словно Кремлёвский дворец съездов. В самом помещении было тепло и возбуждённые пассажиры разных направлений пили огненные воды, блестя глазами и сапожным кремом. В зале ожидания было слишком светло, да ещё эти картины с колосьями пшеницы...

Мы спустились в чрево вокзала — подземный переход. Здесь, как в Аду,

кипела жизнь и совершались грехи.

Мы тоже выпили. «Огнетушитель» «Аист» (по оригинальной технологии) пришёлся кстати. Там же мы купили бутерброды с жареной колбасой и «Пепси». Грязный пол принимал наши окурки как должное.

Вскоре мы познакомились с каким-то дембелем. Тот добирался домой в Белгородскую область аж из самого Смоленска. Добирался уже три недели. Добирался упорно и поступательно. Но силы природы были неумолимы. Начав пить у родного КПП, он не смог остановить благородный процесс и это лишило его сначала денег, а потом географической ориентации.

Тем не менее, сегодня он находился в двух часах от дома и потому был вдохновлен идеей пригласить кого-нибудь в гости. Мы согласились быть его гостями и даже купили три билета до Харькова. Это было условие. Сначала Харьков, потом Белгород.

Дембель делал руками хореографические па и шипел, подражая паровозу. Мы воодушевлённо «прикончили» «Андро-повку» и запели «Интернационал». Наш порыв подхватили окружающие граждане, всё шло к грандиозной постановке «Бориса Годунова». И тут, сквозь радужную пелену, я увидел её...

* * *

И тут, сквозь радужную пелену, я увидел её. Вернее, ощутил этот душераздирающий взгляд карих глаз, огромных, как наш выигрыш. Я был остановлен во времени, но качался в пространстве. Наплевать! Качаться можно, если ты пьёшь «Андроповку» и поёшь про «решительный бой».

Но я уже не пел. Я плыл к ней в золотой гондоле сквозь метеоритную пыль и эволюцию. Она ждала меня долго у причала и не моргнула ни разу. Что-то происходило со мной. Это, наверное, и была та самая дрянь, которую в бразильских сериалах называют любовью. И она была смертельна.

Бордовое пальтишко, модное по всем векторам, вязаная шапочка с орнаментом по экватору прекрасной планеты. Короткие оранжевые сапожки и румяные щёчки. И ещё этот хрупкий пар возле чуть вздёрнутых губ, как у японки. Она была одна на миллион. Да что там миллион! Она была единственной в этом грязном мире, где Лёха доставал последний «Аист» (по оригинальной технологии).

- Тебе холодно? - спросил я, не думая о билетах в Харьков.

- Мне страшно, - ответила она, думая о чём-то плохом.

- Здесь не может быть страшно, тебя обманули, - возражало мое второе я.

- Вон они стоят, видишь у колонны, - кивнула она куда-то влево.

Я посмотрел туда и всё понял. Их было трое. Два мужика в почти одинаковых, тёмно-зелёных «Алясках» и лицо кавказской национальности в непонятной одежде. Они смотрели на неё пристально и с желанием. Нехорошим, не новогод-

ним желанием. Это была охота. Охота на мою как бы любовь. Я было рванулся к ним, но она поспешно схватила меня за рукав.

- Не надо, я тут уже давно, - шепнула она.

- Я буду рвать их, — сумбурно воскликнул я, понимая, что наверняка порвут меня.

Это невозможно, они сильнее. Они хотели взять меня с собой в машину, но им помешали, теперь они ждут.

- Стой тут, не уходи, - сказал я и взял её за плечи.

Мерзкая троица о чём-то стала совещаться. И эти переговоры были плохими. Я знал это.

Чёрта лысого! Мрази! Вы зря всё это. Во мне не было страха. Это как раз тот случай, когда мир стоит копейки, а любовь дороже бутылки «Московской».

Я метнулся к Лёхе и дембелю. Те уже допили «Аиста».

- Остался только «Салют», - сообщил Лёха, разводя руками.

- Отлично, надо девушку угостить, - обрадовался я. - И ещё кое-кого...

Мы окружили её и предложили «шипучку» в единственном чистом стакане. Она улыбнулась и я понял, что всё будет хорошо и даже больше.

Через пятнадцать минут мы уже все вместе смеялись над приключениями гостеприимного дембеля и «добивали» дешёвый «Салют». Интернациональная вражеская группировка нетерпеливо топталась на углу подземного перехода. Они действительно были полны здоровья и тьмы. Но нам на это было чудесным способом наплевать.

Потом всё происходило, как в кино. Мы вчетвером выбежали на вокзальную площадь и я истошно завопил: «Такси!». Мои слова, наверное, были слышны даже в Новом Афоне. Сияющая «Волга» подкатила, как карета из «Золушки».

Мы завалились в «мотор» шумной толпой и водила «рванул» в ночь. За нами последовала бежевая «шестёрка». Казалось, зло имело свои реальные планы и отступить не собиралось. Да пошли вы...

Уже через десять минут мы остановились у панельной пятиэтажки в районе Мурыновки. Словно в добротном боевике мы повыскакивали из такси и как настоящие телохранители провели её в подъезд с мутной лампочкой без плафона. Лёха с дембелем захлопнули дверь, держа в руках по половинке кирпича. Я с ней поднялся на второй этаж.

- Спасибо, вот моя квартира. Как тебя зовут? - взволнованно говорила она глупые слова.

- Не вопрос, Беспяткин я. А там Лёха и дембель, имени пока не знаю, - ответил я не более умно.

Почему в таких ситуациях люди ведут себя, как последние идиоты. Ведь надо как у Александра Дюма задвинуть что-то типа: «Сударыня, ваши глаза говорят мне...».

Ничего подобного. Я чесал затылок и медленно спускался спиной вперёд по щербатой лестнице. Она стояла молча и просто смотрела.

Когда я был на четвертой ступеньке от второго этажа, Она вдруг сказала:

- Подожди.

Я замер. В её руках внезапно оказался маленький блокнотный листок и чёрный цилиндрик губной помады. Она суетливо написала на бумаге номер телефона и слово «Оля».

- Если захочешь, позвони завтра, - как-то испуганно чирикнула она и нажала кнопку звонка.

Мне показалось, что где-то запели колокола, созывая верующих к заутреней.

Пока я прятал волшебный листок в недра пальто, стараясь не попасть в карман с дыркой, она исчезла. Я в полусне спустился к пацанам и мы вышли на улицу.

Не пройдя и двадцати метров, мы попали под «раздачу». Нас били жестоко и правильно. Кровищи было, мама родная! Я потерял счет звёздам и времени. Но всё быстро закончилось, когда кто-то с балкона заорал, что вызвали милицию.

Две тёмно-зелёные тени и одна тень кавказской национальности метнулись в подворотню. Снег почему-то перестал падать. Наступила фантастическая, сказочная тишина, которую нарушил дембель.

- Да когда же я домой попаду, а?

* * *

Мы стояли в тамбуре вагона «Москва — Адлер» и разливали свежкупленную в ресторане «Столичную».

Опухшие кровавые физиономии вызывали в нас героический подъем и буйство разума. Нас ждал новогодний Харьков и 12 часов ночи. И мы прибыли в заветный город аккурат в это волшебное время.

А потом началось то, что и должно было начаться. Полет в бездну и возвращение из неё. Повороты вправо, влево и на 360 градусов. Я не купил скрипку, но я играл на ней. И все аплодировали мне, как Паганини в лучшие его годы. Леха водил хоровод вокруг громадной ёлки с какими-то немцами и пел по-немецки про «пять минут». Дембель показывал прохожим, где находится его родина. Ему дали денег. Много денег.

В итоге мы снова оказались на вокзале и с этого момента я уже ничего не помню.

* * *

- А ну слазь, слышишь, придурок! - оттуда-то из космоса раздался твёрдый, почти женский голос.

Я почувствовал, как мою ногу кто-то энергично дёргает, норовя утащить моё тело в Ад. Я отбрыкнулся, но это только разозлило невидимого агрессора.

- Ах так?

И я полетел вниз, по пути сообразив, где я нахожусь. Ударившись о купейный столик ухом, я восстал из мёртвых и растопырил руки.

- Спокойно, спокойно, согласен на ничью, - миролюбиво сказал я.

- Всё, приехали, Лозовая. Попрошу из вагона, - совсем не миролюбиво ответила мне громадная проводница со сбившейся прической.

Так я оказался на серой, невзрачной станции лицом к лицу с пургой и морозом. Где Лёха и тот самый дембель? Меня бесило то, что я не знал времени суток. То ли поздний вечер, то ли раннее утро.

Оказалось, утро (браво дворник, иль кто это там с ведром). Первое января 19...

Это счастье, граждане, если вы знаете дату и время. Это означает, что жизнь не сбежала от вас при удачном раскладе, как в детективном фильме. Вы полны идей и оптимизма.

И я был полон идей и оптимизма. Вначале я заглянул в грязный буфет и выпросил (не даром конечно же) пол-литру «Солнечной долины» с бутербродом из страннопахнущей селёдки и петрушки.

Потом я сел в проходящий поезд до Курска. Радиоактивное пойло дало мне забвение на три часа и уже зарю я встретил на Курском вокзале (настоящем).

Похмелье било меня в желудок и лобную часть. Пить не хотелось. Есть тоже. Хотелось спать членораздельно и без понтов.

До общаги железнодорожников я брёл в тумане и боли. Возле окна я поскользнулся на «жёлтом озере» и ушиб руку.

Наконец я достал из кустов ящик от горошка «Глобус», правильно установил его и надавил на раму. К счастью окно было открыто. Это просто здорово. По-веяло теплом и уютом. Обычно я ставлю руки на стоящий у окна стол и затем аристократично вползаю в комнату. Но на сей раз, мое самолюбие было унижено до крайности. Стола на месте не оказалось и я с гордо вытянутыми руками с подоконника низвергнулся на пол прямо в нашу легендарную мусорную кучу. Тут же зажёгся свет и испуганный Аёха шарахнулся к выходу.

- А, это ты? - странно прошипел он.

- Это я, - ещё более странно ответил я из облака сигаретного пепла.

- Куда ты пропал вчера?

- Все вопросы после сна, тихий час, с Новым Годом, - бормотал я, укладываясь в одежде на скрипучую кровать и проваливаясь в сонную пелену.

* * *

Проснулись мы часов в пять вечера. За окном темнело. Во рту было ещё темнее и страшней. Я взял зубную пасту «Чиполлино», мыло и серое полотенце.

Мылся я долго. На втором этаже, где форточка разбита.

Стало легче и я всё вспомнил. Но ещё сомневался. Тем более, что в кармане я не нашёл записки с её телефоном.

- Да я помню точно, где мы высаживали её, - сказал Аёха.

- Тогда поехали, а то мне как-то не совсем удобно, что ли, - предложил я.

- Только чур, пива по бутылочке, - поставил он условие.

- Не вопрос, — ответил я, расправляя мятые брюки.

* * *

- А дембель тот, так в Харькове и остался, его в метро «мусора» взяли, ослаб он совсем, - вещал Лёха, пока мы тряслись в промерзлом «Икарусе».

- Ничего, мне кажется, он найдет дорогу к дому, - бодрил я неизвестно кого.

Так, в пустопорожних беседах, мы добрались до той самой пятиэтажки, до того самого подъезда с пыльной лампочкой без плафона. Лёха не стал подниматься, сославшись на несоответствие одежды текущему моменту.

Насколько возможно, я осмотрел себя и остался недоволен. Но, тем не менее, на второй этаж я всё же поднялся. Я долго стоял возле двери и настраивался как перед финальным забегом на 200 метров с барьерами. Вдруг, где-то на верхнем этаже громко звякнул замок. Как выстрел. Я с испугу нажал на кнопку звонка.

Дверь приоткрылась, как будто за ней меня ждали и надеялись. В проёме обозначилось лицо немолодой женщины с трагическими складками на лбу. Её глаза были пусты и незначительны. Она молча смотрела на меня.

- Здравствуйте, а Олю можно? - тихо спросил я.

Женщина молчала целую вечность. Я думал, что она меня просто не расслышала. Я повторил вопрос громче и увереннее.

- Её нет, - без эмоций ответила мутная женщина.

- А когда она будет? - с досадой прохрипел я.

- Никогда...

Дверь тихо закрылась. Я тускло обозначался на площадке и возможно бы позвонил ещё, но меня остановил скрипучий старческий голос.

Я обернулся. Горбатая бабуся в козлячем платке и плешивой шубе пронзительно смотрела в меня. Видимо, это и была та соседка с верхнего этажа, которая намеренно звякала замком.

- Не звони, милоч. Она всё равно тебе ничего не скажет, больная она, душевно, - скрипнула она.

- Да мне только Олю позвать... - начал я, но старуха перебила меня.

- Нет Оли, уже три года как нет с нами, убили её.

- Как убили, кто? - ахнул я и бабка стала мутнеть в моих глазах.

- Шабашники какие-то, у вокзала прямо под Новый год, надругались и задушили Оленьку. Их потом нашли, а мать её так с тех пор и тронулась, - бормотала старушка.

Но я уже не слушал её и спускался вниз. Не время решать загадки. Мы просто ошиблись подъездом или домом. Пьяные ведь были. Однозначно ошиблись. Станным было только то, что я все же нашел записку с телефоном.

Лёха уже успел где-то купить пиво и сунул мне одну бутылку. Я машинально взял её и выпил в один гигантский глоток.

- Ну что, поговорил? - бодро спросил он, хлопнув меня по плечу.

- Нет её дома, в гости ушла к подружкам, - отмахнулся я и со всей дури всадил бутылкой по бетонному фонарному столбу. Бутылка разлетелась, как салют. Где-то залаяла собака.

- Лёха, у нас сколько денег осталось? - очень спокойно спросил я.

- Ну, выигрыш мы весь «спустили», а вот дембель всучил мне четвертной, перед тем, как его патруль накрыл. За вычетом двух бутылок пива по 45 копеек есть ещё в закромах что, - отпарентовал Аеха.

Тогда, поехали на Ленина в Октябрьский, там сегодня Женька Белоусов лаба-ет, поможет с бухлом. Нельзя останавливаться, иначе дрянь... — тараторил я, понимая, что наш поезд только слегка сбросил ход, но сейчас вновь набирает обороты и прыгивать с него поздно, да и не нужно.

Хорошо, что Лёхе Токину всегда везло. Ну, просто везло, как последней сволочи. И я не хотел бы рассказать ему про... Ну, вы понимаете, о чём я...

P.S. А ещё иногда я звонил Оле и бывало, что она отвечала. Мы могли долго говорить о всяком там. Но после того как убили СССР все телефоны потерялись и разбежались куда-то. Жалко...

(2008 г.)

ЛОСЬ

Яблоки, яблоки. Это был самый важный фрукт в жизни студентов и дворовых алканов в то время. Если у Пушкина была Болдинская осень, то у нас «Золотая», а ещё «Осенний сад» и, собственно, просто «Яблочное».

Эти зелёные бутылки с натуральными ароматами и привкусом Родины. Эти

дешёвые и многообъёмные, как СССР, напитки сохраняли в нас спокойствие перед ядерными угрозами и пропагандой насилия над третьими странами.

Мы учились, учились и учились. Всё как завещано. И пили, пили и пили, как декабристы. Не знаю, как сейчас, но раньше, в «золотую» эпоху, всех студентов единым строем отправляли на «яблоки». По крайней мере, нас, медиков, отправляли. Правда, кого-то по злым наветам «кидали» и на картошку в какие-то ебень. Но это, возможно, трёп контрреволюционных выродков, с них станется.

Это был благодатный яблочный рай в Курской губернии. Длинный одноэтажный барак, погреб, рукомойники в кустах жимолости и серый флаг с надписью «КГМИ» - это первое, что бросалось в глаза нам, первокурсникам, попавшим в природную среду с напутствия ректора. Скрипучие тюремные нары и матрасы с подтёками, закопчённые окна и мухи - это было после. То есть, это было всегда, но возникало не сразу, а по мере заселения.

Но мы обустроивались, как солженицины, и попадали под лёгкую «дедовщину» четверокурсников. Ну, типа, пиздили здесь не сильно, а чисто для порядка. По еблу и в «душу», а больше никаких извращений. Ну, может быть, ещё пошлют за винцом и на гитарке попросят сбавать про «толстого фраера». Ну, это вообще хуйня.

Короче, утром, с сухим и гадким ртом, мы плелись к рукомойникам, потом жрали рисовую кашу с хлебом, пили чайный напиток и расходились по садам. А в садах пахло осенью, и бабочки-адмиралы сонными огоньками полыхали на грязной падалице.

Посреди каждой «линии» стояли контейнеры на тележках. В эти зловещие ёмкости мы грузили собранные плоды Евы и местные трактористы волокли эту «музыку» в хранилища. Там работали четверокурсники, собирая ящики и общаясь с населением яблочного края. Самым эпичным событием во всей этой работе был обед и собственно конец работы. Короче, на благо страны мы закалялись как сталь и приносили пользу.

Ах да, бля, забыл! Мы соревновались звеньями. Это великое достижение того строя. Ни один, сука, капиталист с моноклем или без не позволит себе такое, потому как у них конкуренция. Это жестокий и глупый пережиток прошлого. Свободная конкуренция убивает человека, как в прямом, так и в переносном смысле. Чтобы наебать ближнего, буржуазия не остановится ни перед каким преступлением, это ещё старина Маркс доказал.

А в соцсоревновании всё не так. Всё потому, что в соревновании мы никого не наёбывали, кроме учётчика. Всё ссыпалось в общий котёл и разница состояла только в том, что в конце рабочего дня ты можешь гордо сказать членам другого звена: «А сосите вы хуй, наше звено собрало ебать сколько сегодня!». Ну, примерно так говорили.

За это нам не платили денег, как в дурацкой Америке, а говорили на утренней

«линейке» хвалебные речи. Это стоило того. Потому что деньги правили лишь теми, у кого они были, а остальным похуй. Это главный закон политэкономии, на мой взгляд. Нет, у нас были, конечно, рублики иль там копейки, но и «Яблочное» стоило не дороже. А вот вино и свежесть воздуха не убивает так человека, как конкуренция, а наоборот. Ну, там наполняет жизненной силой и видением будущего. Преимущественно светлого.

В общем, отправили меня «деды» за бутылками, а сами пошли в баню. За это мне причиталась отдельная посудинка с плодово-ягодным нектаром и арбуз.

У нас в погребе были арбузы. Никто не знал, откуда они появились, но эти сволочи были сладки и пузаты, как мечты космонавтов.

В магазине я загрузился официально заказанным пойлом и бухлом неофициальным. Это был венгерский ром «Казино», который в деревне и за так никто бы пить не стал, но возможно, я ошибаюсь.

Мы с пацанами из звена тайно решили попить картошки в лесу и запить её чем-то из мира чистогана. Я посчитал, что кубинский, блевотный ром «Гавана клуб» никуда не для интеллигенции, а всего лишь для грубых матросов. Потому я трепетно прижимал к груди произведение итальянских мастеров, а на горбу волочил мешок с русским реализмом. Великий художник Иван Шишкин наверняка бы одобрил меня в этот момент.

Так и брёл я в сумерках, меж шелестящих яблонь, цепляясь за кусты тёрна. Земля была мягка, небо чисто, а вдаль у бани кого-то весело пиздили. Все звуки были в гармонии и крики «на, сука!», «ебашь его нахуй», «у-у, бля!», «убью!» вписывались во Вселенную как все законы Ньютона.

Хорошо, что я в баню не попал. Впрочем, если конфликт возник, то местные могут нагрянуть и в наш барак. Это как пить дать. Надо будет съебаться на дегаустацию сразу после ужина. Праздники отменять - это удел либеральной сволочи. А мы, которые в едином строю, праздники не отменяем.

Так и произошло. Я, Паша Довгань, Серый и Аркаша съебнули как подпольщики и наш уход не был замечен даже дворняжкой Бертой. Правда, за нами увязались две хохотушки с большими сиськами - Аня и Лариса. Конечно, сиськи бы не помешали, но вот делиться ромом было неохота. Впрочем, я захватил для дам два «Яблочных» декокта.

И опять таинственность среднерусской ночи, треск цикад и вечные тургеневские тени. Мы пересекли посадки и углубились в лес. Именно в лесу мы разожгли крестьянский костерок и покидали в золу картошку, спизженную на кухне.

Кто хоть однажды сидел вот так, кружком возле весёлого огня, ковыряя палочкой в золе, тот вряд ли забудет то волшебное чувство сказки, когда можно верить в леших и кикимор, клятву Гиппократ и чёртов папоротник. А если при этом ещё прихлёбывать ром «Казино» и пощипывать большие сиськи Ани и Ларисы, то призрак коммунизма не метафора, а самый, что ни на есть, факт.

Мы говорили обо всём и ни о чём. Наши голоса метались меж невидимых ствол орешника, словно играли в догонялки. И мир замер в метафизической прострации только для нас и наших мыслей. Сердца бились в студенческих телах, как ночные бабочки и хотели лететь на огонь.

И вдруг всё смолкло. Эту тишину можно назвать абсолютной. Она наступила после того, как закончилась последняя бутылка «Яблочной». Мы курили «Родопи» и растворялись в этой тишине. Если смерть хоть отчасти похожа на эту умиротворённость, то я готов умереть тотчас же, как заплачу последний кредит за моющий пылесос.

Когда он появился, мы были на верхней ступени познания мира. Чтобы осознать его появление, нам надо было спросить у богов разрешения. Но боги вдруг куда-то неожиданно исчезли. Зато он замычал. Замычал так, что накануне познанный мир рванулся с места и упиздил куда-то в сторону Гончих псов. А мы остались на месте в ледяном вакууме страха и неодушевлённости.

Блядь, мне говорили, что лоси - это такие коровы, которые бродят в лесу и обгладывают кору с деревьев. Нихуя не так! Лоси - это вестники смерти, иль как их там. Эти рогатые, длинноногие твари шатаются по лесам и пугают честных граждан, которые исправно платят две копейки комсомольских взносов и охраняют природу.

Да, признаюсь, как перед стеной плача, мы испугались. Нет, не так. Мы просто чуть не обосрались, как грачи. Наши крики испугали даже самого лося, который вместе с нами разбежался по лесу, как стая бешеных собак. Только ещё один раз в жизни я испытал такой ужас. Это когда в харьковской общаге на чердаке наткнулся руками на негра, а тот зажёл спичку. Хуй с ним, с негром. Я про лес рассказывал.

Да, бежал я, спотыкаясь о корни и пеньки, в даль неясную. Моё дыхание практически отсутствовало, я впитывал кислород кожей и волосами. Я не знал, где восток и запад, я не ведал, где мои товарищи и большие сиськи Ани и Ларисы. Меня гнал тот звук, как покорную скотину на убой. Я пересекал овраги, какие-то лесополосы, грунтовые дороги и царапающие кусты.

Но, всему есть Coda, как говаривал Паганини. Я чувствовал, что опять захожусь в яблоневых аллеях. Запахло бензином и кислой капустой. По разные стороны от меня всплывали в лунном свете люди, не люди, а фантомы какие-то. Мне казалось, что я попал в царство мёртвых. Покойники, сжимая «штакетины» окружали меня для умерщвления или пыток. И они молчали. Это было самым страшным. Я побежал быстрее и вдруг увидел очертания нашего барака. И ещё, перед моим носом внезапно возникли три фигуры, видимо ведущие какой-то спор или там дебаты. Одну фигуру я узнал. Это был Комар с четвёртого курса. Он ведал «разборками» с местным населением и слушал песни подлеца-перебежчика Вилли Токарева. Я, как тот спартанец, теряя силы, подбежал к нему и крикнул

так, что задрожали небеса.

- Там лось! - был такой мой крик.

- Началось! - эхом отозвалось у барака.

И в это время Комар уебал неизвестную мне фигуру по еблету. Со всех сторон к нам ринулись бойцы для решающего сражения. Мелькали фонарики и перекошенные лица. Драка переместилась в сторону единственного киловаттного проектора. Прутья от кроватей мелькали как сабли. Но зато я пришел в чувство и всё стало понятно, как на Гражданской войне. Страх мой сгинул, как тать.

Я схватился с каким-то рыжим в белой безрукавке. И тут же получил колхозный удар по уху. Теперь я знаю, как звучит Царь-колокол. Я бессознательно нырнул под руку противника и, обхватив его за пояс, повалил на землю. Видимо, упал он неудачно, головой об решётку для чистки сапог. После лося мне было всё похуй. Я ебашил пацана наотмашь, как купец Калашников. Но потом кто-то дал мне по горбу сапогом. В массовой драке нет особой логики, а я вообще потерял её остатки и отбивался от кого-то, как во сне.

Вдруг ночную мглу прорезал свет фар УАЗика. Из него выпрыгнул какой-то гражданин в фуфайке и пальнул в небо из оружия.

- Васька, тварь, опять КАМАЗ угнал? Вернуть в гараж сейчас же, а завтра в правление на центральную усадьбу! - заорал архангел с дробовиком.

Затем он снова залез в машину и с прогазовкой умчался в небытие.

Это сейчас такие сцены снимают с помощью компьютерной графики, а раньше всё делали каскадеры. Короче, наши противники исчезали с поля битвы, как Властелины колец. Это было так стремительно и загадочно, что мы, оставшись в гордом одиночестве, были похожи на старцев-схимников из романов Фёдора Михайлыча. Из барака выползли девчонки с полотенцами. Когда мы умывались в кустах жимолости, Комар подошёл ко мне и восхищённо так сказал:

- А ты «молоток», не растерялся, уважаю.

После этого он пожал мне руку, как на комсомольском собрании и протянул полбутылки «Яблочного». Я глотнул, как герой, понимая, что совершил нечто важное для общества, но вот что именно, так и осталось для меня загадкой. Потом мы жрали арбуз и делились пережитым. Сиськи Ани и Ларисы были рядом. Завтра предстоял новый трудовой день.

Но у меня в ушах, словно некая адская валторна, воспроизводилась тяжёлая, монотонная мелодия, подобная мычанию. Это мычание я помню до сих пор и боюсь, как бы оно вновь не повторилось. Коровы так не мычат, это уж точно. Только лоси.

(2010 г.)

МОСКВА

Я смотрю перед собой и пытаюсь сложно понять простое. Где мне будет легче, тут или там? В лесу, где березы чего-то там нашёптывают, или в метро возле второй колонны, где трещины серпом выгнулись на мраморе?

Зря всё это. Зря брали водку и колбасный сыр в Чистилище.

В круглосуточном на Подбельского есть палёная чача и сладкая капуста, но далеко это. Да и выбор уже кто-то сделал — мне действительно сложно понять простое здесь, под мостом, у воды с блёсками.

Грязный город попал мне в сердце и танцуют там женщины в платьицах жёлтых, словно осенние демоны. Грубый город светит фонариком в глаза и спрашивает регистрацию. А у меня есть всё от Реутово до Павелецкого, всё есть в карманах и в душе, готовой к покаянию и пивному распятию. Но регистрации нет, как и нет других нужных человечеству качеств.

Например, у меня нет печали и пяти тысяч рублей. Так кто же заметит меня на этом проклятом месте? Кто позовет сатану или тех троих из Выхино, чтобы мы пили эту хуёвую водку из пластиковых стаканчиков? Почему звёзды похожи на ноты, а музыки не получается? Только сирена патрульной машины заменит скрипку, а сердце тамбурин.

А мимо проносятся странные, такие-всякие, в плащах или в грязных ботинках. Это мои мысли бегают по улицам и никто их не ловит, а зря. В этой жизни ловить есть чего. Например, такси, чтобы из Зеленограда в Чертаново на одном глотке и без закуски. Навстречу с той самой, в красном полупальто, у которой в поцелуе весь этот чёртов мир с регистрацией и без. У которой глаза, как скорая помощь, а задница — святое писание.

Но нет, не к свету я вышел, не к храму, где попы басами меряются, а к берегу, заваленному детскими колясками и падшими ангелами в бейсболках. Да тут просто все цели едины, понятны и в никуда ведущие. Как в парламентах иль там ассамблеях разных.

Я пришел голосовать за себя, а в конце концов, выбрали какого-то еврея в шляпе и отправили за вермутом в Одинцо-во. Это всегда так. Ты вроде бы готов к подвигам иль там к трепанации, а тебя не берут даже в Госдуму. Вся эта музыка фальшива, как бренди «Слынчев бряг». И вечер фальшив, и шёпот тех самых берёз, где мне, возможно, будет легче, чем тут под мостом.

Но я пью один. Я пью затем, чтобы потом всё закрутилось против часовой стрелки и люди, которых я забыл в метро, найдут меня в квартире с грязными шторами. Они принесут гитару и мы будем смеяться друг на друга, как собаки, танцевать под Лепса и блевать в космос колбасным сыром из Чистилища. Женщины в жёлтых платьях вернутся ко мне из сердца, а та, в красном полупальто, будет пьянее всех и уснёт в ванной.

И, кстати, у меня есть пять тысяч рублей. Даже не так. У меня есть пять тысяч рублей и печаль, о которой я и не думал как о печали. Похоже, мир изменился, пока я ловил собственные мысли, как покемонов. Он стал ещё грязней и зловонней. Он вернул мне память.

Я вспомнил станцию, на которой сел в вагон и станцию, где проснулся. Ну, надо же! Можно забыть слова гимна; можно, чёрт возьми, убить в себе раба, но станции забывать — это последнее дело. Ведь если ты никуда не едешь, то нахуя вообще жить? И просыпаться надо не в подъезде в районе Речного вокзала, а как минимум, в электричке в направлении Пушкино.

И вот, на ступеньках эскалатора, я вижу, что неприятен гражданам своей страны. Неприятен, но нужен. Нужен даже больше, чем неприятен, ибо суть всего в этой грязной куртке, издававшей Москву и сзади, и спереди.

Поезд, гремя костями, выполз из чрева и я снова зашёл в вагон. Зашёл, всё помня и нетрезво цenia остаток пути. Меня встретят. Меня наверняка встретят те, кому нечего делать в этом мире без водки и мордобоя. А уж там я пойму всё сложное просто, без всех этих философий потерянного в столице человека.

(2016 г.)

ФИЗИКА

Ну ладно, я побег. Откройте форточку, а то дым заебал. Вот, уже звонок. Всё, я помчался! - были мои слова, ещё до того, как я поскакал по ступенькам школы в мой «любимый» девятый «Б».

Фраза осталась там, в учительской. Навечно. Я забыл о ней, не успев произнести. Вся шобла 9-го «Б» была в сборе. Я чувствовал напряжённое биополе пубертатных придурков. Этот настороженный взгляд тотально выпученных глаз - предтеча глупых вопросов и не менее умных ответов.

Хихиканье в парту и шёпот за спиной, когда стоишь у доски, объясняя законы динамики. Как всё это уже достало, блядь!

- Здравствуйте, - говорю я, попутно разглядывая чёрную доску.

Так и есть. На ней написано $X+Y=Й$. Формула верная, но не по нашей теме.

Наша тема - законы Ньютона и всё такое. Вы скажете «такой темы нет»? Да ладно! Есть инерциальные системы отсчёта и они ещё, сволочи, существуют. Аристотель наебался, а Исаак нет.

Впрочем, это неважно. Важно то, что эти ублюдки из 9-го «Б» не желают

познать основы мироздания и им наплевать на массу, помноженную на ускорение. Им подавай GTA и гламурных лошадей из Питера. Они устраивают вечеринки в беседках с пивом и залезанием в трусы.

Но ведь тела действуют друг на друга с силами, имеющими одинаковую природу, направленными вдоль одной и той же прямой, равными по модулю и противоположными по направлению. «Это в третьих», — сказал Ньютон.

Но они смотрят на меня, эти тела, вдоль одной прямой. Смотрят с пустотой, в которой скорость света неизменна. Эйнштейн зря всё это выдумывал. Никому ведь нахуй не нужно. Особенно этим, за партами.

Зарплата, блядь! Надо работать. Вести урок, тащить этих змеёнышей к пониманию динамики и статики. Умудрять мудростью, наполнять знанием.

- Что ж, приступим, - вскрикнул я отчётливо и с призывом.

В классе раздался противный шорох перелистываемых страниц. Кто-то на «Камчатке» рыгнул, а отличницу Олю Жучкину укололи циркулем.

- С древних времён человечество не представляло себе чёткой системы взаимодействия сил на точки пространства. Были различные учения со времен Аристотеля, но они все создавали больше вопросов, чем ответов, - вещал я дикторским голосом.

Местный «авторитет» Паша Жбан, нагло пересчитывал дневную «выручку» от младшеклассников. Его «окружение» занималось всем, кроме того, чтобы внимать моим просветительским речам. Петька Выхин жевал что-то из-под парты. Петька Мохнатый (волосатый такой недомерок) с помощью линейки запускал бумажные шарики в чёртово пространство и скалился, если попадал в девчонок. Те шипели на него или, наоборот, отвечали дурацким хихиканьем. Особенно Анжел-ка Волкова — известная блядь в школьных кругах, да и не только в школьных. Я многое про них знаю, есть на то «стукачи»-общественники. Впрочем, к законам физики это не имеет никакого отношения.

- Свободное тело, на которое не действуют силы со стороны других тел, находится в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения. Иными словами, телам свойственна инерция, то есть явление сохранения скорости, если внешние воздействия на них скомпенсированы, - продолжал я отрабатывать свой оклад.

Я выводил на доске мудрые знаки и понимал свою ненужность в педагогическом аспекте. В классе стоял извечный гул безразличия и отвлечённости. И хуй с вами. Вот отбарабаню урок и на рыбалку с друзьями. Погода отличная, окунь наверняка будет клевать. Водочки возьмём.

В это время раздался громоподобный смех двадцати глоток. Я резко повернулся и увидел подростковые рты искаженные неимоверным весельем.

- Разве было сказано что-то смешное, ребята? - спросил я с сарказмом (мне так показалось).

- А какую водочку вы возьмёте? - честно спросил меня всё тот же Мохнатый.

Бля, я разговаривал вслух сам с собой. Потеря бдительности и авторитета. Хотя какой тут нахуй авторитет?

Надо как-то выкручиваться или просто забить на всё и продолжать про состояние покоя. И тут я понял, что нужно делать. Я понял, как это нужно делать. Я положил мел на место и отошёл от доски.

Вся банда притихла в ожидании очередной хохмы. Но её не произошло. Я сунул руки в карманы и, покачиваясь на пятках, оглядывал всё стадо, перед тем как его выебать.

- Сегодня мы совершим перемещение в пространстве, а возможно, и во времени, - сказал я загадочно и даже торжественно.

Тишина в классе подтвердила правильность моих действий. Это великолепно, ублюдки. Сейчас мы летаем.

- Жбанов, бросай свои жалкие барыши и ответь мне на важный вопрос, - обратился я к «авторитету» Паше.

Тот как-то неопределённо дернулся, но терять своей значимости не захотел. Он положил руки на стол и нагло уставился на меня.

- И что за вопрос? - небрежно прохрипел он.

- Ты согласен возглавить команду астронавтов и следить за дисциплиной?

- Типа, самый крутой босс на яхте? — ехидно оскалился Жбан.

- В самую точку! - воскликнул я.

- Какой базар, док, - согласился он, откинувшись на стуле на манер голливудских гангстеров.

- Тогда слушайте сюда, блядь! - рявкнул я, понимая, что назад пути нет.

Стало ещё тише, впрочем куда уж ещё. Ни хуя себе. Учитель умом тронулся. Прямо на уроке. Это ж прикольно. Это просто новость дня. Эксклюзив дня. Будет вам эксклюзив. Всё будет.

- На Земле никого не осталось. Пиздец, короче. Империя решила изменить статус нашей планеты. Теперь тут будут жить зелёные ублюдки из расы крокусов. Они дышат хлором и жрут известняк. У них есть интерполяционные бластеры. Это такая хуйня в виде винтовки, но стреляет энергетическими импульсами. Ну, помните, я вам про энтропию рассказывал. Да, хуй вы что помните, - я сделал паузу.

Учитель, я помню про энтропию, — испуганно пискнула Оля Жучкина.

Все опять по животному рассмеялись. Чёрт, я забыл, что эта отличница всё помнит. Впрочем, это даже лучше. Я мысленно поставил ей «пять».

- Так вот, вне нашего класса - смерть и забвение. Но ещё есть выход. Мы можем спасти Землю, а для этого нужно пробраться в спортзал, там астролёт на атомном ходу. Если сможем улететь — попадём на астероид № 517. Там оружие и наши люди в чёрном. Вопросы? — закончил я и сел на своё законное учи-

тельское кресло.

Тишина длилась не долго. Встал все тот же Мохнатый и участливо так спросил:

- А астролёт военный?

- Нет, милицейский, но там есть пара гравитационных пушек с лазерными прицелами, - честно сознался я.

- Можно я выйду, - подняла руку Анжелка Волкова.

- Выйти всегда можно, а вот войти... Впрочем, если тебе жизнь не дорога - пожалуйста, - негромко ответил я.

Девчонка осталась за партой. Значит, всё работает. Осталось сделать последний мазок. Мне нужны надежные люди. Всякая там оппозиция и несогласные - на хуй! Сомнения прочь. Летать, так летать.

- Может, вы мне не верите, граждане? - спросил я.

- Да нет, что вы, - раздалась вялые голоса.

- Олег Пашков, проверить обстановку, - приказал я.

- Есть! - с явным намёком на моё слабоумие отчеканил долговязый староста класса.

Он театрально прокрался к двери и приоткрыл её. Секунд пять он наблюдал коридор, потом осторожно прикрыл створку и повернулся ко мне.

- Никого нет, то есть пусто, - сказал он и я понял, что его напугало нечто там за дверью.

Так и должно быть. Ведь на Земле никого не осталось. Зачем мне врать. И тут я услышал то, чего ждал уже минут десять.

- Пацаны, на улице трупы! - раздался растерянный голос Серёжи Головы (толстый, жизнерадостный хохольчик, приехавший недавно из Харькова).

Вся школярская секта метнулась к окнам и вот тут-то произошла та самая гоголевская немая сцена. Причём в самом её кошмарном проявлении. Я спокойно сидел на кресле и рассматривал ногти. Это был момент истины. Это был зеро. Потом они повернулись ко мне.

- Это что там, учитель, почему людей нет? - наконец-то спросил Жбан, но уже менее авторитетно.

- Чем больше вопросов, тем меньше ответов, - сказал я неопределённо.

Пусть созреют, пусть поймут, даже если будут жертвы. И они появились.

Первой стала тихоня Верочка с очень уж короткой челкой и всевозможными комплексами. Она бросилась прочь из класса и скрылась за дверью. Сначала мы слышали её частые шажки по коридору, потом хлопок неизвестного происхождения. И тишина опять накрыла всё тревогой и загадкой.

- Пиздец, они уже в школе, - также спокойно прокомментировал я текущие события.

На этот раз Жбан сам подошёл к двери и с настоящей осторожностью выглянул наружу. Ему хватило секунды три. Обернулся он смертельно бледным и совсем на

себя непохожим.

- Она там, у лестницы лежит и дымится, - обратился он ко всем как первоклассник.

- Интерполяционный бластер, - кратко объяснил я ситуацию.

Тут все столпились вокруг меня и начали говорить всякую чушь. Я их прекрасно понимаю. Я бы и сам запаниковал, если б вдруг бац - и ни души. Одни трупы кругом и ебанутый преподаватель физики. Да любой бы не остался равнодушным! Разве что удав. Впрочем, и удав тоже.

Наконец, школьники стали внятно излагать свои мысли. И тогда я ещё раз спросил у Жбана насчёт возглавить команду. Тот замешкался, но всё же ответил утвердительно. Тогда я продолжил.

- В итоге мы потеряли одну единицу, но имеем преимущество. Пока остальные крокусы зачищают Землю перед тем как пустить газ, мы можем воспользоваться тем, что онидохнут от кислорода и их ещё мало в школе. С помощью ненавистных вам законов физики я создал слабое электростатическое поле, и нас не могут определить их системы навигации. Но там идиотов нет. Если мы будем тянуть резину, нас попросту прикончат, как в газовой камере. И никакого холокоста - всё так же спокойно говорил я.

Знаете, если б рядом были взрослые и умудрённые опытом люди, мне бы просто не поверили. Меня бы просто послали на хуй. И эти люди (умудрённые) были бы уже покойниками. Но вот тот самый, чистый мозг моих учеников может реально спасти человеческую расу. Впрочем, об этом позже.

Минут десять мы обсуждали обстановку. Познавали стратегию и рождали тактику. Я достал из шкафа с учебными пособиями хуйню для зарядки статикой двух блестящих шариков. Ну, все знают этот прибор. Там ещё ручка и прозрачные пластиковые диски. Как шарманка. Короче, кто не знает, «гуглите».

- Если очень энергично вращать эту ручку, то электростатического поля хватит метра на три в радиусе. Короче, двое в центре держат пособие, третий на ручке. Это самый ответственный момент. Жбан, кого назначаешь командором спасительной ручки? - обратился я к старшему по взводу.

Паша думал не долго, но напряжённо. Потом он чётко произнёс:

- Вовка, ты кабан здоровый - крути эту машину. А мы с Петькой держать будем.

После этих слов всё пошло как в кино. Мы тесно сгруппировались вокруг нашей надежды с блестящими шариками. Я не совсем был уверен в «трёх метрах», но не подыхать же здесь от хлора.

Вовка Мохов (громадный пацан, обитавший где-то в районе Сокола, но ходивший в нашу школу), поплевал на руки и адская машинка загудела живительным звуком.

Шарики я развёл подальше, но искра всё равно извивалась меж ними как спи-

рохета. Ни хуя себе электростанция! Вовка — молодец, чертяка.

Наконец мы тронулись в путь, предварительно открыв две створки двери. Обнявшись как в регби, мы неуклюжей черепахой двигались по коридору. Медленно, но двигались. Перед лестницей пришлось обойти кучку невзрачного, дымящегося праха тихони Верочки. А на лестнице мы увидели их.

Да, на лестнице мы увидели их. Жуткие сиреневые тельца в бесформенных скафандрах дежурили в лестничном проёме с похожими на зонтики бластерами. По-видимому, они ждали очередную жертву, понимая, что кроме как здесь она не пойдёт. Умные, суки.

Но нашу компанию они не замечали - ну, как я и говорил про поле. Оно действовало. И я уже сжимал в руке бюст Исаака Ньютона, чтобы проверить на практике «если на тело массой m воздействует сила тяжести P ».

Когда мы поравнялись с пришельцами, я произвёл этот важный опыт. Ньютон оказался прав и в этом случае. В итоге мы стали обладателями двух бластеров и приобрели дополнительную уверенность. До спортзала мы дошли без проблем. Все напряжённо дышали.

В самом помещении, рядом с астролётом, похожим на очень громадный УАЗик, стояли пятеро крокусов и оживленно спорили о предназначении этого предмета.

Только в России возможно такое. Любая взезная тварь уже бы давно уничтожила межгалактический транспорт, будь он хоть отдалённо похож на этот самый транспорт. Но тут взезной разум был бессилён. И не только разум.

Олег Пашков и Мохнатый «положили» этих умников, как в тире. Бластеры пацанам понравились невероятно. Компьютерные «бродилки» на этот раз отсосали конкретно.

- Не бросай ручку, крути, а то набегут эти сиреневые сволочи, - шепнул я Вовке, видя, что тот начал расслабляться.

Диски закрутились с новой силой. А мы уже были на борту астролёта. Там не мигали всяческие лампочки и прочая цветомузыка. Мы не в кино. Мы в российском атомном транспорте. Здесь нет места дешевым понтам в виде ГУРа и бортового компьютера. Максимум вакуумный усилитель тормозов и амперметр. ГИБДД и здесь вынудило установить ремни безопасности. Пёс с ними.

Все расселись по местам и пристегнулись.

Перед тем как повернуть замок зажигания, я ещё раз осмотрел команду. Все были взволнованы, но я уже не видел в глазах учеников прежней тупости и пустоты. Гут! Это правильно.

- И последнее. Когда мы будем на верхней орбите, нас могут оштрафовать, вернее атаковать, имперские пидоры, так что кому-то придется воспользоваться гравитационными пушками. Жбан, этот вопрос на тебе - приказал я.

- Есть командор! - теперь уже по-военному, без подъёбок, ответил настоящий «авторитет» Паша.

- Тогда ключ на старт, - заорал я и повернул ключ.

Блядь, как же завизжал стартер! Я вытянул подсос. Мы взлетали на холодном двигателе. Это пиздец!

Воздушные ямы, какие-то перевороты и кульбиты. В иллюминаторах вспыхивали звёздочки энергетических импульсов, которые посылали нам вдогонку переполошившиеся крокусы.

Хуй вам, пришельцы, а не 9-й «Б»!

* * *

В ушах стоял звон. Ускорение в дохую G делало своё чёрное дело. У кого-то пошла носом кровь, но команда держалась на все 102 %. И я ещё называл их ублюдками!

Но вот мы в открытом космосе. Это примерно как после оргазма. Полнейшая расслабуха и успокоение. Тёмное небо и очень близкие звёзды. А еще уродливые тельца спутников, похожие на жуков скарабеев. Вдруг вся наша баржа вздрогнула, как будто налетела на мель. За бортом что-то сверкнуло. Бля, сторожевой корабль империи! Ведь я же знал. Знал и расслабился. Непростительно.

- Жбанов, живо с кем-нибудь на пушки, там только прицел и одна кнопка. Ебашьте врагов, пока я буду совершать маневр! - взревел я голосом Николая Баскова.

Тут произошёл новый толчок, более прицельный. Похоже, по нам палили ядрами. Эх, Курчатова на вас нет, сволочи. Он бы вам показал полураспад, бля.

Жбанов с компанией рванулись в невесомости к гравитационным пушкам и уже через полминуты я с удовлетворением услышал утробное уханье нашего оружия. В это время я вспоминал историю трехгодичной давности, когда мы с дружбанами устроили ГИБДД-трофи по окраинам Липецка. На обычной «Ниве» мы пересекали броды и свалки, а за нами гонялись эти с мигалками. Они гавкали в «матюгальники», стреляли по колесам, бросались полосатыми палочками. Было весело, но права всё равно забрали на два года. Впрочем, на хуй они нужны нормальным людям, эти права. Вот цены на бензин - другое дело.

Я отвлёкся. Короче, манёвры. Ну, вроде тех, про которые я отвлёкся. Наш астролёт проходил адский тестовый режим. Я не глядел на дорогу, а просто включил седьмое чувство и дал газу. Пальцы вросли в руль. Позади меня визжали девчонки и особенно Анжелка Волкова. Жбан с ребятами отстреливались, как на войне. Впрочем, это была самая настоящая война. Это в условиях рынка на русских любя поплёвывать, а коснись сражения, да ещё за Родину... Хуй вы угадали господ хороших. Порвём за идею.

Так и с моими школьниками. Какие-то там тусовки в клубах и героин? Говно всё это. Гниль и несовершенство. А тут нас атакуют два сторожевика на две пуш-

ки. Чисто по-американски, подленько и по программе. Но за нами законы Ньютона и педагог Макаренко. В нас сила духа и милицейский астролёт с педальным управлением.

Мохнатый, «мочи» супостатов! Хохол из Харькова, подноси патроны, блядь! Вспомни Волоколамское шоссе и стисни зубы. Девки, заткнитесь хоть на час! В бой идут пацаны из 9-го «Б» со своим предводителем-физиком. В инерциальной системе отсчета скорость изменения импульса материальной точки равна действующей на неё силе. Ускорение прямо пропорционально приложенной к ней силе и обратно пропорционально её массе. И никаких там ограниченных контингентов и баз. Нас не возьмёшь за яйца, слышишь империя?

И пала крепость перед дерзостью и седьмым чувством. Один сторожевик просто сгорел на хуй, другой мигая аварийными огоньками провалился куда-то в утробу космоса. Мы кричали ура и обнимались, как у Рейхстага. В невесомости это вдвойне приятней. Правда, если не блевать на соседа. Девчонки приготовили некое подобие ужина из селедки и картофельного пюре. Ведь только это было в запасах корабля. Я даже не знаю, что ещё нужно в полёте. Разве что водка. Но её не было. О ней знают только те, кто готовил корабль к полёту.

Единственное, что не особенно меня радовало - это запасы урана. Ну, если что, до заправки дотолкаем. Лететь в безвоздушном пространстве здорово, особенно если поблизости нет «метеоритного пояса». Наш астролёт резал вселенную, оставляя позади селедочный аромат. Половина команды спала. Как дети. Впрочем, они все-таки ещё дети, но какие!

Не спал только я и староста класса Олег Пашков. Он летал по салону, заглядывал в иллюминаторы и что-то записывал в блокнот. Этот точно устроит жизнь на Марсе. Без всяких там «сникерсов».

Запасы топлива закончились и мы двигались по инерции. Я не буду говорить своим «ублюдкам», что Землю мы не спасём, а просто сгинем в пучинах мироздания как метеоры, повинаясь физическим законам, которые трудно выучить, а ещё трудней нарушить. Наконец, где-то под потолком уснул и неугомонный староста класса. Я ещё некоторое время смотрел на завораживающее мировое пространство и думал об инерциальных системах. Потом положил голову на руль и решил спросить у Ньютона почему силы, приложенные к разным телам, всё же не компенсируются? Но великий учёный не стал мне ничего объяснять, а грубо толкнул в плечо и не менее вежливо произнёс.

- Ну ты чего, замер. Тормоз, звонок уже был.

Я поднял чело и безо всяких мыслей уставился на мясную рожу физрука Башнева. Слева от него замаячила милая мордашка исторички Насти.

- Да его «накрыло» не по детски, - весело сказала она, размахивая журналом выгоняя дым из учительской.

- Я говорил, не больше трех «тяг» - это ж «ураган», индийская, — прогудел

физрук, наливая воду из графина.

Мне тоже ужасно захотелось пить. Ну, вы понимаете, о чём я. О физике, конечно.

(2009 г.)

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Пунцовое солнце, похожее на использованный презерватив, наклонилось над мной, дыша перегаром. И заплакало. Его похмельный свет был жалок и одинок. Я чувствовал жажду, но не знаний, а откровенную жажду потерянного в пустыне миссионера. Вчера были танцы и какие-то лошади. Сегодня Первое сентября. Сегодня я должен ступить на тропу познания. На последнюю, десятую ступень. И чёрт меня дери, если я этого не сделаю! Я медленно отрываюсь от холодной земли и вижу синеющее лицо последнего маленького вампира.

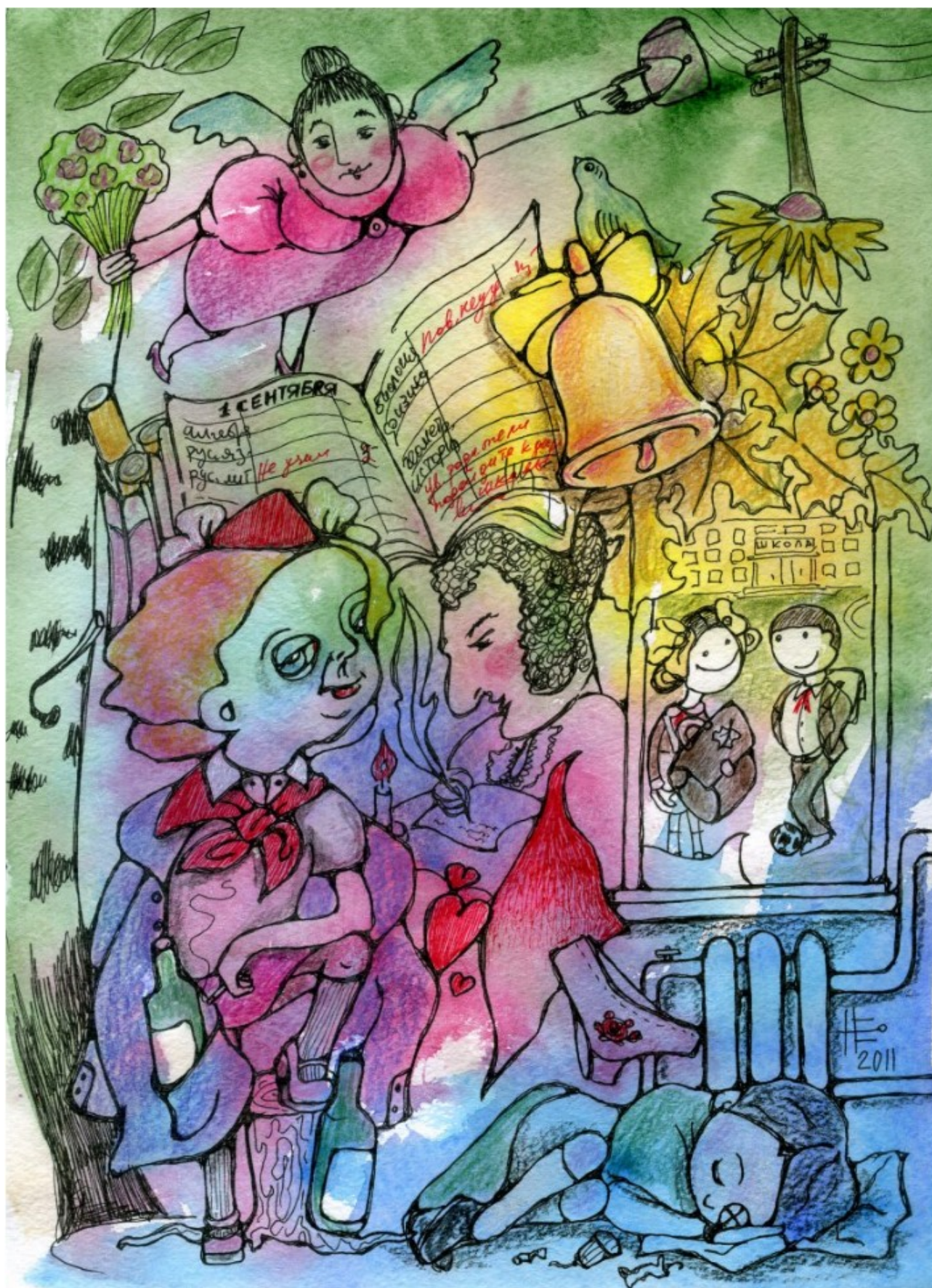
- П-а-шёл на хуй, сука, - шепчу я сухими губами и он уползает в зловонную тень.

Это ничего, что я испачкал костюм. Сейчас под колонкой почищу его и обрету внутреннюю стабильность.

Ох, как кружит. Мир не стоит на месте. Мир проходит сквозь меня метеоритным дождём и царапает желудок. Но блевать нечем и незачем. Сегодня Первое сентября. Сегодня нас всех построят буквой «П» и будет играть музыка.

Директор и завуч проведут торжественную литургию и обряд посвящения новобранцев — первоклашек. Девять лет назад я был одним из них. Я верил в азбуку и твёрдый знак. Сейчас я верю только в удачный удар в кадык и полный бак бензина. Я вижу перед собой клочок асфальта и пыльные листья подорожника. Я даже различаю свет использованного солнца и понимаю что-то. Ах да, сегодня Первое сентября...

Главное, не надо поднимать головы и не смотреть в небо. Там нет истины, есть только презрение и головная боль. Только земля способна дать силы и разум. И ещё школа с её педагогическим персоналом. И я иду, как сказано в писании, и смотрю вниз смиренно и без суеты. Вот и забор. Разогнутые прутья. Врата в рай. Играет музыка. Мелькают белые передники и банты. Как снег. Метель. Вьюга воеет и кружит... Нет, не надо кружиться. Надо опереться о земную ось и передохнуть. Надо собраться с силами и воспрянуть духом. Ведь сегодня Первое сентября. Различаю знакомое лицо. Это Серёга. Но почему он в гольфах и парит в полуметре от земли. Нет, это школьная сторожиха тетя Вера. А где Серёга?

Нет, не надо кружиться. Надо опереться о земную ось
и передохнуть. Надо собраться с силами и воспрянуть духом.
Ведь сегодня Первое сентября.

Вчера мы вдвоём угнали «копейку» из двора на 7-м микрорайоне. С нами были Лизка и Анжелка из 9-го «Б». Движок закипел в районе Сокола. Мы шли пешком и пели «Марсельезу». Потом был пляж и квакали жабы. Портвейн «Кавказ» и «Ризлинг», «Шипка» и «Лунная соната»...

А где девчонки? Где дружба народов и всё такое? Только порнографическое солнце и праздник знаний. Всё-таки это Серёга. Он повзрослел и отрастил усы. Он смешно морщит брови и щёлкает пальцами.

- Беспяткин, ваш класс уже в сборе. А что у тебя с одеждой? - говорит он голосом директора школы.

- Это машина обрызгала, бежевая «шестёрка», возле остановки, - взволнованно говорю я в сторону и спешу в школьный двор.

Там все наши. Там торжество разума над природой и много цветов. Они пестрят неистойой палитрой и наполняют серый двор верой в человечество.

Серёга дергает меня за рукав и шипит:

- Где ты был, сволочь, сигареты унёс, я спал в подъезде...

- Я тоже почивал не на перине. А зачем вы с Анжелкой полезли на высоковольтный столб и портвейн весь допили там? А мы с Лизкой жрали этот кислый «Рислинг».

- Да ладно, хуйня. Щас отстоим эту очередь и пойдём в парк.

- Нет, я вернусь домой. Ты же знаешь, что я всегда возвращаюсь домой, — твёрдо, почти твёрдо отрёкся я от нового витка в романтику.

К нам подошла Лизка.

- Я колготки на речке забыла, - таинственно прошептала она.

В это время грянул какой-то марш и вся колонна построилась буквой «П». Я впервые за сегодня посмотрел на небо. Там было всё то же солнце, но светило оно бодро и почти забавно. Никто не грозил мне кривым пальцем и очень высоко летел одинокий самолет, похожий на серебряную пулю.

Я вспомнил маленького вампира. Я вспомнил, что сегодня Первое сентября. Я вспомнил ещё что-то, но тут же забыл. В лицо летели паутинки и звучал грубый голос завуча: «В этот торжественный день...».

В этот торжественный день я рождался заново. Я рождался, чтобы никогда не умирать и творить добрые дела. Я рождался в муках, они стоили того. Первого сентября последней, десятой ступени.

(2007 г.)

ОКОРОЧКА

Не знаю, кому пришла в голову эта затея, но вспоминать о ней будут не только местные жители, но и областной рыбнадзор.

Бесплатно очистив реку от каких-то там вековых отложений и паразита-камыша, наша команда совершила благое дело и достойна была хотя бы медали с гербом там иль профилем президента. Думаете дали, бля?

Ах да, команда — это наша рок-н-ролл банда «Такси». В то время было модно искать спонсоров на концерты и я исходил немало контор, где размахивал ксерокопией хо-датайственного письма из областной администрации. Там «настоятельно рекомендовали бизнесменам поддержать ведущий музыкальный коллектив «Такси».

В разных местах мне давали то соки, то детское питание, то пиво, а то вообще могильные венки. Всю эту хуйню я в «челночных» сумках разносил по разным проектным институтам и детсадам. Кроме пива, конечно. Переводя товар в деньги, мы могли позволить себе легкие фуршеты и оргии.

Но однажды мне крупно повезло. Я написал песню «Елецкая водка», за что был премирован директором ликёроводочного завода десятью ящиками отменной «Старки» первого розлива. Сдав в близлежащий кабаk пять ящиков для формирования начального капитала, мы принялись пить вторую половину для вдохновения и творческого поиска.

А ещё меня «проспонсировали» тремя замороженными брикетами бразильских окорочков. Куда их сдать, мне фантазии не хватило. Да и зачем? Ведь кому-то всё-таки пришла идея пожарить эти штучки на берегу реки и закусить ими великолепную водку из Ельца. Согласитесь, есть в этом некий порыв к гламуру или, на худой конец, желание культурно насладиться гастрономией.

Вовка (бас-гитара) с широким лицом предложил всё это мероприятие провести у его дома. Ну, во-первых, этот самый дом стоял прямо у реки, рядом имелись мостки, алюминиевая лодка и добрая мама, которая уважала меня как интеллигентного и деятельного гражданина. Предложение было принято почти в большинстве, поскольку барабанщик спал в углу, пуская слюни на брикет с окорочками.

Прошли сутки и мы всей кодлой направились в район Сокола с сумками и гитарой. Гитару нёс я. В общем, с нами были: Вовка (бас-гитара), Казак (ударные), Ромашко (соло-гитара), журналист Влад и чей-то знакомый мент Серёга.

Мама бас-гитариста встретила нас, как сыновей из марсианского похода - лучком, редисочкой, квасом и добрым словом. Мы мило улыбались и несли вежливую чушь.

Всё происходило довольно быстро и ненапряжно. Загрузив лодку дровами, мангалом, продуктами и нашими телами, мы пересекли заросшую речку и расположились на противоположном берегу. Расположились не на шутку и развели костёр. Вовка жарил окорочка, а мы, включая знакомого мента Серегу, лили в ста-

каны «Старку» и пели про «негра, которого убили какие-то суки».

Потом мы купались и кричали небу счастливые слова. Правда, на другом берегу нас попросили так сильно не сквернословить, потому что дети в огородах перестали реветь и тихо стоя у заборов, внимательно слушали русскую речь в исполнении интеллигентов, жрущих водку. Мы стали материться тише, но витиевато. И вот окорочка готовы.

- Можно жрать, - сказал Вован.

И мы стали это делать с рокенрольным размахом и летней радостью. Куриные ножки хрустели и щёлкали. Лук брызгал едкой струёй и хлеб ломился от кетчупа. Ну, вы представляете, как это бывает, хуле там говорить.

Короче, не прошло и получаса, как нам вдруг не захотелось ни окорочков, ни водки, ни даже зрелищ. Нам хотелось подвигов.

А спросите меня: «Какие подвиги можно совершить на пустынном лугу, где унылые коровы щиплют пыльную траву и «делают лепешки»?

Ну, спели мы несколько песен всё про того же негра, которого-таки убили.

- А давайте на баркасе кататься и нырять с него, — предложил гитарист Ромашко в полосатых валютных трусах.

Этими трусами он гордился, как подарком от жены, которая привезла их то ли из Китая, то ли из Испании, неважно. В общем, символ эпохи, блядь, и никакого нейлона. Мне кажется, что в таких трусах хоронили египетских фараонов, но в среднерусской полосе такое перебор.

Так вот, когда мы всей командой выплыли на середину реки, Ромашко первый нырнул в прохладную, животворящую воду. Все заорали и распили по пятьдесят. Соло-гитариста долго не было и мы было уже хотели выпить ещё по пятьдесят.

Но вдруг он всплыл. Граждане, сделайте паузу, вдохните и задержите чёртово дыхание. Он всплыл с лицом, на котором отразилась обратная сторона луны и все лозунги национал-социалистов. Его и без того красные щёки горели пионерским костром, а глаза источали вселенскую муку. Поначалу мне подумалось о водяных-пидорасах, иль русалках, но это тут же прошло.

- Я проебал трусы, - кратко произнесла голова гитариста.

Всех пробило на гомерический смех и распитие тех самых пятидесяти грамм. Весь баркас трясло, как в штормовой Атлантике, но вскоре мы затихли.

- Мне незачем жить, - сказал Ромашко и исчез в пучинах вод.

Мы переглянулись. Видать, серьёзно пацану нужны эти трусы в неприличную полоску. Ведь у каждого из нас есть свои идеалы там, иль принципы. Они могут быть ничтожны для человечества, но важны для личности. Например, как водка, иль там окорочка.

Блядь, да чего ж это мы? Наш товарищ потерял самое дорогое, что есть у человека, и нам придётся корить себя за мелочное и подленькое прошлое, если Ромашко утопнет, как пьяный стрелочник под железнодорожным мостом. А мы,

сидя в алюминиевой лодке с окорочками и «Старкой», будем свидетелями ненужной смерти.

Шок прошёл и на спасение гитариста и, возможно, его трусов, кинулась команда героев. В эту команду не вошли только двое. Я, потому что держал в двух руках по бутылке водки, и журналист Влад, который просто не умел плавать. Последним прыгнул чей-то знакомый мент Серёга.

Оттолкнувшись от бортика, он плавно вошёл в воду, а наша лодка так же плавно перевернулась на 180 градусов. Я спас «Старку» и держась за гладкое тело лодки, приподнимал бутылки над водным миром. Журналист Влад мрачно скрёб корму ногтями и с тоской смотрел на берег.

Вскоре стали всплывать остальные. Мент Серёга за волосы вытащил Ромашку на берег и толкал его пяткой под рёбра.

Гитарист ожил и потянулся за окорочком. Барабанщик Казак вообще забыл за чем нырял и теперь беззаботно резвился на мелководье.

Последним показался Вован и уж в его-то глазах я увидел не утрату и боль, а настоящий страх. Страх ночного тумана и голодной смерти. Он активно работал членами и стремился к берегу. За ним по пятам неслись злосчастные трусы и ещё всплывало нечто. Это нечто было округлой формы и я почему-то вспомнил рассказы про японских Годзилл.

- Уёбывайте, сейчас пизданёт! - орал Вован, судорожно взбираясь на берег.

Влад, как-то неожиданно научившись плавать, вдруг покинул перевернутую лодку и меня с бутылками и ненужной гордостью.

Я, замороженный, смотрел то на чудище, то на ромашкины трусы, то на бутылки. Короче, я сделал самое умное дело в своей жизни. Глотнув из горлышка, я бросил алкоголь стихиям в качестве жертвы и рванул брассом к берегу. Я успел. Мы все успели, кроме трусов нашего гитариста.

Взрыв был неслышим, потому как быстр и оглушителен. Лодка исполнила свою давнюю мечту поплавать в воздухе. Правда, в качестве обломков. От трусов остался один незамысловатый клочок и кусок резинки. Ромашка до сих пор возит его в качестве талисмана по гастролям - то ли с певицей Валерией, то ли с ещё какой там певицей.

А ещё со дна реки поднялись и уплыли куда-то к ебням какие-то брёвна и коряги. Течение усилилось и вымыло камышовые заросли нахуй. Жители окрестных домов собирали всплывшую рыбу и вызвали рыбнадзор. Это они передали нас в милицию, но чей-то знакомый мент Серега всё уладил. Это было сразу или потом, не помню. Всё смешалось в один единственный взрыв.

Как оказалось, в воде притаился старый огнетушитель с извёсткой, висевший в толще воды на проволоке. По какой-то причине он не взорвался, но когда Вовка отцеплял от него ромашкины трусы, он всплыл и, типа там, перепады давлений, хуё-моё...

Короче, мне не жалко пропавших бутылок. Мне обидно, конечно, что мама Вована изменила ко мне свое доброе отношение. Ведь я говорил «такие слова!», когда приехали менты.

Сам Вован, сейчас музицируя с каким-то известным певцом по фамилии Михайлов, сто пудов вспоминает эти окорочка и особенно лодку, которую даже на цветмет не успели спиздить.

Ромашка наяривает на гитарке с популярной многодетной певицей.

Казак, выступающий с поповской командой, которая про «девочку с севера» поёт, тоже помнит эту историю.

Но особенно ценят тот день люди прибрежной зоны, где теперь река стала намного чище и прохладней. Вот и я вспомнил. А хуле там не вспомнить. Хорошая была водка первого розлива. Ну и там, окорочка, конечно. Эх...

(2009 г.)

КАПЕЛЬ

Капли бывают разные. Есть такие, что ну бы их на хуй. Вы, конечно, понимаете, о чём я. Кожвендиспансеры - это места скорби и приспущенных флагов. Не будем о них, то есть о каплях, которые мешают жить. Отбросим струи из носа, когда зимний ветер дует в еба-ло ледяным феном. Это предвестник злой простуды или как повезёт.

Есть капли из крана, когда прокладка изнашивается. Тогда вас заебывают жёны на предмет починить или валить из дома к той, «своей бляди». Эти капли исправимы, но не радуют они душу или, допустим, сознание.

Ещё хуёво, если в ботинок попадёт капля расплавленного чугуна. То есть, хуёво, конечно, вам, но уж никак не бригаде, которая весело встречает подобные представления с обувным стриптизом, а вам потом пишут бюллетень на неделю.

Но есть капли хорошие, добрые, счастливые и волнующие плоть, по крайней мере. Это брызги шампанского в сторону тёщи и всплеск морской волны. А ещё первые капли дождя, когда вы в беседке с очаровательной сучкой пьёте «палёный» вермут. Ведь сознайтесь, есть в этих кусочках воды неистребимая энергия космоса.

Но величайшим творением первого закона Ньютона всё же является весенняя капель. И не спорьте со мной, граждане философы, с премиями и без. Грязный, как душа «народных избранников», снег ещё притаился в тёмных сторонах света. Деревья только хвастаются почками, а собаки приступили к главному. Коты

заглядывают друг другу в глаза с жуткими намерениями. Прохожие щурятся от новорождённого солнца, а с крыш капает, словно плачет, то, о чём хочется слагать стихи и гимны.

Весенняя капель. Как приятно под её музыку занимать очередь в «вино-водочный»! Или обсуждать, что сегодня привезут: «Столичную», «Стрелецкую», вонючий «Агдам» или «Русскую». Все знают, что портвейн и пиво есть на прилавках как абсолютный ноль, то есть неизбежно и постоянно. А вот привоз товара волнует, словно первый поцелуй учительницы-практикантки.

Мы с Тихоном, в законный выходной, прибыли к месту встречи, которое нельзя изменить и которому изменять нельзя. Прибыли мы с деньгами и желанием. И то, и другое совпадало, как в тосте.

В толпе единоверцев - знакомых заливщиков, крановщиков, слесарей и управленческой прослойки - мы были едины, как инь и янь. Никто никого не посылал на хуй или там оскорблял ещё как. Все вежливо ждали благой вести.

И она настала.

Дверь магазина, отвратно скрипнув, разверзла хляби, за коими был рай и продавщица тётя Настя. В эти секунды и происходит смена общественных формаций или открытия всякие. Порыв, хоть и является единым, но инстинкты толпы как-то глупо меняют поведение человека, то есть разумного человека, я хотел сказать.

Сила пролетарского духа и чьего-то перегара готовы разрушить любую Помпею или Геркуланум. Но что за дрянь эти древние развалины супротив зарешеченного отдела «Вино-Водка». Там броня из продавщицы и кассового аппарата. Мы с Тихоном оказались аутсайдерами.

Наиболее профессиональные граждане в грязных полупальто уже облепили прилавков и тыкали в окошко мятые эквиваленты различного достоинства.

Надо было что-то срочно предпринять. Тот, кто жил в СССР, всегда что-то предпримет или изобретёт, причем безо всякого гонорара и прочей прибавочной стоимости. Блевотные 90-е не сломили нас.

В компании таких же неудачников мы разработали план. Он был прост, как кнопка на стуле. Определив не особо разнообразный ассортимент, мы выбрали самого мелкого товарища с наглым взглядом и сильными руками. Если он этими руками свинчивал контргайки с батареей, то уж схватится за решётку — пара пустяков.

И вот «казачок» полетел. Поверх голов и шапок-петушков. Прямо в центр мира с продавщицей Настей. Никто не возмущался и не звал адвоката. Все знали этот трюк, но пользовались им только избранные или потерявшие веру в человека. Замечу, что как только теряется эта самая вера в человека, появляется вера в Бога. А это невыгодный обмен, уж поверьте.

Ну, да ладно. Наш агент уже сунул деньги продавщице и теперь, пользуясь

добросердечием толпы, переправлял «Столичную» и «Вермут» в нашу сторону.

Плечо к плечу, звено к звену и волшебный конвейер из бутылок заработал как ГАЗ-66. Вскоре мы забрали и своего героя.

Решив не отбиваться от стаи, мы двинули в район заброшенного бассейна, в тень корявых тополей, где лежали практически сухие брёвна и твёрдо стоял на железных ногах такой же железный теннисный стол. Только у нас и нигде более делали теннисные столы из металла h5, покрытые железным суриком. Ни одна хваленая капстрана не могла таким похвастать! При случае на такие столы можно ставить зенитные установки или просто кидать их с самолёта на головы натовских морпехов с памперсами.

Так вот. На столе мы установили бутылочную батарею, расстелили газету «Аргументы и факты» и кое-какую пищу. Никакой «химии», прошу заметить.

Для тех, кто собирался посвятить себя пьянству от «А» до «Я» - пожалуйста, лук, хлеб и слёзы. А уж кому по любому светили перевалочные пункты вроде «Б», «В», «Г» и прочие плотские останки, достаточно было хлеба.

Вот только Тихон, как личность творческая и обладатель Гран-при в «сику», был неожиданно изобретателен в плане гурманства и прочих пищевых извращений.

- Водку надо заедать сметаной, - серьёзно провозгласил он.
- Ебанись, чувак, какая сметана? - опешили вместе какие-то зять и тесть.
- Обычная сметана в банке, - пояснил Тихон.
- Иди, - сказал я, чувствуя голод в чакрах.

И он пошёл, нет, скорее побежал, в свою «молодожёнку» за чёртовой сметаной.

- Пронесёт его, как гуся, - утвердительно заметил чей-то тесть.
- Давай лей, - торопил его зять.

Мы выпили водки и занюхали хлебом. А вы чего думали, его жрать что ли надо? Ни хуя подобного. Хлеб жрут впоследствии, как бы legato и до coda.

Время закурить и осмотреться. Впрочем, осматриваться смысла не было. Знакомиться никто не собирался, а курить можно и так, уйдя в себя на глубину двух метров.

Вскоре прибежал Тихон с банкой не совсем свежей сметаны. Он показал, как ею закусывают и тоже закурил.

Помимо неизвестного тестя и его зятя, рядом пульсировали неизвестные астрономам звёзды в болоневых куртках и шапках «Абибас». Короче, незнакомцы. А мне дед всегда говорил: «Не пей с незнакомыми людьми». То есть, он имел в виду, что советские люди, даже не будучи знакомы вам, всегда придут на помощь, но вот пить с ними надо осторожно.

И точно, после третьей бутылки в нашем кругу пошли разногласия насчёт какой-то крановщицы Вальки. Я про эту блядь впервые слышал, но какой-то «крендель» в «Абибасе» пристально вглядывался в меня и шипел как гюрза:

- Ты к ней зря ходишь, я её муж, понял?

- Иди ты на хуй, конь педальный. Я твою Вальку в рыло не ебал, - попытался я вежливо сгладить конфликт.

- А кто, может ты? - повернулся к Тихону чей-то муж.

- Да, признайся, подлец со сметаной, - хором встряли зять и тесть.

- Не, это не я, - облизываясь, как кот, отмахнулся тот. Это, по-моему, и обидело всю неизвестную нам компанию.

- Бля, точно он, - сказал кто-то.

И тогда мы побежали. Все знают, что в таких случаях надо бежать, прихватив сметану и остатки «Столичной». Иначе, когда вас отпиздят, то этих продуктов вы

больше не увидите. Итак, мы побежали в «молодожёнку», в слабой надежде мирно завершить день на балконе Тихона или в каких-либо других общагах. Но этому не суждено было сбыться. Тихона поймали на первом этаже у батареи, меня гнали до пятого. Там, у лифта, я успел «насадить» тестю, но пропустил зятя. Короче, пинали меня весело и, можно даже сказать, эпически. Как ни закрывал я лицо, но чужие, рабочие «говнодавы» добрались и туда.

Какие-то евреи вызвали милицию и прибывший наряд распихал всех нас по «бобикам». Мы с Тихоном и чей-то тесть оказались в одном отсеке. Там он и получил положенную порцию отнюдь не сметаны и сдал место жительства зятя. В это время УАЗик домчал нас к местному вытрезвителю и здесь пути наши

разошлись. Тихона со злополучным тестем повезли дальше, в Правобережный, а меня ссадили на районе.

Весенняя капель ещё звенела, но вечерний холод постепенно тормозил снег на крышах и звон был уже не так весел, как днём. И душа моя тоже была грустна, словно разворованная страна. А ещё эти упражнения на предмет прямохождения и поиски носа в пространстве. Я ходил, искал и подписывал протокол, где чёрным по белому было написано: «стоял у подъезда и самовыражался нецензурной бранью...».

Я только сегодня понимаю, как это самовыражаться нецензурной бранью. Благодаря Интернету понял, а тогда какие Интернеты? Да никаких.

- Пиздуй, Беспяткин отсюда, заебал уже, - привычно простился со мной сержант Быков. - Ну и ебло у тебя, чисто икона, гы-гы...

- Прощай, апостол, - сказал я и пошёл в сторону закуской «Сокол».

Там меня встретили знакомые пролетарии и похмелили по уставу. Все сочувствовали моему лицу и советовали всякую дрянь. Глянув в закопчённое зеркало, я увидел инопланетного пришельца, которому не повезло с мягкой посадкой звездолёта. Потом я вспомнил, что на блудки мы не попали и почему-то мне стало жаль канувшей в вечность сметаны Тихона.

После закуской я вернулся к бассейну. Тихон был уже там - безо всякого «мобильника», которым так кичится современный обыватель. Он искал пуговицу, которую потерял, когда вырывался из лап вчерашних злодеев.

- Заебал ты своей пуговицей, пойдём денег займём у кого-нибудь на пиво и послушаем «Стальные колёса», - сказал я.

- Да, с таким портретом только стихи писать или пластинки слушать, - согласился Тихон.

И мы пошли в общагу.

А утренняя, весенняя капель только начинала свою счастливую песню. И подумалось мне, что всё, что мы делаем, к чему стремимся там или соответствуем, всё это ради этой песни. Песни, с которой переворачивается новая страница жизни, где мы заново строим воздушные замки и льём чугун в формовочные машины. Вернее, лили.

P.S. Сейчас Тихон со своей группой «Ботаника» выступает в московских клубах, а если кто смотрел кино «Бумер», то там есть его саунд-трек «Под Луганском родился...»

(2011 г.)

ADAGISSIMO

И ещё медленней...

Сегодня я понял то, чего до сих пор не понял Бог. Я не фотографический снимок. Не его фотографический снимок при слабом освещении. Не суть его, рожденная в усталости и тлене. Я просто вот здесь. Смотрю в тёмную реку и вижу уснувшую щуку. Рядом со мной стоит синяя, мёртвая русалка и тихо шепчет: «Я его любила...»

Да какое мне дело, кого там она любила! Какое мне дело до того, кто вообще кого-то любил. Почему мы редко смотрим друг другу в глаза? Почему мы плачем над чужой бедой, не замечая свою собственную? Я хотел бы стать асфальтом и понять, каково это — быть дорогой сотен судеб.

Пересекаясь тысячи раз, люди проходят из точки «А» в момент истины. Потом возвращаются в ложь и считают прибыль. А я там под ногами всё это понимаю и даже более чем. И это веселит. Это внушает надежду на скорую смерть, но ломает все стереотипы.

- Слушай, бля, русалка, тебе не надоело? - обращаюсь я к этой рыбе с длинными, серебристыми волосами.

- Отстань Беспяткин, без тебя тошно, - ответила она мне и снова зашептала о каком-то Николае.

Я пошёл дальше по набережной. Кругом стояли автомобили, из которых ревела Катя Лель и молодые самоубийцы дёргали друг друга за рукава. Какая-то малолетка пила «Vipn» и цокала языком в сторону полярной звезды.

Все заняты делом. Все понимают истину, а я бреду с деньгами к амвону.

И опять Бог хочет сфотографировать меня для своего порт-фолио. Я прячу лицо, но ему нужны смешные кадры и он их получает.

Вот я в толпе каких-то контркультурщиков, вот пью пиво с лесбиянками и даю им на новое пиво 600 рублей. А вот мы едем на «фокусе» в спальные районы и я не могу понять, почему все улыбаются и потирают руки. Неужели я сегодня буду распят? Или просто стану жертвой полночных жрецов для того, чтобы завтра пошёл дождь? И чтобы потом небо блевало мной, как «палёной» водкой и синтетическими чипсами?

Опускаю голову и шепчу: «Хватит уже, прошло то время, когда убивали за «пожрать», сейчас в ходу убийство как идея, во мне нет идеи, только любопытство, я любопытен, но не приговорен...».

- Здесь останови, шеф... - поднимаю я голову и вижу огни поливальной машины.

Выхожу и иду на эти огни. Они приближаются. Это даёт шанс на воскрешение. Оранжевые блики заполняют сознание и рвут душу.

- Хуле ты раскорячился тут на дороге, - как из-под воды раздаётся голос уставшей ветви эволюции.

Я схожу на тротуар и меня накрывает водяная метафизика. С ног до головы.

Я вижу всё и даже больше. Я снова понимаю то, чего не понял Бог. Ведь он не рождался. Он не знает, как это из воды увидеть эту чёртову Полярную звезду. У него нет денег, у него нет даже карманов, в которых можно эти деньги носить и давать на новое пиво для усталых лесбиянок. Он одинок, а я нет.

Проклятый ветер. Ты не можешь дуть слева от востока? Ты, вообще, можешь заткнуться? Ведь мир полон жизни и запахов.

Из «круглосуточного» выходят знакомые музыканты и жрут фисташки. С холодным чаем типа Lipton. Вам что, больше нечего делать? Ведь есть же нота «си» и хорошо темперированный клавир.

- Забей Беспяткин, есть ещё и другие ноты, например, «до диез бекар». Музыка никуда не денется, как и смерть, а вот «тёлки» могут «срулить», если будем тормозить, - кричат мне музыканты.

И я понимаю, что они правы. Это та истина, которую все понимают в то время как, я бреду с деньгами к амвону. Но сейчас это алтарь. И там сатана машет кровавой куриной лапкой. И мы идём к нему с холодным чаем Lipton и фисташками. Это не тянет на «чёрную мессу» - это просто какая-то глупая вечеринка. И все рады. И я рад. Чему-то большему и ненужному.

Я помню её. Мы целуемся, как два месяца назад, в устье улицы Ленина. И Бог снова меня фотографирует. Мы смеёмся поперёк друг друга и трогаем под одеждой. Там ещё какие-то ноты. И ноктюрны. Две сферы сходятся перед зарёй и, наконец-то, пошёл дождь.

Капли расстреливают толпу и мы бежим под какой-то навес. Со всеми своими нотами фисташками. И все рады. И я рад. Чему-то небольшому, но нужному. Засыпающей жизни или новорождённой идее. Той идее, которую-таки и не понял Бог. Той идее, которая ведёт нас к дому с дверью на скрипучих петлях, перед которой лежит вязаный половичок. Там, за этой дверью, мы будем счастливы или обречены, неважно. Там с нами ничего не случится. Потому что там рождаются добрые сны.

(2008 г.)

КАТОК

Я шёл по утоптанной снежной тропинке вдоль забора и понимал, что в мире

случилось нечто необъяснимое, но важное. Играла музыка, и я был полон неги и водочного отвердителя. Да, я был тверд в решениях и нежен в поступках.

А за забором играла музыка. София Ротару пела про то, как она кого-то любила, а тот, кого она любила, её тупо не нашёл. Несправедливо это относительно Софии Ротару, но бывает, случается. Поэтому у замечательной певицы и было столько страсти в голосе, что я не выдержал и перелез через забор.

Там, за чёртовым забором, я угодил прямо в глубокий скрипучий сугроб. В сугробе я не остался — это смирение перед природой, а мы люди гордые и отважные.

Когда я сбросил с лица снежную пелену, то передо мной «взорвался» огромный каток. В лучах прожекторов переливался лёд, похожий на северное сияние. А вокруг, да, вокруг меня, как тени из прошлого, проносились счастливые люди, обутые в коньки. И румянились эти люди, словно птицы снегири. Сверкали лезвия, как звёзды, и пар из счастливых ртов клубился фантастическими узорами. А я стоял, умерший от стыда и неопределённости, подобно судебному приставу.

Блядь! Как это получилось, что я ушёл с хаты пораньше, устав от разговоров о промёрзшем цементе и сиськах Анны Семенович? Чья-то заботливая рука мягко подталкивала меня по миру и включила ту песню в исполнении Софии Ротару.

Впрочем, стоял я на льду недолго. На льду вообще долго не прстоишь, даже если поставить это перед собой, как принцип классового самоутверждения.

Я, падая и бормоча суровые тексты, направился к трибунам, где в уютном сарайчике давали напрокат коньки всего за 60 рублей на час. Там толпились люди возрастов разных и полов обоих. Они переобувались, смеялись и матерились, как ангелы. И всё это за 60 рублей!

И вот я один из них. Достав припасённый «чекунделёк», я глотнул водки и вышел в люди.

О боги, как давно я не стоял на коньках! Много лет не стоял и не катался. Но это не причина вернуться назад и потребовать обратно 60 рублей. Лед зовёт. Катайся, Беспяткин! Познай тайну скольжения и силу инерции!

И я поехал. Слабо так, неуклюже, но поехал. Вжик, вжик, вжик...

Как Спаситель, я парил над предрассудками и рыночной экономикой. И вскоре я поймал забытый инстинкт равновесия и с криком «Ахуенн-а-а!» совершил круг почёта самому себе. Я забыл обо всём, включая сгоревшую бетономешалку и песни группы «Любэ». Лавируя в потоке подобных мне счастливицев, я дышал розом и улыбался женщинам.

Да, здесь были женщины, и какие женщины! Таких не встретишь в «кислотных» клубах и на пенных вечеринках. Таких не встретишь даже в среде богемной аристократии, где говорят о каком-то Довлатове и древнеиндийской философии! Эти женщины были похожи на птиц из мультфильма о Маугли. Как в джунглях, они перелетали с ветки на ветку и были цветными картинками из журнала «Мур-

зилка». Снежные королевы, не синюшные, как Ольга Дмитриевна из шестой квартиры, а ко-лоризованные, я бы сказал, как в фотошопе.

И они тоже мне улыбались. Люди ходите на каток, а не в дурацкие клубы, которые горят, как порох, и несут только убожество мысли и спутанность сознания. Выше катка может быть только ленинский призыв «Учиться, учиться и учиться!».

Учился и я, обгоняя собственные ноги собственной мечтой. Это приводило к падению или столкновению с объектами. Падение — хуйня, объекты матерились.

Я удовлетворял свои рефлексy и память. Колючие снежинки пугливо танцевали вальсы, а в свете прожектора пела какая-то мразь из громкоговорителя. Но я катался, как может кататься человек, уважающий конституцию и водку с красным перцем. Я сам был, как красный перец — один на весь каток, такой огненный и готовый к подвигу. Внезапно я понял, что время моё вышло, да и устал я что-то с непривычки. Поэтому пришлось перемещать тело к сарайчику проката. Вот тут, как говорят программисты, надо создать «точку восстановления», чтобы потом, если что, вернуться к нужному моменту жизни. Я её не создал.

Заглядевшись на одну из «птиц» в голубой курточке, я опоздал с торможением. Коньки поехали по оси «Х», захватив ноги, оставив голову и руки на оси «Y». Перемещаясь по этой оси, моя голова встретила лёд затылком и мысли по инерции вонзились в этот самый лёд, как картечь. Тьма.

* * *

- Очнулся? - были первые слова, которые я услышал.

Это сказал бородатый сторож катка. Его мутные бельмы смотрели мне прямо в душу.

- Я чего, упал, что ли? - тихо спросил я, пытаюсь нащупать «чекунделёк» за пазухой.

- Ты ёбнулся, как дерево. Башкой об лёд, нехорошо, - ответил сторож.

Я огляделся вокруг. На катке по-прежнему катались люди и бормотал какой-то рэпер. Я же сидел на снегу возле выхода. Сидел в коньках и у меня ныл затылок.

- На этом месте часто падают, тут дефект и аномалия, - продолжал сторож жевать бороду.

- На выпей, старик, и помоги мне подняться, - протянул я «чекушку» служителя катка.

* * *

На остановке было холодно. Скорее всего от того, что я вспотел на катке и

теперь мороз пробрался до мокрой одежды и охлаждал тело, как фреон. Я топал ногами, махал руками и шептал слова гимна. Ничего не помогало.

Если б у меня были деньги, то я бы поехал на такси, но денег не было. И надежда на появление автобуса умирала вместе со мной и моей страной. И вдруг я услышал это!

- Вы можете открыть две буквы, у вас на барабане 300 очков! - рявкнуло в мозгу.

Там же грохнула какая-то музыка и женский голос произнёс: «Давайте откроем первую и последнюю, Леонид Арка-дич...».

Я от неожиданности закрыл глаза и - о, святилище Валгаллы! - передо мной вся студия «Поля чудес» вместе с Якубовичем и прочей хуйнёй в виде полосатого барабана и необузданных игроков с горящими глазами. Длинноногая красавица открывала уже последнюю букву «ь». Первой была «п». Всего букв было семь. «Поебень какая-то», - подумал я и открыл глаза.

Пустынная остановка, обдуваемая ветром и снегом, пьяный лётчик на скамейке и две проститутки у «Форда». Всё та же унылая картина позднего постсоветского вечера и отсутствия денег.

А в голове игроки гадали, что же это за слово с мягким знаком на конце. Я снова прикрыл очи. Опять стало тепло и рыжая кобыла у барабана мяла губами своё лицо, краснея от умственной несерьёзности.

«Е»! — взвизгнула она и стоявшие по сторонам соперники вздрогнули, как в зале суда.

Есть такая буква в этом слове, — обрадовался Якубович и покраснел.

Буква оказалась третьей по счёту. Раздались аплодисменты, и тройка игроков сморщилась, как изюм.

Я открыл глаза. В голове тот же бардак. «Поле чудес» набирало обороты. Что за нахуй?

- Или я замерзаю, или схожу с ума, блядь. А может и то, и другое одновременно? - подумалось мне.

И тут к остановке вырулил долгожданный автобус. Синхронно с пьяным лётчиком мы оказались у животворящих створок. Разверзлись хляби и мы влезли в салон.

Меня «обилетили», но это не помогло. В голове продолжали терзать барабан и отгадывать слово. Я боялся закрыть глаза. Я реально перепугался и с невероятным напряжением пытался отогнать «белку». Но ведь она не может просто так появиться, ни с хуя. Должен быть запой, тяжёлое похмелье и всё такое.

И вдруг, я увидел, как водила жмет какие-то кнопки у себя на пульте управления автобусом. Не знаю, как и почему, я мысленно представил пульт дистанционного управления от телевизора и нажал красную кнопку. Голоса под черепом исчезли.

Я осторожно прикрыл глаза, при этом больно щипая себя за руку.

Тьма! О, великая тьма, мать покоя и умиротворённости! И никакого Якубовича с призом в студии. Я сел на холодный дермантин и вздохнул, как после экзамена на половозрелость.

* * *

Дома меня встретили как обычно и я был рад этой ругани, как весенним ласточкам. Я был реально трезв после катка и мороза. Вот только помят и грязен. За это и получил от жены медаль. А ещё тёща мне сказала, что в Древней Руси плохие вещи и события назывались не иначе, как поебень.

Я спросил о первоисточнике и получил тихий ответ: «На «Поле чудес» такое слово отгадывали и стиральную машину выиграла женщина из Караганды». Теща тайно смотрела эту передачу, но все об этом знали.

Передо мной пронеслась заснеженная остановка, каток, сторож с мутными глазами и пульт дистанционного управления. Мне было о чём подумать и кое-что проверить. И я проверил. Забавно.

* * *

На носу маячит Новый год и всё, что с ним связано: повышение тарифов на всю хуйню, праздничное безделье и весёлые телепередачи.

Между покупками ёлок, майонеза, шампанского и подарков, мы смотрели «ящик», в котором со всех каналов обещали пиздец чего. Страна верила и готовила оливье.

Если мир садится жопой в финансовую лужу, то обычные граждане моей терпливой страны - ебалом в оливье. Это традиция, а нарушать традиции у нас не принято. Мы не в Голландии, где всё нетрадиционное, включая браки и помидоры.

Так вот, занимаясь очисткой чеснока и селёдки, мы пялились в телевизор, в котором улыбчивый Познер зомбировал граждан «американской мечтой» и какой-то демократией. Его лоб блестел, как тот лёд, об который я пизданулся на катке в аномальной зоне.

- Так что вы думаете о свободе слова в нашей стране? — тоном продавца косметики «Орифлейм» тиранил он худого, испуганного журналиста.

В этот момент я снова представил пульт дистанционного управления и опять нажал красную кнопчку. Ага, я в студии, передо мной Познер и компания. Всё реально и без наебалова. Ну, раз так...

- А п-а-шёл ты нахуй, дядя Вова, по своему телемоу обратно в штаты, а там можешь утопиться в Гудзонском заливе, если ты мужчина. И Тэффи свои сраные заberi для музея CNN, — грубо, патриотично и главное, громко, ответил тощий

журналист (теперь его ждёт слава и рейтинг, а может просто пизды получит).

Статисты в студии по привычке взорвались аплодисментами, но тут же притихли. В эфире появились помехи, кто-то крикнул: «Я заебался тут...». Помехи усилились. У меня заныл затылок. Я выключил свой пульт - вдруг кто сканирует чего.

Жена застыла с ножиком в руках, чеснок упал и покатился под кресло.

- Ты это видел? - наконец, спросила она.

- А чего, нормально так ответил пацан. А, главное, честно, - сказал я, внутренне проникаясь силой своего дара.

- И как такое в эфир допускают? - возмутилась теща.

- Познера? - спросил я.

- И его тоже, - ответила та.

* * *

До Нового года я больше не экспериментировал. Меня заставляли выносить мусор и бегать на рынок за мандаринами.

К тому же, я готовил новогоднее обращение Президента к народу. Пока было готово только две строки: «Дорогие россияне! В Новый год мы вошли без вазелина...». Дальше как-то не шло, и подсказать было некому. Вот невезуха.

А ещё я тайно ходил на каток. Ведь там лёд, скорость и поёт София Ротару.

(2012 г.)

ОБРАЗЫ

Ещё в институте я видел её лицо. В каком-то музыкальном журнале, по-моему в «Враго». Журнал пропал, а образ остался, перешёл в сны и там стёрся. За ненадобностью, видимо.

Впрочем, к чему это я? Да к тому, что образы просто так не существуют. Они зачем-то, к чему-то и всё такое.

Она была красива. Не то слово, она просто убивала вокруг себя всю другую красоту. Представьте граждане, что вы увидели в гастрономе девушку...

Нет, лучше так. Припёрла вас толпа в метро к противоположному окну, а там, на мёртвом стекле её отражение, ну то есть образ. Вам наплевать на социальную несправедливость, пассажиров и грохот вагонов в утробе метрополитена. Вы при-

кованы к треклятому стеклу и познаёте любовь или что там ещё. Вы боитесь обернуться, чтобы не спугнуть образ, вернее ту, которая не образ, а самая настоящая... Ну, вы понимаете.

Потом толпа «сваливает» из вагона и вы мчитесь в пустоте к своей станции, на которой вас никто не ждёт. Даже образно.

* * *

Я шёл по тротуару мимо магазинчиков и палаток армянского общепита. Вечер. Все дела. Прохожие смотрят в асфальт и тупо текут по своим делам, куда-то в прошлое. В настоящем только милиционеры. Они застряли в нём, как комары в янтарной смоле, но ещё шевелят лапками и ждут своей жертвы. Я прохожу мимо без паспорта и веры в Бога. Прямо в грязный магазинчик «Продукты». Там светло и урчит холодильник.

- Дайте мне коньяка, не совсем палёного, можно

«Аист», - с ходу проговариваю я волшебные мантры.

- «Аист» в маленьких бутылочках, — отвечает мне взъерошенная армянка, поспешно одергивая одежду.

Она так стремительно выскочила из подсобки, что я разглядел в тёмном углу восточные усы и золотую «печатку».

- Давайте маленьких, десять штук. И сыр вон тот с плесенью, а ещё мандаринов. Три мандарина, конечно, и «бабаевский» батончик, - читаю я соответствующий список.

Армянка, шустро краснея, заметалась вдоль витрины, собирая артефакты в дешёвый пластиковый пакет.

- С вас 860... - произнесла она «многие лета».

- Вот, - сказал я, и выложил на блюде рублёвый «аминь».

Затем добавил:

- И повесьте колокольчик на входной двери, все так делают...

* * *

Я с пакетом подхожу к подъезду и тычу в глазок домофона магнитным брелком. Звучит невидимая музыка без лишних тонов и массивная дверь дает «добро» на вход.

Я не люблю лифты и обожаю ходить на 10-й этаж пешком. Как спаситель на Голгофу. Как лама в Шамбалу. Лифт сужает кругозор и способности к творчеству. Разве что написать на его стенке чего.

Ну, вот и дверь моей съёмной квартиры, обитая серым дерматином. За ней покой и вселенское равенство. Но что-то удерживало меня перед дверью. Какой-то

невидимый барьер, преграда или что там ещё. Никакой мистики. Просто подумалось о чём-то из прошлого и тут же стёрлось. Образ. Ерунда.

Ещё на прошлой неделе все гости были благополучно выперты из квартиры, а если что и осталось, так только образы. Сlepки безумной вечеринки ушедшей в обратную сторону.

Я открываю дверь. Вхожу в прихожую, включаю свет. Пусто и спокойно здесь. Да, именно так надо входить в свой дом, если он, конечно, у вас есть. У меня его нет, но коньяк, опять же...

Разулся я, скинул куртку и направился в кухню. Граждане, всегда мойте руки перед едой, а то не хорошо как-то!

На столе я разложил продукты и секунд десять смотрел на всё это. Потом неторопливо обезглавил маленький «Аист» и выпил его. Так надо. Так надо готовить себя к сказке, если вы конечно в неё верите. Ничего не ешьте в этот момент, а то сотрёте что-нибудь.

Через минуту я поместил все ритуальные снадобья на жестяной поднос с изображением мясного натюрморта и прошёл в комнату. Поскольку руки мои были справедливо заняты, я толкнул выключатель носом. Ещё одна часть бытового пространства проявилась из тьмы.

Я осторожно поставил поднос на журнальный столик с мутным и липким стеклом. Затем направился к дивану, чтобы взять пульт для телевизора, настроенного на канал «Discovery». Я увидел пульт и рядом с ним её.

Её увидел я - тихо сопевшую в волшебном сне. В одежде и босоножках. Какая одежда? Да ничего особенного: джинсы там, маечка и тонкий серебристый браслет (но это уже не одежда). Я не удивился и даже не стал щипать себя за руку. Я ущипнул за руку её. Всегда так делайте в подобных обстоятельствах.

Она пошевелилась, мурлыкнула и перевернулась на другой бок, для того, чтобы я смог её внимательней рассмотреть. Но мне этого было не нужно. Я знал, что это она. Я знал, какая она. Ещё по той фотографии из журнала «Bravo». И это был не образ на стекле вагона метро. Это была моя любовь, которая рано или поздно приходит хотя бы таким манером.

Не удивляйтесь ничему. Примите как должное. И ждите, когда она проснётся. А пока можно выпить коньяка ещё маленькую бутылочку, но только на этот раз с сыром. И обязательно сидя в кресле или там на табуретке. Стоя вторую дозу не пьют — не правильно это.

Я включил телевизор, соответственно приглушив звук. С экрана вещали о безработице и чьих-то останках, найденных у побережья острова Хоккайдо. В этой местности постоянно находят трупы, насколько я себя помню.

На другом канале шёл какой-то сериал о тётке в рыжем плаще и каком-то седом бизнесмене. Я перескочил на «Discovery». Там готовили к продаже «Mercedes 230».

На этом моменте я достал третью бутылочку «Аиста», разодрал мандарин и занюхал им коньяк.

- Вот теперь можно встречать потенциального покупателя. Интересно, смогу ли я окупить затраты и получить ожидаемую прибыль, — бодро тараторил ведущий программы «Автодилер».

Я точно знаю, что свою прибыль он получит. Тачка хорошая. Мне б такую.

- Где я? - вдруг раздался сонный голос.

Я реально понял, что говорили по-французски, но не подал виду. Я не знаю этого языка и нахуя он мне вообще нужен. Однако, повернувшись к дивану и увидев эти испуганные глаза, я ответил по-французски. Только, пожалуйста, не задавайте глупых вопросов, типа «почему по-французски?». Не задавайте и всё. Я ведь уже говорил про образы.

- В моей недавно снятой квартире, на диване находишься ты, - искренне ответил я.

- А почему? - пытали меня эти чёртовы глаза.

- Не знаю, но я безумно рад, что ты здесь, как тебя зовут? - вопросом перебил я свою девушку, не зная, куда положить пульт от телевизора.

- Анна, меня зовут Анна. А что я делаю в твоей квартире?

- Ты спала. Теперь, наверное, хочешь есть, вот сыр...

- Ты кто?

- Я Беспяткин, но это неважно, ванная комната там, — кивнул я в нужном направлении.

Она недоверчиво посмотрела в ту сторону и, как наигравшийся за день котенок, зевнула, не успев прикрыть рот ладошкой. Потом она прошла в ванную. В это время в телевизоре «автодилер» продал «Мерседес» и пожал руку новому владельцу. Я развернул «бабаевский» батончик. Всё-таки шоколад.

Она пробыла в ванной достаточно времени, чтобы я опустошил четвертую бутылочку. Батончик я не тронул. Оставил для неё. У французов шоколад в почёте. Вот только из спиртного чёртов коньяк.

Но она не отказалась от «Аиста». Сжевала полбатончика и опять стала смотреть мне в глаза.

- А где моя мама? - неожиданно спросила она.

Я, конечно, знал свою гостью ещё по журналу, но вот о маме её не имел никакого понятия. Какая мама? Ни о какой маме речи не шло. Но ведь она спросила.

- Твоя мама, наверное, осталась там, ну ты понимаешь, — вполне правдоподобно ответил я.

- На мосту?

- Ну да, на мосту, а где же ещё?

- А я, выходит, всё же упала? - задумчиво произнесла Анна.

Эти слова хоть и прошли мимо меня, но след оставили. Упала, так упала. На

мой диван. И это же прекрасно. Почаще бы так падать.

- А где ты живёшь? - снова обратилась она ко мне.

- В Москве, в Чертаново, а зачем тебе это? - разозлился я.

- Нет, ты должен жить в Париже.

- Я не должен жить в Париже, я даже в Москве то не должен жить, просто обстоятельства... - выкручивался я, смутно понимая, что придется врать про работу, которой нет, скрывая криминал.

Но ничего такого не произошло. Анна просто встала и подошла к окну. Она резко распахнула шторы, которыми я отгораживался от московской пакостной весны. Я понял, что за окном творится какая-то дрянь.

- Зачем ты меня обманываешь Беспяткин. Мне и так не по себе, - с укором шепнула она.

Я подскочил к окну и произнёс что-то матерное и нужное. За пыльным стеклом текла чужая французская жизнь, судя по торчащей вдалеке Эйфелевой башне. Это единственное, что я знал о Париже. Я вернулся к столику и выпил ещё.

Спокойно. Она мне привиделась. Это нормально и ожидаемо. Она задает вопросы, понятное дело. Но вот если я вижу за окном Париж — это совсем не нормально. Это архи не нормально.

- Налей мне ещё бренди, - попросила Анна.

Я не стал уточнять, что я купил в армянском магазине и просто плеснул «Аист» в единственную рюмку в доме. Она проглотила «бренди» как сок и опять уселась на диван.

- Я сегодня умерла, Беспяткин. Это был не сон, - спокойно сказала она после непродолжительной, но милой паузы.

- Мертвые коньяк, то есть бренди не пьют. Поверь мне, да ещё в чужих квартирах, - попытался я осмысленно ответить на её бессмысленную фразу.

- Ты не понимаешь, я действительно упала с этого чёртова моста. Назло маме.

- При чем тут твоя мама?

- Она нашла мне «правильного» жениха, она всегда всё делает не спрашивая никого и считает это единственно верным.

- Бывает.

- А я сказала, что спрыгну с моста, с него все прыгают - модно же.

- Ага.

- Я хотела её напугать и помню, что сорвалась с парапета. Значит я мертва, - закончила Анна свою простую историю и вздохнула.

Я достал очередную бутылочку «палёного» пойла и «раз-дербанил» второй мандарин. Образы — это конечно хорошо, но теперешняя ситуация выходила за рамки моего понимания. Во-первых, мне очень не понравился пейзаж за окном. Во-вторых, кто же всё-таки умер? И как? А ещё меня взяла обида на то, что моя, вернее мой волшебный образ ни слова не сказал о любви там, или о дружбе.

Пусть она из Франции, пусть мама у неё деспот, но ведь наша встреча неслучайна. Она должна обо мне хотя бы догадываться.

- Ты ничего не чувствуешь? - спросил я с надеждой.

- У тебя плохой бренди, - ответила она без эмоций.

- Это «палёный» «Аист».

- Не обижайся. Тебя я тоже во сне видела, в кошмарном.

- Понятно.

Да, действительно всё стало понятно. Мы общались - это факт. В нереальных сферах и всё такое. По телевизору об этом говорили. Какие-то поля—тополя. Но я её любил, а она меня в кошмарах видела. Как вам это нравится. И ещё этот Париж с башней. Лучше б я остался в Южном Бутово на хате у Лехи. Там в разгаре 8—е Марта. Ну, вечеринка и прочий разврат. Нет, я попёрся домой отдохнуть и восстановить уровень чего-то там в мозговой жидкости. А что в итоге?

Я в своей, недавно снятой квартире. В Париже, а не в Чертаново и моя мечта из снов, мой образ - мёртвая француженка, которой я в сущности по «барабану». Будут ещё вопросы? Да, осталось две бутылочки «Аиста». Я протянул одну из них Анне.

- А пей прямо из горла, - по-французски сказал я.

- Идёт, - согласилась она и выпила быстрее меня.

Мы поделили остатки батончика и мандарина. Стало легче дышать и общаться. Но говорить не хотелось. Мы целовались. Мы лежали на диване и готовили себя к главному.

А и пусть она меня не любит. Это её право - не любить. Но ведь это не может помешать нам трахнуться, как в студенческой общаге. Реально не может помешать. И мы сплелись как осьминоги в пучине животной страсти. Одежды в сторону. Диван скрипел, деревья гнулись. Где-то там за окном упала Эйфелева башня и зазвучала «Марсельеза».

А кожа у Анны была тугая, как мяч Лиги чемпионов. Её грудь не имела аналогов в этой комнате и весна плакала где-то у подъезда - униженно, как проститутка. И тут в квартиру позвонили. Позвонили настойчиво и грубо. Но мы успели. Мы успели даже больше.

Потом я пошёл к двери и посмотрел в глазок. На площадке толпилось человек шесть. Трое были в униформе МЧС. Один из них держал «болгарку». Я попытался открыть замок, но у меня не было сил. Что за чёрт, замок мягкий, как желе. А за дверью взревела обрезная машинка.

И тут я заметил, что стою по щиколотку в воде, которая мирными волнами проистекала из ванной комнаты. Я бросился туда. Так и есть — Анна не закрыла кран. В самой ванной есть специальное отверстие, через которое по трубке должна уходить лишняя вода, но в моём случае через него это проклятая вода лилась прямо на пол. Да не было там никакой трубки, граждане!

Я закрыл кран и бросился в комнату под деловой рёв «болгарки».

В комнате тоже была вода. В ней плавали шкурки мандарина и маленькие бутылочки «Аиста». Анны на диване не было. Её вообще нигде не было. Что за чёрт? Я интуитивно подбежал к окну.

Да чтоб тебя! За окном Москва, Сумской проезд. И никакого Парижа с его ржавой башней!

В это время в комнату ввалились МЧС-ники и, скорее всего, соседи с нижнего этажа. Они громко тараторили про какой-то евроремонт и «всякую пьянь».

- Все, пиздец. Вызывайте труповозку и пузырьки эти пустые в мешок киньте, для анализов, - гаркнул главный МЧС-ник.

- Это коньяк «Аист», - возмутился я, уже понимая, тщетность своих объяснений.

Меня никто не слышал и не видел - это факт. Я, по-видимому, сдох, товарищи, как в кино. Вот только почему нет тела? Вода есть, маленькие бутылочки есть, обертка от батончика тоже есть. А трупа нет. Ни моего, ни моей француженки. Тогда зачем они так говорят. Теперь уже в рацию.

- Женщина, лет двадцать пять, без одежды. Да, сердце не бьётся, пульса нет. Возможно, передоз или отравление. Я не медик, чёрт побери, сами решайте, - орал в рацию главный спасатель.

Притихшие соседи скорбно смотрели на пустой диван. Потом кто-то накрыл его пледом.

* * *

Мобильник раздирался вовсю. Он пиликал своим маленьким зуммером настойчиво и опасно. Пришлось, не открывая глаз, ощупью взять трепещущий телефон.

- Да, - выдохнул я в трубку.

- Беспяткин, ты где? - загудел мне в ухо знакомый голос.

- Где я? - задал я сам себе вопрос, открывая тяжёлые глаза.

Фокус проявился не сразу, но уже без него я понял, что нахожусь в квартире Лехи в Южном Бутово. Рядом валялись тела прошедшего разврата и какие-то розы. Воняло окурками и блевотиной. Ничего нового. Гул в голове и всё такое. Никаких поводов для волнения. Но в мобильнике звучал голос моего подельника Макса. И звучал ох как недобро.

- Где ты, я спрашиваю? - кричал он в эфире.

- Да у Лёхи в Бутово, чего ты орёшь? - прохрипел я устало.

- Ты там давно?

- Да уж дня три как...

- Свидетели есть?

- Ты чего, «афганки» пыхнул? Какие свидетели? - уже испугался я.

- А такие! Я сейчас был у тебя, аккурат, когда дверь с петель срезали... - ревел в трубке Макс.

- На фига, какую дверь, какие петли?

- В твоей квартире открыт кран, вода залила соседей, приехали МЧС-овцы, вскрыли хату, а тамдохлая баба, причём вроде как иностранка. Это по слухам. Тебя уже ищут, понял?

- Нет, - честно признался я, чувствуя рвотные позывы.

- Короче, запасайся свидетелями, я предупредил, - уже тише сказал Макс и отключился.

Я бросился к унитазу. Меня рвало неистово и больно. Давление в черепной коробке достигло максимума. Я был обречён. Я знал это. Мне бы только не хотелось, чтобы моё тело нашли здесь в лёхином сортире.

Впрочем, это всего лишь образ, отражение. Как в метро. Образы стираются и уходят. Иногда вместе с нами.

(2009 г.)

УТРО

Вы когда-нибудь просыпались в чужой постели, в чужом доме, в чужой деревне, с разрывающей от боли головой и сухим уनावоженным ртом? Верю, просыпались. И вы знаете, как это печально или, лучше сказать, трагично. Как у Фридеша Каринти или поэта Вознесенского.

Вы помните раскалённое желание глотнуть прохладной жидкости, пусть даже если это будет керосин? Но ваши глаза видят какие-то чужеродные тени и пузырьки с разноцветными гранями.

Желудок пытается поговорить с сердцем о главных вопросах философии, но его разрывает рвотный завет. Вы готовы стать губкой и впитывать жизнь через поры или там соломинку солнечного лучика. Но жизнь ходит где-то слева от вас в пыльных сенцах и гремит ржавыми лопатами. Это пришли могильщики. Они делают вам удобную нишу в чернозёмном храме скорби.

Но вы не хотите уходить, вы слабым голосом зовёте друзей в надежде на бутылочку пива или кваса. И они приходят. Души просвечиваются в них, как игристое розовое в полдень у колодца.

Вы пили вино у колодца, стоя на коленях, опираясь на земную ось? Верю, пили. Может, про ось я соврал, но мало ли что можно найти у колодца. Например, журнал «Огонек» за 1977-й год, или мятый билет на автобус из райцентра.

Так вот, друзья... Они смотрят на вас, утомленного кошмарным сном и борьбой со вторым «я». Они тоже утомлены, но не борьбой, а вашим печальным или, скорее, трагичным видом. Они успели похмелиться и видят свет, который для вас ещё не родился. Вы иссушенными и липкими глазами молитесь им о прощении. А они ждут, когда же эта пропитая тварь сдохнет от внутреннего давления и малодушия.

Но всё же друзья благородны! Иначе зачем они нужны без своего благородства и купленной с утра похмельной жидкости?

И вот вы волнительно, как святую мощь, достаете из-под грязного покрывала собственную руку. Дрожь земная! Открытие Северного полюса! Рождение в Вифлееме.

Вы держите священный кубок и медленно проносите его в космосе между созвездием Гончих псов и Аделаидой. Вы сливаетесь с горлышком, как в тесте Роршаха. На что это похоже не сможет ответить даже ублюдок Юнг.

Обмен происходит стремительно и рушит все китайские и берлинские стены. Ваш желудок пытается спорить, но уже как-то вяло и тихо. Но это не упокоение, это предтеча новой революции - Ельцин на танке, Нюрнбергский процесс.

Пиво — это единство и борьба. Ваш организм не хочет борьбы и уж тем более единства. Вы блюёте противоположностями, как старина Фридрих. На запад блюёте, на восток, на Полярную звезду и на новую конституцию. Новая волна страданий, проклятие прошлого и разгильдяйство настоящего.

Друзья уходят. Вы шатко и валко крадётесь в ванную с печальной вестью. Тёплая и тухлая струйка воды прыгает к вам в ладони. Вы размазываете её по лицу и понимаете всю ненужность этого омовения. Вы слышите голоса тех, кто ушёл за горизонт в надежде на прощение. Но эти голоса не могут вам помочь, они только отвлекают от познания мира. А он светел и чужд, как постель, дом и деревня.

Двигаться надо, двигаться. Медленно, тайком от природы.

Физиологию можно обмануть только точно подобранной дозой и томатным соком. Это не беда, что вас стошнит кровью. Это готовится плацдарм для предстоящего сражения. Пусть перебьют дозорных. Зато основные силы, совершая обходные маневры, приведут вас к Ватерлоо.

Вторую порцию вы можете закусить луком и, закатив глаза, сказать — аминь! Ваши руки перестают трепетать, как первомайские транспаранты. Вы хотите пищи, причём совершенно не духовной. Жрать. Да, вы реально хотите жрать и самосовершенствоваться. Вы вспоминаете слова гимна и цвет трусов соседки Насти. Вас уже не тошнит. Вас накрывает саван прозрения.

И прольётся дождь. И ручьи вплетутся в реки. И ободранный петух с фиолетовым гребнем споёт вам осанну. И ваши друзья улыбнутся, как герои космоса. Ведь правда улыбнутся? Да? Куда там. Конечно!

Ведь родился ещё один, для спасения. Для труда и уплаты налогов. Навзрыд

заплачет сотрудник ГИБДД, уронив полосатую палочку на мерцающий асфальт. Счастливо выдернет чеку террорист-смертник в гостеприимной Анталии.

«Перед лицом своих товарищей, торжественно клянусь...».

Третий стакан утренней водки сильно отличается от первого стакана вечерней. Он более загадочен и менее требователен. Ваши предыдущие страхи ничтожны и мерзки, как те ржавые лопаты в сенцах. И вы слышите, как поёт сельхозтехника. Эта песнь зовёт вас на путь созидания и любопытства плоти. Вы нужны миру и угодны Богу. А остальное — тлен и суета сует. Со светлыми лицами вы с друзьями идёте в будущее, похоронив диссидентство и злобные наветы врагов. Пусть поэт Евтушенко размахивает руками у памятника Пушкину. Пусть Пушкин размахивает револьверами, а прибалты - свастиками. Вы выше и достойней любого лауреата или там капеллана! Вы работаете на благо и всуе. Родина помашет вам берёзовыми ветвями, и президент напишет в ЖЖ что-то лёгкое, как смерть полярника. Ведь не каждый день мы просыпаемся, чтобы...

(2012 г.)

ОДНО ЗА ДРУГОЕ

Да, собственно, ни хуя необычного и волшебного не произошло. Просто порой цепочка событий, в простонародье называемой судьбой, свернулась кольцами и запуталась, как холодный провод-удлиннитель.

Мы спокойно терзали стены какого-то ДК на предмет ремонта и укрепления периметра. Да, таких как мы долбоёбов по стране тысячи. Но вот сегодня у нас, здесь, пересеклись вектора этих чёртовых судеб и ещё там что-то пересеклось.

А все началось с зоофилии.

В радужный момент перерыва вся кодла интернациональных бригад спустилась в тенистый садик с вербами и кустами смородины. Там, на тёплой траве и пыльных спецодеждах, люди жрали всякую пищу. Ну, вы представляете, там - кефиры, котлеты, колбасу, огурцы, водку и семечки.

В такие минуты происходит общение на всякие темы, ну вроде как в Государственной Думе иль там на блевотном «Эхе Москвы». Работяги трепались о новых законах, Алине Каба-евой, боксе и прочей ерунде.

Мерный гул трудового народа, жующего питательные предметы, успокаивал мозг и совершенно не менял диалектику природы. Чуть в стороне, у поваленного клёна, таджики спорили с армянами на тему ебли природных животных. И те, и другие упрекали друг друга в скотоложестве.

- Иблан ты, билять! Овец ебут на Кавказе, а у нас нет баранов, - орал небритый каменщик Алнах.

- А кто у вас есть? - ерепенился худой рэрэшник Вардан Варданян.

- Муфлоны, - отвечал кладчик.

- Значит, муфлонов вы шпилите, не? - допытывался армянин.

- Мы чай пьём и хлопок собираем, а муфлон это ты. И если тебя кто шпилит, то не болтай при людях, - мудро ответил аксакал Алнах.

- Чё, это ты меня пидорасом назвал? - вскочил молодой Варданян.

- Муфлоном, есть такие козлы с круглыми рогами.

- Я козёл? - страшно взревел армянин.

- А хуле, козёл и есть, раз дурак черножопый...

Тут произошло то, чего все давно ждали. Вардан схватил здоровенный отрезок трубы на 3/4 и кинулся в бой. Понятно, что Алнах побежал быстрее, ибо в руках у него был только кусок колбасы и даже не на 3/4.

Разморённый трудовой люд с интересом следил за погоней двух иноземных витязей. Всем было интересно, погнётся ли труба при соприкосновении со спиной таджика или спина пострадает больше. Но Алнах ломанулся за угол, в проём между строительными лесами и облупленной стеной. В таком проёме с трубами (даже на 3/4) делать нехуй.

Правда, в этом проёме делать нехуй было и двум ментам с баночками «Отвертки». Но они там были и, видимо, гламурно оттягивались после работы или там рейда какого.

Ясное дело, увидев грязного таджика с выпученными глазами и армянина с трубой, полицейские допустили непростительную панику и, теряя фуражки, кинулись далее к забору с волчьими ягодами. Это было так неожиданно, что Вардан бросил трубу в сторону и сунул руки в карманы, а Алнах застыл у стены, словно нетопырь.

Единственное, что продолжало движение, так это... тело Толика-«торчка», мирно пыхавшего свежий косяк в тех самых зарослях волчьих ягод. Вид людей в форме и с нагрудными знаками привёл его к истеричной «измене» и он, в облаках каннабиноидов, просвистел мимо нас в сторону чёрного хода. Это походило на игру в бильярд. Ну, прямо в лузу.

Полицейские были уже за забором, а вот Толик взбежав на второй этаж, был низвергнут оттуда прямо в центр мира, ибо половину этажа мы уже успели разобрать. Да, блядь, он упал на доски с гвоздями и на куски советской штукатурки...

Бог Джа, видимо, высоко ценил своего питомца и потому уложил его аккуратно между балкой 150х150 и чугунной восьмисекционной батареей. Без царапинок и увечий уложил преданного растамана его Бог.

Но это не уберегло от внезапного испуга местного кобеля Жулика, мирно сопевшего возле кучи строительного мусора. Он вскочил, словно цена на

энергоносители, и бурой тенью кинулся в вестибюль, понимая, что за нахождение в помещении ДК его могут отпиздить банальным кирзовым сапогом.

На пути ошарашенного пса было только одно препятствие, живое и разумное — директор ДК Антон Ипполитович. Этот божий человек уже двадцать лет нёс людям добро и художественную самостоятельность, двадцать лет исправлял грубые души чистым, правильным словом и, возможно, верил в Бога. Но Бог ему не помог, просто не успел помочь.

Жулик хватанул директора за икру нечистыми зубами, словно демон из преисподней. Антон Ипполитович вскинул ногу, как бы забивая победный мяч на последнем чемпионате мира по футболу. Это дало время Жулику свалить на свободу через гардеробную.

- Ебаный по голове! - воззвал к небесам укушенный директор.

А в это время в центральные двери торжественно входила комиссия из управления культуры, в надежде получить внятные объяснения на предмет затягивания сроков ремонта объекта. Среди представительной делегации были женщины и даже какой-то художник.

А наш перерыв-таки закончился и мы, вяло собирая костяшки домино, поднимались с травы, чтобы влачить трудовые будни, как предписано выше. Алнах и Вардан, забыв о муфлонах, направились к растворному узлу. И только две полицейские фуражки валялись под строительными лесами, как мухоморы. Их никто не трогал, мало ли что.

А Толик больше не ходил курить в кусты, а залезал на чердак, где желтела стекловата и ворковали голуби.

(2012 г.)

ТУМАН

Я вышел из тумана. Вынул горсть семечек из кармана. Посмотрел налево. Посмотрел направо. Блядь, никого. Только мелкая позёмка стелется поперёк дороги. Заебись. Мне снова придется вспоминать таблицу умножения. Особенно тяжело, когда 6х7.

Избегнув унижения, я вернул свои деньги. Но играть я больше не буду. На хуй покер и рулетку. Надо понять, где же я всё-таки измазал брюки. Суки.

Менты отпустили только утром. Выписали какую-то квитанцию и ушли ебать какую-то пьяную студентку.

А я попал прямо в туман. Там было хорошо и можно было ссать, не огляды-

ваясь на прошлое и настоящее. Там я встретил того самого ёжика и он подарил мне яблоко. Но развеялось облако и ни одна блядь не вышла на улицу. Я потерял пуговицу. Её оторвали в драке. И ещё у меня разбита губа. А в голове валторна. Зовёт в походы и будоражит кровь.

Бля, а где же яблоко? Где мои три дня? Их украли. Тупо украли и пропили. Кто? Да, возможно, и я. Скорее всего я. Но это хуйня.

Обидно только, что на дороге нет ни души. Ведь уже полвосьмого утра. Где маршрутки с пассажирами, спешащими на работу? Стоп! А какой сегодня день? Может, воскресенье? Может, День конституции?

Бля, пустая семечка. Всё чаще стал попадаться пустые семечки. Там, в тумане, семечки были лучше. Здесь тишина и пустота.

И всё-таки я иду по улице Ленина, веря в светлое будущее и открытый пивной ларёк. Вера, рожденная в ментовском УАЗике, чиста и незыблема, как эволюция. Вера не дает мне снова уйти в туман и найти того ёжика, чтобы попросить новое яблоко.

Вера спасает меня от громадной собаки со стальной шерстью. Она появилась тихо и опасно. У неё пена из пасти льётся на мостовую. И она хотела бы сожрать меня, вышедшего из тумана. Но у меня в руках семечки и весь этот чёртов мир.

Скверный пёс бежит рядом, низко опустив голову. Он ещё на что-то надеется. А я уже нет. Я точно знаю, что мы с ним вне времени. Время где-то рядом. Около. Там ходят маршрутки с работягами и скрипит башенный кран. А мы проскочили прошлое и опоздали в настоящее.

Сколько ещё идти по этой дороге? И куда? Но, уверуй, и воздастся тебе... Открой свою душу, где-то между диафрагмой и усталой печенью. Моли его о прощении и иди. Иди по улице Ленина в светлое настоящее, к тому заветному оазису с плотностью 12 % и содержанием 4,5 %.

Но я не могу забыть туман. Я не могу забыть первую ставку в 5 \$ и лицо проститутки с неправильным прикусом и тонкой шеей. Нахуй! Никаких долларов. Полцарства за утреннее такси.

Почему за мной не пришли из Ада? Почему не забрали в свою контору? Я подпишу любые бумаги, только скажите, где надо повернуть, чтобы схватиться за ручку времени и выйти из вагона. Выйти на заплеванный перрон с бомжами и нонсиальщиками. Купить электродрель и броситься под поезд № 29.

Всё, закончились семечки. Я остановился в пространстве. Передо мною вечность и это страшно. Бешеный пёс скулит и жмётся ко мне. Он тоже понял, что мы не умрем и это худшее из зол. Здесь нельзя умереть. Можно только идти. Всё время в пути. Хуёво это, граждане. Ох, как хуёво.

И тогда я закрываю глаза. Считаю до ста. Прячу сознание и обнажаю инстинкты. Медленно поднимаю тяжёлые, желатиновые веки.

Заснул, что ли? Бля, долбоёб, очередь задерживаешь, — кричит мне в ухо

хриплый бас.

Да выкиньте его на хуй отсюда, — подхватывает сзади похмельное сопрано.

Забирай свое пиво, алкаш, и отходи от прилавка, — говорит спереди усталое контрольно.

Я сгребая холодные амфоры и бреду к ближайшему скверу.

Вокруг суетится социум, бегает маршрутки, набитые работягами, перекуривают дворники. И сизый туман сполз к реке, как мыльная пена. В этом тумане я забыл свою шапку.

(2011 г.)

МЕДВЕЖОНОК

Нет, что ни говори, а весна лучшее из времён года. Ну, вы прикиньте, ручейки с бензиновыми разводами, почки набухают, как соски правильных россиянок, грачи прилетают и... В общем, жизнь сладко потягивается и зекает и внутри, и снаружи. Голова полна неожиданных мыслей и сердце трепещет в предчувствии чего-то там. А ещё можно сидеть на скамейке собственно жопой и не бояться, что примёрзнешь.

Ну а мы как раз и расположились за щербатым столиком в одном из дворов 23-го микрорайона. После зимы и выюг снежных, мы решили продолжить прерванную запоем и морозами партию в «козла». Костяшки домино щёлкали по столешнице, как каблуки чуждых нашему строю чечёточников, выбивая замысловатый ритм азарта и позитива.

Мы играли по «маленькой». Не хотелось в этот прекрасный день баловать с лишним адреналином. Вместо этого мы развлекали себя местной свекольной текилой и бочковыми помидорами из вскрытого намедни подвала (ул. Юных Натуралистов, 6). Все эти составляющие положительного настроения пребывали в гармонии и тешили наше самосознание.

Кстати, мы - это Витёк Длинный, Аркаша (обладатель жилплощади в 42 кв. метра), Колюха (в миру Западло) и я, Беспяткин (сохранивший паспорт и веру в людей).

Нас нельзя было назвать организованной преступной группировкой, потому что мы действовали отнюдь не организованно. К бомжам мы тоже не относились (частично).

Остаётся категория собственно «синевы», но мы не кланчили на опохмелку мелочь у супермаркетов, так что это тоже отпадает. Мы просто компания, без

претензий к государству, но периодически гонимая им. Люмпены, скажете вы? Нет, ответим мы, не люмпены, но и не классические пролетарии. И будем правы.

- Длинный, ты чего, считать не умеешь? А ещё технарь окончил, - заорал Аркаша, краснея на воздухе.

- Иди ты в жопу, сейчас «рыба» будет, - ответил Витёк, напряжённо всматриваясь в излом доминошной «змейки».

Там царило тотальное поражение. Мы с Западло героически «рубили концы». Нам везло сегодня уже третий раз. Такое бывает с людьми и бизнесменами. И особо радовал тот факт, что «поляну» сегодня не нам накрывать. А бухло кончалось неотвратимо, как песня про ландыши.

- Козлы! - возвестил я конец света.

Костяшки были брошены ниц и Аркаша взволнованно разлил иллюзии по стаканчикам. Весна, желудки торжествуя, наполнились волшебным питием. Витёк с Аркашей, долг почуяв, поникли молча. Подождём.

В кредите нам ещё позавчера отказали в 17-й квартире. У Надьки Фроловой самогон из технических жидкостей, пусть его пьют павшие духом интеллигенты. Есть ещё варианты, но для такого замечательного, весеннего дня они не годились априори. Так что нам по любому нужны были деньги.

Нет, мы не страдали от их отсутствия, но так уж не хотелось лезть на базу, когда вокруг ручьи и всё такое. Мы выдержали паузу и были вознаграждены. Всевышний послал нам мессию в образе Тюленя.

Если вы не знаете, то Тюлень - это наш бывший однокашник Ваня Тюленёв. Он ещё в школе отстранился от нас и дошёл до того, что поступил в политех. Затем работал в автоколонне №1415 мастером по ремонту автобусов. Сейчас же он владел СТО и автомойкой. У него было всё, включая крикливую толстую бабищу — жену и налоговый гнёт государства. А ещё он частенько садился к нам за столик и, угощая водкой, изливал душу. Он жаловался практически на всё, включая мировой экономический кризис и Comedy Club. Мы были благодарными слушателями и поддерживали в спонсоре искру наживы и буржуазного стяжательства.

Вот и сейчас Тюлень приближался к нам с большим пластиковым пакетом, на котором поэтично изогнулась сиястая модель с наглыми глазами. В пакете звенели волшебные сосуды и топорщилось что-то гастрономическое.

- Здорово, пацаны, - бодро, но тем не менее, обреченно поздоровался Тюлень с нашим орденom.

- Привет и тебе, повелитель карданного вала, - ответили мы дружно.

- Хорошо вам тут, а меня уже «достала» эта чёртова жизнь, - с «порога» занял спонсор.

- А кому сейчас легко? - участливо пробасил Длинный.

- Эх... - только и ответил Тюлень, водружая на стол мешок с подарками.

Это всегда приводило нас в легкое волнение, как перед прыжком в бездну финансовых «пирамид». Некая смесь «спортлото» и рулетки. Приятная смесь. Гимн России, торжество демократии и песни Алсу.

Через полчаса мы вальяжно раскинулись на предметах, не отбрасывая тени и, улыбаясь, слушали Тюленя. А его несло.

- И ещё эти, с СЭС, припёрлись и требуют экологическую документацию на ПДВ. Сварка, видите ли, у нас вредная, - мычал Ваня.

- Они денег хотят, - вяло вставил Колюха.

- Предлагал, не берут. Советуют в какую-то контору обратиться, видать в паре работают, - вздохнул устало бизнесмен.

- Факт. Заодно они все эти СЭС и хуес, - бодрили мы однокашника.

- А я хочу себе ньюфаундленда завести, хорошая собака, - вдруг заявил Тюлень.

- Собака - друг. Ясен пень, без собаки плохо, - проглотив стопку «охотничьей» сказал я.

- Серьёзно, Беспяткин. Хочу этого Бетховена растить и гулять с ним по двору, - зашептал в страданиях наш товарищ и брат.

- Дело стоящее, Ваня, мы поддерживаем тебя всем электоратом, - успокаивал я его.

Через час Тюлень ушёл в слезах домой, чтобы получить порцию брани и выспаться. Ему хватило полбутылки для счастья, а нам и трёх было мало. Но, тем не менее, мы успели ещё сыграть пару конов в «козла», прежде чем разбрестись по спальным местам. Аркаша побрёл в свои квадратные метры, Длинный направился к профессиональной сожительнице Райке, Колюха на чердак дома № 12, а я решил никуда не уходить и приклонил голову на подогретый солнышком стол, прямо на костяшки домино. Было около трёх часов дня.

Зачем куда-то уходить, если вечером снова возвращаться. А ещё этот весенний, целебный воздух, птицы и журчание ручейков. И никакой СЭС.

Здравствуй мир! Я сплю в твою честь! Достоинно.

* * *

- Налегает на вёсла, братцы! А то к чертям перевернёмся! — кричал с кормы Колюха.

Грязные брызги весенних вод били в наши лица холодной картечью. Лодку швыряло в стороны, как Госдуму в период выборов. Мы попали в стремительный поток сточных вод и неслись навстречу сливному колодцу. Всевозможный мусор громадными холмами окружал наше бурное русло.

- А я говорил вам, что не надо этих экспериментов с волшебной палочкой, - рычал Аркаша, со страшным скрипом ворочая вёслами.

- Так ты же первый и пожелал пуститься в плаванье по ручью, - злобно ревел на него Длинный.

Я молчал, потому что это была моя волшебная палочка. Я спёр её из кабины ДПС-ной «десятки», пока служители дорог «распаривали» какого-то дальнобойщика на предмет законного взноса в Государственный Инвестиционный Благотворительный Департамент Дорог.

С помощью этой палочки мы творили магию и доигрались до того, что превратились в маленьких человечков. Это была фантазия Аркаши. И теперь мы плыли к морю скорби, как в сказках Андерсена. Плыли в окружении опасных вещей и существ.

Гигантские кошки и собаки нюхали нас сверху, прикидывая калорийную ценность. Но страшней всего были грачи. У этих сволочей не было ничего святого и если бы не наша ловкость и сила духа, то я даже не знаю, что было бы с нами.

И вот мы в трёх метрах от сливного колодца.

- Молитесь, граждане, пришёл тот час, когда... - начал я вещать в пространство, но меня грубо прервали.

К ручью подошёл любимый всеми дворовый пес Рыжик и спокойно так зубами взял нашу лодку. Потом он опустил нас на твёрдую почву и радостно залаял. Мы прыгали, как гномы нашедшие золото, как сборная России на чемпионате мира по биатлону. А пёс всё лаял и лаял, но уже где-то внизу.

И тогда я открыл глаза. Возле нашего столика стоял хозяин двора Рыжик и весело гавкал на мою спину, в ожидании награды за доблестный труд. Я достал из вороха бумаг недоеденные «крабовые палочки» и подарил их псу. Тот с достоинством принялся за еду, а я гладил его старую, блохастую спину и думал о том, что делать дальше. Солнце же почти село за горизонт, но фонари ещё не горели. Пустота в бутылках и голове не оставляла мне шансов. Пришлось встать и идти, как в том писании.

Шел я безо всяких дум и надежд на лучшее. Прямоком по ул. Колхозников. Встречный люд не радовал меня, а уж я его просто «напрягал». Впрочем, это одна из составляющих капиталистического общества. И нечего тут отвлекаться.

Наконец, я поравнялся с передвижным цирком шапито, который активно вводился на традиционном пустыре за магазином «Промтовары». В небо упирались стальные фермы с почти натянутым шатром. Вокруг всей этой конструкции были расставлены вагончики для зверей и артистов, а ещё заградительные щиты.

Вся рабочая рать этого цирка самозабвенно устанавливала трибуны и стойки. Артистов видно не было. Видимо, они уже умчались в кабак. И только в клетках скулили, хрюкали и рычали дрессированные звери, в извечной обиде на тех, кто их приручил.

Я было собрался продолжить свой бессмысленный путь, но тут что-то интуитивно непредсказуемое ударило мне в основание черепа. Ещё не понимая зачем и

по какому поводу, я по-шпионски озираясь, просочился через заградительные щиты. Пробираясь меж фур и вагончиков, я наконец-то понял свою конечную цель. И я до неё добрался.

В маленькой, зарешеченной будке сидел в задумчивости забавный медвежонок, с ошейником, венчавшим длинную стальную цепь. Я осторожно откинул щеколду и протянул руки к маленькому Винни Пуху. Тот стал на задние лапки и обнял меня, как родную мать после долгой отсидки. Собрав в ладонь цепь и прижав к груди несчастное животное, как ребёнка, я прежним путём вернулся к дороге и оттуда свернул в заросли парка Победы.

К этому времени солнце уже скрылось за воображаемой линией и сумерки лизнули улицы города. Я со своим мохнатым трофеем бодро мчался в родной двор. Меня подгоняло чувство справедливости и предчувствие хорошей пьянки. Я знал, что делать и как. Это всегда происходит с теми, кто творит добро. А я его творил. Незримо, как следственный комитете.

Дверь долго не открывали. Наконец, после унижительного допроса и показа через глазок моей физиономии в профиль и анфас, я был допущен в квартиру Тюленья.

Сам Ваня был в не совсем приличном для бизнесмена состоянии. Мутный, не протрезвевший взгляд, мятые «семенники» и причёска, наэлектризованная в сторону созвездия Волос Вероники. Он медленно покачивался, как Эйфелева башня, и даже не собирался выходить из тумана. Впрочем, это даже лучше. Для любого бизнеса.

- Вань, я достал тебе ньюфаундленда, как ты хотел, вылитый Бетховен, - энергично выпалил я, подтягивая цепь и медвежонка.

- Бетховен? - силился понять меня владелец автомойки и СТО.

- Он самый, мохнатый друг, на все времена, мечта твоего детства, - сотрясал я среду.

Видимо мои слова совпали с его сонными грёзами и Тюлень улыбнулся мне благодарно, как индеец миссионеру. Он принял мой дар нежно и слюна счастья пролилась на дорогой паркет.

Люди, верьте в добрых фей и стабилизационный фонд! Живите для других и тогда другие будут жить для вас! Мой однокашник бережно усадил медвежонка на коврик и, повернувшись ко мне, попытался пальцами пригладить волосы.

- Сколько я тебе должен, Беспяткин? - восторженно спросил он.

- Это дар другу, но сам понимаешь, животных нельзя просто так дарить, чисто символически надо его на что-нибудь обменять, - скромно ответил я.

- Проси, что хочешь, - дышал перегаром Тюлень.

- Два литра и колбаски, - честно ответил я.

Ваня молча, задев углы и мебель, переместился на кухню. Там что-то заманчиво звякнуло и вскоре я величественно спускался по лестнице с пакетом, полным

яств и огненных вод. «Немирофф» с перцем, свинина копчёная, чесночный соус, сдобные булочки и банка опять подогревали моё второе «я».

К родному столу я подошёл, как римский сенатор. Все мои компаньоны сидели в тоске и неведении. Мой визит их не просто обрадовал. Он их вдохновил! Через час мы пели про ямщика и чёрного кота. Потом какая-то харя из 25-й квартиры пообещала вызвать полицию. Тогда мы пошли к Аркаше. У него не было мебели, но это уже не имело никакого значения. Потом мы снова пошли на улицу. Там на лавочке у подъезда мы и уснули, как в зале ожидания. Уснули под стрекотание сверчка и скрип детских качелей, на которых катался весенний ветерок.

* * *

Разбудили меня грубо и антисоциально. Энергично тряс мое плечо, у лавочки стоял Тюлень с цепью и медвежонком. Маленький артист кувыркался в пыли, отработывая свой номер.

- Беспяткин, это медведь, - сообщил мне счастливый обладатель четвероногого друга.

- Ты не любишь медведей? - спросил я спокойно (водка-то ведь уже выпита).

- Верни его, откуда взял, Беспяткин. Я ещё магарыч поставлю. Этот мишка мне всю квартиру засрал ночью, такими знаешь шариками, - сказал Тюлень и пальцами показал форму этих шариков.

- Не вопрос, Ваня. Я сам был обманут, а для тебя...

- Спасибо, я понял. Но сейчас по радио передали, что из цирка украли медвежонка по кличке Гоша, - перебил меня бизнесмен.

Услышав своё погоняло, мишка сделал стойку и поднял правую лапу. Я в молчании принял из рук Тюленя цепь и неторопливо побрёл в сторону магазина «Попуайка».

Солнце только-только вышло из-под земли. Тени были длинны и уродливы. По случаю выходного на улицах почти никого не было.

Я шёл в задумчивости по тротуару и прикидывал размер благодарности со стороны работников цирка. Ведь им сознательно возвращают артиста, приносящего прибыль. Это надо понимать.

Сам артист вразвалку, как морячок Папайя, плёлся позади и позитивно урчал. Я не представлял, сколько мы так прошли, поглощенный вычислениями. У меня выходили всё те же два литра. Я пытался с этим смириться.

- И что же это тут у нас? - раздался знакомый голос силовых структур.

Я скинул пол-литра и вернулся в мир. Передо мной выстроились четыре мушкетёра с рациями и резиновыми дубинками. Они были полны света и социальных гарантий. Мы пересекались взглядами, как шпагами. Я понял, что зло - это я. Они это тоже поняли.

- Ну! И чего мы здесь в такую рань делаем? - спросил меня розовощёкий сержант.

- Да вот собачку выгуливаю, жена попросила, - тихо ответил я, наблюдая за резиновыми дубинками.

- А что это она у тебя на задних лапах, дрессированная? - глумился сержант.

- Дрессированная, - ещё тише промолвил я.

- А вот на тебе, - не выдержал другой ППС-ник и подняв дубинку, вытянул меня вдоль горба.

Эх, хорошо, что на мне пуховик и два свитера. Удар был сглажен, но неприятен. Потом у меня забрали Гошу и благородно оставили на дороге познавать бесконечность космоса.

Я понимал, что милиционеры по любому стряснут с директора цирка презент за оперативность и доставку. Я откровенно жалел, что не пошёл через парк. Но эти мысли были мимолётны и незначительны перед страницами Красной книги.

Мне было тяжело осознавать, что амурский тигр, иль там горилла, постепенно уходят в историю эволюции. И значительную роль в истреблении редких видов играет человек. Такой, как я или вы. Не важно. С похмелья вообще что-либо тяжело осознавать.

(2009 г.)

УСТАЛОСТЬ

Иногда наступает момент, когда ты чувствуешь усталость. Нет, не душевную или там физическую, а усталость тотальную, всепроникающую и жестокую. И физически, и морально тебе похуй на всех и вся, включая самого себя.

Ты прекрасно знаешь, что это временно, что ещё пару дней и всё станет на место. Попрут дела, завертится весь этот говёный мир и твоё место в нём обозначится чётко и по ранжиру. Но сейчас мира нет, мечты похожи на удушье, люди кажутся глупыми и каменными, как надгробия.

Небо давит на мозги всей своей синевой или там тучами. И это давление вызывает раздражение, словно тебя хватают за горло мягко, но с намерением.

Ты шаркаешь по асфальту грязной обувью и бредёшь меж реклам и капиталистической суеты словно Христос, зная, что креста не миновать, да и после распятия не будет воскресенья, только сплошные понедельники.

Ты не просто одинок - ты одинок в общении, бурном светском общении со знакомыми и родственниками. И все их разговоры, словно потусторонние образы,

вьются вокруг тебя и шипят, и шипят...

Кто-то смеётся, кто-то попал под колесо автомобиля, кому-то подарили букет, кому-то возложили венок. Все заняты делом, все толкают землю и только ты застыл в пыли на пустынном полустанке с пивной бутылкой и пачкой семечек.

Усталость обнимает тебя за плечи и говорит: «На хуй тебе всё это дерьмо, этот город, эти ублюдки и новый президент?». Действительно, думаешь ты, какое дело им до моей тоски, а моей тоске до них? Но это только усиливает усталость, это влечёт за собой отвращение к позднему ужину и раннему завтраку.

А ещё это телевидение с болтливыми пидорасами и рекламой всякой дряни (хорошие вещи не рекламируют). Всё, всё похоже на тугую вонь из прорвавшейся канализации, включая мультфильмы про Симпсонов.

Откуда только берётся эта усталость? От работы? От людей? От капиталистической мрази? От самого себя? А может от золочёных крестов и полумесяцев, политических отморозков или времени года?

Вокруг свершаются героические прорывы, взрываются смертники, растут деревья и умирают дети. Везде полно жизни или чего там ещё полно? Везде, но только не в тебе. Тут только усталость и желание непомерного сна. Да и сон похож на таблетку амфетамина, не более.

И ты садишься в углу на старый, занозистый табурет. Ты достаёшь телефон и тупо просматриваешь номера знакомых, зная, что звонить глупо, бессмысленно и неудобно. А всё потому, что тебе целый день никто не звонил.

Вот так и проходит эта усталость в отупелой, бестолковой возне с собственной душой. Проходит медленно, неуклюже.

И вдруг ты слышишь, как в соседнем саду запел скворец. За рекой рыбоохрана поймала браконьера и кого-то пиздят веслами. Твой телефон разрядился и это радует. Выглядывает солнце, словно участковый, и за забором какая-то блядь включила Шуфутинского. Жизнь диффундирует в тебя, словно метастазы рака, и усталость переходит в физическую боль. Это уже честно и даёт вздохнуть полной грудью вонючий, техногенный воздух проклятого города. Возможно, через пару часов к тебе вернётся романтика и долги по кредитам, любопытство и голоса людей.

Но пока ты ждёшь этого возрождения духа, у тебя спиздили документы на машину и календарик с Шакирой. Спиздили в тот момент, когда ты в единственном числе сражался с усталостью и радикальным покоем. Это плохо, но терпимо, ибо в противном случае можно было просто сдохнуть - и без документов и без романтики. А подыхать, братцы я никому не советую.

(2012 г.)

ВСТРЕЧИ

(повесть о найденном времени)

Светлой памяти Алексея Балабанова

Вот задают мне граждане вопросы: «Почему у тебя, Беспяткин, всякие там мутности и грехопадения происходят ночью? Зачем тебе, дураку, эти вот ночные походы в подпространство и бессонная лирика? Нормальные люди спят ночью и даже под одеялами, а твои глупые герои ходят во тьме в поисках халявной ебли или пьют под мостом из баклажек. Зачем, а?»

А я знаю, почему и зачем. Знаю потому, что в ночных тенях человека ничто не отвлекает. Ни там прораб какой, ни солнечные зайчики в маршрутке, ни «Авто-радио» не отвлекает.

Днем всё завязано на деньгах и рекламе, а ночью на романтике и деньгах. Но если хорошо выпить, то и деньги вам похуй. А если воткнуть в уши гарнитуру со Стасом, к примеру, Михайловым, и шагать от прудов с Опытной к вокзалу по железнодорожному виадуку, то и романтика не нужна вовсе. Ты сам такой романтик и весь это чёртов мир становится близок и понятен, как выборы президента, к примеру, или женщины с картин Дега.

Ночью откровений больше и можно спрятаться от политической хуйни и всякого там капитализма. Ну, вы же знаете, как этот капитализм срёт в уши каждому доброму человеку. Наверняка знаете, но всё равно покупаете «Кока-колу». А ночью «Кока-колу» не пьют порядочные люди.

Что пьют? О, дорогие мои, что только не пьют лунные странники за пустыми остановками и возле заборов с проволокой. Но результат всегда одинаков — падаешь в сказку и никаких там тебе квитанций об оплате.

Так вот, значит, виадук. Через платформы и перроны. Провода гудят усталыми басами и прожекторы светят вниз на рельсы и шпалы. Ну, ещё снежок мелкий кружит в лучиках фонарей, словно звёздная пыль.

Вот вам и ответ, почему я шёл сегодня в пьяном виде в этой самой звёздной пыли, будто маг какой или чародей. Правда, без шляпы я шёл, но с бутылочкой православного кагора для волшебства и наушники в ушах у меня были.

Журавли летят в Кита-а-й,
Только ты не улета-а-й...

Там в Китае поди, тоже кто-то бродит под ночными покровами промеж пагод и юаней. Пьяный или нет бродит китаец, не знаю, но журавли не зря туда летают заместо синиц. Определённо не зря. В песне поётся.

А тут мне видится всё нутро страны моей, пока она без трусов дремлет перед

новым гадостным днём потребительства. Всё я вижу и слышу многое. И слышу я порой больше, чем вижу. Да, собственно, и смотреть нынче не на что. Мир одинаков и сер, хоть и зима пуржит алмазами, а на перронах следы снежных людей путаются, словно похмельные пассажиры в поисках платформ и жизненных путей.

Даже запах железнодорожной атмосферы не красил мировое пространство. Но это только на первый взгляд. Это если бежать в кассу за билетом и думать только о нижних полках. Тогда да. Тогда параллельные миры не покажут вам ни острых клыков, ни бородатых карликов в золотых плащах, ни козлоногих всяких там...

Прожекторы светили остро и ярко. Мороз тёр мне нос и бодро скрипел на поручнях и изоляторах. А на безымянной платформе люди моего племени били раздетых наполовину женщин. Одну уже положили боком возле ящика с песком и кровь её чернела рядом.

А вторую пьяные мужчины хватали за тонкие руки и с разбегу впечатывали в бетонный столб, подобно стенобитному оружию. Глухим звуком полуживого тела заканчивалось такое вот мероприятие. Дева падала в снег и гадко вздыхала кровавыми лёгкими.

- Вот что бывает, вот что... Если ты, дура, не уважаешь клиента, - высоким голосом вещал один инквизитор в полосатой шапке с кисточкой.

- Отпустите её, новенькая она, глупая... - неприятно прошипела та, что рядом с песком лежала.

Ещё один человек в клетчатом пальто, подошел к ней и ботинком втоптал её голову сверху, словно увидел крысу.

- Молчать надо! - страшно сказал он и задумчиво посмотрев на результат, сам же себе задал вопрос. - У неё мозги, что ли из носа вытекли?

Третий тип в тёплом спортивном костюме синего цвета поднял за волосы молодую гражданку на уровень колена и плюнул ей в лицо.

- Жива ещё, блядь? - спросил он с тоской.

Девушка закрыла лицо вывернутой рукой, словно кошка умылась. Ничего она не ответила. Тогда все трое схватили её и без торжественных слов скинули на рельсы, чтоб хребет сломался. Потом закурили они и пошли вдоль платформы, тяжело и жалко в сторону отстойника.

А что я? Стоял и смотрел? Нет, я слушал песню.

Ты моё сердце из чистого золота,
И я спасу тебя от холода-а...

Я спустился с виадука по железной лестнице и рассмотрел снег, утопанный разнообразными подошвами и усеянный зубами, вперемешку с рваным бельём. Женщина у ящика открытыми, восточными глазами смотрела в сторону мерцающего вокзала. Вдавленный по экватору череп не давал мне определить, красива

она или, наоборот, безобразна была при жизни. Синий живот выполз из расстёгнутых джинсов, словно зубная паста, а ноги в высоких сапогах скрестились в снегу, подобно гербу города Тулы. Но никаких сакральных символов я тут не увидел и отвернулся от трупа.

Та, которую бросили на рельсы, была красива даже в той нелепой позе, что придал ей Бог перед тем, как принять душу для высшего допроса. Длинные вьющиеся волосы обняли блестящую, холодную рельсу и глаза её были прикрыты в неведомом мне посмертном наслаждении. Голубые, любопытные глаза. Она улыбалась небу и снегу. Я же не улыбался ей. Я её запомнил.

Летит по небу, сквозь облака,
Летит по небу - белая стая-а...

Я пошёл той же дорогой, что и те, которые лишали жизни этих двух в снегу и навсегда. К тому же, впереди засияли огни прибывающего поезда и двигался состав этот к безымянной платформе, на которой делать мне было уже нечего.

Вскоре я пил кофе в зале ожидания, но кофе - это было зря. Все подобные наркотики для неуверенных в жизни людей. Для тех, кто хочет жить вечно или хотя бы надеется получить пенсию по старости. Нет ничего лучше самодельных напитков от тёти Вали или, на крайний случай, от Виолетты Наумовны с улицы Пожарского.

Но я ушёл далеко от тех исторических мест и придётся брать что-то у таксистов. А таксисты — это сумеречные существа, подобные бесам без родословной. Они могут продать вам пойло для экскурсий по лабиринтам ада или, наоборот, нектар для роста крыльев и прочих святых мероприятий.

Я направился к стойбищу таксомоторов.

- За двести рублей это должно быть с наклейкой, - утверждал я.

- Нахуя тебе наклейка, земля? С наклейкой вся дрянь и продаётся, а тут всё честно. Спирт бодяжный и даже вон что-то плавает, - отвечал мне таксист.

- Ну, то что плавает - это хорошо, но давай две за триста пятьдесят без наклейки, а бутылки я оставляю возле батареи у первой кассы, хорошо? - торговался я.

- Бери две, - согласился ночной бродяга.

И я пошёл обратно в здание вокзала, чтобы купить бутербродов и пакетик сока.

Куда бы я не шел, к истокам или к устью, На радость, на беду, к тебе иду...

В зале ожидания сонные люди, как пауки, притаились в углах и под скамьями. Меня удивила лишь лёгкость одежды пассажиров супротив моего пуховика. А так всё было как обычно - кто-то спал, кто-то терзался путеводными думами, а один не особо юный гражданин спрятался за столбик банкомата и осторожно пил из блестящей фляжки.

К нему я и направился, понимая, что пить без компании можно, но только на

ходу и в частном секторе. На вокзале же надо пить без одиночеств и тайн.

* * *

- Вот я и приехал. Теперь жду, когда рассвет появится, - говорил мне новый знакомый по имени Аркадий.

- Может, тебе проспаться для начала, купить там цветов иль чего ещё, а уж потом визиты наносить? - советовал я ему, сбросив один наушник из правого уха.

- Я не хочу в отель. Там мерзко всё, там я с «катушек» слетаю. У-у-у, продажные твари... - сверкнул глазами незнакомец.

- Сними хату на сутки.

- Там ещё хуже, тоска в этих съёмных... На вокзале люди, полиция, часы большие.

- Согласен, тут уютно, как в стране Советов. И общественный транспорт в шаговой доступности.

- И, если что, по городу поброжу, а к ней после обеда отправлюсь, — душевно планировал грядущий день Аркадий.

- А ты ей звонил или по соцсети договорился? - уточнил я.

- По Интернету только, а позвоню перед самым приходом, — ответил он.

- А фотка есть?

- Вот.

Аркадий засветил смартфоном, в котором велась его сокровенная переписка с неизвестной мне Ларисой. Девушка была красива и не худа, как некоторые акулы интернет-адюльта. Мне она понравилась, несмотря на плохое сэлфи. Мне она понравилась, как и та, на рельсах с глазами в небо, но не запомнилась.

- Может тебе повезёт, - вздохнул я и выпил.

Откуда-то слева появились они. Хоть бы раз появились справа, так нет же. И ещё эта форма, словно из кино про шпионов.

- Ты, Беспяткин, опять со своим социализмом к людям пристаёшь? - задал старшина привычный вопрос.

- Нет, Паша. Тут дела иного рода. Но социализм неизбежен, знай это, - ответил я прямо.

- А вы, гражданин, предъявите документы, - обратились внутренние органы к романтику Аркадию.

- У него встреча с девушкой на горизонте, а вы с документами! Тьфу! - возмутился я.

- Заткнись, Беспяткин. Знаем мы эти ваши встречи. Потом вас на хате собирай по соседским звонкам, - обиделся старшина.

- Тут любовь, возможно, будет...

- Да вот документы. Я из Курска приехал, - перебил меня Аркадий.

Патруль потоптался округ нас, проверил паспорт гостя и упиздил в цокольный этаж, отняв у меня займы одну бутылку.

Обернувшись на ходу, Паша, посоветовал нам выйти на свежий воздух. Это был дельный совет. Мы двинулись к выходу, допив то, что было и в надежде на то, что будет. Я подумал, что в лёгкой спортивной куртке Аркадий околеет на лютом морозе, но этого не случилось. Это я был нелеп и неприятен в пуховике, оказавшись в самой настоящей весенней ночи с её запахами сирени и пением ранних птиц. Ни тебе снега, ни ледяных проводов, ни пара изо рта.

Я хотел было удивиться, но передумал. Передумал потому, что в левом наушнике прозвучало что-то дикое.

А я — перепутаю даты,

А я — позабуду все клятвы,

И я — никогда не остыну...

Пора завязывать с современными песнями, а то из-за них можно потерять всю эту ёбаную хронологию жизни. Исторический материализм потерять можно и мечты не станут явью.

По перрону бродили две громадные собаки рыжей масти и весело кружился пакет с дурацкой надписью «Пятёрочка». Свистнул маневровый тепловоз и вот-вот должен был родиться рассвет.

- Ну, давай Аркадий. Иди на встречу к своей Ларисе. А я пойду гардероб менять перед рабочим днем, - устало протянул я руку гражданину Курска.

- Пока, Беспяткин, и это... Номерок оставь на всякий случай, у меня денег много. Вдруг не выйдет чего, так хоть покажешь мне эти ваши встречи на хате, - сказал он, доставая смартфон.

Я произнёс мобильные цифры и поспешил к автобусной остановке, думая о неожиданно свалившейся мне на голову весне и предстоящей возне с монолитным фундаментом под развороченной сценой старого ДК.

* * *

Отработали мы сегодня ударно и почти без ругани. Опалубка выдержала насилие бетона и прораб Шапкин подарил нам отгула с денежным подспорьем.

Да ну её нахуй, эту работу! Весна - вот она трепала душу и шептала в уши слова похабные. Знаем мы эту весну, знаем мы эти слова.

Чистым и свободным шёл я в гости к тем, кто пьёт без философских вывертов и приглашает женщин к танцу на ковре безо всяких там гусарских прелюдий. В квартире той собирались люди разных слоев и характеров разных. Но едины они были в одном. В чём? Да я уж и сам не помню.

Кто-то сидел на кухне и спорил на продажные темы о правительстве и ценах на бензин. На кухнях вечно спорят и роняют сахарницы. Там, возле газовой трубы, о чём-то ином говорить трудно.

Вот в комнате, где Интернет подключен и музыка валит из-под стола, разговоры веселей и громче. А женщины тут улыбаются открыто вам и вашим порывам, словно в парикмахерской.

- Ты вся передо мной, как живая. Я ношу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю «Я вас люблю, madame!», — взволнованно обращался социалист, приёмщик чермета Влад Поручнев к рыночной продавщице Ольге с утраченной фамилией.

Женщина блестела глазами и бокалом, в котором шаловливо дрожал Blazer категории «Сладость и сексуальность». Влад очаровывал даму словами великого немца Карла Маркса, которые тот адресовал своей любимой супруге Женни.

Я указал ему на это и погрозил пальцем. Негоже тут в атмосфере блуда и неприличных напитков цитировать великих основателей классовой борьбы.

- Да ладно тебе, Беспяткин. Если красиво, так красиво, правда Оля? - сгладил углы черметовец, повернувшись к продавщице.

- Что пили ваши творцы манифестов, а? - встрял отец Андрей церковным басом.

- Да уж не ваш бодяжный кагор, батюшка. А шампанское бордо (Шато д'Арсен), портвейн, - ответил я без иронии. - Это для дам и деток, а сам Карл мог себе позволить только лёгкий эль, ну и там ещё кое что, после анализа английской политэкономии, конечно же.

- А если бы водку пил, написал бы он этот ваш «Капитал», а? - не унимался поп.

- Водку только твои прихожане жрут и ничего не пишут, кроме как на заборах всяко. Да и водка нынче - гавно, как и весь строй, за который вы там молитесь в своём приходе, - разозлился я.

- Дурак ты, Беспяткин, - буркнул отец Андрей.

- Сам дурак. Лучше стакан подай - вон тот, без помады на краях.

Святой отец религиозно вздохнул и потянулся за посудой через весь неграмотно сервированный стол. Он был хорошим человеком, если что, и даже сочинял песни про берёзовые листья и томные закаты, пока не понял, что Богу эти песни не нравятся.

В дверь позвонили. Это пришли две весёлые птички Аня и Таня. Они всегда обхохочут вас с головы до ног и вам это понравится. В коротких юбках и узких курточках пришли они, отлично зная сценарии наших встреч. Аня работала в какой-то «ремстройхуйпойми» конторе бухгалтером, а Таня фотографировала свадьбы профессиональным способом. Им налили водки, чтобы стереть различия и включили новый трек из-под стола.

Там, там, где тебя нет,
Там, там летом идёт снег...

Гаишник Володя стал посреде комнаты и прикрыв глаза, засучил ногами и заводил руками, словно на дискотеке 80-х. Продавщица Оля присоединилась к нему, позабыв о социалисте Владе.

Я посидел немного и тоже поддержал танцы на ковре. Люблю я такие вот добрые, от души рвущиеся па под музыку из-под стола. Аня шептала отцу Андрею что-то грешное в волосатое ухо, а Таня резала лимоны. Из кухни вернулись политические спорщики со стаканами и досадой на какого-то депутата с неприличной фамилией.

Волнующие ритмы и хохот женский превратили комнату в зону наслаждения и интимной пьянки. К тому же хозяин квартиры, сварщик Толик, положив трубку телефона, сказал:

- Скоро бабы будут.

В этот момент мне почудилось, что за окном хлещет сильный дождь и летают рыжие листья, на секунды прилипая к стеклу. Но за окном ничего не летало и ничто не хлестало.

Я хлебнул ещё вина и подумал словами всё того же Маркса: «Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых».

Отец Андрей пил пиво, важно откинувшись на диване, словно римский сенатор. Активный народ в комнате пристойно топтался под добрые, нехитрые песни, а в прихожей кто-то торопливо снимал обувь.

Как же я люблю вот это время нарастания веселья и сладостной суеты! Ещё не все поздоровались друг с другом, ещё не все нашли общие темы, ещё не все достигли алкогольной нирваны. Но уже всё вокруг кружилось разноцветным хороводом, в котором каждому определялось своё место. И уже похуй, что там правительство готовит в своих мрачных подземельях, какие законы принимает, какие яды варит. Мы тут сами знаем, что и как.

В коридор мы вышли не по своей воле. Да, выманить нас из квартиры было не легко, но так получилось. Белокурой Насте, неизвестной мне по роду занятий, въебали по носу проходившие мимо криминальные граждане, пока та героически курила на площадке. То ли Настя была груба и надменна, то ли урки захотели бесплатной ебли, не знаю.

Только вот разбираться в подъезд вышли рабочие люди.

- Ну и что, если достал нож - режь! - наседали на лиходея с бронзовой бородой гаишник Володя.

- А ты ещё ментов позови, - уклончиво возразил тот.

- Я сам мент! - рявкнул ему в голову Володя.

Тогда уголовный элемент и всадил ему нож в область печени. Молча, без

предисловий, всадил. И гаишник присел, как бы переводя дух.

В этот же момент я рванул руку врага через перила и сломал её, словно черенок от лопаты. Нож упал в пролёт с колокольным звоном. Другие злодеи кинулись ко мне с верхней площадки и намерения у них были тоже не добрые. Одного принял Влад громадным кулаком в шею, другого сварщик Толик бутылкой портвейна в лоб. Началась возня, привычная для подобных конфликтов.

Рыжебородого я рвал в слепой ярости, но у меня это плохо выходило, ибо тот был как бы боксёром и левой рукой норовил попасть мне в голову. Но, граждане, по моей голове били брусами 100х100 и монтировкой в рабочем порядке. Так что я крутил соперника медленно, как в мясорубке.

Я вообще не ценю арестантский уклад. Слишком много в моей жизни было этих романтиков с большой дороги. И те, кто ещё не окончил свой путь по летальным причинам, всегда говорили мне, что каждый урка одинок и подобно известному волку живёт вне стаи. Для себя он живёт, для себя фарт ловит. Никакого киношного братства в уголовном мире не существует, одна сплошная погоня за баблом, понтами и местом в кабаке, на сходке.

Один смотрящий с погонялом Ангел как-то сказал мне: «Волки мы, волки. И нет покоя нам, пока не перегрызём друг друга...». Через месяц ему и жене его поотрезали головы в одной милой деревушке.

Поэтому я выкручивал шею тому, кто ножом пырнул Володю без эмоций и страха. Тогда же меня и ёбнули дубинкой товарищи из вызванного соседями полицейского наряда. Досталось всем. Но наше войско справедливо разогнало по разным сторонам света, а криминальную троицу забрали в РОВД.

Старшина Паша только недобро напомнил мне, что если ещё раз повторится подобное безобразие, он заберет и меня в пенаты, для составления всяких там неприятных протоколов.

Через грязное окно мы смотрели, как хулиганов грузят в УАЗики, а нашего раненого бойца в неотложку. Всему процессу пленения и «Скорой помощи» мешал только «Мерседес» чёрной масти, грубо припаркованный у нашего подъезда. Медики уехали быстро, тревожно завывая сиреной, а полицейские неторопливо, с фирменной УАЗовской прогазовкой.

И наступила тишина. Я подобрал с грязного пола чью-то пыльную кепку. Подобрал, посмотрел и бросил в мусоропровод.

Потом мы вернулись в квартиру без гаишника Володи, отправленного в БСМП для спасения или наоборот как-то. Отец Андрей уже разлил всё по стаканам и неприличными жестами приглашал выпить. Ну, мы и выпили. Но толку от этого не было уже никакого.

Женщины тихо смотрели телевизор, а мне снова показалось, что за окном бушует слякотная осень в дожде и листьях.

Не меняй меня на вальта,
Иногда шесть бывает джокер...

Через полчаса я ушёл из весёлой квартиры и направился по улице Космонавтов в сторону военного городка. Там есть одна хатёнка, в которой можно поговорить о любви с теми, кому эта любовь совершенно не нужна. По дороге я затарил в «ночном» магазинчике пластиковые пакеты со вкусными штучками, включая шоколад.

Весна продолжала терзать меня своими шёпотами и звуками из тёмных мест города. Но я понимал, что мир изменился нелепым образом и скоро это почувствуют все те, кто не спит ночью, назло биологическим часам.

Я постучал в оконце на первом этаже, словно влюблённый испанский юноша, правда без плаща и без шляпы. И даже без гитары постучал. Приоткрылась шторка, мелькнуло молодое девичье лицо и я пошёл к домофону.

Открыла мне дверь худая дева Марина. Я просквозил в подъезд романтической тенью и вступил в храм продажной любви, вытянув перед собой пищевые пакеты.

- Беспяткин, большевистский подонок! Вот же тебя занесло вовремя, мы бухаем за Гюльнар. Стареем блать косоглазая, - приветствовала меня хозяйка хаты по фамилии Богданович.

- Я купил ей подарок - абсент палёный. И ещё прошу, не включайте вашу Лободу, пока не выпьем вот эту бутылочку «Кавказа», - ответил я скромностью.

Так и случилось. Мы общались под Sade - By Your Side и Юрия Антонова. По кухне плыли клубы сигаретных выхлопов и женщины трудных профессий спорили о трудных долях своих и акцизах на древесину.

Гюльнар по-восточному усадила полпузыря абсента и увидела Зелёную фею возле раковины. Мы тоже её увидели блюющей, но не сказали вслух. Пусть минница почувствует себя волшебницей, хотя бы временно.

- А вот скажи, Беспяткин, почему бензин всё дорожает и дорожает? - спросила меня куртизанка Инга, тряхнув крашенными волосьями.

- Во всём виноват товарищ Сталин, а больше мне и сказать нечего.

- Сталин был мужик, великой силы человек и ума большого, а ты, Беспяткин, всё шуточки свои... - обиделась почему-то Инга.

- Нахуй вам этот бензин, зачем вы смотрите телевизор и этих пидоров в них. Ведь есть же лесные чащи и всякие там просторы полей, где понимаешь, всё без книг и Интернета! - ругал я женщин мягким голосом.

- Комары в лесу твоём лютые и ноги переломать можно об коряги, как в прошлый раз. А мы жители городские и без комфорта не можем существовать, - встряла рыжая бестия Анята.

- Согласен с тобой, женщина, - тихо ответил я и уронил голову на стол...

Поднял я чело не сразу и не сам. Мне помогли. А за окном всё-таки шёл этот мерзкий, осенний дождь.

Я снова проебал лето, уже второе с начала этого века. Впрочем, лето — это маленькая дрянь и жалеть тут не о чём. Летом пить - срамота одна. По югам, да по Турциям пьют люди вместо того, чтобы ночами купаться в лесных озёрах с русалками. Тьфу!

Я столько не выпью дождей в этой жизни.

Я столько не выпью тоски в своей жизни.

- Беспяткин, возьми гитару. Спой для молодого поколения чего, - трясла мою голову Гюльнар.

Я был бодр и заряжен на песни, я хорошо спал все эти тысячелетия. И я взял гитару после трёх больших глотков вонючего скотча.

Понятно, что я не собирался петь безликую эстраду XXI века. И, конечно бы, на хуй пошли все эти барабаны с басами от русского рока - пустые, с трясущимися руками песни. Я пел то, что держит душу в мягких ладонях чувств и почёсывает её за ухом, словно кошку.

Снова замерло всё до рассвета

- Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь...

Женщины окружили меня, словно волки, и глазами влажными смотрели, не моргая. Они много потеряли, они ничего не приобрели. Они уйдут забвенными и вернуться неопознанными. Весь этот мир, потерявший своё лицо, будет ломать их и самого себя, пока не сдохнет на городском пляже под вечно скорбящей ивой или под «грибком». Если повезёт.

- Чёрт коммунистический, слезу вышибает как, - шепнула красным лицом «мамка» Богданович.

Я пел ещё что-то, пока шёл дождь и открывались бутылки. Песни из прошлого вползали в комнату с опустившимися на дно людьми, словно дым от пионерского костра.

Опустела без тебя Земля...

Как мне несколько часов прожить?

И в какой-то момент я вдруг увидел новую проститутку, прямо напротив меня. Она красивыми руками держала стакан, на дне которого ещё шевелились остатки водки. Она смотрела на меня голубыми, любопытными глазами, в глубине которых медленно кружились огромные, мёртвые снежинки. Я вздрогнул и отложил

гитару.

- Ты кто? - спросил я взволнованно.

- Лорелея, то есть Лариса, - ответила она, допив остатки из стакана.

- Это мы ей имячко придумали. Из сериала одного про весёлую блядь американскую, - ответила растрёпанная Инга.

Я огляделся округ себя, словно на кладбище или на митинге.

* * *

Осень. Да, это была чёртова осень. Вся в стылых ветрах и мокрых скамейках. По пустынным тротуарам текли грязные природные сопли, а под кустом волчьих ягод сидел недовольный мокрый кот.

Я же стоял возле фонарного столба в майке и джинсах. Холодно было и мерзко внутри. Дождь, видимо, только кончился, пока я пьяный бегал по временам и пространствам.

Я достал мобильник и узнал, что через три часа надо быть на стройке. Там будут люди и там будет труд. А труд, граждане - это то, что мы всегда сможем продать какой-нибудь буржуйской сволочи за денежный знак, который легко меняется на водку, иль там на квартплату какую. Без труда мы быстро сдохнем, как и без песен в радиоприемнике. Пойду-ка я домой, а то остыть можно.

По спирали движение в бесконечность закрутится

За воротами времени, что заслуженно — вручится.

* * *

Мы очищали чердак старого Дворца культуры дружным коллективом сильных духом пролетариев. Наплевать, что там мутят менеджеры и политологи в гипсокартонных офисах с кондиционерами. Эти ублюдки хоть и наёмные, но капиталу всё-таки нужные. А нам они похуй как прослойка.

Мы же чистим систему. Мы сгребаем древние останки шлака, помёта и голубиных трупов в помятые вёдра. Мы по цепочке передаём эти вёдра к слуховому окну и низвергаем через брезентовый рукав на подготовленную площадку, окружённую сигнальной лентой. Работа эта грязная, но душа наша чистая и требует напитков ещё более чистых. Но в серых намордниках мы дышим через раз, понимая, что время ещё не пришло. Время вообще приходит тогда, когда нужно, и уходит, не спросив тебя. Время. Да пошло оно в жопу, это ваше время! Вечно оно все путает.

В густой едкой пыли мы смотрим друг на друга с гордостью и пониманием. Этот чердак должен быть чист и уже после мы займемся кровлей или, к примеру, революцией. Мы возведём новую волшебную крышу над старым ДК и люди,

вдруг задумавшие сочетаться законным браком, будут глядеть на эту красоту с восторгом и верой в нерушимость этого самого брака. Впрочем, зачем я себя обманываю, какая нахуй революция? Кругом одни только браки. В то время, пока я думал о всякой хуйне, к зданию ДК подкатил чёрный «мерседес» и нагло въехал на площадку с нашим мусором. Глупость какая-то. Места вокруг хватит на сотню мерседесов и ещё «Приору» поставить можно. Наверное, водитель машины просто думал не о том или его отвлекли чем-то.

- Эй, там, сдай на стоянку, а то тут грязь летит с небес, - крикнул кто-то из наших.

Из «мерседеса» вышел дерзкий человек ржавой масти и с чёрными очками на затылке. Он задрал голову и поглядел на нас прищурено и очень обидно, словно на ласточек под крышей.

- Убери тачку, видишь - люди работают, - почти вежливо обратился к водиле бывший сиделец Славка, держа в руках полное ведро злого мусора.

В это время из других дверей автомобиля медленно и неприятно выползали уверенные в жизни пассажиры. Как в кино прямо. Бригада, блядь...

- Перекур, работяги. Сыграйте в домино пока что, - неожиданно высоким голосом приказал этот, с очками на затылке.

Больше он ничего не приказывал и соратники его сказать ничего не могли. Несколько вёдер неприличного мусора полетели вниз без помощи рукава. Прямо на «мерседес» полетели. Прямо в душу и на понтовую одежду полетели.

Эти секунды были малы по величине, но огромны по смыслу. И посыл был принят. Мы - бригада, а эти, там внизу, мафиози хуевы, пончики, посыпанные справедливой, строительной пудрой.

То рай, то ад, то снег, то град,
Извечная борьба добра и зла.

Думало уголовное отродье не долго. А после дум этих оно повытаскивало какие-то стволы и направилось в ДК решать вопрос гегемонии раз и навсегда. Я опять вспомнил Карла Маркса: «...всякая классовая борьба есть борьба политическая... Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Да что же это, блядь, за антагонизмы? Доколе влачить нам рабское всякое там? Паразиты не имеют права пулять в рабочих из пистолетов направо и налево, а уж стоять под мусорным рукавом тем более несправедливо.

Вот поэтому упёрлись враги наши в строительные леса и замерли в невеселых соображениях. Лезть или не лезть? А пролёты лестничные уже демонтированы, ступенек нет и пусто вообще в громадном здании культурного дворца.

В это время часть наших боевых расчётов уже спустилась во внутренний дворик по тайным деревянным настилам. Другая же часть притаилась у чердачной двери

с пятиметровым брусом наготове.

И злые люди полезли на леса, осатанело плюясь незатейливыми проклятиями. Подниматься по ригелям и лесенкам с огнестрельным оружием крайне неудобно. И опасно, скажу я вам. Строительные леса хороши для неспешной созидательной работы, а для погонь и расправ над людьми совсем даже не хороши.

Достигнув третьего яруса, наши противники приготовились к своей глупой стрельбе, но зря всё это. Словно в часах с кукушкой распахнулась дверца и неумолимый, жестокий брус, направляемый пролетарским самосознанием, упёрся в леса. А уж те обречённо завалились на противоположную стену, выскакивая из кронштейнов и страшно грохоча. С шестиметровой высоты на бетонный пол низверглись падшие ангелы с оружием. Прямо в штукатурную пыль и в крепкие объятия строителей светлого будущего упали они.

Били негодников всякими подручными предметами и ногами. Крови было много, а шума мало. Кому сейчас был нужен этот шум? Прораба нет, начальника строительства нет, даже вахтера нет. Так бывает. Такое случается. Как и смерть, как и вознесение, как и гора Арарат — всё появляется в свой срок и соответствует текущему моменту. А вы как думали?

- Где хоронить будем? - спросил Славка у коллектива.

- В фундаменте, под сценой, где же ещё? - за всех подал голос сварщик Толик.

- Тачку придётся тоже муровать или отогнать куда подальше, - раздался чей-то мудрый голос.

- Беспяткин, ты ебанутый. Так что гони «мерса» на окружную, через карьер, сбросишь в тот овраг, где цыгане металл пилят, там ему пизда, - обратился ко мне Славка не совсем вежливо, но правильно.

- Вы тут держитесь, если что, - ответил я и рванул к машине.

- Перчатки не забудь! - крикнул мне кто-то вослед.

Я прыгнул на мягкое сиденье немецкого автопрома и повернул ключики на старт. Коробка автомат, музыка, тонировочка - вот это я понимаю потребление! Включаем радио. И поехал я тропами заповедными к месту сдачи металлолома не законным образом.

Что-то тянет моя ноша, не могу идти.

А душа внутри все бьётся и кричит: «Лети!».

Вся беда приключилась потом, на повороте, перед выездом в заброшенные сады у старого карьера. Я вдруг услышал позади себя неприятное тугое мычание. И мычание это было мучительно-жалобным, как очередная глупая реформа, к примеру, или 5-я Прелюдия Шостаковича. Жалобней некуда.

Я остановил авто и развернулся к задним сидениям. Ну да, так и есть! На кожанном диване лежало связанное тело. Женское, скажу я вам, тело. И так

обидно стало мне, за всё вот это. За страну, за неравенства всякие, за песни престарелого рэпера Басты и за погибшего какой-то весной гаишника Володю.

Освободил я девушку от пут и спросил:

- Лорелея, что стало с тобой и миром?

Конечно же, я узнал её. Глаза узнал голубые и прочее всё.

- Пришли новые хозяева, из Ельца вроде, продали нас хачи за пилорамы какие-то, - ответила Лариса.

- И что?

- Ну, отмудохали всех разом. Гюльнар вряд-ли оклемается, свезут куда-нибудь... Остальным два дня на отдых и по районам раскидают, - неприятно шмыгая носом, сообщила она последние известия.

Как раз в это время пошёл дождик - мелкий, противный, дождик. Вот не люблю я этого. Ни дождика, ни шмыганья.

- Тебя, поди, на пробу взяли? - спросил я.

- Да, на дачу какую-то ехали, - ответила молодая проститутка.

- Приехали уже. Я тебе сейчас адресок напишу и ты вон по тропе до остановки пройдёшь, там помогут, - нервничая, сказал я, рыская в кармане рубашки.

Достал я бумажку грязную, да только писать на ней мне было нечего. Ну или почти нечего. И карандаш стёрся. Такое тоже бывает.

* * *

Из прошлых веков из перепутанных времён года раздался этот звонок. Над нами взлетела громадная, жирная ворона и заорала противным криком, словно у неё отняли последнюю падаль.

Я ответил на звонок грубым тоном.

- Привет, Беспяткин, узнал? - спросил в трубке чей-то голос.

- Привет, ты кто? - был ответ мой.

- Вокзал, Липецк, Лариса, встречи на хате, - услышал я пароль.

Вокзал вспомнил я, спирт бодрящий, таксиста и город Курск вспомнил. Интересно, нашел ли он свою Ларису?

- Привет, Аркадий. Как ты там? - спросил я.

- Работаю, брат. Много работы, да вот записную книжку почистить решил, а тут твой номерок затерялся, проверяю актуальность.

- С Ларисой встретился зимой, любовь была в наличии?

- Да так, хуйня короче, не пришла она. Развод обычный, я ж романтик, хуле. Всё ищу чего-то, а кругом купи-продай, искать нечего, - честно признался он.

- Поиски не всегда ведут к кладу, это я точно знаю. А уж любовь - это вообще нематериальный предмет, хуле его искать?

И в этот момент я посмотрел на Лорелею, одиноко сидевшую на заднем сиде-

нии. Она смотрела в окно, словно из вагона поезда «Москва - Адлер», в ожидании нового мира.

И у меня в башке всё сложилось. Может и не так как надо, не по фен-шую, но хуй с ним. Может эта мелкая блядь подойдет для любви какой, пока ещё не умерла она там, на заснеженных рельсах в небо глядячи и улыбаясь. Может потому не встретил её романтик из Курска? Может стоит-таки попробовать?

И я вздохнул в трубку телефона.

- Аркадий, ты только не волнуйся. Тут дело такое, я тебе Ларису нашёл ещё одну, глупую, красивую, как на селфи. Помочь ей надо, под крыло возьмёшь, пока волна схлынет? - так же честно спросил я.

- Вот ты меня озадачил, Беспяткин. Всё так плохо?

- Да хуй его знает. Но я должен буду, если что. Извини, что так вот с ходу. Ты скажи, если не можешь, я ж понимаю, знакомство наше так себе, никакое...

В трубке возникла глубокая пауза. Я понимал Аркадия и готовил план Б.

- А пускай едет, покормлю котлетами и, может, устрою куда, - вдруг весело сказал он.

- Спасибо, чувак. Будешь в Липецке, я тебе покажу чёрные мессы и городские пещеры с летучими мышами. Ларису сегодня отправлю автобусом, цветов не нужно.

- Встречу её, мороженое куплю, экскурсии по пещерам с тебя, а пока погнал я, телефон этот же! - крикнул Аркадий и в мобильнике запикало.

Деловые люди меня порой удивляют. Они рубят бабло, ходят с портфелями, галстуки опять же. А потом вдруг - раз! - и понесёт их куда-то, за запахом тайги или в Липецк, к примеру, на Ларис смотреть, как будто этих Ларис в других местах нет. Значит в человеке не всё так гадко, как порой кажется, и даже в наши времена, когда прибавочная стоимость людей по статусам разделила, остались в душах любовь там или дружба. Вот это и обрадовало меня здесь, на краю отвала, возле кустов колючего тёрна.

- Так что делать мне? - услышал я голос Лорелеи.

Сознание моё всплыло на поверхность и я ещё раз оглядел девушку, в которой однажды увидел жизнь. Жизнь, потерянную на заснеженных рельсах, когда-то в другом, зимнем мире.

- А вот сейчас я эту железяку определяю, куда следует, и расскажу тебе сказку, — ответил я, включая зажигание.

Свалив немецкую колесницу на цыганскую территорию, я свободно вздохнул.

Если кто-то думает, что в нашем мире ничто не исчезает иль там «не проходит бесследно» — обломитесь. Исчезает и ещё как бесследно. Даже атома не останется. Ибо те, кто знает толк в поддельном золоте и собирает чермет на автомобиле «Иж-Фабула», уж точно владеют секретом разложения материи во всех философских и не философских смыслах. Этот «мерседес» не найдёт даже наш

участковый по фамилии Бакарась. Цыгане свои дела знают.

Я жизнь хочу наполнить смыслом,
А наполняю суетой...

Обратно мы пошли пешком. Через овраг и вдоль посадок в сторону кольцевой развязки двигались мы. Правда, Лариса так и не смогла определиться для себя в географическом смысле. Зато она предложила мне бесплатную, свободно-демократическую еблю возле какой-то заброшенной дачи с кровавым боярышником. Как думаете, что я сделал? Вы угадали - я назвал её дурой. Глупой, благодарной дурой.

Тогда она спросила в отместку:

- И что там за сказка такая, а?

Путь наш был не близок, и вот что я ей рассказал.

* * *

Давным-давно. Ну, или почти давно, на земле нашей жили Злые люди. Ну, по виду или там по разговорам, злыми бы я их не назвал, но вот по поступкам...

В общем, жили они ярко и весело. Курили трубки в салонах, на лошадях катались по аллеям парков, стихи читали и на охоту выезжали с борзыми собаками. Они любили жить красиво (а кто ж не любит?) и представляли себя важными персонами (а кто ж не представляет?).

Вокруг них кружились ещё более злые люди и фрейлины разные, но денег у тех было мало и всяких там привилегий тоже не густо. Поэтому они обслуживали Злых людей и всячески защищали от внешних обид и агрессий. Но ни те, ни другие работать, иль там создавать чего не любили, да и не хотели, чего уж там.

Всю окружающую среду меняли другие люди. Не злые и не добрые. Злиться им не хватало времени, а добрым быть, когда въёбываешь от зари до темна, просто не возможно. Трудиться за то, чтобы пожрать и размножиться в беспросветной, чёрной яме — вот тебе и вся судьба. Так мир устроен, это каждый знает.

Но бывают моменты, когда вдруг возникнет в башке вопрос постыдный и никак его оттуда не выбьешь.

Почему вот мы тут ползаем в грязи, пищу добываем, строим чего-то, а кто-то на звёзды смотрит с томиком Байрона и оргии в усадьбах мутит под шампанское с граммофоном? Почему все люди не могут ходить по земле с серпами или, допустим, с молотами в руках и смотреть друг другу в глаза бесхитростно, а после работы в городки играть за амбаром? Ведь природа нас рождает безо всяких там привилегий и статусов.

Вот за такие дикие вопросы и пиздили Злые люди любопытных граждан по-

средством ещё более злых людей и оружия всякого. Ведь если бы не пиздили, то пришлось бы им отказаться от сигар и конных прогулок. А это все гармонии рушит и говно, короче.

Так и текла река истории - то льдом подёрнется, то половодьем изойдёт. Люди паровую машину изобрели, станки ткацкие, водку и астрономические приборы, чтобы на звёзды с толком смотреть.

Но отношения людские не менялись в принципе. Зачем их менять? Традиции, блядь. Миропорядок.

А вот хуй! Любая живая тварь имеет свойство уметь в какой-то там момент. К примеру, я однажды захотел послушать радио и сунул в розетку провода от динамика. Динамик сгорел, радио я не послушал, ремня по жопе схлопотал и ещё испугался, когда всё это искрами фыркнуло. Зато я поумнел. Ну, не то, чтобы там логарифмы какие иль число Пи узнал. Нет, конечно же. Но всё-таки поумнел и больше динамики в 220 вольт не включаю.

Так вот. Однажды в среде ещё более злых людей родился один такой мальчонка с умными глазами и кудрями золотыми. Любопытный был дитёнок и всякую дрянь понять пытался. Понимал и анализировал он всё вокруг, словно знал, что пригодиться это людям может. Особенно тем, которые не образованные по земле ползают и кровью да потом своим её поливают.

Видел этот человек гораздо дальше собственного носа и то, что он видел, не нравилось ему. А папка его воспитал не сволочью, а иначе как-то. Потому вот и пошёл мальчик учиться, учиться и ещё раз учиться. А пока учился, наблюдал вокруг, что да как.

В мире вообще творилось мрачное беспределье. Злые люди охуели до такой степени, что придумали капитализм. А это, я вам скажу, похлеще «спайсов» всяких будет. Никаких тебе равенств и братств, только бабло и товар. И всю эту хуйню можно менять туда и обратно. Пока меняешь — наваришь маржу, накопишь капиталец, обернёшь его в кругу своих же граждан и ещё богаче станешь. Тут уж никакие рыцарские ордена и дворянские титулы не помогут. Всё имеет свою цену и кто-то попадёт на прилавок, а кто-то его продаст или, наоборот, купит как товар какой. Это называется рынок. И его почему-то окрестили цивилизованным, а зря.

Такое пиздоблядство тут началось, что хоть святых выноси. Да и святых тоже продавать стали. Короче, слов нет!

И вот, в один прекрасный день и час наш юноша узнал, что есть такая наука, которая на тему капитализма заточена до предела. Всё в ней логично просчитано и законы выведены в итоге — мол, почему так все хуёво и как так сделать, чтоб людей освободить от продажных, кабальных мероприятий. Придумали эту науку, конечно же, немцы. Они вечно что-нибудь придумывают.

А наш молодой человек посмотрел сначала в книгу эту немецкую, затем вокруг себя посмотрел. Потом посчитал что-то, ещё раз в книгу посмотрел и снова на

Россию.

- Нет, - сказал он. - Такой путь нам нахуй не нужен, пойдем-ка мы иным путём!

С тех пор начал он движения правильные. Почему правильные? А вот потому, что неправильных путей было хоть жопой ешь, хоть в пруду топи. Были там и «народники», и «реформисты», и всякие там идеалисты с «махистами». Это вот такие граждане, которые считают себя умнее всех и любят красивые слова. Они представляют себя как бы супротив Злых людей, но ссут, когда дело до драки доходит. Поэтому они называли себя богомерзким словом либералы. Эти либералы писали книги, выступали на митингах и несли всякую чушь о какой-то свободе. От всего этого у простых людей сносило башку и они продолжали ползать по земле, нихуя не меняя чего-то в своей жизни к лучшему.

А наш герой взял да и предложил всем обреченным на тяготы людям собраться и отпиздить Злых людей вместе с их «прослойкой». А после того, как отпиздить, создать диктатуру и строить мир без чистогана и наебалова. Для всех строить, чтобы в кошельки друг другу не заглядывать и в космос лететь побыстрее, пока Солнце не погасло. Всё он продумал и всем это понравилось. А тем, кому не понравилось, те и есть самые такие ублюдки, придумавшие капитализм.

И понеслась волнительная мысль по свету и начались бои тяжёлые. Много было крови, слёз было ещё больше. Горел пожар на нашей земле, но потушили его и победу праздновали всем миром. Строили светлое будущее люди. Гагарин летал. Да всё летало. Правда, потом люди всё проебали. За жвачку, шмотки и рок-н-ролл проебали. Вот такая, блядь, сказка.

* * *

Я замолчал, потому что путь нам преградила железная дорога. Блеск отполированных рельс заставил меня вздрогнуть. Мне вдруг стало жутко холодно и вроде бы увиделись снежинки. Но это было не правда. Всё та же серая осень окружала нас и метрах в двухстах замаячила автомобильная развязка с грязным, щербатым виадуком.

- А кто такой Байрон? - спросила Лорелея откуда-то слева.

- Никто, - ответил я. - Давай шевелись, а то на автобус опоздаешь.

- Мне надо вещи собрать, - заныла она.

- Я пришлю потом эти ёбанные вещи. Темнеет уже. Ты жить хочешь? - крикнул я.

- Да, - ответила она, моргнув длинными ресницами.

Мы очень быстро добрались до автострады и я поймал попутку. Главное в нашей ситуации было не поймать таксиста.

Наше счастье летает над пропастью, Жизнь уставшая дышит едва.

Отправив Лорелею в Курск, я пошёл к храму с крестами на куполах. Зайдя в церковь, я интуитивно поёжился и снял кепку.

В окружении святых образов, запахе ладана и промеж мерцающих огоньков свечек я всегда терялся. Да ещё эти бабки с крепкими руками и каменными лицами. Бр-р-р...

Впрочем, в трубцехе на заводе «Свободный Сокол» можно растеряться ещё больше. Там повсюду чугун расплавленный, как в преисподней льётся, газы едкие и грохот жуткий. Заливщики в войлочных робах с сигаретами в зубах бродят. Производство, короче.

А в церкви тишина и поп молитву ведёт на одной ноте. При желании можно уйти в себя для уборки душевного мусора, но лучше просто постоять и дожждаться, пока отец Андрей закончит работу.

Люди в храме крестились и головы склоняли под вечернюю литургию. Мне показалось неприятным, что одеты они были тепло. По-зимнему одеты. Шапки долой конечно, но я то в куртке рабочей, словно хипстер какой-то.

Ждал я не долго. Священник бодро настроил граждан на благолепие и покой с помощью святых песнопений и магического кадила. По завершении всех таинств и обрядов мы с отцом Андреем покинули святые места и...

Да что же это за ёб... Прости Господи!

Зима, злая голодная зима прыгнула мне на спину, словно ведьма на речке. Снежные ленты закручивались в тёмном небе и где-то возле ночного магазина «Хомяк» непатриотично лаял бездомный пёс Рыжик.

- Ты опять с хаты сбежал. На вот, одень пуховик - забыл кто-то, — сказал мне поп добрые слова.

- Спасибо, я устал за эти годы. Все эти зимы и осени словно бешеные лисы, а лето вообще не помню чем пахнет, - неопределённо пробормотал я.

- Усталость, вот, кагорчиком разбавь. А лето пахнет лесными пожарами - уже который год. Не думай о нём, - ответил мне священник, протягивая бутылку.

Я пил долго и мне казалось, что вливается в меня новая жизнь со всеми там календарями и часовыми поясами. Я вдруг понял сейчас, что это та самая зима, в которой мне не затеряться, словно в лесу. Это хорошая зима, хоть и не ждал я её так скоро. Также я понял, что на мне мой собственный потёртый пуховик. Но когда и при каких условиях я забыл его в церкви? Этого я понять не смог.

- Я батюшка, вино твоё заберу, мне ещё в одно место попасть надо, - сказал я отцу Андрею.

- Давай, спеши на свои встречи, я тебе сегодня не попутчик, — грустно ответил он мне.

- Ага...

Мы расстались на площади Героев. Батюшка пошёл к Центру, а я на вокзал. Вернее, я направился в сторону Опытной станции, в частный сектор на одну спо-

койную вечеринку, где меня уж точно ждали

* * *

Проходя по пустынному виадуку, через спящие железнодорожные пути, я достал телефон и посмотрел пропущенные sms-ки. Ничего там серьёзного не было, кроме, разве что...

Одна пришла прошлой осенью от Аркадия из Курска: «Спасибо за неё, ест котлету». Осень та была частично потеряна мною, но не так, как лето, которого вообще не было. Но сообщение сохранилось.

Зачем я его сохранил? А затем, чтобы ещё раз посмотреть на заснеженные платформы и пути, освещенные холодными фонарями. Для порядка посмотреть, чтобы убедиться...

Спали эти платформы своим железнодорожным сном, словно громадные, вытянутые солитёры. И никто по ним не бродил в страданиях или в веселье. Никто не пел от радости и не кричал от боли. Значит, я шёл в правильную сторону, как в той сказке про Светлое будущее.

А ещё я глотнул сладкого кагора и, нацепив гарнитуру на ушные раковины, включил первый попавшийся музыкальный трек.

В моей судьбе есть только ты
Одна любовь и боль моя...

(2018 г.)

© Эдуард Беспяткин | 2019 г.

<http://bespyatkin.ru/>